

中華

Китай

ЕГО ИСТОРІЯ, ПОЛИТИКА И ТОРГОВЛЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Составилъ Э. Паркеръ.

(бывши королевскимъ консуломъ въ Цингь-чжоу, нынѣ профессоръ китайскаго языка въ Ливерпульскомъ университетѣ).

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО 2-го изд.

любимымъ членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

Генеральнаго Штаба Полковникъ ГРУЛЕВЪ.

Съ 6 картами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1803.

1425

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

Географическій очеркъ

Стран

1—25

Названіе „Собственно Китай“ и сборное названіе туземцевъ „Восемнадцать провинцій“. — Учрежденіе новыхъ провинцій: „Трехъ восточныхъ провинцій“, Маньчжурія (Дунь-сань-шэнъ) и „Новой Территоріи“. — Естественныя границы „Восемнадцати провинцій“. — Форма и размѣръ поверхности имперіи; численность и составъ населенія въ центральныхъ и окраинныхъ провинціяхъ. — Гдѣ кроется центръ тяжести торговыхъ интересовъ. — Перечень названій провинцій Китая. — Первоначальное ядро нынѣшней имперіи; концентрированіе и разселеніе первыхъ обитателей Китая. — Группировка населенія въ бассейнѣ Желтой рѣки. — Переселеніе въ Сы-чуань, Цзянь-си, Ху-нань и къ Кантону — Общій характеръ естественнаго распространенія населенія по поверхности Китая и — какъ результатъ — различіе нарѣчій. — Характеристика восточной и западной половинъ имперіи. — Краткій очеркъ важнѣйшихъ рѣкъ, послужившихъ главными проводниками китайской цивилизаціи. — Важнѣйшіе горные хребты.

Начало общечеловѣческаго интереса къ исторіи Китая; нелѣпости мифическихъ сказаній, относящихся къ древнѣйшимъ періодамъ. — Характеристика повѣствованій Конфуція и китайскихъ историковъ вообще. — Стремленіе одного изъ императоровъ уничтожить вовсе историческую литературу, а также и книги научнаго содержанія. — Труды французскаго синолога Э. Шаванья и грандіозная исторія Китая Сы-на-цзиня. — Таблицы, заключающія въ себѣ нѣкоторые данныя о древнѣйшей исторіи Китая. — Набѣги сѣверныхъ номадовъ. — Великій „Первый“ императоръ изъ династїи Цинь. — Роль кочующихъ номадовъ Хунь-ну въ исторіи Китая. — Границы господства первой династїи. — Первые свѣдѣнія о Японіи. — Династія Хань. — Корея. — Древнее государство Кантонъ и завоеваніе Ву-ди. — Древнее государство Фу-чжоу. — Завоеванія въ Туркестанѣ. — Буддизмъ и Индія. — Бирма. — Появленіе рижскихъ мореходовъ при позднѣйшей династїи Хань. — Новое раздѣленіе имперіи на провинціи. — Періодъ „трехъ имперій“. — Раздѣленіе интересовъ сѣвера и юга имперіи. — Скудость свѣдѣній о западѣ. — Движеніе татарскихъ народовъ и сѣверныя каркѣи. — Періодъ „сѣверной“ и „южной“ династїи. — Сравненіе съ имперіей Карла Великаго. — Путаница въ царствованіи позднѣйшихъ династїй. — Объединеніе имперіи при династїи Суй. — Франки. — Возникновеніе царства номадовъ. — Джурджэны. — Тюрки. — Осложненія въ Корей. — Присоединеніе Анапа. — Новое названіе Японіи. — Сянъ, Лю-цю, Формоза. — Западные. тюрки, тибетцы. — Воцареніе династїи Танъ внѣсто династїи Суй к распространенію имперіи отъ Иерусалима до Кореи. — Появленіе

уйгуровъ. — Открытіе неглиней на каменныхъ памятникахъ. — Арабы и тибетскіи надписи. — Кашмиръ, Непаль и Индія. — Народы побережья южныхъ морей — Вторичное появленіе фринковъ. — Династія Сунъ и ея характеристика. — Кидане и нью-чженіи. — Завоеванія монголовъ. — Образование обширной имперіи Хубилай-хана. — Паденіе монголовъ и воцареніе Минской династіи. — Оживленная дѣятельность на южныхъ моряхъ. — Морскіе разбои японцевъ. — Почаженіе франковъ норскимъ кутемъ. — Голландцы и англичане. — Постепенный упадокъ Минской династіи и воцареніе Маньчжурской династіи. — Окончательное завоеваніе всей имперіи. — Присоединеніе западной Монголіи, Тибета и Туркестана; покореніе Непала, Бирмы, Ашша и Сіана. — Японія и Лю-цю. — Сравнительная характеристика Монгольской и Маньчжурской династій. — Боксеры.

ГЛАВА III

Понятія о древней торговлѣ Китая.

72—99

Начало внѣшнихъ торговыхъ сношеній. — Презрительное отношеніе древнихъ властей къ торговлей дѣятельности. — Слѣшеніе понятій объ уплатѣ дани и о торговыхъ обмѣнѣ. Безразличное отношеніе къ накопленію богатствъ. Ходячія монеты древняго времени. Военныя предпріятія и потребность въ деньгахъ. — Первоначальными строгости съ торговыми людьми. — Поставщики военныхъ припасовъ; монополисты въ дѣлѣ добыванія желѣза и соли. Торговля въ связи съ дипломатіей. — Ярмарки и торговли лошадыми. — Тунгусская пограничная торговля. — Торговля сношенія съ Спріей и Риконъ. — Сухопутными торговыми сношеніи съ паряевани. — Посылки китайскихъ торговыхъ агентовъ въ Персидскій заливъ. — Кругомыя поѣздки китайскихъ жрецовъ моремъ и

сухимъ путемъ. — Появленіе въ Нанкинѣ западно европейскіхъ купцовъ. — Арабы и Франки. — Попытки китайскаго императора войти въ непосредственныя сношенія съ франками. — Оживленныя торговыя сношенія съ арабами. — Нападеніе арабовъ и персовъ на Кантоу. — Чайная торговля — Появленіе иностранцевъ въ Си-ань-фу. — Упадокъ монополюющей торговли въ Кантонѣ. Зачѣнятельный торговый трактатъ, составленный императорскимъ потомкомъ. — Торгоуля нитайцевъ въ пидійскомъ океанѣ. — Отчетъ Марко-Поло. — Посылка еянухоу съ торговой цѣлю.

ГЛАВА IV.

Торговые пути.

100—150

Два важнѣйшихъ вѣтви магистральнаго торговаго пути на западъ. — Торговый путь на югъ. — Первое пользованіе „Западной“ рѣкой. — Путь изъ Ху-наня въ Кантонъ. — Единицы ибры пармянскія, индусскія и персидскія. — Торгоуля шелкомъ. — Торговый путь на Бирму. — Путь момаха Фа-сянь. Пути другихъ монаховъ въ переводноу трудѣ Э. Шапаппа. — Торговые пути монголовъ. — Персія и торгоуля шелкомъ. — Морская торговля съ персами и арабами. — Обращеніе персовъ за помощью къ Китаю. — Союзъ арабовъ и тюрокъ въ сѣверномъ Китаѣ. — Появленіе въ Китаѣ арабскихъ посольствъ морскимъ путемъ. — Несторіанцы и епрен въ Китаѣ — Торговля сношенія китайцевъ морскимъ путемъ. — Завоеванія Чингизъ-хана; пути, пройденные его посольствами, а также Рубрикинсонъ. — Путь Марко-Поло сухимъ путемъ и морецъ. — Путь Ибнъ-Батута. — Путь Рубрукиса, Монте-Корвинно, Пасналя и друг. — Пути, пройденные посольствами къ Тамерлану и отъ него. — Морской путь еянухоу при Минской династіи. — Пути въ Непалъ и Тибетъ. —

Открытія нахъчжуровъ. — Путь на Хотанъ и Кокандъ. — Путь аббата Гука въ Непаль и Хласу. — Пути китайскихъ пилигримовъ въ Мекку. — Общее заключеніе; характеристика путей въ Китай прежде и теперь.

Г Л А В А V.

Прибытіе европейцевъ.

151—210

Появленіе въ Китай перваго миссіонера Франциска Ксавье. — Основаніе Макао. — Первые португальскіе купцы. — Миссія въ Пекинъ. — Пушки франковъ. — Мендесъ-Пинто, Нинъ-бо и Заитунъ. — Соперничество голландцевъ и японцевъ. — Испанцы въ Манчжуріи. — Ръзніи китайцевъ на Филиппинахъ. — Первые колоніи китайцевъ на Формозѣ, изгнаніе оттуда голландцевъ. — Прибытіе въ Пекинъ голландской миссіи. — Присоединеніе Формозы къ китайскимъ владѣніямъ. — Дань, уплачиваемая голландцами китайскому правительству. — Изготовленіе пушекъ Вербистовъ. — Сношенія съ англичанами при королевѣ Крисаветѣ. — Нападеніе англичанъ на Кантонъ. — Водвореніе англичанъ въ Амоу и Нинъ-бо. — Война за торговлю опиумомъ въ 1840—1842 гг. Исторія проникновенія опиума въ Китай. — Вторая война за опиумъ. — Договорные порты. — Выгоды, извлекаемыя Россіей изъ международнаго положенія Китая. — Расширеніе правъ миссіонеровъ и преобладающее вліяніе Англіи. — Стремленія Японіи и Германіи. — Компенсія въ Чифу и другіи соглашенія съ европейскими державами. Политика Китая въ Манчжуріи. — Сибирская и Восточно-китайская желѣзные дороги и конвекція гр. Кассина. — Сношенія съ Франціей. — Фракки и „фуллины“. — Договоръ въ Вайпоа. — Роль Франціи во „второй“ войнѣ. — Уступка Сайгона французамъ. — Возстаніе въ Тонкинѣ. — Столкновеніе Франціи съ Китаемъ. —

Договоръ Фурише — Сношеніи Китая съ нѣмля-
мп. — Ничтожное значеніе Германіи въ Китаѣ въ
прежнее время, и постоянное возвышеніе тона со
стороны нѣмцевъ послѣ франко-прусской войны.
Политика Германіи по время и послѣ японско-
китайской войны. — Захватъ Цзю-чжоу и значе-
ніе этого дурного примѣра. — Сношенія съ Соеди-
ненными Штатами. — Договоръ изъ Вашингтона
и эмиграціи китайцевъ въ Америку. Роль дру-
гихъ иностранцевъ въ Китаѣ—бельгийцевъ, пор-
тугальцевъ и другихъ. — Сношенія съ Японіей и
соперничество въ Корей. — Война 1894 г. и Сп-
носасакскій договоръ. Сношенія Китая съ дру-
гими европейскими державами и съ Турціей. —
Перечень трактатовъ, договоровъ и конвенцій,
заключенныхъ въ 1689—1896 годахъ.

ГЛАВА VI.

Сибирь и сопредѣльные съ Китаемъ страны 211—234

Характеристика вѣнний двухъ важнѣйшихъ
цивилизаций, римской и китайской, на сопредѣль-
ныхъ странах. — Имперія Хунь-ну, авары и гу-
ны. — Сибирскія племена. — Государство уйгу-
ровъ. — Киданси и Юй-чжэнь. — Монголы, кипчаки,
аланцы. — Китайскія лѣтописи о Новгородской
республикѣ, о Сибири и русскихъ. — Калмыки и
основанное ими государство. — Танерланъ и кип-
чаки. — Государство Сибирь или Иссыбуръ. Сход-
ство показаній русскихъ к китайскимъ историко-
въ о Кучухъ. — Строгововъ и Ермакъ. — Мудрая
политика русскихъ царей относительно Сибири. —
Обиѣны посольствами между Россіей и Китаемъ. —
Возникновеніе чайной торговли. — Поступатель-
ное сниженіе русскихъ влпъ по Ануру и столк-
новеніе въ Албаниѣ. — Нерчинскій договоръ. —
Кяхтинская чайная торговля. — Айгунскій и Пе-
кинскій договоры. — Прочія сопредѣльные стра-

ны—Тибетъ, Непаль, Индія, Бирма, Сіаяъ, Японія и Корей.

Г Л А В А VII.

Современная торговля Китая . . . . . 235—292

Прежняя торговая система и жизнь европей-скихъ купцовъ въ Кантонѣ.—Торговые договоры въ Нанкинѣ, Тянь-цзинѣ и другихъ.—Сравненіе торговли въ 1880 и 1899 годахъ.—Число иностран-ныхъ судовъ, посѣщающихъ китайскіе порты.—Число иностранныхъ фирмъ, торгующихъ въ Ки-таѣ.—Подробный перечень и характеристикъ тор-гоной дѣятельности въѣхъ договорныхъ портовъ.—Положеніе Великобританіи — Вкозь изъ Россіи и Франціи.—Перепороть въ домашнемъ обиходѣ, вызванный посплениемъ керосина и американской дешевой муки.—Развитіе пиковъ оружія изъ Герма-ніи.—Политика китайскихъ правтеей въ торговлѣ гахаромъ.—Предчеты вывоза.—Рѣчная тор-говля.—Взычаніе дин-цзиня и его вліяніе на внутрен-нюю торговлю.—Характеристика различныхъ тор-говыхъ центровъ.—Нарожденіе Портъ-Артура какъ торговаго центра.—Будущность Да-лянь-пана.—Развитіе торговыхъ оборотовъ Тянь-цзиня.—Характеристика сухопутной торговли чрезъ Калганъ.—Управленіе таможеннми сора Ро-берта Гарта

Г Л А В А VIII

Административное устройство . . . . . 293—333

Характеристика центрального правительства и провинціальной администраціи.—Взапниое отно-шеніе вице-королей и губернаторовъ.—Роль аро-онциальныхъ казначей и судьи.—Исполнительные органы.—Характеристическія особенности яъ

административное устройство некоторых провинций и генерал-губернаторств. — Административная система финансовой части. — Принципы взаимоотношений различных административных органов. — Сянь — как основная единица административного устройства. — Таблица административных центров.

ГЛАВА IX.

Население

. . . 334—357

Исчисление населения Китая в древнейшие времена. — Косвенные указания со стороны численности вооруженных сил. — Исчисление по числу ртов и домохозяйств. — Население в XI столетии и при владычестве монголов. — Население Китая по исчислениям Марко-Поло. — Статистическая часть при Маньчжурской династии. — Влияние народных восстаний на рост населения. — Таблица численности населения провинций — прежде и теперь.

ГЛАВА X.

Финансы

. . . . . 358—381

Основы финансовой системы. — Главные статьи доходов и общий размер государственного бюджета в начале царствования Маньчжурской династии. — Характеристика законодательства центрального правительства по финансовой части и общая путаница в отчетности. Увеличение расходов в последние годы ввиду постоянных оборонительных мѣръ на границах русских и французских владѣній. — Общий перечень государственных доходов получаемых в настоящее время от провинцій собственно Китая и трех провинцій Маньчжурии.

ГЛАВА XI.

Соляная монополія . . . . . 382—417

Районы соляной монополіи и ихъ отношеніе къ провинціи административныхъ единицъ. — Подробное описаніе въ отдѣльности каждаго района. — Соляная промышленность въ Маньчжуріи, Монголіи и древнѣмъ Китаѣ — около 2000 лѣтъ тому назадъ. — Доходы отъ соляной монополіи.

ГЛАВА XII.

Лицинь (Ли-цзинь). . . 418—448

Происхожденіе этого налога. — Специальный налогъ на чай и соль для добычанія средствъ,исбоявшихся при подавленіи возстанія тайпинговъ. — Первоначальный характеръ ли-цзиня — добровольное приношеніе правительству. — Подробный обзоръ измѣненія ли-цзиня въ различныхъ районахъ и провинціяхъ. Значеніе ли-цзини для администраторовъ. — Политика и взгляды по этому вопросу сэра Брука Робертсона. — Вліяніе ли-цзиня на развитіе внутренней торговли вообще, и на торговлю красными товарами, чаемъ и рисомъ въ частности. — Возможность отхѣлы ли-цзиня и восполненіе этого налога изъ другихъ источниковъ; мудрая политика Ли-хун-чжана въ этомъ отношеніи. — Русская чайная торговля въ провинціи Гань-су. — Ли-цзинь въ Маньчжуріи. — Общее заключеніе объ этомъ налогѣ.

ГЛАВА XIII.

Вооруженныя силы . . . 450—480

Организація маньчжурскихъ знаменитыхъ войскъ и ихъ члѣдтельность. — Характеристика маньчжурскихъ войскъ и ихъ отношеніе къ туземному

населенію. — Гарнизоны пзъ знаменныхъ войскъ. — Войска китайскія или „Зеленаго знамени“. — Характеристика „солдатъ“ и „храбрыхъ“. — Попытки къ преобразованію вооруженныхъ силъ до японско-китайской войны. — Реформы молодого императора и направленіе императрицы-матери. — Новѣйшія реформы. — Перечень и численность китайскихъ войскъ въ провинціи Чжи-ли въ маѣ 1900 г., передъ возникновеніемъ боксерскаго движенія. — Войска, расположенныя въ другихъ провинціяхъ, имѣющія специальное назначеніе. — Численность китайскихъ войскъ (см. карту).

Г Л А В А XIV.

Характеристичныя черты маньчжуръ и китайцевъ . . . . 481—519

Характеристика китайцевъ и маньчжуръ. — Маньчжурскіе чиновники и князья. — Различіе характеристическихъ чертъ китайцевъ въ зависимости отъ географическаго распредѣленія населенія. — Критическій разборъ нѣкоторыхъ психическихъ особенностей, свойственныхъ китайцамъ — наклонность ко лжи, воровству, неблагодарности, жестокости и проч. — Характеристика китайской женщины — Семейная нравственность у китайцевъ, — отношеніе къ женѣ и дѣтямъ. — Характерныя особенности въ жпани — трудолюбіе, утѣренность и воздержаніе, наклонность къ торговой дѣятельности.

Г Л А В А XV.

Религія и народныя возстанія . . . . 520—543

Основы религій у китайцевъ и у другихъ народовъ. — Постепенное развитіе понятій, вытекающихъ пзъ естественной религій народовъ. — Показаніе ученія Конфуція. — Переворотъ въ поня-

тіяхъ и міровоззрѣніяхъ азійтскихъ народовъ непосредственно передъ нарожденіемъ христіанской эры. — Положеніе женщинъ по ученію Конфуція и благотворное вліяніе буддизма. — Терпимость къ чужимъ религіямъ. — Появленіе христіанства въ Китаѣ и неправильные взгляды миссіонеровъ; ихъ отношеніе къ туземцямъ. — Мудрость русской миссіонерской дѣятельности въ Китаѣ — Религіозныя чувства китайцевъ. — Нарожденіе тайныхъ обществъ и ихъ политическая подкладка. — Общество „Бѣлой Лилии“ и народные возстанія. — Возстаніе тайпинговъ. Боксерское движеніе послѣднихъ лѣтъ.

Г Л А В А XVI.

Нѣсколько слова о натайскомъ календарѣ . 544—570

Основныя понятія о лѣтосчисленіи китайцевъ и единицы измѣренія времени — годъ, мѣсяцъ и день. — Свѣдѣнія о понятіяхъ объ астрономіи и астрологіи. — Календарь въ различное время существованія Китая. — Поправки календаря. — Астрономическіе инструменты. — Вліяніе спонсоровъ Китая съ различными народами на систему календаря — вліяніе индійскихъ монаховъ, персовъ, монголовъ, сирійцевъ, мусульманъ и другихъ. — Іезуиты въ Китаѣ и ихъ вліяніе на устройство календаря. — Соперничество мусульманъ и христіанъ.

Уже свыше полвѣка Китай время отъ времени притягиваетъ къ себѣ усиленное вниманіе всего міра; а между тѣмъ и понинѣ, какъ и прежде, онъ остается для всѣхъ все тѣмъ же неразгаданнымъ сфинксомъ, жизнедѣтельность котораго и въ прошломъ, и въ настоящемъ, такъ мало похожа на все, что пережито и переживается остальнымъ человѣчествомъ.

Не касаясь вовсе важнѣйшихъ историческихъ моментовъ въ жизни Китая, толкнувшихъ Поднебесную имперію совсѣмъ не по тѣмъ путямъ, какъ это въ аналогичныхъ случаяхъ бывало съ другими народами, достаточно указать на событія послѣднихъ лѣтъ, совершающіяся на нашихъ глазахъ. Какіе только катаклизмы, внутренніе и внѣшніе, не пророчились Китаю, видя какъ эта гигантская міровая „руина“, скрывающая въ себѣ целую треть населенія всего земного шара, качается во всѣ стороны при слабомъ даже прикосновеніи не только европейскихъ, но и японскихъ вооруженныхъ

силъ!.. И при всемъ томъ мы видимъ, однако, что въ Китаѣ все осталось попрежнему на своихъ мѣстахъ...

Несмотря на то, что всѣ удары, обрушившіеся въ послѣдніе годы на Китай, были вызваны, главнымъ образомъ, самими пекинскими правителями; несмотря на то, что при первой же неудачѣ дворъ постыдно бѣжалъ и долгое время скитался въ изгнаніи, нуждаясь иногда даже пъ простомъ пропитаніи, — мы видимъ, однако, что всѣ указы и распоряженія, исходившіе изъ нѣдръ жалкаго убѣжища, отъ имени иноплеменнаго императора чуждой Китаю дикастіи, исполнялись съ обычнымъ рвеніемъ даже и въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ обширной имперіи. Мало того: несмотря на кризисъ минуты, династическій вопросъ *въ то время* не поднимался вовсе. А между тѣмъ въ Китаѣ почти не прекращаются возстанія, не исключая и послѣднихъ дней, направленные все противъ иноплеменной династіи...

Всѣ говорятъ о мертвящей рутинѣ, царящей въ экономической жизни Китая, объ окаменѣлыхъ формахъ административнаго строя и т. п. И что же? Въ какія-нибудь 6—7 лѣтъ Китай выдержалъ дважды нашествіе иноземныхъ завоевателей и успѣлъ въ то же время изъ своихъ дѣйствительно скудныхъ фискаловыхъ средствъ выплатить значительную часть огромныхъ военныхъ контрибуцій — съ такой анкуратностью, какъ это въ свое время далось лишь богатѣйшей въ мірѣ Франціи.

И при всемъ томъ, засорившаяся вѣками, одряхлѣвшая и, повидшмоу, расшатанная машина государственнаго устройства все еще таитъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы противостоять непрерывнымъ возстаніямъ и народнымъ движеніямъ, которыя по сіе время не перестаютъ потрясать эту міровую „руину“, и — все напрасно!..

Было бы ошибочно думать, что послѣ событій послѣднихъ лѣтъ Китайская имперія продолжаетъ существовать только благодаря соперничеству европейскихъ державъ, которыя въ любое время могутъ подѣлить между собою Китай, какъ это даже и предлагалось многими. Подѣлить могутъ; но затѣмъ остается еще главное — поглотить и претворить въ себѣ эти куски... Изъ предлежашаго очерка исторіи Китая мы видимъ, что иноземные завоеватели не разъ дѣлили Китай, — который, однако, по сей день стоитъ все той же обветшалой храминой, — все тѣмъ же неразгаданнымъ сфинксомъ.

Какъ бы то ни было, а Поднебесная имперія наводитъ на раздумье со всѣхъ сторонъ своего существованія; — и своимъ прошлымъ, и настоящимъ, и будущимъ. Въ западно-европейской печати составила уже обширная литература о Китаѣ, тогда какъ на русскомъ языкѣ научные труды о Китаѣ инѣютъ почти исключительно узко-спеціальный характеръ ¹⁾.

---

¹⁾ Наибольше видными представителями русской литературы о Китаѣ служатъ: отъ *Голкингъ* — одинъ изъ первыхъ русскихъ синологовъ, оставившій послѣ себя китай-

Между тѣмъ, для Россіи, граничащей съ Китаемъ на протяженіи свыше девяти тысячъ верстъ, близкое знакомство съ этимъ огромнѣйшимъ государствомъ является вопросомъ не академическаго характера, а вполне конкретнаго свойства. Въ послѣдніе же годы, послѣ постройки въ Китаѣ на русскія деньги огромной желѣзной дороги и открывшихся нескончаемыхъ горизонтовъ для политическаго вліянія Россіи, торговых сношеній и т. п., изученіе Китая представляетъ собою для насъ вопросъ животрепещущій.

Это послѣднее обстоятельство, а также имя автора — извѣстнаго знатока Китая и китайской литературы — побудили меня принять на себя переводъ настоящаго труда Э. Паркера, выдержавшаго въ Англіи два изданія въ очень короткое время.

Весьма важную задачу при переводѣ настоящей

скую грамматику и обширныя монографіи по исторіи и географіи Китая. Затѣмъ слѣдуютъ: проф. *Васильевъ*, основатель школы русскихъ синологовъ, проф. *Георгиевскій*, *Пенцуровъ*, а въ настоящее время *Поповъ* (составители китайскихъ словарей). Изъ позднѣйшихъ пѣлѣдователей Китая слѣдуетъ указать на *Пржевальскаго*, *Потанина* и *Павлова*, которые оставили послѣ себя обширныя труды по изслѣдованію окраинъ Китая, полк. *Путята* — естествоиспытателя географическо-статистическое описаніе Китая, обширную монографію о вооруженныхъ силахъ и пр. Видное мѣсто занимаютъ труды *Богдановича*, *Роборовскаго*, *Козлова*, *Громбчевскаго*, бр. *Грума-Гржимайло*, арх. *Паладія*, *Обручева*, *Ядринцева*, проф. *Гайселя*, *Матусовскаго* (сост. географію Китайской имперіи съ весьма удовлетворительной, въ свое время, картой Китая) и др. По нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ, касающимся Китая, у насъ извѣстны труды проф. *Мартенса*, *Трусевича*, проф. *Краснова*, *Романова*, *Максимовича*, *Калменца*, *Вюхмира*, *Штрауха*, *Плеске*, *Радлова* и ин. др.

книги представлялъ собою вопросъ о правильной транскрипціи китайскихъ именъ и, въ особенности, географическихъ названій, — не считаясь въ этомъ случаѣ, до извѣстной степени, съ англійскимъ текстомъ, а руководствуясь главнымъ образомъ принятой у насъ синологической номенклатурой. Прошли уже времена, когда находили возможнымъ ворочать китайскія названія какъ угодно, забавляясь странными звуками: во время минувшихъ событій въ Китаѣ многимъ, вѣроятно, приходилось становиться втупикъ передъ названіями различныхъ пунктовъ, о которыхъ возвѣщалъ телеграфъ и которыхъ нельзя было найти ни на какой картѣ.

А между тѣмъ эти названія скрывали за собою захватывающій жизненный интересъ, потому что тамъ бились, побѣждали и умирали близкіе, родные люди...

Въ подлежащемъ переводѣ какъ транскрипція китайскихъ названій, такъ и составленіе картографическихъ приложений было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ *Л. И. Бородавскаго*, непосредственно знакомаго съ Китаемъ и заннвшаго уже себя своими трудами по картографіи странъ Дальняго Востока. Считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить Леониду Ивановичу мою искреннюю благодарность за его цѣнное сотрудничество.

М. Грушевъ.

Октябрь 1902 г
Москва.

ОТЪ АВТОРА.

Большая часть настоящей книги составлена по китайскимъ источникамъ, а содержаніе ея основано на личномъ знакомствѣ съ Китаемъ. Считаю необходимымъ упомянуть объ этомъ въ самомъ началѣ моего предисловія въ виду того, что въ послѣднее время появилось много хотя и отличныхъ книгъ о Китаѣ, но составленныхъ людьми, которые тамъ никогда не были и никогда не занимались подлинными китайскими источниками.

Выступая съ цѣлью ознакомленія читателей съ вѣншими сношеніями Китая и его торговлей, могу сказать въ свое оправданіе, что я цѣлую четверть вѣка прожилъ въ двѣнадцати различныхъ портовыхъ городахъ Китая; я исколесилъ шесть провинцій, съѣздивъ всего около семи тысячъ чпль. Кромѣ того я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Корей и годъ въ Бирмѣ. По волѣ судьбы я прожилъ также около года въ провинции Сы-чуань и зтѣмъ около двухъ лѣтъ въ Хай-нанѣ; кромѣ того мнѣ приходилось часто посѣщать Индо-Китай

и Японію. Стремленіе время отъ времени совершать поѣздки въ Англію, давало мнѣ возможность возвращаться обратно съ обновленными силами, вызывая попутно необходимость посѣщенія Сіама, Малайскаго полуострова, Индіи, Голландскихъ острововъ и разныхъ другихъ мѣстностей, въ которыхъ живутъ китайцы.

Нѣкоторыя изъ моихъ замѣтокъ, которыя я изволилъ себѣ сдѣлать относительно торговли въ Китаѣ, были бы лишены особаго значенія, если бы я не пользовался опытомъ консуловъ ея величества на дальнемъ Востокѣ и обнародованными ими торговыми отчетами. Вопреки обычнымъ увѣреніямъ нѣкоторыхъ газетъ всѣ эти консула отнюдь не такъ равнодушны къ дѣламъ торговли; но правда и то, что ихъ отчеты одна ли находили бы для себя особое практическое примѣненіе, если бы не дополнялись годичными и трехмѣсячными отчетами, издаваемыми сэромъ Робертомъ Гартомъ; его обязательные чиновники предоставляли мнѣ всегда возможность пользоваться писанными таблицами даже до ихъ обнародованія, которое дѣлается ежегодно, ранней весной.

Мнѣ остается, пожалуй, сказать еще нѣсколько приличныхъ словъ по адресу моихъ читателей и критиковъ. Но относительно первыхъ я воздержусь вовсе отъ лишнихъ словъ: при своемъ стремленіи служить обществу я, однако, самого себя причисляю къ его читателямъ, и у меня никогда нѣтъ желанія быть лучше любого читателя.

Что же касается критиковъ, то я покорно преклоняю голову предъ ихъ ударами. Я, можетъ быть, найду даже возможность выказать и мою благодарность, если, бичуя меня, критика въ то же время дастъ мнѣ и какія-нибудь полезныя указанія. Я долженъ сказать при этомъ, что настоящая книга должна быть разсматриваема лишь какъ указатель фантовъ, подлежащихъ изслѣдованію, не претендующихъ быть принятыми въ готовомъ неприкосновенномъ видѣ. Основной идеей этой книги было желаніе дать въ совершенномъ сжатомъ видѣ нѣчто въ видѣ путеводителя чрезъ лабиринты наукъ китайскихъ и данныхъ по колонизаціи и торговлѣ Поднебесной имперіи; я предоставляю тѣмъ изъ писателей, которымъ не приходилось зарываться въ непосредственное изученіе туземцевъ на мѣстѣ, скрасить сухія данныя этой книги живыми штрихами собственнаго своего воображенія.

Сопоставляя все видѣнное мною съ изслѣдованіемъ подлинныхъ китайскихъ источниковъ, въ которыхъ трактуется о „варварахъ“, я имѣлъ возможность ориентироваться и разобраться въ матеріалахъ съ болыпимъ, конечно, успѣхомъ, чѣмъ еслибы всѣ описываемыя мѣста были мнѣ совершенно чужды. Я видѣлъ сыновъ Небесной имперіи во всѣхъ перечисленныхъ выше чужихъ странахъ, въ той обстановкѣ и при такихъ условіяхъ, которыя описаны были разными китайскими историками; причемъ меня поражали вѣрность и точ-

ность китайских лѣтописей, въ которыхъ воспроизводилась жизнь китайцевъ въ этихъ мѣстахъ. Если вынесенный мною опытъ изъ знакомства съ Китаемъ не поможетъ мнѣ достаточно ознакомить англійскаго комерсанта съ его китайскими потребителями, или колониста съ его новой родиной, то я долженъ буду сознаться, что я не сумѣлъ воспользоваться своимъ опытомъ наилучшимъ образомъ.

Считаю необходимымъ упомянуть также и о помощи, которую я извлекъ изъ трудовъ талантливыхъ людей. Прежде всего я долженъ выразить мою благодарность двумъ просвѣщеннымъ врачамъ, которые среди развлеченій жизни въ Пекинѣ находили достаточно времени, чтобы заботиться о пищѣ для ума, какъ заботились и о нашемъ „смердномъ мѣшкѣ“—какъ кптайскіе поэты называютъ тѣло человѣческое. Я имѣю въ виду доктора С. В. Бушель, состоявшаго при англійскомъ посольствѣ, и доктора Е. Брейтшнейдера, состоявшаго при русскомъ посольствѣ; оба они не могутъ быть причислены къ категоріи профессиональных синологовъ, разумѣя подъ этимъ словомъ палачей китайскаго языка, готовыхъ, однако, всегда взаимно накинуться другъ на друга; при всемъ томъ гг. Бушель и Брейтшнейдеръ сдѣлали для точной синологіи гораздо больше, чѣмъ многіе другіе, которые только много кричатъ о ней.

Я долженъ сказать также о моихъ прежнихъ поддѣлахъ, справедливо увѣчанныхъ соотвѣтствующи-

щими лаврами, а именно: профессоръ Э. Шаваннъ изъ Парижѣ и профессоръ Ф. Гиртъ въ Мюнхенѣ. Работы этихъ двухъ ученыхъ, хотя и изложены иногда довольно сухо, принесли мнѣ, однако, большую пользу для выясненія многихъ темныхъ мѣстъ въ исторіи Китая, относительно которыхъ я питалъ сомнѣнія.

Ко всему сказанному я долженъ прибавить, что къ этой книгѣ прилагается оглавление составленное настолько подробно, сколько это оказалось возможнымъ; сдѣлано это съ цѣлью дать обыкновенному читателю возможность при помощи картъ объединить и сплотить сразу многоразличные факты, которые легко могутъ показаться разрозненными и несущественными.

Э. Г. Паризъ.

К И Т А Й.

ГЛАВА I.

Географическій очеркъ.

Для достиженія точнаго воспроизведенія картины политическихъ и торговыхъ особенностей Китая необходимо раньше всего дать хотя бы кратнй очеркъ его территоріи.

Въ позднѣйшее время было принято туземцами на практикѣ въ Китаѣ именовать всю страну, извѣстную подѣ названіемъ „Собственно Китай“, однимъ сборнымъ названіемъ — „*Восемнадцать провинцій*“. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ обострились разные пограничные вопросы при сношеніяхъ съ европейскими державами, были реорганизованы „три восточныхъ провинціи“ (Маньчжурія, по-китайски Дунъ-сань-шэнъ) и „Новая Территорія“ вѣрнѣе „Новая линія“ (Китайскій Туркестанъ) такъ, что въ настоящее время имѣются въ дѣйствительности не восемнадцать, а *двадцать*

домъ непосредственно управляемыхъ провинцій; Формоза представляла собою, хотя и въ нѣсколько преобразованномъ видѣ, отдѣльную провинцію до тѣхъ поръ, пока пять лѣтъ тому назадъ японцы не настояли на уступкѣ имъ этой провинціи.

Въ виду сказаннаго будетъ удобнѣе обойти все измѣненія, внесенныя реорганизаціей позднѣйшаго времени, и рассмотреть сначала отдѣльно наиболѣе густо населенную сплошную территорію, лежащую между различными пустынями и моремъ и образующую упомянутыя выше восемнадцать провинцій.

Эти провинціи съ трехъ сторонъ—съ сѣвера, запада и юга окружены независимыми или вассальными государствами, а на востокъ примыкаютъ къ Великому океану. Естественныя границы собственно Китая, разумѣя подъ этимъ названіемъ упомянутую сейчасъ территорію, оставались почти всегда безъ измѣненія, представляя собою пустыни и горныя цѣпи; эти границы и удерживали население отъ широкаго распространенія въ разныя стороны, направляя его преимущественно по долинамъ рѣкъ, текущихъ на востокъ къ морю. Характерной особенностью обширной Китайской имперіи является то, что изъ территоріи ея, представляющей собою неправильный треугольникъ въ 5,000,000 квадратныхъ миль съ населеніемъ въ 400 милліоновъ душъ, сравнительно небольшой уголокъ этого треугольника, занимающій лишь третью часть всей его поверхности, заключаетъ въ себѣ

однако, девять десятыхъ всего населенія; зтотъ уголь и обнимаеъ собою правильно организованныя провинціи, управляемыя по одному общему, для всѣхъ одинаково установленному, образцу. То обстоятельство, что политическія границы Китая, какъ въ наше время, такъ и прежде, были выдвинуты далѣе въ глубь пустынь и степей, не повлияло на упомянутую сейчасъ особенность имперіи: за исключеніемъ указаннаго угла треугольника остальная часть его представляетъ собою плохо орошенныя пустыни и равнины съ рѣдкимъ населеніемъ, среди котораго разныя туземныя племена преобладаютъ надъ китайскими поселенцами. Исключеніе представляютъ собою Маньчжурія и Новая линія (Китайскій Туркестанъ), въ которыхъ китайскій элементъ становится преобладающимъ или достигаетъ одинаковой численности съ туземнымъ населеніемъ; такъ что въ послѣднее время принимаются даже политическія мѣры къ ассимиляціи туземцевъ ¹⁾.

¹⁾ Это положеніе автора намъ представляется не вполне правильнымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Маньчжуріи. Дѣйствительно, за послѣднія 25—30 лѣтъ китайское правительство приняло рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью поощрить китайцевъ къ заселенію Маньчжуріи, тогда какъ раньше китайцы никакъ образомъ не разрѣшались идти туда осѣдлость. На эти мѣры многіе—въ томъ числѣ, повидному, и авторъ этой книги—смотрятъ какъ на стремленіе китайскаго правительства, направленное къ веснимириванію маньчжуръ. Въ дѣйствительности же, мѣры эти китайскаго правительства преслѣдовали совершенно иную, именно стратегическую цѣль. Дѣло въ томъ, что послѣ возвра-

Упомянутыя восемнадцать провинцій образуютъ въ общихъ чертахъ округленную территорію, занимающую приблизительно одну треть всей поверхности имперіи. Если мы, однако, пересѣчемъ всю эту территорію линіей съ сѣвера на югъ, то увидимъ, что въ западной половинѣ преобладаютъ мѣста гористыя, тогда какъ въ восточной половинѣ встрѣчаются преимущественно равнины. Далѣе мы увидимъ, что изъ общей численности населенія, простирающейся отъ 300 до 400 милліоновъ душъ, восточная половина заключаетъ въ себѣ три четверти всего населенія, тогда какъ въ западной половинѣ живетъ лишь одна треть. Продолжая затѣмъ наше изслѣдованіе въ этомъ на-

шенія Кульджи въ 1879 году китайское правительство стало усиленно готовиться въ Маньчжуріи къ столкновенію съ Россіей, при чемъ одной изъ подготовительныхъ мѣръ послужило заселеніе китайцами этой сопредѣльной съ Россіей окранны. Насколько этническое заселеніе преслѣдуется цѣль стратегическая, а не ассимиляція края, мнѣ пришлось убѣдиться лично, при посѣщеніи въ 1895 году центра китайской иммиграціи въ Маньчжуріи, именно Сунгарійскій край: даже до снѣхъ поръ китайцы лишены права во многихъ мѣстахъ Маньчжуріи приобретать земельную собственность; да и вся юрисдикція ихъ пребываніи въ Маньчжуріи заботливо обставлена такъ, чтобы оградить маньчжуръ отъ вліянія китайцевъ и не допустить смѣшенія между собою китайцевъ и маньчжуръ. Да это и понятно съ точки зрѣнія царствующей Маньчжурской династіи, которая вполне естественно смотритъ на Маньчжурію какъ на свое убожище въ трудную минуту и лишь скупя сердце допускаетъ китайцевъ въ свою вотчину.

Ирмичъ. Пѣровъ.

правленіи, мы увидимъ еще, что западная половина этой территоріи не въ состояніи содержать себя собственными силами, а также не высылаетъ ничего центральному правительству въ Пенинѣ; въ то же время восточная половина разсматриваемой территоріи содержитъ себя сама, кормитъ центральное правительство и помогаетъ также бѣдному западу. Лишь одна богатая провинція Сычуань (Sz-Ch'wan) составляетъ исключеніе, нарушая вѣрность общей гармоніи этой хорошо налаженной системы; тѣмъ не менѣе, въ общихъ чертахъ, главные факты подтверждаютъ то, что нами сейчасъ было высказано, такъ какъ только восточная половина Сычуаньской провинціи даетъ нѣкоторый избытокъ доходовъ надъ расходами.

Изложенное выше даетъ намъ уже достаточный матеріалъ для сужденій. Съ коммерческой точки зрѣнія для насъ становится очевиднымъ, что интересы Великобританіи сосредоточиваются всецѣло на приморскихъ побережьяхъ, около устьевъ трехъ или четырехъ большихъ рѣкъ, по длинамъ этихъ рѣкъ и ихъ притоковъ, а также около истоковъ рѣки Янъ-цзы въ Сычуанѣ. Другими словами, разсматривая страну съ географической точки зрѣнія, мы видимъ, что восточная половина Собственнаго Китая представляетъ собою наиболѣе доступную и наиболѣе цѣнное поле для развитія англійской торговой дѣятельности. И если только мы будемъ держать открытымъ этотъ край для нашей торговли, то, оставляя въ сторонѣ вопросъ о наси-

лованіи нашихъ политическихъ чувствъ, мы могли бы отодвинуть на задній планъ Маньчжурію, Тибетъ и Юнь-нань (Yün-Nan), гдѣ вполне ярко выступаетъ законное сонскательство Россіи и Франціи.

Названія китайскихъ провинцій, вообще говоря, представляются понятными для тѣхъ, которые провели часть своей жизни на Дальнемъ Востока; но я понимаю хорошо, что обыкновенный читатель будетъ, конечно, смущенъ, если вниманіе его будетъ сразу обременено большимъ числомъ странныхъ китайскихъ названій. Для облегченія читателя и прилагается, въ виду сказаннаго, особый перечень названій восемнадцати провинцій съ тѣмъ съдѣлать болѣе понятнымъ мои замѣчанія въ самой книгѣ.

Перечень 18-ти провинцій Китая.

Названіе провинцій.	Что означаетъ названіе.	Древнее названіе провинціи какъ отдѣльнаго государства.	Примѣчаніе.
Ань-хой.	Слава мира.	Вань.	Часть древняго Цзянь-Нань, т. е. Ань (государь) и Гуай-чоу.
Чжэ-цзянь.	Рѣка Чхъ.	Юэ.	Здѣсь находится лишь устье р. Янь-цзы.
Чжи-ли.	Непосредственно управляемое.	Янь.	Пекинъ не подвластенъ вице-королю, послѣдній живетъ въ Тянь-цзинѣ. Главный городъ провинціи Боо-дзя-фу.

Фу-цзянь.	Благополучно основанное.	Миш.	Основано прибли- тельно около 700 лѣтъ до Рожд. Хр.
Хо-нань.	Южная рѣка.	Юй.	Къ югу отъ Хуань-хэ.
Хэ-нань.	Южное озеро.	Чу (Chu).	Къ югу отъ озера Дунъ- Тинь.
Ху-бэй.	Сѣверное озеро	О.	Къ сѣверу отъ озера Дунъ-Тинь.
Гань-су.	Пріятный и по- койный.	Не имѣло об- щесг о названіи.	Гань-чжоу и Су-чжоу.
Цзянь-си.	Западная рѣка.	Гань.	Западъ, куда проникла рѣка.
Цзянь-су.	Рѣка и Су.	Ву	Рѣка Янъ-цзы около Су- чжоу.
Гуанъ-си	Обширный За- падъ.	Юэ.	Восточная и западная части Гуанъ - Нань или древнее нѣсто- прсбываніе властей въ Аппантѣ.
Гуанъ - Дунъ.	Обширный Во- стокъ.		
Гуй-Чжоу.	Благородная страна.	Цянъ.	По созвучію формы пиш- еть можетъ быть отно- шеніе къ древнему го- сударству Гуй или къ „Странѣ Чорта“.
Шань-си.	Звѣдныя горы.	Цань.	Чжи-ли иногда включа- лась въ страны, лежа- щія къ востоку отъ горнаго хребта.
Шань - Дунъ.	Восточныя го- ры.	Ци.	
Шэнь-си.	Западный Шэнь.	Цинь.	Къ западу отъ Шэки, древнее государство, обозначающее вообще „Проходъ“.
Сы-чуань.	Четыре рѣки	Шу.	Иногда называемая „Три рѣки“.

Юнь-нань	Облачный Югъ	Дянь.	Къ югу отъ Сы-чуанскихъ туановъ или иначе, Туманный хребтъ.
Шэнь-цзинь	Благодеиствующая столица	Ляо	Называется еще Фенгъ-киенъ
Гпринь.	Счастливая роща.	Неизвѣстно.	Представляетъ собою перпую колыбель манчжуръ; возможно также, что соотвѣствуетъ древней ичтайско-корейской провинціи Килинь.
Хей-лунъ-цзянь	Рѣка чернаго дракона.	Неизвѣстно.	Называется также Цинькаръ.
Синь-цзянь.	Новое владѣніе	Неизвѣстно.	Кашгарія-Джунгарія.
Тай-вань.	Террасообразный заливъ.	Общего названія нѣтъ.	Формоза, принадлежащая теперь японцамъ.

Необходимо замѣтить, что названія Юэ и Цзякъ имѣютъ на китайскомъ языкѣ два различныхъ произношенія, и только сами китайцы могутъ уловить слухомъ разницу въ произношеніи этихъ словъ

Когда мы, европейцы, приближаемся къ Китаю—что обыкновенно совершается, конечно, морскимъ путемъ—насъ невольно и безотчетно поражаетъ впечатлѣніе, что чѣмъ далѣе мы углубляемся въ страну, тѣмъ болѣе мы оставляемъ далеко за собою всѣ признаки и слѣды цивилизаціи; но необходимо помнить, что съ точки зрѣнія туземцевъ морское побережье является крайнимъ предѣломъ земли вообще, представляя собою такіа мѣста,

въ которыхъ, наоборотъ, менѣе всего могутъ встрѣчаться данныя, характеризующія собою истинную цивилизацію Поднебесной имперіи. Важнѣйшая основа традицій и исторіи Китая указываетъ намъ на то, что первоначальные обитатели Средняго государства, которые, между прочимъ, никогда не объединялись однимъ общимъ наименованіемъ въ смыслѣ національномъ и этническомъ,—какъ мы понимаемъ, наримѣръ, германцевъ, турокъ, русскихъ и проч., извѣстны были сначала тѣмъ, что они подвигались впередъ съ сѣвера и запада внизъ по долинѣ Хуангъ-хэ (Желтой рѣки); низовая часть этой рѣки перемѣщалась время отъ времени съ мѣста на мѣсто, то передвигаясь на югъ, удаляясь отъ гористыхъ мѣстъ Шаньдунскаго мыса, то перекочевывая на сѣверъ. Древнія столицы императоровъ были всегда расположены въ долинахъ Желтой рѣки или ея притоковъ, какъ, на примѣръ, въ долинѣ рѣки Вэй, въ провинціи Шэнь-си.

Въ виду сказаннаго всѣ легенды, относящіяся даже къ императорамъ мѣнчесскаго періода, приурочиваются къ мѣстности, лежащей между Си-аньфу и Пекиномъ, гдѣ Желтая рѣка достигаетъ моря, именно около Тянь-цзиня. Мы видимъ и на самомъ дѣлѣ, что почти вся территорія, тяготеющая въ торговомъ отношеніи къ этому единственному порту, заключаетъ въ себѣ весь доисторическій Китай: даже въ наиболѣе удаленной сѣверной части этой территоріи, около Калгана, мы нахо-

димъ древніе остатки въ видѣ сигнальныхъ башенъ или древнихъ могилъ, относящихся ко времени около 260 лѣтъ до Рождества Христова.

Упомянутый выше несомнѣнный фактъ, что часть древнихъ китайцевъ подвигалась впередъ, исходя изъ сѣвера и сѣверо-запада, послужилъ основаніемъ для созданія многихъ остроумныхъ теорій, клонившихся къ тому, чтобы связать китайцевъ съ вавилонянами, персами, индусами, и съ кѣмъ только ихъ ни связывали въ силу этихъ теорій...

Если мы допустимъ существованіе ошибокъ въ различныхъ мѣстахъ древнихъ китайскихъ источниковъ и если углубимся въ строгое изслѣдованіе текста въ различныхъ мѣстахъ нашего Священнаго Писанія, да еще допустимъ при этомъ нѣкоторую долю воображенія, то, пожалуй, можно было бы дѣйствительно прослѣдить происхожденіе китайцевъ, начиная отъ башни Вавилонской; но по тѣмъ же основаніямъ можно было бы отнести ихъ происхожденіе и къ сѣверному полюсу. Я же со своей стороны могу лишь подѣлиться съ тѣми непосредственными впечатлѣніями, которыя я вынесъ при изученіи подлинныхъ китайскихъ источниковъ.

Какъ о дѣятельномъ народѣ, политически осѣдломъ, мы узнаемъ о китайцахъ въ то время, когда они населяютъ земли, лежащія вдоль Желтой рѣки. Китайцы въ это время заняты постоянной борьбой за свое существованіе противъ нонныхъ nomadovъ, совершающихъ свои набѣги съ сѣвера,

стремящихся захватить огромные запасы всякаго добра, накопленные промышленнымъ, трудящимся населеніемъ на своей воздѣланной плодородной землѣ; какъ только эти кочевники подвергались преслѣдованію, они исчезали безслѣдно въ своихъ степяхъ. Въ то же время китайцы съ другой стороны постоянно усиливались полчищами разныхъ пришельцевъ родственнаго происхожденія, приходившими съ сѣверо-запада.

Ближайшимъ къ нимъ наиболѣе значительнымъ переселеніемъ народовъ, извѣстнымъ въ исторіи Китая, является движеніе населенія впередъ въ юго-западномъ направленіи въ нынѣшнюю провинцію Сы-чуань („Четыре рѣки“); оттуда колонизація подвигалась чрезъ страны большихъ озеръ, направляясь на югъ путемъ судоходной рѣки Хань въ нынѣшнюю провинцію Цзянъ-си (Kiang-Siv) и по рѣкамъ Юань и Сянъ (Yuan and Siang rivers) въ провинціи Ху-нань (Hi Nan) въ области Кантона. Въ то же время мы видимъ, что земли по долинамъ рѣки Янъ-цзы, а также провинціи, лежашія къ югу отъ этой рѣки и около ея устья, вообще говоря, были заняты и ассимилированы китайцами какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ отношеніяхъ, не ранѣе начала нашей западной эры. Кромѣ того, нѣкоторыя части прибрежныхъ провинцій, расположенныя очень близко къ морю, оставались особнякомъ даже еще позднѣе и приобщены китайцами всего лишь какихъ-нибудь 500 лѣтъ тому назадъ.

Изъ сазаннаго видно, что мы можемъ представить себѣ въ нашемъ воображеніи китайскую расу распространяющейся въ видѣ вѣтра, имѣющаго исходную точку на южныхъ берегахъ Желтой рѣки, по направленію верхняго теченія рѣки Янъ-цзы и морскихъ береговъ. Мы видимъ, что по мѣрѣ удаленія отъ этой исходной точки и приближенія къ Тибету и морскимъ побережьямъ становится все слабѣе и слабѣе политическое могущество Китая. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что китайскій языкъ во внутреннемъ Китаѣ значительно отличается отъ нарѣчій, употребляемыхъ населеніемъ въ прибрежныхъ провинціяхъ или въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ югу отъ Желтой рѣки и вдоль по ея теченію: въ то время какъ внутри Китая современный языкъ его населенія, подвергаясь болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, сохраняетъ все-таки общее однообразіе, мы видимъ, что въ упомянутыхъ сейчасъ провинціяхъ и мѣстностяхъ китайскій языкъ потерпѣлъ такіе измѣненія, что является въ видѣ различающихся другъ отъ друга отдѣльныхъ языковъ, чуждыхъ между собою въ такой же степени, какъ чужды наприимѣръ, между собою языки шведскій, датскій, германскій и голландскій; другими словами, представляется возможность прослѣдить лишь общность единого корня для этихъ языковъ, но въ то же время отдѣльныя ихъ слова являются совершенно чуждыми между собою по произношенію.

Это различіе нарѣчій въ Китаѣ ведетъ къ

тому, что, вступая въ эту страну со стороны моря, европейцы сразу становятся лицомъ къ лицу съ этимъ смѣшеніемъ языковъ, являющимся весьма важнымъ препятствіемъ для нашихъ успѣховъ въ Китаѣ. Въ то же время китайцы, подвигаясь, наоборотъ, изъ сердца страны къ ея окраинамъ, не испытываютъ въ такой степени этихъ затрудненій, обусловливаемыхъ различіемъ языковъ.

Выше я раздѣлилъ восемнадцать провинцій Китая на двѣ половины, восточную и западную. Въ общихъ чертахъ можно сказать, что восточная половина болѣе богата и густо населена чисто китайскимъ населеніемъ, тогда какъ западная половина болѣе бѣдна и рѣдко населена, притомъ различными народностями, превосходящими иногда китайцевъ своей численностью. Въ сѣверной части восточной половины въ настоящее время не осталось, вѣроятно, никого изъ аборигеновъ страны; но еще около тысячи лѣтъ тому назадъ упоминается про существованіе въ этихъ мѣстахъ различныхъ племенъ „нарваровъ“ вдоль южнаго берега рѣкъ Хуай-хэ (или Желтой рѣки) и Куай-хэ. Въ южной части восточной половины можно еще встрѣтить нѣкоторые независимыя или полунезависимыя племена, извѣстныя подъ названіемъ Яо (Yao) или Мяо, населяющія пограничныя горы, отдѣляющія провинцію Гуай-лунъ на югъ отъ провинцій Хэ-нань и Цзян-си на сѣверѣ. Эти племена, однако, не причиняютъ правительству

никанихъ заботъ, такъ какъ не имѣютъ никакого политическаго значенія. Въ горахъ провинціи Фу-цзянь (Fuh-Kien) я самъ встрѣчалъ остатки неизвѣстныхъ туземныхъ племенъ и даже въ провинціи Чжэ-цзянь (Chèh-Kiang) попадаются еще эти аборигены. При всемъ томъ, если не вдаваться въ мелочи, можно принять въ общихъ чертахъ съ вполне достаточной вѣроятностью, что наиболѣе богатая и населенная восточная половина Собственнаго Китая обладаетъ исключительно китайскимъ населеніемъ, или же аборигены страны въ этой части Китая настолько ассимилированы китайцами, что трудно отличить однихъ отъ другихъ.

Въ противоположность восточной части западная половина восемнадцати провинцій представляется въ общихъ чертахъ какъ бы чужестранной. Бѣдная несчастная провинція Гуанъ-си (Kwang-Si) заключаетъ въ себѣ не мало племенъ темнаго происхожденія, группируемыхъ обыкновенно около главныхъ родоначальниковъ Шакъ или Мяо, этнологическій корень которыхъ не выясненъ до сего времени. Мало того: мы встрѣчаемъ до сихъ поръ въ упомянутой провинціи много аборигеновъ-главарей, которые, однако, подчиняются не центральному правительству непосредственно, а мѣстнымъ нитайскимъ губернаторамъ или магистратамъ. Въ провинціи Гуй-чжоу (Kwei-Chou), примыкающей къ упомянутой выше провинціи, находится также много племенъ Мяо, изъ которыхъ я самъ

встрѣчаютъ нѣкоторыя группы во время моего тамъ пребыванія; онѣ представляютъ большое сходство съ племенемъ Кахиновъ (Kachyns), обитающимъ на китайско-бирманской границѣ и принадлежащимъ къ племенамъ тибето-бирманскаго происхожденія. Въ провинціи Юнь-нань (Yün-Nan) также встрѣчается очень много племенъ, принадлежащихъ къ колѣну Шань; племена эти населяютъ мѣстности, лежащія не только по сю сторону границы, но также и въ округахъ недавно уступленныхъ Англіи (Бирма) или Франціи (Тонкинъ).

Затѣмъ въ горахъ сѣверо-восточной части провинціи Юнь-нань и южной части провинціи Сы-чуань встрѣчаются еще объединенныя между собою группы такъ называемыхъ племенъ Лоло, которыя до сего времени сохранили независимость. Жившій среди этихъ племенъ французскій миссіонеръ Павелъ Віаль пздаль недавно свои очень цѣнные мемуары, относящіеся къ его пребыванію въ этихъ мѣстахъ. Племена Лоло пользуются своими особыми письменами, которыя стали извѣстны въ 1880 году чрезъ посредство Е. К. Бабера; образецъ этой письменности я имѣю въ настоящую минуту передъ собою вмѣстѣ съ особымъ пояснительнымъ лпстомъ, поясняющимъ особенности этихъ письменъ. Время отъ времени бывають серьезныя столкновенія между племенами Лоло и китайскими войсками, при чемъ столкновенія эти всегда кончаются кое-какъ заключеннымъ миромъ,

оставляющимъ упомянутыя племена при прежнихъ порядкахъ.

Приведенныя выше племена *Кахиновъ* являются, повидимому, связующимъ звеномъ между родиною племенъ тибетскихъ и шаньсинхъ; они распространены вдоль верхняго теченія р. Ирравади и западныхъ границъ провинціи Юнь-нань. Племена Камти, обитающія по верхнему теченію, именно колѣно племени Малика (Mali-Kha), являются, однако, чистокровными *Шаняли*, а языкъ ихъ представляетъ собою большое сходство съ нѣшкомъ сіамскимъ и языкомъ племени Лаоянь (Laotian).

Вдоль западной границы Сы-чуаньской провинціи встрѣчаются многочисленныя и грозныя иногда, большей частью независимыя, племена тибетскаго корня, которыя не подчиняются даже іерархической администраціи самаго Тибета.

Г-жа Бердъ-Бишопъ дала намъ интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ, но она утверждаетъ по нѣкоторымъ, имѣющимся у нея основаніямъ, хотя и недоказаннымъ, что эти племена не принадлежатъ къ тибетскому корню.

Въ восточной части Сы-чуаньской провинціи жители пещеръ почти вездѣ уже вывелись, но жилища ихъ встрѣчаются кое-гдѣ и въ настоящее время въ склонахъ горъ къ западу отъ Чунъ-цина, нѣкоторыя изъ этихъ племенъ существуютъ даже и до сихъ поръ на крайнемъ юго-востокѣ на границахъ провинцій Гуй-чжоу (Kwéi-Chou).

Наконепъ, на островѣ Хай-нанѣ встрѣчаются

еще двѣ группы такъ называемыхъ „дикихъ“ или *не-китайцевъ*, относительно которыхъ я самъ удостоверился, что они родственны шаньскимъ племенамъ.

Изъ приведеннаго выше мы видѣли, какъ подвигалась впередъ китайская цивилизація, направляясь сначала вдоль Желтой рѣки, а оттуда по ея главному притоку, по р. Вэй, и далѣе, къ истокамъ лѣвыхъ притоковъ рѣки Янъ-цзы. Оттуда затѣмъ идетъ, повидимому, совмѣстное движеніе по двумъ направленіямъ: отъ упомянутыхъ выше истоковъ и отъ системы озеръ Хуай (устье Желтой рѣки), распространяясь далѣе постепенно по всей долинѣ рѣки Янъ-цзы, включая и старое устье, извѣстное подъ названіемъ Ханъ-чжоу. Если посмотримъ на карту, то найдемъ замѣтные слѣды этого движенія мимо озеръ По-янъ и Дунъ-тинъ по направленію къ Кантону.

Разсмотримъ по порядку указанныя выше рѣки, по которымъ направлялась китайская культура. Первое мѣсто занимаетъ Желтая рѣка, истоки которой начинаются среди группы небольшихъ озеръ, пѣзвѣстныхъ подъ названіемъ Одонъ-Тала, лежащихъ на сѣверной шпротѣ въ 35° и въ 96° восточной долготы. Изслѣдованіе истоковъ этой рѣки привлекало къ себѣ наибольшее вниманіе какъ способнѣйшихъ государей монгольскихъ, такъ и наиболѣе честолюбивыхъ маньчжурскихъ императоровъ. Около 300 миль послѣ истока рѣка течетъ на востокъ; затѣмъ протекаетъ черезъ

озеро Чарингъ-Норъ, послѣ чего круто мѣняетъ направленіе назадъ, на сѣверо-западъ, и пересѣкаетъ провинцію Гань-су (Kan-Suh) въ сѣверо-восточномъ направленіи; затѣмъ рѣка течетъ далеко на сѣверъ, огибая большую часть пустыни и замыкая собою Ордосскій край, служившій такъ часто предметомъ взаимныхъ раздоровъ, послѣ чего поворачиваетъ на югъ и образуетъ собою границу между провинціями Шэнь-си (Shen-Si) и Шахъ-си (Shan-Si). Проходъ рѣки около города Тунъ-гуань, лежащаго на ея южномъ берегу, въ теченіе многихъ столѣтій служилъ ключомъ для обладанія всей имперіей, когда важнѣйшій политическій центръ находился въ разстояніи сотни миль отъ этого пункта.

Желтая рѣка обладаетъ вполне чистой водой—настолько, что монголы называютъ эту рѣку Черной; но послѣ того какъ рѣка вступаетъ въ провинцію Шэнь-си, гдѣ начинается уже лессовая почва, вода этой рѣки приобретаетъ желтоватый оттѣнокъ отъ присутствія въ водѣ тончайшаго лессоваго песку, покрывающаго обширныя пространства обоихъ береговъ и долины рѣки. Происхожденіе этого желтаго лѣсса, по словамъ извѣстнаго геолога фонъ-Рихтгофена, объясняется тѣмъ, что онъ многочисленными наслоеніями нанесенъ вѣтромъ изъ пустыни. Этой частью Желтой рѣки широко пользуются суда для перевозки соли, а также джонки, транспортирующія желѣзо и другіе металлы, добываемые въ рудникахъ провинціи

Шань-си; но какъ только рѣка вступаетъ въ низменные мѣста между городами Хуай-цзинъ (Hwaik'ing) и Хэ-нань (Хо-пап), она становится блуждающей, а вслѣдствіе этого и бесполезной для судоходства. Каждый годъ или два года рѣка въ этой низкой мѣстности срываетъ свои берега и время отъ времени разрушаетъ ту или иную область, а разъ въ нѣсколько столѣтій она совершенно иѣняетъ здѣсь свое теченіе: старое русло рѣки на этомъ участкѣ остается часто заброшеннымъ, тогда какъ новое русло приходится поднимать и укрѣплять между плотинами, и поднимать иногда выше уровня окружающей равнины. Изъ году въ годъ приходится бросать цѣлые милліоны тэлей ¹⁾, чтобы поддерживать и чинить берега, а также отчасти и для того, чтобы кормить цѣлую армію приставленныхъ для этой цѣли чиновниковъ, расхищающихъ казну. Словомъ, Желтая рѣка вполне оправдываетъ свое традиціонное прозвище „горе Китая“...

Для Китайской имперіи было бы большимъ благодѣяніемъ, если бы за дѣло урегулированія Желтой рѣки взялись научно образованные европейскіе специалисты. Пока же китайскіе инженеры, управляющіе сложной системой озеръ и шлюзовъ, образующихъ водную сѣть около Великаго канала и болота Хунъ-цзэ (Hung-tseh), являются знатоками этого дѣла лишь по одному своему опыту, который, однако, даетъ имъ возмож-

¹⁾ Денежная единица = $2\frac{1}{2}$ — 3 руб.

Примѣч. Перев.

ность наблюдать за этой сѣтью точно такъ же, какъ, напримѣръ, осмотрительные голландцы имѣютъ постоянно зоркое наблюденіе надъ своимъ Эюдерзее и сложной системой нидерландскихъ плотинъ. Вообще, вопросъ о водоснабженіи и сбереженіи земель въ Китаѣ взвѣшивается всегда очень ревниво и тщательно обдумывается для того, чтобы держать всегда каналъ открытымъ и тѣмъ предупредить возможные большія несчастія.

Рѣка *Янъ-цзы*, по мнѣнію китайцевъ, беретъ начало въ сѣверо-западномъ углу Сы-чуаньской провинціи, недалеко отъ того пункта, гдѣ находятся истоки Желтой рѣки, какъ это упомянуто выше; въ верхнемъ теченіи рѣка круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ и течетъ среди горъ, достигающихъ высоты въ 20,000 футовъ. Подобный взглядъ со стороны китайцевъ относительно начала рѣки Янъ-цзы объясняется тѣмъ, что богатая равнина Чэнъ-ду (Cheng-tu) была заселена и воздѣлана за много столѣтій до того времени, какъ стало извѣстно что-нибудь о провинціи Юнь-нань, которая фактически оставалась совершенной terra incognita до Хублай-хана, т. е. до 650 лѣтъ до нашего времени. Даже въ настоящее время китайцы очень мало знакомы съ тѣмъ, что мы называемъ верхнимъ Янъ-цзы выше мѣстечка Пинъ-шань (Pingshan), выше котораго рѣка доступна лишь для очень мелкихъ судовъ. Въ виду сказаннаго рѣка Янъ-цзы въ верхнемъ своемъ теченіи представляется по всѣмъ причинамъ рѣкой мѣстнаго значенія, оро-

шающей земли, гдѣ жинуть племена Лоло, образуя собой на протяженіи нѣсколькихъ сотъ миль границу между провинціями Сы-чуань и Юнь-нань. Когда мы сами говоримъ о долинѣ рѣки Янъ-цзы въ смыслѣ торговомъ, мы также, сами того не подозрѣвая, имѣемъ въ виду эту рѣку въ смыслѣ китайскомъ, т. е. въ предѣлахъ сейчасъ указанныхъ. При всемъ томъ, даже въ этихъ сокращенныхъ предѣлахъ рѣка Янъ-цзы вмѣстѣ со своими притоками орошаетъ пространство, заключающее въ себѣ половину всего населенія восемнадцати провинцій Собственнаго Китая.

Полагаю излишнимъ распространяться далѣе объ остальной части описываемой рѣки—о среднемъ и нижнемъ теченіи рѣки Янъ-цзы—которая хорошо извѣстна впзъ до устьи; европейскіе люди отлично знаютъ каждую мель и слѣдятъ за всѣми измѣненіями русла изо дня въ день, приходится удивляться, съ какой ловкостью они проводятъ иногда большія суда впзъ по теченію полнымъ ходомъ среди темной ночи.

Что же касается той части рѣки Янъ-цзы, которая европейскими географами считается началомъ ея и составляетъ длинную водную линію выше Сычуаньской провинціи, то истоки ея лежатъ тамъ недалеко отъ истоковъ Желтой рѣки. Позднѣйшія карты, изображающія верхнее теченіе рѣки Янъ-цзы, показываютъ намъ истоки ея въ видѣ трехъ небольшихъ ручьевъ, стекающихъ съ возвышенныхъ долинъ между горными цѣплями Куэнь-лунъ и Дангла

(34° сѣверной широты и 90° восточной долготы). Эти три ручья образуютъ собою рѣку Дричу (Drichu), которая направляется на юго-востокъ черезъ страну, населенную племенами Дарге, и около города Батангъ вступаетъ въ провинцію Юнь-нань. Около тысячи лѣтъ тому назадъ весь юнь-наньскій край оспаривался съ одной стороны могущественной Шаньской имперіей, а съ другой стороны Тибетомъ; въ настоящее же время край этотъ не имѣетъ никакого значенія въ торговомъ отношеніи, пользуясь ничтожной ролью и въ политическомъ смыслѣ, и представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе заброшенныхъ уголковъ въ мірѣ.

Остается еще сказать о третьей великой водной системѣ, образуемой рѣкой *Си-цзянъ* или Западной рѣкой двухъ Гуанскихъ провинцій. Истоки этой рѣки лежатъ нѣликомъ въ восточной провинціи Юнь-нань и на нѣкоторомъ протяженіи составляютъ границу между двумя провинціями Гуй-чжоу (Kwei-Chou) и Гуанъ-си (Kwang-Si). Торговымъ центромъ для всѣхъ развѣтвленій и притоковъ этой водной системы является недавно открытій въ силу трактатовъ для европейской торговли городъ У-чжоу (Wu-chou), лежащій на границахъ двухъ провинцій Гуанъ-дунъ и Гуанъ-си.

Разбирая вопросъ объ упомянутой выше оросительной системѣ важнѣйшихъ рѣкъ Китая, я имѣлъ въ виду указать, во-первыхъ, на то, что естественное разселеніе китайцевъ по странѣ совершалось обыкновеннымъ путемъ по линіямъ

наименьшаго сопротивленія; во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось подготовить читателя для лучшаго разумѣнія нѣкоторыхъ важныхъ результатовъ, касающихся направленія торговаго движенія въ наше время, и въ особенности для поясненія системы грандіозной соляной торговли, которую ведутъ китайцы, пользуясь легкостью рѣчныхъ сообщеній. Затѣмъ то небольшое, что мнѣ остается еще сказать о Тибетѣ, Монголіи и Манчжуріи, будетъ уже приведено въ другихъ мѣстахъ подъ иными заглавіями.

Теперь мнѣ остается еще упомянуть объ одномъ или двухъ горныхъ хребтахъ, важныхъ въ историческомъ отношеніи для восемнадцати провинцій Собственнаго Китая, играющихъ и понынѣ роль въ томъ или иномъ подраздѣленіи условій политическаго или торговаго свойства.

Важнѣйшимъ естественнымъ барьеромъ, возвышающимся между Китаемъ и Монголіей, всегда былъ—и незначительномъ противленіи остается таковымъ и понынѣ—большой хребетъ, извѣстный подъ названіемъ *Инь-шань* или „Темныя Горы“. Въ общемъ своемъ направленіи горы эти образуютъ собою своего рода опору для Великой стѣны, начинаясь отъ сѣвернаго изгиба Желтой рѣки около Ордосскаго края и протягиваясь вплоть до Людунскаго залива.

Затѣмъ идутъ горы Нань-шань или „Южныя

Горы" въ провинціи Гань-су, которыя отдѣляютъ земли, населенныя турецко-татарскими племенами отъ группъ тибетскихъ племенъ; это вполне совпадаетъ съ политикой Китая, стремящейся держать эти племена раздѣленными между собою. Важный горный хребетъ раздѣляетъ долины съ одной стороны рѣки Вэй, притока Желтой рѣки, а съ другой стороны р. Хань, притока рѣки Янъ-цзы; этотъ горный хребетъ носитъ на картахъ различныя названія, и мнѣ самому никогда не удавалось установить собственно китайское названіе этого хребта. Горная цѣпь, извѣстная подъ названіемъ Мэй-линъ, или „Хребта Слнвъ“, служить водораздѣломъ бассейновъ рѣкъ Янъ-цзы съ одной стороны и Си-цзянъ, именуемой также „Жемчужной“ или „Западной рѣкой“, съ другой.

Кромѣ указанныхъ встрѣчаются еще въ Китаѣ многія другія горныя цѣпи, представляющія собою большей частью отроги величайшаго хребта Средней Азіи, извѣстнаго подъ названіемъ Кузиль-лунъ. Мнѣ самому приходилось пересѣчь многіе изъ этихъ хребтовъ, но перечислять ихъ здѣсь не особенно интересно; еще болѣе скучно было бы вдаваться въ подробности взаимнаго положенія, происхожденія и направленія этихъ горъ. Я ограничился поэтому указаніемъ лишь нѣкоторыхъ горныхъ цѣпей, которыя по моимъ свѣдѣніямъ, вынесеннымъ изъ собственныхъ путешествій или изученія исторіи страны, играютъ какую-нибудь выдающуюся роль въ практическомъ отношеніи.

Тѣмъ же изъ читателей, которые питають особенный интересъ къ изученію географіи восемнадцати провинцій Китая, предоставляю обратиться къ картѣ доктора Брейтшнейдера, которая можетъ вполне удовлетворить ихъ любознательность; я всегда считалъ эту карту (изданіе пересмотрѣнное въ 1900 г.) наиболѣе простой и наглядной по многимъ вопросамъ, касающимся географіи Китая. Карта отличается удивительной точностью и передаетъ всѣ топографическія особенности въ прекрасномъ видѣ ¹⁾).

---

¹⁾ Приложенная въ концѣ настоящей книги общая карта Китая, составленная Л. Бородовскимъ, представляетъ дополненное и переработанное изданіе карты Брейтшнейдера, о которой говорить авторъ. *Примѣч. Перев.*

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ.

Общечеловѣческій интересъ къ исторіи Китая должно приурочить къ тому времени, когда начинаются внѣшнія сношенія китайцевъ. Точно такъ какъ исторія древняго Рима теряется въ расплывчатыхъ преданіяхъ объ этрускахъ, сабинянахъ и другихъ мелкихъ племенахъ, мы видимъ, что исторія Китая также скрывается во мракѣ времени, представляя для ея изученія одинаковыя трудности: какъ при чтеніи древне-римской исторіи читатель спѣшитъ скорѣй покончить съ этрусками и перейти къ болѣе живымъ событіямъ, относящимся къ временамъ войнъ съ карфагенянами и галлами, такъ и изучающіе исторію Китая боятся тяжелой обязанности блужданія среди первыхъ періодовъ древней исторіи Поднебесной имперіи; тѣмъ болѣе, что повѣствованія эти большей частью нелѣпы по своему содержанию: приходится знакомиться, напримѣръ, съ исторіей какого-нибудь великаго императора, который разсѣкалъ горы и направлялъ теченіе водныхъ лпній, или съ исторіей благороднаго императора, сумѣвшаго отдѣлаться отъ тирана

и начавшаго собою новую династію въ то время, когда тиранъ этотъ, несмотря на бѣдность и несчастье своего народа, пировалъ на горахъ, пожирая цѣлыя горы мяса и выпивая обширныя рѣки вина, окруженный прекрасными хотя и элыми гуріями...

Я, однако, прочелъ все это въ оригиналѣ: но буду при этомъ болѣе милостивымъ къ моимъ читателямъ, которые сдѣлаютъ мнѣ честь чтеніемъ этой книги, чѣмъ я былъ даже въ отношеніи себя самого: я не буду обременять моихъ читателей и избавлю ихъ даже отъ необходимости читать хотя бы общіе выводы, касающіеся этого періода китайской исторіи, который я обойду совершенно. Даже исторія Конфуція, которая, трактуя уже о вполне понятныхъ человѣческихъ существахъ, не поражаетъ читателя чрезмѣрной прямолинейностью или непонятной добродѣтелью, отличается все-таки невыразимой плоскостью и нелѣпостью. При всемъ томъ можно сказать, что Конфуцій первый говоритъ въ своей исторіи о событіяхъ конкретныхъ, охватывая въ исторіи Китая періодъ свыше 250 лѣтъ (722--481 до Р. Х.). Необходимо, однако, замѣтить, что Конфуцій писалъ свою исторію лишь какъ педагогъ, излагая событія лишь съ точки зрѣнія ихъ поучительности для правящихъ князей или для восхваленія короленаго или императорскаго дома.

Древнѣйшія повѣствованія или дошедшіе до насъ остатки преданій прямо-таки глупы; трудно найти въ нихъ какія-нибудь разумныя обобщенія:

содержаніе ихъ состоятъ лишь изъ голыхъ лѣтописей, пересыпанныхъ иногда короткими увѣщаніями, отданными приказаніями и анекдотами личнаго свойства. Мысль китайская, отличающаяся, вообще, своей туманностью, проявляется скорѣй въ народной этикѣ и въ соотвѣтственныхъ трудахъ, а не въ исторіи страны. Меня нисколько не удивляетъ, что одинъ изъ великихъ императоровъ китайскихъ, который произвелъ тщательную чистку среди старинныхъ государей, феодальныхъ князей и нитайскихъ литераторовъ и ученыхъ, около 220 лѣтъ послѣ смерти Конфуція, дѣлалъ также отчаянное усиліе, чтобы совершенно уничтожить цѣлѣкомъ всю существовавшую литературу; главнымъ образомъ ему хотѣлось уничтожить ту часть литературы, которая заключала въ себѣ разную полемику, философію, взгляды, оставивъ лишь ученые труды, трактующіе о фактахъ и наукахъ положительныхъ: какъ, напримѣръ, о медицинѣ, сельскомъ хозяйствѣ, астрологіи, считавшейся тогда наукой, а также—лѣтописи, обнимавшія современныя ему самому событія. Встрѣчаются, однако, нѣкоторыя остроумныя мысли въ лѣтописяхъ „Весны и осени“ или въ исторіи Лу, т. е. въ трактатѣ самого Конфуція.

Трудолюбивый французскій синологъ Эдуардъ Шаваннъ какъ разъ въ настоящее время далъ намъ переводъ грандіозной исторіи Сы-ма-цяня (Sz'-ma Ts'ien's) слово въ слово. Эта исторія знакомитъ насъ фактически со всѣми событіями, отно-

сящими къ древнимъ временамъ Китая, и можетъ быть разсматриваема какъ достовѣрное основаніе всей исторіи Поднебесной имперіи. Я отсылаю къ этому монументальному труду всѣхъ тѣхъ, которымъ совѣсть не допустить успокоиться лишь моими увѣреніями о безполезности древнихъ летописей китайскихъ: если они желаютъ ближе ознакомиться съ древней исторіей Китая, то они не найдутъ для себя никакого извиненія послѣ того какъ исторія Ши-цзи (Shi-ki) появилась на французскомъ языкѣ въ формѣ вполне доступной.

Вотъ нѣкоторыя данныя, касающіяся древней исторіи Китая.

Названіе династій.	Число го- сударей.	Продолжи- тельность династій.	Примѣчаніе.
Періодъ пяти монарховъ.	9	2852—2206	Всѣ мнѣстескіи.
Ся.	18	2205—1767	Легендарны или вообще мнѣстескія.
Шанъ.	28	1766—1122	Большей частью леген- дарны.
Чжоу.	10	1122—828	Признаются до нѣкото- рой степени исто- ріей.
Тоже	25	827—255	Сы-ма-цянъ признаетъ ихъ исторически вѣрными.

Со своей стороны я долженъ сказать, что изъ матеріаловъ, касающихся древней исторіи китай-

ской, меня интересуют главнымъ образомъ тѣ, которые трактуютъ о конныхъ набѣгахъ сѣверныхъ номадовъ и о мѣрахъ, принимавшихся со стороны Китая для противодѣйствія этимъ набѣгамъ; но мы можемъ прійти къ какимъ-нибудь выводамъ объ этихъ набѣгахъ лишь за время, восходящее не ранѣе одного столѣтія до Р. Х. Великій „Первый“ императоръ изъ династіи Цинь, объединившій всѣ владѣнія китайскія въ 222 году до Р. Х., самъ принадлежалъ къ расѣ болѣе или менѣе чуждой Китаю; онъ круто покончилъ со всѣми старыми традиціями и сталъ править единолично; до того времени вліяніе этого императора на иноземныя племена ограничивалось лишь однимъ населеніемъ Тибета. На картѣ доктора Брейтшнейдера, изображающей хорошо устройство поверхности Китая, можно видѣть наглядно также и границы, замыкавшія переселенія народовъ. По словамъ покойнаго В. Ф. Майерсъ, обладавшаго большимъ чутьемъ къ исторической правдѣ, вновь сформировавшаяся имперія династіи Цинь простиралась „отъ равнинъ Янь и Чжао (нынѣшнія провинціи Хо-нань и Чжи-ли) до береговъ рѣки Янъ-цзы и возвышенностей Юэ (нынѣ провинція Чже-цзянь)“ и отъ озера Дунъ-тинъ до Восточнаго моря.

Извѣстные въ то время кочующіе номады подъ названіемъ Хунъ-ну ¹⁾ были съ самаго начала

---

¹⁾ Родственны гуканъ, если не тождественны съ этими племенами.
Примѣч. Перев.

отгѣснены за сѣверный берегъ Желтой рѣки. Почти все, что мы въ настоящее время называемъ Южнымъ Китаемъ, было упомянутымъ выше императоромъ официально, хотя и не вполне прочно, присоединено къ образовавшейся имперіи. Весь Китай и Индо-Китай были въ то время, какъ мы это видимъ и теперь, населены народностями, говорившими языкомъ, состоявшимъ изъ многихъ нарѣчій; нарѣчія эти обладали для одного и того же слова различными звуками, различаясь между собою точно такъ же, какъ гибкій умъ арійцевъ отличается отъ тягучей мысли туранцевъ. Въ нравственномъ отношеніи присоединеніе къ имперіи южныхъ земель, ихъ взаимодействіе и сравнительное положеніе этихъ частей имперіи можно сравнить съ сѣверными приобрѣтеніями древнихъ римлянъ и взаимнымъ положеніемъ ихъ въ отношеніи галловъ и германиевъ.

Хотя вся территорія, занимаемая въ настоящее время восемнадцатью провинціями Собственного Китая, была раздѣлена тогда на тридцать шесть отдѣльно управляемыхъ административныхъ единицъ, но на самомъ дѣлѣ упомянутая выше первая династія Цинь, называемая тогда по имени своего родоначальника, управляла непосредственно лишь территоріей, занимающей равнинную часть Китая. Точно такъ же какъ первые заселенные штаты Америки, старѣйшія изъ указанныхъ тридцати шести административныхъ единицъ были задуманы по очень малому масштабу; въ то же

время вновь завоеванныя „территоріи“ превосходили каждая всю поверхность древняго Китая, по примѣру того, какъ мы это видимъ въ отношеніи зарождавшихся Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ, на примѣръ, „территорія“ полуиспанскаго Техаса значительно превосходила весь штатъ Массачузетъ

Воцарившаяся могущественная династія Цинь пришла скоро въ упадокъ, повидимому, отъ общей неспособности переварить и ассимилировать всѣ такъ быстро завоеванныя страны. Рядомъ съ этимъ возобновились набѣги хищниковъ Хунъ-ну на сѣверныя границы имперш. Къ этому времени относятся первыя извѣстія, проникшія изъ-за моря о Японіи, которая до того времени извѣстна была какъ скопище племенъ Во или Ва. Среди возникшихъ споровъ за престолонаслѣдіе въ имперіи Цинь выдѣлился одинъ честолюбивый генералъ по имени Лю-Панъ, происходившій изъ простыхъ крестьянъ. Послѣ кровопролитной войны, продолжавшейся непрерывно три года, Лю-Панъ былъ провозглашенъ княземъ Хань и, наконецъ, присвоилъ себѣ титулъ императора, начавъ собою новую императорскую династію Хань. Съ этого времени, въ честь блестящей династіи Хань, китайцы называютъ себя „людьми Ханя“, когда они желаютъ указать на свое отличіе отъ татаръ, тибетцевъ или другихъ иноземныхъ племенъ, и въ этомъ кроется дѣйствительно ближайшее опредѣ-

леніе китайцевъ какъ отдѣльной націи; лишь одинъ кантонцы сторонится отъ этого титула.

Во время семилѣтняго фактическаго царствованія Ханя (202—194 до Р. Х.) начались вполнѣ достовѣрныя, исторически засвидѣтельствоанныя сношенія китайцевъ съ племенами Хунъ-ну; эти сношенія продолжались во время царствованія его малолѣтняго сына, при которомъ власть была захвачена вдовствующей императрицей (194—179), представляющей собою своего рода первую китайскую Екатерину, а въ политическомъ отношеніи напоминающую собою по многимъ нунѣшнюю вдовствующую китайскую императрицу. Въ описываемое время племена Хунъ-ну считали себя совершенно равными китайцамъ настолько, что въ своихъ сношеніяхъ съ ними они находили познаннымъ заговорить даже о взаимныхъ брачныхъ союзахъ. Великій ханъ этихъ племенъ Мехтехъ прислалъ даже вдовствующей императрицѣ длинную остроумную поэму, которая, по его предположенію, должна была произвести сильное впечатлѣніе на императрицу. Вообще, вся исторія войнъ Китая съ племенами Хунъ-ну во время царствованія династіи Хань полна чрезвычайнаго интереса и живости, нисколько не уступая по остроумію своему содержанію повѣствованій древнихъ грековъ о скивахъ временъ Александра или преданій о гуннахъ временъ Атиллы. Представляется даже не мало солидныхъ основаній отнести къ одному общему этническому норию

скиновъ и гунновъ совмѣстно съ упомянутыми племенами Хунъ-ну, смѣшавшимися вмѣстѣ и об-разовавшими то, что мы позднѣе стали называть *турками*.

Недолговѣчная династія Цинь, правившая въ Китаѣ, оставила послѣ себя новому царствующему дому Хань неблагоустроенное наслѣдство нѣ видѣ лишь наполовину ассимилированныхъ новыхъ завоеваній, непрекращавшихся волпеній среди та-таръ к зародыша будущихъ войнъ съ Кореей, извѣстной тогда подъ названіемъ Чаосянъ. (Chao-sien), а также и съ побережьями южнаго Китая. Вѣсьма вѣроятно, что ближайшей причиной за-думанной войны противъ Кореи было желаніе обезпечить съ этой стороны свой флангъ противъ набѣговъ со стороны Хунъ-ну

Нынѣшняя провинція Чжэ-цзянъ (Ché-Kiang) извѣстна была въ то время нѣ видѣ отдѣльнаго государства Юэ (Yüeh), и хотя позднѣе населеніе этой страны, сохранивъ одинаковыя письма съ юэ Кантона, пользовалось уже инымъ разго-ворнымъ языкомъ, но возможно, что въ первое время этого различія не существовало вовсе, такъ что можно допустить, что нѣ страны, простираю-щіяся нѣ югу отъ р. Янъ-цзы, включая всѣ долины рѣкъ Кантона (Си-цзянъ) и Тонкина (Красной и Черной), были населены однимъ народомъ, который слѣдуетъ признать болѣе родственныиъ анамитамъ, чѣмъ китайцамъ. Возможно допустить также, что всѣ пограничныя страны, примыкавшія къ Китаю,

управлялись въ то время разными искателями приключеній, вышедшими изъ Китая; или, во всякомъ случаѣ, правители этихъ странъ, хотя бы это были туземные князья, были обязательно знакомы въ большей или меньшей степени съ китайской системой управленія, или, наконецъ, въ жилахъ этихъ туземныхъ князей текла уже порядочная доля китайской крови, вприснутой китайскими эмигрантами. Здѣсь опять напрашивается параллель между китайцами и древними римлянами: представляя собою сначала категорію людей дѣловыхъ, пѣдающихъ лишь одно канцелярское дѣло, римляне при всемъ томъ быстро расселились кругомъ по всѣмъ стороны, колонизируя собою города и цѣлыя государства, примыкавшіе къ Италіи, по примѣру того, какъ мы видимъ то же самое въ описываемое время относительно китайцевъ.

Періодъ завоевій продолжался отъ 138 до 110 г. до Р. Х., такъ что, когда императоръ Ву-Ди началъ свою военную карьеру (около 128—108), то единственнымъ вассаломъ китайскаго императора былъ владѣтель города Чанъ-ша (Chang-sha), являющагося нынѣ столицей провинціи Хэ-нань (Hu-Nan). Кантонское государство называлось тогда „Южнымъ Юэ“, а государство Фу-чжоу— „Минь Юэ“; сѣверная часть этого послѣдняго, нынѣ столицей нынѣшній городъ Вэнь-чжоу (Wenchow), называлась тогда „восточнымъ приморскимъ побережьемъ Юэ“. Правителями обѣихъ послѣднихъ странъ были потомки одного общаго родоначаль-

ника государя Юэ, который во время феодального періода сохранилъ за собою полную верховную власть. Впослѣдствіи населеніе упомянутыхъ странъ, около 110 г. до Р. Х., передвинулось въ область рѣки Хуай (Hwai).

Покореніе Корен, упомянутое выше, повело за собою дальнѣйшее открытіе сухимъ путемъ владѣній японцевъ, которые обитали тогда на оконечности Корейскаго полуострова — оъ качествѣ ли пришельцевъ или аборигеновъ страны, не выяснено по сіе время, — а также на южныхъ островахъ Японскаго архипелага. Необходимость обезпечить фланги имперіи противъ набѣговъ племенъ Хунъ - ну, надъ которыми китайцы одержали рѣшительную побѣду въ 119 г. до Р. Х., повлекла за собою заключеніе союзовъ съ разными кочующими племенами въ нынѣшней провинціи Или и въ „Новой Территоріи“, послѣ которыхъ послѣдовало присоединеніе Хотана, Памировъ, Коканда, — словомъ, этимъ путемъ сформировалась вся нынѣшняя Китайская имперія.

Хотя племена Хунъ не были вполне покорены даже и послѣ упомянутыхъ сейчасъ завоеваній и союзовъ, все-таки набѣги ихъ не перестали быть угрожающими, несмотря на то, что этими завоеваніями прерывались ихъ линіи сообщенія. Къ этому времени относится первое знакомство Китая съ Месопотаміей, Сиріей, мѣстоположеніе которыхъ стало тогда извѣстно китайцамъ, а можетъ быть ими даже и посѣщалось уже; существуютъ также

многочисленныя указанія на знакомство китайцевъ того времени съ греческими династіями, царствовавшими въ Бактріи и Афганистанѣ. Около того же времени впервые упоминается въ исторіи Китая о буддизмѣ и Индіи. Попытка проникнуть въ Индію чрезъ нынѣшнюю провинцію Юнь-ань повлекла за собою открытіе, а отчасти присоединеніе, различныхъ племенъ шаньскихъ, тибетскихъ, мяо и другихъ. Съ другой стороны буддійскіе миссіонеры проложили себѣ дорогу къ Китаю чрезъ Туркестанъ и Бирму, которая тогда называлась Дань.

Преданіе говоритъ, что государь Анъ-дунъ, изъ Великаго Циня, прислалъ чрезъ Дань особую экспедицію или миссію въ 166 году послѣ Р. Х. Есть достаточно основаніи предположить, что этимъ государемъ былъ „Антонинусъ“, потому что всѣ торговцы, приходившіе въ Китай съ запада, всегда назывались одинаково „цинъ“ можетъ быть и отъ слова „сиръ“ — Сирія, благодаря ихъ красивому внѣшнему виду, похожему на самихъ китайцевъ.

Присоединеніе племенъ Нань-Юэ повлекло за собою въ свою очередь присоединеніе Хай-наня, Гуангъ-си, полуострова Лянъ-чжоу и, наконецъ, цѣлой половины Кохинхины.

Предполагаютъ, что христіане и евреи проникали въ Китай чрезъ Тартарію во время послѣ-Ханьской династіи, которая царствовала въ нынѣшнемъ Хэ-нань-фу около двухъ столѣтій до Р. Х., по при-

мѣру того, какъ за двѣсти лѣтъ до Р. Х. подобнымъ же образомъ царствовалъ первый императоръ Хань въ Чань-анѣ (Chang'-an) или въ нынѣшнемъ Си-ань-фу.

Вмѣсто тридцати шести провинцій, на которыя дѣлилось государство во время династии Цинь, оно во время такъ называемой послѣ-Ханьской династии было раздѣлено на тринадцать провинцій, заключавшихъ въ себѣ всю территорію, занимающую нынѣ восемнадцать провинцій Собственнаго Китая. Изъ этихъ тринадцати провинцій восемь образовали собою Старый Китай, который тогда, какъ и въ настоящее время, простирался вплоть до нынѣшняго Шанхая или до моря. Весь югъ государства былъ раздѣленъ на четыре провинціи, тогда какъ западная часть образовала одну провинцію; это обстоятельство указываетъ на то, что эта часть государства была еще совершенно недоступна для цивилизаціи: система правленія страны сатрапами была въ полномъ ходу; провинціи отдавались князьямъ не столько для управленія, сколько для кормленія.

Къ сѣверу отъ Великой стѣны обитали все еще племена Хунь-ну, которыя отчасти были уже покорены, отчасти отгнаны на западъ; тутъ же кочевали также тунгусы, занимавшіеся преимущественно охотой, стремясь иногда время отъ времени воскресить пришедшее въ полный упадокъ государство ихъ, основанное родоначальникомъ ихъ славы Хунь-ну. Около этого времени явились

въ Китай тибетскія племена изъ страны Куку-норъ и изъ долины верхняго Янъ-цзы, занимавшіяся скотоводствомъ; племена эти постепенно смѣшались съ народами Шанъ, жившими въ нынѣшней провинціи Юнь-нань, и съ племенами Мяо, обитавшими въ области нынѣшней провинціи Гулинь-си, и съ постепенно отодвинувшимися племенами Юэ, простиравшимися сначала отъ нынѣшняго Нинъ-бо до Кантона. Эти послѣднія племена очень быстро совершенно потеряли свою самобытность и частью были вытѣснены въ Ананъ, частью разтворились среди китайцевъ.

Въ періодъ времени отъ 220 и 265 года по Р. Х. Китай былъ раздѣленъ на три имперіи: пѣ одной, именно въ Сы-чуанѣ (Shuh), воцарилась отрасль старинной династіи Ханъ; во второй имперіи къ югу отъ долины Янъ-цзы (Wu) водворилась династія Сунъ, а къ сѣверу отъ этой долины (Wei)—узурпаторская династія Цао. Это распаденіе Китая на три имперіи напоминаетъ собою раздѣленіе Римской имперіи на восточную и западную съ ихъ самостоятельными столицами въ Константинополь, Равеннѣ и Римѣ. Этимъ раздѣленіемъ Китая на три самостоятельныя имперіи прерывается теченіе обще-имперской исторіи Китая, потому что южная династія остается совершенно въ сторонѣ отъ продолжительной борьбы, завязавшейся на сѣверѣ за политическое господство между племенами тунгусскими, Хунъ-ну и тибетскими; въ то же время сѣверная имперія потеряла всякую связь въ сно-

шеніиъ Китая съ Сиріей, индусами, яванцами и другими торговыми народами, посѣщавшими на своихъ торговыхъ судахъ Кантонъ и другія побережья Китая.

Въ 222 году послѣ Р. Х. императоръ изъ имперіи Ву раздѣлилъ старинное государство Цзяо-чи (Южный Юэ) на двѣ отдѣльно управляемыя половины: то, что теперь называется двойной Кантонской провинціей, получило тогда названіе Гуангъ-чжоу (Kwang-chou), а вторая половина, называемая теперь Тонкиномъ, тогда изгкстна была подъ названіемъ Цзяо-чжоу. Корея тогда ускользнула повсс изъ-подъ влічія Китая, которое исчезло тогда вообще на всемъ Дальнемъ Востокѣ. Однимъ словомъ, вся міровая политика Китая, созданная дпастіей великаго Хань, была сломлена и раздроблена.

Описываемый періодъ раздѣленія Китая представляетъ собою несомиѣнный интересъ; но событія этого времени не находятся между собою въ такой живой связи, чтобы они могли быть изображены достаточно ясно оъ нѣсколькихъ строкахъ, которыя могутъ быть удѣлены для нихъ при настоящемъ сжатомъ изложеніи.

Вотъ краткая таблица, показывающая династіи этого періода въ исторіи Китая, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ относящихся къ сему пояснительныхъ данныхъ.

Названіе періода или династіи.	Продолжительность.	Число государей.	Примѣчаніе.
Цинь	255—206	5	Четвертый изъ этихъ императоровъ самъ объявилъ себя первымъ. Отъ 206 до 202 года до Р. Х. имперія была въ состояніи анархіи.
Хань.	206 до Р. Х.—220 послѣ Р. Х.	27	Послѣ 25 г. по Р. Х. восточная отрасль династіи перемѣщаетъ столицу государства изъ циньшаньго Си-ань-фу въ нынѣшній городъ Хэ-нань-фу.
„Три имперіи“.	220—265	Около 3 въ каждой.	Сѣверная изъ нихъ является, очевидно, главною.
Цзинь.	265—420	17	Послѣ 317 г. по Р. Х. восточная отрасль перемѣщаетъ столицу въ нынѣшній городъ Нан-кинъ.

Отъ 309 до 439 г. послѣ Р. Х. идетъ рядъ перенумерованныхъ династій Хунь-ну, тибетскихъ, тунгусскихъ, китаецкихъ и другихъ, управлявшихъ нѣ различными ханствами на сѣверѣ имперіи отъ Корен до Куку-нора.

Начиная съ 265 года послѣ Р. Х. династія Сы-ма (Sz-ma), о которой довольно сдержанно повѣствуютъ знаменитые историки Китая, была нѣкоторое время хотя и номинально единственной властительницей всего Китая подъ именемъ династіи Цзинь. Это названіе династіи не слѣдуетъ

смѣшивать съ другой старинной династіей Цинь, точно также какъ по соотвѣтствующей аналогіи, свойственной прежнимъ оборотамъ китайскаго языка, нельзя смѣшивать названіи династій Зейнь и Цейнь. Упомянутая императорская фамилія была по преимуществу предана литературѣ и миру, чуждаясь войны и честолюбія. Строго говоря, эта династія Цинь и развила среди китайцевъ тѣ именно качества, которыя мы считаемъ свойственными Китаю. Царствованіе помянутой династіи представляетъ собою золотой вѣкъ каллиграфіи, изящной литературы, игры въ шахматы, поэзіи, склонности къ вѣну, распространеніи вѣровъ; при столкновеніи съ другими народами преобладала наклонность къ стратегическому искусству во избѣжаніе непосредственнаго боя; въ подлѣткѣ господствовала скромность.

Со времени династіи Цинь вошеть въ силу основной законъ Китая, по которому никто не можетъ вступить въ эту страну, а въ крайнемъ случаѣ не можетъ остаться тамъ, не уплативъ за это извѣстной пошлины. Къ этому же времени относятся постоянныя волненія, вызванныя на сѣверѣ имперіи цѣлымъ рядомъ татарскихъ династій. Прочнымъ и неизмѣннымъ послѣдствіемъ этихъ событій, представляющимъ до нѣкоторой степени страннымъ, было то, что центръ тяжести собственно народности китайской измѣнилъ свое положеніе: если бы мы въ настоящее время вздумали доискиваться этимологической чистоты китайскаго

языка, то намъ пришлось бы искать это не въ срединѣ, а на сѣверѣ и югѣ имперіи, именно въ Корей и Кантонѣ. Причина этого явленія объясняется тѣмъ, что въ Кантонѣ мы встрѣчаемъ потомковъ тѣхъ эмигрантовъ, которые во время господства династіи Хань въ обѣихъ половинахъ имперіи бѣжали на югъ, эти-то эмигранты, а пѣ наше время ихъ потомки, и являются носителями чистоты китайскаго языка нѣ томъ видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ былъ въ то время. Точно также многія слова, заимствованныя корейцами изъ китайскаго языка 2000 лѣтъ тому назадъ, сохранились тамъ въ чистомъ неприкосновенномъ видѣ, благодаря тому, что Корея въ теченіе многихъ вѣковъ была татарскими династіями отрѣзана отъ соприкосновенія съ литературой Китая, такимъ образомъ въ Корей сохранились многія слова въ томъ именно произношеніи, въ какомъ они были при династіяхъ Хань.

Постоянные набѣги полудикихъ номадовъ, наводившихъ въ свое время сѣверный Китай, привели къ тому, что эти номады не только смѣшали свою кровь съ китайской, но низвели также на низшую ступень чистоту китайскаго языка, такъ что такъ называемая „мандаринская“ форма рѣчи, въ своемъ отношеніи къ старинному теоретическому языку китайскому съ одной стороны и къ языку употребляемому на побережьяхъ Китая съ другой стороны, стоитъ въ такомъ же родствѣ, которое существуетъ въ отношеніи латинскаго

языка между французскимъ языкомъ съ одной стороны и испанскимъ, португальскимъ и итальянскимъ съ другой.

Взаимное соперничество татарскихъ династій на сѣверѣ было въ концѣ концовъ низвержено туингусскимъ племенемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Тоба, которое въ теченіе двухсотъ лѣтъ управляло сѣвернымъ Китаемъ съ большою жестокостію; въ то же время собственно китайская династія владѣла лишь южной частью Китая. Время это извѣстно въ исторіи Китая подъ названіемъ періода „сѣверныхъ и южныхъ династій“; мы встрѣчаемся затѣмъ съ довольно частымъ явленіемъ, повторяющимся одинаково въ исторіи Китая то въ видѣ правила то въ видѣ исключенія изъ этого правила, по которому нѣкоторые роды татарскіе дѣлятъ господство надъ имперіей съ туземными династіями на одинаковыхъ началахъ. И въ этомъ случаѣ мы опять встрѣчаемъ близкую параллель между исторіей Китая и древняго Рима: какъ въ послѣднемъ разныя Аларихи и Теодорихи, пожившіе Римъ во главѣ иноземныхъ племенъ, положили путь къ образованію на сѣверѣ прочной имперіи франковъ подъ главенствомъ Карла Великаго, такъ и въ Китаѣ господство татарскихъ династій, прерываемое другими, послужило къ образованію новой имперіи; но ни владычество татаръ на сѣверѣ, ни господство туземныхъ династій на югѣ не были постоянны и непрерывны, а смѣнялись одно другимъ.

Не желая сбивать читателя безконечнымъ повѣствованіемъ о томъ, какъ китайскія и татарскія династіи смѣнили другъ друга — что несомнѣнно дало бы лишь туманное представленіе о ходѣ этихъ событій—предпочитаю помѣстить здѣсь краткую таблицу, указывающую смѣну татарскихъ и китайскихъ династій однихъ другими. При этомъ необходимо замѣтить, что независимо отъ указаній этой таблицы столичный городъ въ имперіи часто перемѣщался временно изъ одного пункта въ другой точно также свѣдѣнія, помѣщенные въ таблицѣ относительно сѣверныхъ династій, нѣкоимъ образомъ не могутъ быть признаны совершенно полными.

Къ сказанному выше относительно смѣшенія династій необходимо добавигь, что смѣшанные браки, совершавшіеся между потомками Хань и Хунъ - ну, приводили къ опаснымъ междоусобіямъ, такъ какъ это давало возможность многимъ варварскимъ племенамъ предъявлять свои права на престолъ Китая, ссылаясь на свое происхожденіе отъ Ханя, перпаго китайскаго императора. Изъ приведенной таблицы видно также, что тибетскія племена выдѣляли изъ своей среды небольшое число династій, которыя никогда не присаонвали себѣ власть надъ всей имперіей, несмотря на то, что въ позднѣйшее время имъ удавалось совершить большія завоеванія; между тѣмъ династіи изъ племенъ Хунъ-ну (турецко-татарскія) и тунгусскія (кидане, нюй-чжэни, маньчжуры) появляются

Династія	Родоначаль- ники.	Столица (исходное название).	Продолжитель- ность династии лет.	Истор. в. X.	Или р и т ч а с .
Цзинь (зап.)	Си-ма.	Хэ-нань-фу	265—317		
Цзинь (вост.)	Тоже	Нанкинъ	317—419		
Сунъ	Джо	Си-ань-фу	420—478		
Ли	Сю.	Нанпинъ	479—502		Династія чисто китайскія.
Лянъ	Тоже	Тоже	502—556		
Чень	Чень	Тоже	557—588		
Суй	Лянъ	Си-ань-фу	589—618		
Хань	Джо	Хэ-нань-фу	304—329		Имъ, именемъ Хунь-цзю, срод- нившись съ династіей Хань посредствомъ брака.
Чжао	Цин.	Хэ-нань-фу	319—352		Имъ, именемъ Вейянь, — отъ Хунь-цзю.
Янь	Му-юань.	Линь-чэнь	334—399		Имъ, именемъ тунгусскихъ.
Цинь	Пу или фу	Си-ань-фу	352—395		Имъ, именемъ тибетскихъ.
Постъ Цинь	Яо	Тоже	381—417		
Цинь (зап.)	Ци-фу.	около Ку-чунора	385—428		Имъ, именемъ тунгусскихъ.
Ся	Хэ-инь.	Нань-си	407—428		Хунь-цзю.
Вэй	Тога	Хэ-нань-фу	386—534		Тунгусскія.
Вэй (зап.)	Ю-пей.	Юй-пинь-фу	535—557		
Вэй (вост.)	Гао	То-нань-фу	534—559		Тунгусскія.
Тан (сбл.)	Тоже	Линь-чэнь	559—577		
Чаоу	Кунь-инь.	Тоже	557—581		
Сунъ	Янь	Си-ань-фу	581—618		Чисто китайскія.

затѣмъ неоднократно въ исторіи Китая. О племенахъ монгольскихъ мы въ этомъ случаѣ не говоримъ новее, потому что ихъ слѣдуетъ отнести къ отуреченнымъ племенамъ тунгусскаго корня.

• Послѣ продолжительнаго періода раздѣла имперіи поцарилъ Янъ-изнь энергичный генераль знатнаго происхожденія, состоявшій на службѣ Китая во время царствованія династіи Чжоу; онъ опять соединилъ подъ одинъ скинстръ всю китайскую имперію. Этотъ императоръ былъ убитъ собственнымъ сыномъ, который, несмотря на свое очевидное сумасшествіе, правилъ все-таки страной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ чрезвычайной жестокостью и силой своего оружія распространить престижъ свой до крайнихъ предѣловъ имперіи. Въ это же время, какъ повѣствуется въ исторіи Китая, происходило сношеніе императора съ Фулинемъ или „франками“; многіе, впрочемъ, историки доказываютъ, что „франки“ едва ли могли уже быть извѣстны Китаю въ то отдаленное время и что подъ именемъ „Фулинь“ надо подразумѣвать какой-нибудь другой неизвѣстный намъ народъ; хотя не мѣшаетъ имѣть въ виду, что этотъ намекъ на неправильное обобщеніе народа „франковъ“ съ народомъ „Фулинь“ сдѣланъ значительно позднѣе китайскими историками, во время царствованія династіи Танъ, то есть въ то время, когда китайцамъ уже было хорошо извѣстно—кого именно надо имѣть въ виду подъ названіемъ „франковъ“; аналогичное же сомнѣніе было выражено о фран-

кахъ историками пѣ 1520 году, во время династіи Минъ, но позднѣе, въ 1600 году, было разъяснено съ достаточной очевидностью, что „франки“, „Фу-линъ“ и „Да-цинъ“ представляютъ собою все одинъ и тотъ же народъ.

Возвратимся, однако, нѣсколько назадъ, къ тунгусскимъ племенамъ изъ рода Тоба, которыя въ теченіе 200 лѣтъ направляли событія на сѣверѣ Китая вполне самостоятельно по своему собственному усмотрѣнію. Одновременно съ этимъ періодомъ въ исторіи Китая, около 386—582 гг., возвысилось пѣ сѣверныхъ степяхъ имперіи новое племя номадовъ, называемое Джурджи, или какъ его называетъ историкъ Гиббонъ—племя Джеодженъ; племя это достигло такого могущества, что покорѣ покорило своей власти всѣ остатки племенъ Хунъ-ну на всемъ пространствѣ южной Сибири и въ другихъ мѣстахъ. Одна изъ этихъ ордъ была извѣстна подъ названіемъ „тюрюкъ“; происхожденіе этого названія объясняется соответствующимъ по созвучію туземнымъ словомъ обозначающимъ *шлемъ*, указывая этимъ на горные хребты, охватывавшіе въ видѣ шлема одну изъ главныхъ долинъ, въ которыхъ обитало это племя (приблизительно около 40° сѣверной широты и 102° восточной долготы). Это тюркское племя славилось своимъ искусствомъ въ дѣлѣ кузнечнаго мастерства, вслѣдствіе чего употреблялось ихъ господами, племенемъ Тоба, въ качествѣ оружіейниковъ для выдѣлки разнаго рода оружія.

Пользуясь однако тѣмъ обстоятельствомъ, что племя Тоба стало въ то время клониться къ упадку, тюрки рѣшились помѣриться силами съ джеодженами, и дѣйствительно имъ удалось скоро не только уничтожить совершенно упомянутыхъ номадовъ и занять ихъ мѣсто, но также приобрести господство надъ обѣими тунгусскими династіями въ сѣверномъ Китаѣ, заставивъ ихъ въ то же время вступить съ ними въ брачные союзы.

Китайской династіи Суй, царствовавшей въ 581—618 годахъ, удалось отвергнуть домогательства тюрковъ; по тому же поводу упомянутой династіей Корея была подвергнута онустоженію въ видѣ наказанія за то, что она въ дипломатическихъ сношеніяхъ заигрывала съ турецкимъ ханомъ. Въ описываемое время столицей Кореи служилъ нынѣшній городъ Мукденъ; прежнее названіе этой страны Чао-сіонъ (Chaosien) было оставлено и замѣнено новымъ названіемъ *Гаоли*, которое по мѣстному произношенію совершенно созвучно нашему слову *Корея*. Одновременно съ этими событіями возобновлены были сношенія съ Анамомъ, который былъ тогда раздѣленъ на тринадцать провинцій, организованныхъ по китайскому образцу съ вполнѣ определенной, по крайней мѣрѣ въ первое время, дли уплаты данью въ пользу имперіи.

Предпринятое въ видѣ наказанія покореніе Кореи привело къ присылкѣ особой миссіи въ 1608 году изъ Японіи, извѣстной тогда подъ названіемъ Джи-панъ или Я-панъ или „Восходъ

Солица"; страна эта въ то же время уже претендовала на положеніе особой имперіи. Сношенія съ Ананомъ и Японіей подвинули китайцевъ къ посылкѣ со своей стороны особыхъ пословъ въ страну, носившую названіе „государства красной земли“. Подъ этимъ названіемъ надо разумѣть нынѣшній Сіамъ, хотя названіе это не было тогда присвоено обитавшему тамъ въ то время племени Тай или Шаиъ; происхожденіе же нынѣшняго названія Сіамъ можно объяснить лишь тѣмъ, что обыкновенное бирманское слово „шамъ“ или „шанъ“ было перенячено португальцами письменно въ двусложное слово *m'-ala*, а чрезъ португальцевъ перешло въ Европу въ видѣ ошибочнаго названія Сіамъ.

При упомянутой выше династіи стало впервые слышно объ архипелагѣ Лю-цю (Loochoo), куда китайцы снарядили (именно въ Лю-цю) особую экспедицію, имѣвшую характеръ разбойничьяго предпріятія съ цѣлью взысканія дани. Довольно страннымъ представляется тотъ фактъ, что въ то время китайцамъ ничего не было извѣстно о существованіи острова Формозы, хотя позднѣйшія преданія упоминаютъ о немъ какъ о странѣ, состоявшей въ зависимости отъ Лю-цю, извѣстной въ первое время подъ названіемъ Пи-шэ-джа—слово, очевидно, санскритскаго происхожденія, произносимое сходно со словомъ Війсаджа или Вичана.

Одновременно съ описанными сейчасъ событіями расселившіяся на западѣ имперіи тюркскія

племена образовали собою непреодолимую преграду, отдѣлившую Китай отъ Персіи и Индіи; въ то же время тибетскіи племена оставались также особнякомъ, не приобрѣта еще достаточныхъ силъ для агрессивныхъ дѣйствій.

Таковымъ, въ общихъ чертахъ, представляется нанъ Китай подъ властью династіи Суй, которая пала передъ династіей Танъ такъ же быстро, какъ 800 лѣтъ передъ тѣмъ другая династія Цинъ пала, уступивъ свое мѣсто новому царствующему дому Хань; въ обоихъ случаяхъ причины паденія были одни и тѣ же: династіи были проникнуты слишкомъ революціонными наклонностями и оказались неспособными и не въ силахъ переварить то, что проглотили путемъ завоеваній.

Великая династія Танъ, царствовавшая съ 618 по 907 годъ, должна быть поставлена на одинаковой высотѣ съ великой династіей Хань, представляя собою важнѣйшую эпоху въ исторіи Китая. Со времени этой династіи и по сей день мы видимъ, что нарицательнымъ именемъ для китайца въ Кантонѣ служить слово „Танъ—человѣкъ“. Обстоятельство это между прочимъ указываетъ на изолированное положеніе южной части имперіи съ того времени, какъ династія Хань лишилась тамъ своего престижа; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что водворившееся на югѣ кратковременное господство нанкинскихъ династій не оставило тамъ никакого слѣда на характерѣ и направленіи міровоззрѣніи народныхъ массъ.

Истиннымъ основателемъ династіи Танъ слѣдуетъ считать Ли-ши-миня, сына Ли-юаня, который является номинальнымъ основателемъ этой династіи. Упомянутый императоръ Ли-ши-минь представляетъ собою единственный примѣръ въ исторіи Китая—какъ государь, котораго съ европейской точки зрѣнія слѣдуетъ признать человекомъ благороднымъ и въ то же время храбрымъ, во всемъ искуснымъ и ко псѣмъ сострадательнымъ; онъ былъ чуждъ всякой чванливости и ханжества. Ли-ши-минь лично покорилъ племена турецкія и тунгусскія; такъ что въ теченіе полстолѣтія татары были въ непосредственной зависимости отъ Китая на всемъ пространствѣ отъ Кореи до границъ Персіи, откуда государи персидскіе являются уже въ Китай искать тамъ покровительства. Въ первый разъ въ исторіи Китая мы видимъ, что императоръ китайскій фактически является покорителемъ и господиномъ всѣхъ трехъ государствъ, бывшихъ тогда на Корейскомъ полуостровѣ, которыя въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній управлялись китайцами совершенно какъ провинціи китайскія.

Во время царствованія преемниковъ Ли-ши-миня, среди которыхъ достойна вниманія одна наложница императора, возвысившаяся до положенія китайской императрицы, являясь женой одного императора и регентомъ государства при другомъ императорѣ,—мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ оживленіемъ могущества турецкихъ племенъ

въ теченіе кратновременнаго періода; но затѣмъ это могущество окончательно рушится среди ту-роковъ и переходитъ къ другимъ родственнымъ имъ племенамъ извѣстнымъ подъ названіемъ уйгуровъ (мадьяры).

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія открыты въ Азіи, преимущественно русскими, многочисленныя памятники изъ прошлаго турецкихъ и уйгурскихъ племенъ. Благодаря этимъ памятникамъ, оказалось возможнымъ не только возстановить языкъ древнихъ турокъ при помощи многихъ открытыхъ на памятникахъ надписей, но представляется достаточно основаній для выясненія многихъ вопросовъ въ исторіи Китая по отношенію къ участию въ ней турецкихъ племенъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что турки представляютъ собою вполне опредѣленную южную отрасль племенъ Хунъ-ну; уйгуры же, какъ небольшая вѣтвь байкальской группы племенъ Хунъ-ну, сначала не имѣли, конечно, достаточныхъ основаній присвоить себѣ названіе другого племени, тюркскаго, которое также не было тогда преобладающимъ; но когда это тюркское племя стало главенствующимъ надъ всѣми прочими соприкасавшимися съ нимъ племенами, случилось то, что имѣло мѣсто и среди турокъ, монголовъ, маньчжуровъ, русскихъ, англичанъ, французовъ и всѣхъ, вообще, народовъ на свѣтѣ: именно всему народу въ государствѣ было присвоено одно обобщающее названіе, принадлежащее въ сущности лишь части населенія; такимъ

образомъ уйгуры и турки были объединены подъ общимъ названіемъ Хунъ-ну (сюнь-ну).

Завязавшаяся затѣмъ борьба на западѣ Азіи между турками Бухары съ одной стороны и магометанами съ другой привела этихъ послѣднихъ въ соприкосновеніе съ Китаемъ; такимъ образомъ завязались дружественныя и постоянныя сношенія между халифами и Китаемъ. Одновременно съ династіей Танъ, воцарившейся въ Китаѣ, сформировалось также особое государство *галбоссовъ* въ Тибетѣ; объ этомъ свидѣлствуютъ надписи на двухъ языкахъ, относяшіяся къ описываемому времени, именно на китайскомъ языкѣ и на видопзмѣненномъ санскритскомъ, которыя и теперь еще можно видѣть въ столицѣ Тибета. Вслѣдъ затѣмъ, послѣ возникновенія новаго государства, въ Тибетѣ зародилось оживленное соперничество за политическое господство между Сіамскимъ государствомъ и Тибетскимъ; обѣ стороны оспаривали первенство въ странахъ, образующихъ теперь провинціи Юнь-нань и Сы-чуань. Въ этой борьбѣ, происходившей въ странахъ, лежащихъ по верховьямъ р. Янъ-цзы, принимали участіе вмѣстѣ съ китайцами также уйгуры и арабы.

Во время царствованія въ Китаѣ одного изъ слабыхъ императоровъ изъ династіи Танъ опасность имперіи оказалась на краю гибели, вслѣдствіе союза, заключеннаго между тибетцами и конфедераціей сіамскихъ *чао* (чжао?)¹⁾. Обстоятельство

¹⁾ Слово это и въ настоящее время обозначаетъ въ Сіанѣ „князя“ или „княжество“.

это привело къ тому, что Китайскій Туркестанъ очутился во власти Тибета, въ которой оставался въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Около этого же времени одинъ изъ способныхъ генераловъ Кореи, состоявшій на службѣ Китая, силою оружія распространилъ власть имперіи пѣ страну Кашмира, Балти и Непала, о которомъ тогда стало извѣстно въ первый разъ. Благодаря этому обстоятельству завязались дипломатическія сношенія между Китаемъ и различными князьями и владѣтелями Индіи. Страна Анамъ оставалась все это время подъ китайскимъ управленіемъ и ее постоянно приходилось защищать противъ честолюбивыхъ замысловъ сіамскихъ конфедератовъ. Начиная съ 940 г. послѣ Р. Х. Анамъ управляется уже туземными династіями, хотя и состоявшими данниками Китая.

Несмотря на описанныя выше жестокія распри, происходившія въ Китаѣ, завязываются одновременно съ тѣмъ вполне мирныя сношенія съ другими народами чрезъ южныя моря по всему протяженію береговой линіи; но освоенныя передъ тѣмъ индусами торговыя колоніи на Суматрѣ, Явѣ, Борнео и Зулу были вскорѣ вытѣснены постепенно арабами, которымъ удалось стать прочной ногой также и въ Кантонѣ, Зайтунѣ (Ts'uan-chou), Канфу (или Канпу, около Гань-чжоу) и во многихъ другихъ мѣстахъ на побережьяхъ Китая.

Къ этому времени все шире и шире распро-

страняются въ Китаѣ свѣдѣнія о европейцахъ, о которыхъ становится извѣстнымъ подъ именемъ „фулинь“, „фоланъ“, „франковъ“; это послѣднее названіе проникло въ Китай чрезъ арабовъ сухимъ путемъ по материку Азіи, изъ Персіи. Китайцы отождествляли тогда европейцевъ, именно въ VIII вѣкѣ послѣ Р. Х., съ древнимъ народомъ Да-цинъ; что это такъ, видно изъ надписи на значенномъ „несторіанскомъ камнѣ“, открытомъ европейскими миссіонерами около 300 лѣтъ тому назадъ въ столпѣ Танской династіи, въ Си-ань-фу; въ этой надписи, относящейся къ VII вѣку послѣ Р. Х., говорится на двухъ языкахъ, спрійскомъ и китайскомъ, о христіанской религіи народа *Да-цинъ*. Необходимо замѣтить, что китайцы того времени, повиднмому, не подозревали, что извѣстные имъ тогда пути въ Аравію моремъ и по материку Азіи ведутъ въ одну и ту же страну; не видно также никакихъ слѣдовъ, чтобы въ это время „франки“ или европейцы проникли въ Китай морскимъ путемъ.

Подобно тому какъ сокрушеніе власти племенъ Хунъ-ну воцарившейся въ Китаѣ династіей Хань, расчистило путь къ возвышенію тунгусскихъ династій на сѣверѣ Китая, точно также взыскреніе могущества турецкихъ племенъ династіей Танъ проложило путь къ возвышенію власти китановъ, нюшеновъ, монголовъ и маньчжуръ. Кромѣ того мы въ этихъ періодахъ исторіи Китая видимъ пача́йшее сходство: по принѣру того какъ нѣ-

сколько династій изъ племенъ Хунъ-ну пользовались властію непродолжительное время до тѣхъ поръ, пока не упрочилась власть племени Тоба, о которомъ сказано было выше, такъ и турекія династіи господствовали на сѣверѣ лишь короткое время, пока не окрѣпли вполнѣ кидане или, какъ ихъ называетъ Марко-Поло, кэтань.

Въ 907 году послѣ Р. Х. власть Танской династіи окончательно пала, постѣ чего быстро слѣдовали одна за другой пять династій, въ томъ числѣ были три тюркскаго происхожденія. Во время этой анархіи Анамъ окончательно отпалъ отъ Китая.

Въ 960 году возвысилась новая династія Сунъ, которой снова удалось объединить подъ своей властію большую часть Китая. Династія эта царствовала въ Китаѣ съ 960 по 1260 годъ. По примѣру упомянутой выше династіи Цзинь, Сунская династія отличалась миролюбіемъ, наклонностью къ литературѣ, чуждалась воинственности, честолюбія и не обладала смѣлостью; поэтому мы видимъ, что Сунская династія, также какъ и Цзинская, не могла обезопасить сѣверный Китай отъ докучливыхъ набѣговъ разныхъ хищниковъ. При всемъ томъ время Сунской династіи въ отношеніи мирнаго преуспѣянія считается вполнѣ аогустовскимъ періодомъ въ исторіи Китая.

Кидане образовали могущественную имперію, просуществовавшую 200 лѣтъ, съ 916 по 1115 годъ; столицей этой имперіи въ первое время служилъ

нынѣшній городъ Пекинъ. Кидане были вскорѣ вытѣснены состоявшими у нихъ въ подчиненіи восточными нюй-чжэнями, изъ которыхъ южная отрасль задолго до того времени, именно около 700—900 г. послѣ Р. Х., составляла собою уже вліятельное и цивилизованное государство, служившее буферомъ въ отношеніи Китая на сѣверной границѣ Кореи. Нюй-чжэни съ успѣхомъ управляли китайской имперіей въ теченіе свыше ста лѣтъ, съ 1115 по 1232 годъ, до тѣхъ поръ, пока въ свою очередь не были низвергнуты вновь возвысившимся племенемъ, монголами. Какъ кидане, такъ и нюй-чжэни, строго говоря, управляли лишь стариннымъ Китаемъ, то-есть четырьмя провинціями Чжи-ли, Шань-си, Шань-дунъ и частью Хэ-накъ, но включая также всѣ страны, извѣстныя въ настоящее время подъ названіемъ Монголіи и Маньчжуріи; другими словами, власть нюй-чжэней распространялась по всему пространству, тяготѣющему въ торговомъ отношеніи къ Тянь-цзину. Туркестанъ и Тибетъ лежали внѣ сферы вліянія нюй-чжэней, а государство полу-тибетское, полу-Тоба, извѣстное тогда подъ казаніемъ Ся, называемое Марко-Поло государствомъ Тангутъ, образовало собою въ странѣ Ордоссъ, т. е. въ изгибѣ Желтой рѣки, своего рода преграду для имперіи нюй-чжэней на западѣ.

Во все время упомянутыхъ выше событій Сунская династія господствовала нераздѣльно на югѣ Китая, а также владѣла всѣми морскими торговыми сношеніями, имѣя столицу государства въ

различныхъ пунктахъ нынѣшней провинціи Хэ-нань и, наконецъ, въ Нанкинѣ и Ханъ-чжоу. Въ то же время Корея, Ся и уйгуры поддерживали съ вѣншей стороны приличныя отношенія какъ съ одной, такъ и съ другой половиной Китайской имперіи. Достоинъ вниманія фактъ, что въ предѣлахъ упомянутаго выше древняго Китая въ описываемое время трудно уже найти настоящихъ китайцевъ, которые встрѣчаются преимущественно уже въ сосѣднихъ странахъ, какъ потомки китайцевъ, иммигрировавшихъ туда изъ древняго Китая. Мы встрѣчаемся здѣсь съ аналогичнымъ явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ Шотландіи, которая была заселена, послѣ вытѣсненія пиктовъ, скоттами, прибывшими изъ Ирландіи и ставшими какъ бы аборигенами этой страны.

Въ началѣ тринадцатаго вѣка возвысился могущественный Чингизъ-ханъ. Основаніемъ его обширной имперіи послужилъ ничтожный споръ, возникшій между нимъ и посланцемъ, прибывшимъ къ Чингизъ-хану отъ его сюзерена, китайскаго государя, съ цѣлью заставить его быть болѣе почтительнымъ. Монголы быстро раздѣлались не только съ обѣими половинами Китайской имперіи, но также и съ государствами, состоявшими въ вассальной зависимости отъ Китая, какъ, напримѣръ, съ Ся и съ уйгурами. Вслѣдъ затѣмъ монголы наводнили Туркестанъ, Персію и прилежащія степи, завоевали и присоединили Россію, опустошили Венгрію и даже угрожали существованію Западной Европы.

На югъ Китая Хубилай-хану удалось въ самомъ началѣ возвышенія монголовъ завоевать Юнь-нань и даже Бирму, Анамъ и прочія государства Шань-ской династіи, расположенныя тогда между Анамомъ и Бирмой. Необходимо замѣтить, что самостоятельное государство въ Юнь-нанѣ было основано еще за 300 лѣтъ до Р. Х. состоявшимъ въ ленной зависимости отъ Китая государемъ страны Чу (нынѣшняя провинція Ну-нань).

На востокѣ монголы покорили Корею и привели ее къ вассальной зависимости. Такимъ образомъ вліяніе монголовъ распространилось далеко до восточныхъ и южныхъ морей, вплоть до Цейлона, а Хубилай-ханъ сдѣлалъ попытку покорить даже Яву, подвергнувъ населеніе жестокому отчаянію; онъ предпринялъ также рядъ настойчивыхъ и не менѣе самонадѣянныхъ попытокъ посредствомъ посланки экспедиціи завоевать Японію, отъ которой никогда не удалось ни одному иноземному завоевателю оттянуть хотя бы одну пядь отъ ея территоріи. Словомъ, Хубилай-ханъ является такимъ мировымъ властителемъ, каковымъ ни до него, ни послѣ него никогда не было ни на западѣ, ни на востокѣ. II хотя китайцы показываютъ видъ, что они относятся съ пренебреженіемъ къ „грязнымъ татарамъ“ („сао та-цзъ“), историки ихъ все-таки признаютъ откровенно, что „Ху-билай“—канъ они называютъ Хубилай-хана — властвовалъ надъ самой обширной имперіей, какой до него ни одинъ китайскій императоръ никогда не владѣлъ.

Послѣ смерти Хубилай-хана среди монголовъ быстро появились признаки вырожденія, возникли взаимныя распрн. Тогда одинъ молодой китайскій бонза по имени Чу-Юань-Чанъ, происходившій изъ ничтожной деревушки, расположенной недалеко отъ родины основателя Ханьской династїи, поднялъ противъ монголовъ патріотическое движеніе „боксеровъ“, при помощи которыхъ онъ прогналъ монголовъ обратно въ ихъ первобытныя степи. Этотъ Чу немедленно возобновилъ дружественныя сношенія съ Кореей, снова объединилъ всѣ восемнадцать провинцій Китая подъ властью туземной китайской династїи и отправилъ въ Европу особаго посланника возвѣстить о пѣхъ этихъ перемѣнахъ; вслѣдъ затѣмъ ему удалось всѣ мелкія южныя государства поставить въ ихъ прежнія обязательныя отношенія къ Китаю.

Первыя царствованія новой Минской династїи, продолжавшейся съ 1368 по 1643 годъ, ознаменовались наибольшимъ оживленіемъ дѣятельности китайцевъ на моряхъ. Китайскія джонки, подъ начальствомъ одного знатнаго евнуха, обильно снабженныя всѣмъ необходимымъ и воинственнымъ экипажемъ, доходили тогда даже до береговъ Аравїи и Африки. Тогда же китайцы впервые узнали о Красномъ морѣ. Въ теченіе нѣкотораго времени въ Китай регулярно доставлялась дань изъ Аравїи, Малабара (въ Индіи), острововъ Цейлона, Суматры, Явы, изъ Сіама, Малайскихъ государствъ, а также отъ владѣтелей многихъ дру-

гихъ мелкихъ острововъ, которые не настолько важны, чтобы стоило перечислять ихъ здѣсь.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія Корея была наводнена арміями знаменитаго Хидойоши, который считается японскимъ Наполеономъ. Сокровенной цѣлью этого завоевателя было собственно покореніе Китая. Несмотря на то, что Минская династія уже одряхлѣла и клонилась къ упадку, она все-таки подала помощь Корей, чтобы прогнать японцевъ. При всемъ томъ японцы въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ дѣятельно опустошали берега китайскіе и въ 1609 году завладѣли государствомъ Лю-лю, освободивъ его отъ подданства Китаю. Во все время почти трехсотлѣтняго царствованія Минской династіи въ Китаѣ очень мало знали о Маньчжуріи, которая вела тогда частыя походы съ монголами; незамѣтно, во время этого періода изолированнаго положенія Маньчжуріи, тамъ возвысилось могущественное племя, обитавшее вблизи предѣловъ Китая, которое захватило въ плѣнъ одного изъ китайскихъ императоровъ Минской династіи и водворило его въ крѣпости, расположенной непосредственно за великой стѣной, называемой Тулу, съ вѣшной стороны, продержавъ его тамъ арестованнымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Далѣе въ исторіи Китая упоминается впервые въ 1410 году объ островѣ Люцонѣ (Манила), какъ посылающемъ дань Китаю; но затѣмъ до 1576 года теряются опять всякіе слухи объ этой мѣстности, о которой вновь появляются свѣдѣнія лишь въ

виду появленія съ этой стороны „франковъ“ (фуланговъ), привлекающихъ все болѣе и болѣе усиленное вниманіе китайцевъ. Сначала названіе „франковъ“ давалось китайцами безразлично португальцамъ, испанцамъ и французамъ; голландцы же, а въ послѣдствіи англичане, были извѣстны подъ особымъ назпаніемъ „красноволосыхъ“.

Ко времени появленія европейцевъ со стороны южныхъ морей вліяніе Китая въ прилегающихъ странахъ почти совершенно исчезло, а послѣ водпоренія португальцевъ на Малакскомъ полуостровѣ китайцы лишились здѣсь послѣднихъ остатковъ политическаго вліянія. Обитавшіе въ этихъ странахъ китайскіе торговцы совершенно добровольно подчинились режиму правительствъ туземныхъ или европейскихъ, не пытаясь новее обезопасить себѣ покровительство китайскаго правительства подъ главенствомъ Минской или позднѣе Маньчжурской династін; эта послѣдняя, впрочемъ, всегда смотрѣла на китайскихъ эмигрантовъ, ухидившихъ для торговли въ сосѣднія страны, какъ на пиратовъ и измѣнниковъ. Необходимо замѣтить, что, отказавшись отъ политическаго вліянія въ южныхъ странахъ, Китай подъ господствомъ Маньчжурской династіи сохранилъ все-таки прочное положеніе на островѣ Формозѣ, откуда китайцами были позорно изгнаны голландцы.

Минская династін вела продолжительную войну съ Бирмой и съ состоявшими подъ ея покровительствомъ государствами; въ общемъ война эта

была успѣшна для китайцевъ. Династія эта поддерживала также преобладающее вліяніе Китая въ Анамѣ, Сіамѣ, Сіампѣ и Камбоджѣ. Дань въ это время получалась обыкновенно изъ Аравіи, Самарканда, Пампрскпхъ государствъ и изъ различныхъ частей Туркестана. При всемъ томъ вліяніе Китая въ Тибетѣ, къ западу отъ него и во всѣхъ мѣстностяхъ, лежащихъ по верховьямъ Желтой рѣки, было непрочно и ненадежно.

Въ противоположность твердому и суровому характеру основателя Минской династіи и его воинственнаго сына, который во время своего царствованія перенесъ столицу имперіи изъ Нанкина въ свою собственную вотчину—нынѣшній Пекинъ, всѣ прочіе императоры этой династіи въ общемъ не оставили о себѣ въ китайскомъ народѣ особой любви или уваженія, такъ какъ большая часть правителей этого царствующаго дома находилась подъ вліяніемъ разныхъ евнуховъ и фаворитовъ. Въ концѣ концовъ династія эта прекратилась, кончивъ свое существованіе такъ позорно, какъ это едва ли случалось съ какой-нибудь другой династіей въ исторіи Китая.

Ниже помѣщена таблица, показывающая въ общпхъ чертахъ различныя династіи или періоды съ соотвѣтствующей имъ краткой характеристикой.

Исторія воцаренія Маньчжурской династіи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во время владычества монголовъ (1260—1360) воинственный духъ среди кочевыхъ тунгуэскихъ племенъ, про-

мышлявшихъ охотой, поддерживался непрерывно тѣмъ, что племена эти тогда преимущественно употреблялись при экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ противъ Японіи. Выше мы видѣли, что во время царствованія Минской династіи вся страна, извѣстная теперь подъ названіемъ Маньчжуріи, была предоставлена самой себѣ, а такъ какъ страна эта носила тогда монгольское названіе Уріанхай, то весьма вѣроятно, что, изгнанные изъ Китая, монголы, и въ особенности монгольское племя уріанхайцы, нашли себѣ пріютъ въ этой странѣ, удержанъ въ этой старинной своей вотчинѣ политическое вліяніе. Во время Хубилай-хапа страна эта заключалась именно въ предѣлахъ нынѣшней Маньчжуріи. Имя знаменитаго монгольскаго генерала Уріанхадая въ сущности и обозначаетъ „человѣкъ изъ Уріанхая“. Взаимныя дружественныя сношенія Китайской имперіи во время Минской династіи съ племенемъ уріанхайцевъ заключалось, главнымъ образомъ, лишь въ торговомъ обмѣнѣ, который происходилъ на пограничныхъ ярмаркахъ между китайцами и уріанхайцами, доставлявшими для торговли лошадей, пушнину и кожи.

Во время этого мрачнаго періода исторіи Китая, подъ властью бездѣятельныхъ правителей Минской династіи, всѣ уномянутыя племена стали группироваться и стремиться къ сліянію въ одну маньчжурскую расу. Сами маньчжуры не могутъ, однако, рассказать намъ обстоятельно исторію ихъ собственнаго происхожденія и о событіяхъ ихъ

Династїи или періоды.	Продолжи- тельности.	Число правите- лей.	Примѣчаніе
Суй	589—618	4	Фактическихъ правителей было лишь два. Династія отличается замѣчательной дѣятельностью.
Танъ . . .	618—907	22	Три династїи тюркскаго происхожденія. Киндзѣ господствуютъ на сѣверѣ. На югѣ и западѣ Китай сохраняетъ независимость подъ владычествомъ отдѣльныхъ правителей, образуя такъ называемыя „шестнадцать государствъ“.
Пять династїй или такъ называемый періодъ Ву-дай . . .	907—960	10	Хотя въ исторіи этого періода и нѣтъ под-раздѣленія Китая на соотвѣтствующіи династїи
Сунъ . . .	960—1260	18	
Кин-дай . . . 912—1117			

			исторіи всего Китая, хотя, начиная послѣ 1197 г., Сунская династія покинула весь сѣверъ Китая, простиравшійся къ сѣверу отъ долины Янцзи. Вся эта часть имперіи въ теченіе 300 лѣтъ, а также вся пекинская равнина были въ рукахъ татаръ.
Юань (монгольская)	1260—1368	9	Хубилай-ханъ и его преемники занимають престолъ въ Пекинѣ.
Минь (китайская)	1368—1643	17	Эта династія впервые послѣ промежутка въ 450 лѣтъ, приводитъ сѣверный Китайъ подъ господство туземной династіи.
Цинь . . . . . (Маньчжурская)	1644—1900	9	Въ счетъ исходятъ правители, предшествовавшіе до 1644 г., точно такъ же какъ въ династію Юань не включены монгольскіе ханы, предшествовавшіе восшествію на престолъ Хубилай-хана.

жизнедеятельности, предшествовавших появлению среди них вождя Нурхана, которому и пришла на голову счастливая идея объединить все тунгусские племена в один народ. Многие из южных вождей тунгусов, породнившихся уже с монголами, не пожелали идти навстречу „тому объединению, вследствие чего прибегали к сопротивлению или интриговали против Нурхана в Китае, куда впоследствии спасались бегством. Все это повело к безконечным взаимным упрекам, а затем к пограничным с Китаем войнам, которые кончились покорением китайских пограничных племён при сыне и преемнике Нурхана¹⁾ Абахе.

Во время описываемых событий в вырождавшемся Китае вспыхнуло возмущение, направленное против Минской династии. Тогда посланный для действий против маньчжурь монгольский генерал Вусань-гуи был отозван обратно в Китай для подавления возмущения. Тем временем столица государства Пекин попала в руки мятежников, что заставило Вусань-гуя решиться на необходимый шаг — просить помощи у маньчжурь. Не дожидшись этой помощи, китайский император окончил свою жизнь самоубийством, а так как сын не оставил кости себя наследником, то это быстро подлинуло маньчжурь воспользоваться обстоятельствами и завладеть престолом в Китае. Сын и преемник Абаха сделался

¹⁾ Нурхан получил имя эрхем татун Тай-цзун, преемник его Абаха известен в истории под именем Тай-цзунца.

первымъ императоромъ Маньчжурской династiи въ Китаѣ въ 1644 году.

Вслѣдъ за этимъ Корея и восточная часть Монголіи были приведены въ вассальную зависимость отъ Китая; вмѣстѣ съ тѣмъ китайское правительство принимаетъ спеціальныя мѣры съ цѣлью комплектованія маньчжурскихъ войскъ соответствующими контингентами изъ монгольскихъ племенъ и объединенія въ одну общую съ маньчжурами военную организацію. Корея въ отношеніи внутренняго управленія была предоставлена самой себѣ, но при подразумѣваемомъ условіи — предоставить свои войска въ распоряженіе Китая, когда потребуется.

Маньчжуры вели постепенно завоеваніе китайской имперіи; скоро имъ удалось покорить надменнаго Ву-сань-гуя и другихъ китайскихъ сатраповъ, а также западныхъ монголовъ, Халхассовъ, Куку-норъ и Тибетъ. Въ царствованіе императора Цинь-луна (1736—1795) имперія Китайская достигла значительныхъ территоріальныхъ приращеній. Необходимость окончательнаго покоренія калмыковъ Джунгаріи и другихъ сосѣднихъ племенъ заставила Китай покорить Или и Кашгарію; подобнымъ же образомъ войны, возникшія между Китаемъ и Тибетомъ, привели къ завоеванію и умиротворенію Непала. Кромѣ того Маньчжурская династія вела еще продолжительныя войны съ Анамомъ и Бирмой, во время которыхъ маньчжуры не всегда были побѣдителями, но въ концѣ концовъ войны эти все-таки приводили къ болѣе или менѣе искрен-

нему признанію господства Китая. Даже съ Сіа-момъ маньчжурская династія заговорила въ повелѣвающемъ тонѣ, когда это государство вздумало вмѣшиваться въ дѣла полуострова; притомъ же южныя государства, строго говоря, мало понимали различіе положеній, наступившее въ Китаѣ вмѣстѣ съ воцареніемъ Маньчжурской династіи.

Относительно Японіи маньчжуры всегда держались политики строгаго невмѣшательства, находя себѣ вѣрнаго вассала въ лицѣ владѣтеля архипелага Ликійскаго (или Лю-цю), который былъ одинаково вѣренъ и Японіи; но послѣ 25 лѣтъ совмѣстнаго господства японцы безцеремонно удалили оттуда китайцевъ.

Султаны Зулу также относились съ почтительнымъ расположеніемъ къ маньчжурамъ. За исключеніемъ упомянутыхъ сейчасъ случаевъ Маньчжурская династія, не питавшая, вообще, никакого тиготвпія къ морскимъ сношеніямъ, сама отказалась совершенно отъ всякаго политическаго вліянія на побережья южныхъ морей, слѣдуя въ этомъ отпущеніи примѣру своихъ сородичей, кдапей и нюйчжаней. Но какъ государство сухопутное китайская имперія подъ господствомъ маньчжурской династіи достигла даже большей прочности, чѣмъ при монголахъ. Мы видимъ это изъ того, что хотя непосредственные преемники Чингизъ-хана разоряжались княжескими престолами въ Россіи, Арменіи и Персіи, но въ отношеніи Китая даже изнебогѣ могущественный монгольскій императоръ,

Хубилай-ханъ, былъ на самомъ дѣлѣ пластителемъ лишь въ предѣлахъ имперіи, обнимающихъ только нынѣшкія восемнадцать провинцій Китая, находясь при этомъ въ непрерывныхъ столкновеніяхъ и борьбѣ со своими вассалами въ Монголіи и Маньчжуріи.

Кромѣ того необходимо замѣтить, что и въ смыслѣ интеллектуальною маньчжурская династія должна быть поставлена ямше монгольской, которая никогда не отличалась большой мудростью, наклонностями къ литературѣ и никогда не господствовала въ финансовомъ отношеніи надъ источниками богатства страны. Что же касается отношеній маньчжурской династіи къ Европѣ, то вопросъ этотъ по важности своей будетъ изложенъ въ особой главѣ.

Въ заключеніе необходимо упомянуть здѣсь, что возникшая борьба Китая съ номадами и татарами знаменуетъ собою начало упадка имперіи и продолжается въ настоящее время до нашихъ дней, когда мы видимъ „боксеровъ“ и другихъ реформаторовъ снова выступающими на борьбу за достиженіе той именно цѣли, отъ которой только что вынужденны были отказаться тайпинги, это — возмущеніе Китая китайцамъ. Возстаніе тайпинговъ началось, какъ извѣстно, въ мѣстности, носящей названіе Цзинь-тинъ (Kin-t'ien. Sun-chou-Fu), въ провинціи Гуанъ-си. Китайцы приписываютъ это возстаніе, какъ и мятежъ „боксеровъ“, вспыхнувшій въ 1808—1816 годахъ, влиянію иноземныхъ религій, проникшихъ въ Китай.

ГЛАВА III.

Понятіе о древней торговлѣ Китая.

Исторія торговыхъ сношеній Китая, точно также какъ это замѣчено выше относительно общей исторіи страны, представляетъ для насъ дѣйствительный интересъ лишь съ того времени, когда начинаются внѣшнія сношенія имперіи съ другими странами. Съ самаго начала въ исторіи Китая торговый человѣкъ ставится на одинаковую ступень съ обыкновеннымъ ростовщикомъ: на него смотрять какъ на человѣка вреднаго, пмѣющаго цѣлью не увеличеніе народнаго состоянія, а заставить другихъ пользоваться всѣмъ необходимымъ изъ его рукъ. Самое простое отвѣщенное понятіе о законномъ торговомъ обмѣнѣ принималось не въ смыслѣ облегченія для жизни условій роскоши и комфорта посредствомъ взаимнаго обмѣна произведеній, а лишь какъ средство предохранить голоднаго отъ смерти и снабжать армию пищею и оружіемъ.

Книга „исторія Китая“ говоритъ: „не прида-

вайте слишкомъ большого значенія въ обиходѣ жизни предметамъ иностраннаго производства, ибо иностранцы очень рады будутъ доставить вамъ все это изъ своихъ рукъ". Существуютъ преданія, относящіяся къ миѣической и полуйсторической жизни Китая, что жители острововъ съ юга доставляли дань китайцамъ, а татуированныя племена изъ нѣкоторыхъ частей Ю-з, нынѣшняго Вэнь-чжоу, привозили для продажи или для обмѣна мечи, шиты, ящики изъ рыбьей кожи и проч. Строго говоря, дань или подать древнихъ временъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему понятію о торговлѣ, потому что каждая провинція обязана была доставить своей метрополіи избытокъ тѣхъ продуктовъ, которые производились этой провинціей въ наилучшемъ видѣ, получая взаменъ этого подарки и преміи отъ правительства, въ видахъ поощренія промышленности. Мечи, золото и серебро, черепаха, разные товары, а въ послѣдствіи мѣдныя монеты пріобрѣтають мало-по-малу значеніе ходячей мѣнопой монеты, и главной заботой правительства является стремленіе снабдить народъ этой примитивной монетой въ достаточномъ количествѣ. Мечи, въ особенноти, становятся постепенно символической монетой въ формѣ „монетъ-ножей".

До сего времени мы видимъ, что большая часть бирманцевъ является индиферентной къ богатству въ такой же степени, какъ это можно предположить относительно китайцевъ въ былое время. Лишь въ эпоху жизни Конфушін, представляющую собою

періодъ взаимнаго соперничества различныхъ государствъ подъ главенствомъ номинальной гегемоніи ихъ государей,—мы замѣчаемъ появленіе идеи накопленія богатствъ и выгодъ, которая мало-помалу овладѣваетъ всѣми помыслами людей. Нѣкій государственный челоѣкъ, по имени Гуань-Чунь, изобрѣлъ еще особый способъ наживы, по которому торговые люди соседнихъ государствъ, посѣщавшіе его страну, увлекались особыми „вавилонскими женщинами“, склонявшими торговцевъ оставить у нихъ большую часть ихъ барышей; такимъ образомъ эта предприимчивая страна умудрялась выгодно продавать свои произведенія, да еще удерживала въ своихъ рукахъ часть денегъ, подлежащихъ уплатѣ. Объ этой эпохѣ историкъ китайскій выражается такъ: „мошенничество и наспіе начинаютъ вытѣснять собою право и справедливость, жадность къ пріобрѣтенію богатствъ выпѣдряется въ умахъ людей вмѣсто скромности и челоѣчности: многіе безчувственные и огрубѣлые люди накапливаютъ огромныя богатства въ то время, когда на ихъ глазахъ другіе мрутъ отъ голода“...

Когда великій завоеватель Цинь (221—209 до Р. Х.), называющій себя „первымъ“ императоромъ, объединилъ въ одно цѣлое всю имперію китайскую, ходячей мѣновой монетой, какъ увѣряютъ историки, служило вѣсовое золото, не чеканенное въ видѣ монеты, и полууницовые мѣдные знаки въ видѣ монетъ. Серебро, олово, драгоценности, раковины, черепаша и пр. изгѣли непостоянную рыночную

цѣнность и если обращались въ формѣ ходячей монеты, то незаконнымъ образомъ. Продолжительныя усилія, которыя напрягались китайской имперіей съ цѣлью отгѣснить отъ границъ сѣверныхъ кочевниковъ, въ значительной степени истощили государство; къ этому еще присоединилось разорительное взаимное соперничество разныхъ генераловъ за престолонастѣдіе, кончившееся, какъ извѣстно, торжествомъ династіи Хань. Все это привело къ тому, что въ царствованіе императора Хань цѣны на разнаго рода зерно и на лошадей достигли легендарныхъ размѣровъ. Кстати замѣтить, что основатель упомянутой династіи, можетъ быть, и является вслѣдствіе челоуѣкомъ, по деликатнымъ онъ, во всякомъ случаѣ, не былъ: чтобы напимѣръ, показать свое пренебреженіе какъ государя по отношенію къ „разнымъ писакамъ“, онъ неоднократно съ умысломъ употреблялъ „литераторскую“ шляпу для самыхъ низменныхъ отправленій челоуѣческихъ; желая показать мелкимъ торговцамъ свое презрѣніе, какъ законодателя, онъ „запретилъ“ торговцамъ одѣваться въ шелкъ и ѣздить въ экипажахъ, возложивъ на нихъ подати и штрафы всякаго рода съ цѣлью унижить ихъ и сдѣлать несчастными“.

Послѣ смерти императора Хань жена и сынъ его до нѣкоторой степени облегчили упомянутыя тягости для купцовъ; положеніе имперіи въ финансовомъ отношеніи стало постепенно улучшаться, но „дѣти купцовъ все еще лишены были по

закону офіціального положенія“, что представляется случайнымъ историческимъ доказательствомъ того положенія, что торговый людъ, вообще, былъ обездоленъ въ соціальному отношеніи.

Главнымъ предметомъ торговой спекуляціи въ то время было зерно разнаго рода, необходимое для войскъ; поэтому купецъ въ то время, какъ вездѣсущій поставщикъ арміи, является такой же мпшенію для нареканій, какъ во время Наполеона I навлекали на себя его упреки поставщики и комиссары его италіанской арміи. Затѣмъ разныя богатства пріобрѣтались посредствомъ „выплавки желѣза и выпариванія соли“. Путемъ добытыхъ богатствъ люди богатые постепенно пріобрѣтали власть и силу надъ людьми бѣдными, которыхъ исподволь поработали. Впослѣдствіи провинціальныя сатрапы и своекорыстные чиновники эксплуатировали въ собственную пользу „мѣдныя горы“; это обстоятельство, а также тайная чеканка мѣдныхъ монетъ понизили номинальную цѣнность ходичей монеты.

Знаменитый императоръ Ву-ди (140—86 до Р. Х.), принадлежавшій къ древней Ханьской династіи, отличался, какъ извѣстно, особой дѣятельностью въ военномъ отношеніи, благодаря чему онъ первый открылъ всю западную часть нынѣшняго Китая и довелъ имперію до высшей степени. Этотъ императоръ усвоилъ себѣ отчасти такіе же приемы, какъ впослѣдствіи нѣкоторые изъ англійскихъ королей: онъ, напригвръ, разсылалъ всюду

своихъ комиссіонеровъ для взыскиванія и сбора какъ разныхъ штрафовъ съ провинившихся въ чемъ-нибудь, такъ и добровольныхъ даяній отъ богатыхъ; кромѣ того, онъ безстыдно подвергалъ конфискаціи частныя богатства пѣ обширныхъ размѣрахъ. Въ своей столицѣ Ву-ди поставилъ особое должностное лицо, возложивъ на него обязанности слѣдить за тѣмъ, „чтобы купцы и лавочники не получали отъ торговли слишкомъ большихъ выгодъ, а также чтобы заботиться о перевозкѣ и доставкѣ товаровъ, о поддержаніи officialнаго контроля надъ всѣми ремесленниками и регулированіи цѣнъ на предметы первой необходимости“.

Выше приведены лишь нѣкоторые данныя для поясненія взглядовъ китайскихъ законодателей прежняго времени съ цѣлью доказать, съ какой подозрительностью они относились къ торговлѣ. Но и тѣ скудные примѣры, которые приведены выше, доказываютъ намъ, что въ древнія времена въ Китаѣ смотрѣли на торговцевъ совершенно съ той же точки зрѣнія, какъ англійскій король Эдуардъ I смотрѣлъ на евреевъ.

Упомянутые выше факты не даютъ намъ, однако, близкаго понятія о системѣ древней торговли Китая; изъ нихъ не видно также, какъ организована была тогда иностранная торговля. Но изъ того факта, что въ благополучные годы доходы государства насчитываютъ свыше 5—6 милліоновъ сотенъ центнеровъ зерна и кусковъ шелка, можно

заклѹчитьъ, что основой государственныхъ доходовъ, а также внутренней торговли, служилъ хлѣбъ въ зернѣ или продовольствіи войскъ и населенія бѣдныхъ округовъ. Остальные предметы торговли имѣли побочный характеръ: соль—чтобы сдѣлать хлѣбъ вкуснымъ, желѣзо — чтобы изготовлять котлы для выпариванія соли и для вытѣлки оружія для войскъ; лошади, фуражъ и повозки—чтобы доставить войскамъ перевозочныя средства, шелкъ—какъ патъ и матеріалъ для платья, ибо бумажныя ткани были еще тогда неизвѣстны, мѣдь—для всеобщаго пользованія въ видѣ ходячей монеты. Драгоцѣнные камни всякаго рода собирались и хранились тогда, какъ и въ настоящее время, въ вѣтѣ склада, сокровища.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего необычайнаго. Даже въ настоящее время мы видимъ, что во чногихъ китайскихъ деревняхъ, считающихся благоденствующими, богатство обывателя заключается всего лишь въ томъ, что у него имѣется свинья, нѣсколько штукъ домашней птицы, желѣзный котелъ для варки пищи, грубой работы ткацкій станокъ, нѣсколько нитокъ монетъ и нѣсколько платья изъ шелка или хлопчатой бумаги для носки при нѣсколькихъ кускахъ соли и нѣсколькихъ унціяхъ опиума для продажи. До сего времени новинками въ китайской жизни служатъ хлопчатая бумага, керосинъ, опиумъ, табакъ, спиртъ и чай. Сколько могу заключить изъ собственныхъ моихъ наблюденій, вынесенныхъ изъ жизни въ полудюжнѣ

китайскихъ провинцій, перечисленными выше предметами, являющимися новинками по настоящее время, исчерпывается все богатство китайское, и недостатокъ этихъ предметовъ указываетъ соотвѣтственно на разныя степени бѣдности.

Съ тѣхъ поръ, какъ упоминается въ исторіи Китая о сношеніяхъ съ иностранными народами, мы узнаемъ о взаимномъ обмѣнѣ подарками между государствами, стоявшими на равной ногѣ между собою, или о присылкѣ дани подвластными своимъ сюзеренанъ, при чемъ въ обоихъ случаяхъ дѣйствія эти представляютъ собою въ сущности торговый обмѣнъ въ первобытной формѣ. Предлагая свою руку и сердце вдовствующей китайской императрицѣ, знаменитый царствующій поэтъ племени Хунъ-ну, ханъ Мехтехъ (209—173 до Р. Х.), выражается, между прочимъ, такъ: „я бы желалъ обнѣять то, что у меня имѣется, на то, чего у меня нѣтъ“. Этими словами Мехтехъ намекалъ, конечно, на торговлю; но императрица китайская, исходя изъ своихъ женскихъ понятій, принимала предложеніе это въ смыслѣ личныхъ отношеній и отвѣтила хану протестомъ, указывая ему на то, что ея тѣлесныя преимущества—и въ особенности ея волосы и зубы—не найдугъ себѣ у хана соотвѣтственной цѣнности. Мехтехъ, въ свою очередь, посылалъ императрицѣ верблюдовъ, лошадей, экипажи, а получалъ, между тѣмъ, въ видѣ отвѣтныхъ подарковъ разныя ватныя и шелковыя платья, пряжки, булавки, вышивки и проч. Подарки эти

были, конечно, совершенно излишни для татаръ, и они предпочли бы получать за свои подарки ежегодную субсидію зерномъ, дрожжами и хмелемъ, ибо татары питали наклонность къ пьянству и весьма охотно готовы были разнообразить свой туземный нумысъ китайской *самшу* (водкой).

Уже около 140 лѣтъ до Р. Х. упоминается въ исторіи Китая о существованіи пограничныхъ ярмарокъ и тайной торговли. Сосѣдніе кочевники доставляли для продажи китайцамъ лошадей, домашній скотъ; тогда уже высоко цѣнились особые сорта лошадей, подъ названіемъ „пробѣгающихъ зоо миль въ день“, или „крово-потныя“, кокандскія лошади. Стариннѣйшими предметами торговли сѣверной Кореи были лошади, жемчугъ, оружіе, породы дерева, пригодныя для выдѣлки оружія, и другія произведенія, которыя распространялись отсюда далеко по Маньчжурш.

Еще ранѣе, во время Конфуція (550—480 до Р. Х.), упоминается о произведеніяхъ пограничныхъ тунгусовъ, доставлявшихъ для продажи издѣлія изъ льна и пеньки, камель, ляписъ-лазурь. Въ восточной части Корейскаго полуострова желѣзо было такъ распространено, что оно является тамъ единственнычъ предметомъ въ видѣ ходячей монеты; японцы, а также прочія корейскія государства, обыкновенно пріобрѣтали желѣзо въ упомянутой части Кореи.

Когда китайскій императоръ былъ озабоченъ вопросомъ о необходимости обезпечить флангъ имперіи противъ набѣговъ татарскихъ племенъ, онъ

отправилъ знаменитаго путешественника Чжанъ-цянь (Чангъ-Кіенъ) съ особой миссіей (около 180—110 г. до Р. Х.) къ нѣкоторымъ племенамъ враждебнымъ татарскимъ Хунъ-ну, прогнаннымъ этими послѣдними въ страну, извѣстную нынѣ подъ названіемъ Или. Но прежде чѣмъ китайскій посланникъ добрался до этой страны, упомянутые помады были вытѣснены изъ страны Или въ государство греко-бактрійское, населеніе котораго было въ то время въ значительной степени ослаблено постоянными нападеніями парянъ; вытѣснивъ бактрійцевъ по направленію къ Оксусу (Аму-Дарьѣ), эти номады утвердились въ новой странѣ, затѣмъ они перешли чрезъ Оксусъ и постепенно образовали особую Индо-Скиѣскую имперію, просуществовавшую отъ 150 г. до Р. Х. до 50 г. послѣ Р. Х. Не достигнувъ цѣли своей миссіи, Чжанъ-цянь взявъ былъ въ плѣнъ племенами Хунъ-ну, которыя продержали его у себя въ плѣну свыше 10 лѣтъ, послѣ чего ему удалось бѣжать въ нынѣшній Кокандъ, откуда онъ пробрался въ Греко-Бактрію. Изъ этой послѣдней страны Чжанъ-цянь возвратился въ Китай, доставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ подробный отчетъ о эсѣй западной Азіи того времени, отъ Месопотаміи до Памировъ. Въ своемъ отчетѣ онъ говоритъ, что встрѣчалъ китайскіе товары въ Бактріи, куда по его словамъ товары проникаютъ чрезъ Индію.

Отчетъ, представленный Чжанъ-цянемъ, подвинулъ китайскаго императора послать его съ новой

миссіей иъ Или и Кокандъ. Обѣ эти страны были латѣмъ завоеваны китаицами и вынуждены признать спую зависимость отъ китаиской имперіи.

Одновременно съ описанными событіями китаиское правптельство обратило также вниманіе на Юнь-кишъ и Кантонъ: первый приобрѣталъ значеніе иъ виду того, что чрезъ эту страну предполагался путь иъ Индію, а второй потому, что туда доставлялись порѣкѣ пропзведенія Юнь-наня. Обстоятельство это привело къ постепенному завоеванію обѣихъ странъ и къ лучшему изученію торговыхъ путей, но съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней не осуществлена южная почтовая линія отъ Кантона до Бактрін, которая ожидалась еще и въ то время. Въ переговорахъ, предшествовавшихъ завоеванію Кантона (110 г. до Р. Х.), государь Южнаго-Юэ выражалъ неудовольствіе на то, что ему не позволяютъ ввозить въ Китай желѣзо, земледѣльческія орудія, сачокъ разныхъ животныхъ; отвѣтные подарки этого государя китаицамъ состояли тогда, между прочимъ, изъ роговъ носорога, а также павлиновъ, которые, вѣроятно, доставлялись моремъ иъ Киптопъ по торговымъ путямъ того времени.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ прийти къ слѣдующему, достаточно вѣроятному, выводу о томъ, въ какомъ формѣ представляется старинная сухопутная торговля Китая, при чемъ ради болѣе ясной будемъ употреблять не древкія, а современные названія мѣстностей.

Наиболѣе искусные въ морской торговлѣ фи-

никійцы, карвагеняне и сирійцы пѣ свое время пели уже обширныя торговыя сношенія съ Китаемъ во время царствованія Ханьской династїи, когда имперія заключала уже въ себѣ непрерывную береговую линію. Изъ историческихъ трудовъ Плинія и Птолемея достаточно ясно, что уже за нѣсколько сотъ лѣтъ до нашей эры существовали оживленныя торговыя сношенія между Александріей и дальнимъ востокомъ. Крайнимъ пунктомъ, извѣстнымъ въ то время мореходамъ, былъ *Каттигоръ*; но относится ли это названіе къ Рангуну, Сингапуру или къ Кантону, судить трудно, такъ какъ у каждаго современнаго спеціалиста найдется, конечно, какая-нибудь своя теорія по этому вопросу.

Не менѣе запутаннымъ представляется также вопросъ о томъ, какимъ путемъ пришли въ Китай послы „государя Антуна“, о которыхъ было упомянуто выше,—пришли ли они чрезъ городъ Рангунъ или чрезъ „Файфо“ въ Анамъ. Я самъ исходилъ пѣшкомъ эти мѣстности и осмотрѣлъ оба эти пункта; я осмотрѣлъ и изслѣдовалъ почти каждый торговый портъ, имѣющій какое-нибудь значеніе на побережьяхъ Бирмы, Сіама, Малайскаго полуострова и Инло-Китая, не говоря ужъ о томъ, что прочелъ также и старинную литературу, относящуюся къ этимъ странамъ. Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что условія морскихъ приливовъ, береговыхъ отмелей, наслоеній, прибрежныхъ теченій и проч. мѣняются съ помо-

лѣніями въ мало замѣтной степени. Всѣ тор-
 говые порты становятся таковыми тогда, когда
 примыкающія къ нимъ устья большихъ рѣкъ
 облегчаютъ доступъ къ нимъ, когда находя-
 нияся при нихъ якорныя стоянки обширны и
 безопасны, или въ силу какихъ-нибудь дру-
 гихъ уважительныхъ причинъ. Число такихъ же-
 лательныхъ стоянокъ было въ то время, какъ
 и теперь, весьма ограничено. Я самъ лично скло-
 пенъ думать въ виду сказаннаго, что торговля
 сношенія между сирійцами и китайцами велись въ
 старинное время совершенно такъ же и по боль-
 шей части въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и нынѣ,
 именно на побережьяхъ между Кантономъ и Индией.
 При этомъ необходимо, однако, имѣть въ виду,
 что бирманцы, аначиты и сіамцы, судя по тому,
 сколько мы знаемъ о нихъ въ настоящее время,
 тогда еще не обитали въ странахъ занимаемыхъ
 ими нынѣ, точно также арабы еще не вытѣснили
 тогда индусовъ, а европейцы арабовъ; наконецъ
 китайцы тогда еще не выселялись за предѣлы
 имперіи и не передвигались массами на югъ къ
 морскимъ побережьямъ. Все это приводитъ къ
 необходимости не тратить труда на разборъ спор-
 ныхъ вопросовъ, не имѣющихъ при этомъ суще-
 ственнаго значенія, а лучше ограничиться тѣмъ,
 что намъ извѣстно, хотя бы въ общихъ чертахъ,
 но съ безспорной точностью.

Согласно сандѣтельству Плинія надо признать
 не подлежащимъ сомнѣнію, что Римская имперія

получала изъ Китая шелкъ, желѣзо, пушнину и ножи. Съ другой стороны мы знаемъ достоверно со словъ туземныхъ историковъ Китая, что китайцы получали изъ странъ „Да-цинъ“, т. е. изъ Европы, всякаго рода стеклянные издѣлія, азбестъ, различныя ткани, вышивки, лекарственные продукты, краски, металлы и драгоценныя камни. Насколько свидѣтельства историковъ касаются сѣверной части Китайской имперіи необходимо добавить, что упомянутая выше торговля Китая и Европы производилась, главнымъ образомъ, сухимъ путемъ чрезъ Парѣянское государство, которое, кстати сказать, китайцы называютъ большей частью Арсакъ, по имени одного изъ парѣянскихъ государей. Лишь небольшая часть этого торговаго объѣма проходила морскимъ путемъ, что объясняется особыми обстоятельствами, о которыхъ было уже упомянуто выше, а именно: 1) сравнительно позднимъ появленіемъ Китая на морскихъ побережьяхъ, 2) тѣмъ фактомъ, что въ продолженіе цѣлой половины историческаго существованія Китая государство было раздѣлено на двѣ имперіи и 3) недостаткомъ китайцевъ отдать себѣ ясный отчетъ въ положеніи западныхъ народовъ, вслѣдствіе чего они не могли уяснить себѣ тождественность однихъ и тѣхъ же пришельцевъ, появлявшихся по двумъ противоположнымъ другъ другу направленіямъ: съ сѣверо-запада сухимъ путемъ и съ юго-запада моремъ; недостатокъ этотъ и до сихъ поръ присущъ китайцамъ.

Въ 98 году послѣ Р. Х. одинъ генералъ китайскій отправилъ во время своего похода особаго агента въ специальное путешествіе съ цѣлью изслѣдованія и изученія всего относящагося къ таинственнымъ странамъ „Да-цинъ“. Путешественникъ этотъ прибылъ къ западнымъ границамъ Парейянской имперіи, откуда онъ пытался пробраться въ страны, лежащія по ту сторону имперіи, морскимъ путемъ при помощи туземнаго судна; пользоваться мѣстнымъ судномъ для достиженія упомянутой цѣли можно было лишь въ одномъ направленіи, именно впизъ по Персидскому заливу или къ западу отъ Гудзерата по направленію къ Адену. Но шкипера близлежащаго порта, каковымъ по всей вѣроятности надо считать портъ древняго Вавилона, или какой-нибудь иной близлежащей якорной стоянки пполнѣ успѣли отговорить этого агента отъ его намѣренія. Разгадку намѣреній шниперовъ и ихъ мотивовъ мы находимъ въ той же исторіи, которая ионѣствуетъ намъ объ упомянутомъ случаѣ: „купцы „Да-цинъ“ вели морскую торговлю съ Персіей и Индіей; государи ихъ всегда желали посылать въ Китай свои миссіи, но парейяне сами предпочитали вести торговлю съ Да-циномъ и продавать ему шелкъ китайскій, поэтому они и старались воспрепятствовать непосредственному общенію Китая и „Да-цина“. Такъ оно продолжалось до тѣхъ поръ, пока государь Антунъ“... п т. д. Все это вполне ясно. При всемъ томъ мы видимъ, что въ первомъ вѣкѣ нашей эры суще-

ствуесть уже оживленная торговля шелкомъ между Китаемъ и Римомъ. Паряне не переставали стремиться къ тому, чтобы монополизировать эту торговлю въ своихъ рукахъ; поэтому, чтобы избавиться отъ алчности, паряне прибѣгли къ морскимъ сообщеніямъ, которыя оставались чуждыми китайцамъ до второго столѣтія нашей эры, въ виду отсутствія подходящаго случая. Случай этотъ, представился буддійскому жрецу фа-сяню, который первый выковалъ единственное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и важное звено, сковавшее съ того времени сухопутныя и морскія сообщенія; упомянутый фа-сянь пробрался изъ Китая въ Туркестанъ чрезъ Памиры, затѣмъ изъ Туркестана возвратился обратно въ Китай вполнѣ ошупью, пробравшись сначала въ Индію, а оттуда морскимъ путемъ вдоль береговъ Явы и Малайскаго полуострова.

Наночнимъ изъ того, что было изложено выше въ историческомъ очеркѣ Китая, что сѣверная часть имперіи была въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій совершенно отрѣзана въ политическомъ отношеніи отъ южныхъ морскихъ побережій. Поэтому неудивительно, что сѣверныя династїи ничего не знали о существованіи южныхъ морей, точно также какъ южныя династїи въ Нанкинѣ ничего не знали о событіяхъ, совершавшихся вдоль сѣверныхъ путей, пролегавшихъ чрезъ пустыни. Тѣмъ временемъ южныя китайскія династїи поддерживали свои сношенія съ Цейлономъ, Индіей, Индо-

Китаемъ, что въ свою очередь способствовало къ поддержанію оживленныхъ торговыхъ оборотовъ между этими странами, которые и не прерывались все время.

Вплоть до времени Магомета можно замѣтить, что колоніи или факторіи, имѣвшія Индію своимъ исходнымъ пунктомъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ почти всю морскую торговлю съ Дальнимъ Востокомъ, которой они не только завладѣли въ фппансовомъ отношеніи, но въ большинствѣ случаевъ присвоили себѣ также непосредственное управленіе прибрежнымъ населеніемъ Явы, Малаіскаго полуострова и Индо-Кптая. Во все это время въ торговыхъ сношеніяхъ Китая съ другими народами царствовалъ глубокій миръ. Мы не видимъ никакихъ попытокъ со стороны хозяевъ джонокъ къ поработенію прибрежныхъ туземцевъ, точно также темнокожіе туземные правители не проявляютъ со своей стороны стремленій къ притѣсненію купцовъ или вымогательству отъ нихъ пошлины.

Спеціальное указаніе о прибытіи въ Китай европейскихъ торговцевъ относится къ 226 году до Р. X. Именно въ это время прибылъ ко двору китайскаго императора Ву, въ Нанкинѣ, купецъ изъ „Да-цша“, которому императоръ подарилъ черныхъ карлпковъ, чтобы онъ ихъ взять съ собою въ свою страну какъ рѣдкость. За исключеніемъ этого случая, въ отношеніи Китая не упоминается ничего больше о странахъ „Да-цинъ“, говорится лишь о торговлѣ этихъ странъ съ Индіей.

Впрочемъ въ исторіи Китая, относящейся къ династіи Тоба, приводится нѣсколько новыхъ подробностей о странахъ „Да-цина“, при чемъ упоминается, что столица этого государства называется Анту (Антиохія); хотя древніе историки, описывая эту столицу, не называютъ ее этимъ названіемъ. Достоинъ вниманія курьезный фактъ, что упомянутое сейчасъ повѣствованіе продолжаетъ еще описывать „другую дорогу въ государство Да-цина воднымъ путемъ по Юнь-чанъ“, который надо считать истоками рѣки Ирравади. Это обстоятельство имѣетъ, очевидно, связь съ старинной исторіей объ Антунѣ, потому что извѣстно доподлинно, что во взаимныхъ отношеніяхъ Китая и Рима за все это время не произошло ничего новаго. При всемъ томъ, всѣ эти различные историческіе отчеты, хотя они и представляютъ собою иногда однородныя копіи, заимствованныя другъ у друга или скопированныя съ одного общаго документа, хранящагося въ императорскомъ архивѣ, важны все-таки въ томъ отношеніи, что взаимно дополняютъ другъ друга: мы находимъ у одного кописта то, что было пропущено другимъ какъ несущественное. Важнѣйшимъ выводомъ, и притомъ единственно возможнымъ, на которомъ мы можемъ настаивать, представляется намъ главнымъ образомъ слѣдующій: какъ римскіе, такъ и китайскіе историческіе отчеты выясняютъ намъ съ достаточной достовѣрностью, что въ теченіе первыхъ пяти или шести столѣтій христіанской эры производилась

оживленная торговля сухимъ путемъ и моремъ между Месопотаміей и Си-ань-фу, а также между портами Краснаго Моря (Пётра и др.) и Индо-Китаю (Рангунъ и др.). Предметами торговаго объёма служили: шелкъ, желѣзо, стекло, ткани и многіе другіе. Во все время этихъ торговыхъ сношеній вопросъ о пошлинѣ съ товаровъ — таможенной, транзитной или пошлинѣ съ торговыхъ судовъ — или не существовать вовсе въ Китаѣ, или во всякомъ случаѣ не игралъ никогда видной роли.

Объ арабахъ китаицы узнаютъ впервые въ 628 году до Р. X. подъ именемъ *таджиковъ* или *таи*, при чемъ въ связи съ революціей, возникшей въ Персіи противъ угнетавшихъ ее черезчуръ турокъ. Такъ какъ средства сообщенія не стали тогда болѣе быстрыми, чѣмъ они были за 600 лѣтъ передъ тѣмъ, то мы въ этомъ случаѣ имѣемъ прекрасный примѣръ, чтобы судить приблизительно также и о скорости, съ какою различныя новости о политическихъ переменахъ въ Европѣ могли дойти до Китая. Именно въ это время появляются впервые въ Китаѣ свѣдѣнія о странѣ „Фулинь“; народъ этого государства, который, я полагаю, тождественъ „ференгамъ“ или „франкамъ“, — прямо принимается китаицами какъ несомнѣнно „называемый также „Да-цинъ“. Одинъ изъ царствовавшихъ тогда императоровъ Суйской династіи, отличавшійся одинаково энергіей и сумасбродствомъ, котораго я характеризую какъ римскаго Кати-

гуллу, дѣлалъ безуспѣшныя попытки, чтобы войти въ сношенія съ государствочъ Фулинь. Такъ какъ этотъ китайскій императоръ отправлялъ пословъ моремъ въ Сіамъ, рѣшился лично навѣстить турецкаго хана въ его палаткѣ, лично присутствовалъ при овладѣніи корейской столицей Мукденъ и т. п., то можно допустить, что онъ вообще обладалъ достаточно энергіей и любознательностью, чтобы рѣшить также таинственную загадку и о европейцахъ, если бы только онъ въ состояніи былъ рѣшить эту задачу. Было не мало научныхъ споровъ по вопросу объ этимологическомъ происхожденіи названій „Тази“ и „Фулинь“, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ подъ этими названіями подразумѣваются багдадскіе арабы и христіане-несторіакцы. Такое предположеніе допустимо потому, что мы встрѣчаемся подобнымъ же образомъ на Дальнемъ Востока съ другимъ анахронизмомъ, представляющимъ собою нѣкоторое смѣшеніе или расширение извѣстныхъ понятій: мы имѣемъ въ виду русское названіе „Китай“, являющееся на монгольскомъ языкѣ множественнымъ числомъ отъ „ки-дане“; русскіе присвоили это названіе всѣмъ китайцамъ, хотя въ дѣйствительности лишь небольшая часть Китая управлялась когда-то кп-данями, а когда русскіе заимствовали впервые свое названіе, то ужъ кн-дане вовсе не управляли какой бы то ни было частью Китая.

Точно также, какъ увидимъ ниже, перепуталось

у китайцевъ представленіе о европейцахъ и арабахъ. Нѣтъ надобности повторять здѣсь повѣствованіе о томъ, какъ арабскіе купцы и миссіонеры постепенно распространились вдоль береговъ Африки и Аравіи, пускались въ смѣлое плаваніе по Индійскому океану и основывали свои торговыя факторіи на берегахъ Гудзерата и Малабарскомъ, на островахъ Цейлонѣ, Суматрѣ, Явѣ, а затѣмъ также и въ Кантонѣ и другихъ портахъ Китая. Около этого же времени, именно въ 658 году, китайцы основываютъ у себя, заимствованную повидимому отъ арабовъ, математическую коллегію. Далѣе мы узнаемъ, что въ средніе седьмого вѣка въ Китаѣ появляется впервые взиманіе пошлины въ размѣрѣ десятой части стоимости товаровъ ввозимыхъ въ страну, а именно съ камфары, пряностей и дорогихъ породъ дерева; пошлина эта взималась особымъ офицеромъ, специально назначеннымъ для наблюденія за иностранной торговлей. Одинъ такой чиновникъ, какъ свидѣлствуется исторіей, былъ при исполненіи своихъ обязанностей въ Кантонѣ въ 763 году до Р. Х., т. е. около пяти лѣтъ спустя послѣ разбойничьяго нападенія на этотъ городъ, предпринятаго арабами совмѣстно съ персами. Какъ разсказывается въ исторіи Танской династіи, при упомянутомъ нападеніи на Кантонъ арабы и персы разграбили и сожгли нѣсколько торговыхъ домовъ.

Вообще, показанія китайскихъ историковъ объ иностранной торговлѣ, которая велась Китаемъ

въ то время, подтверждается донесеніями арабскаго купца того времени Сулеймана, который рассказываетъ объ условіяхъ торговли съ Дальнимъ Востокомъ около 9-го вѣка послѣ Р. Х., а также поясненіями арабскаго географа Абу-Саида относящимися ко времени на сто лѣтъ позднѣе Сулеймана. Всѣ эти рассказы свидѣтельствуютъ объ оживленной международной торговлѣ, существовавшей тогда на Индійскомъ океанѣ. Китайскіе отчеты того времени упоминаютъ между прочимъ объ иностранныхъ судахъ, приходившихъ въ Кантонъ съ вѣстимостью въ 1000 *барамсовъ*, вѣсь, очевидно, индійскаго происхожденія, соответствующій одной четверти тонны.

Въ концѣ пятаго столѣтія на китайскихъ границахъ появляются турки съ цѣлью покупки китайскаго шелка и ваты въ обмѣнъ на предметы ихъ собственнаго производства. Турки славились тогда какъ мастера по части желѣзныхъ издѣлій, и мы видимъ дѣйствительно, что округъ Лянъ-чжоу, въ которомъ (или въ сосѣднихъ мѣстахъ этого округа) узнали впервые о туркахъ, считался съ древнѣйшихъ временъ въ исторіи Китая наиболѣе богатымъ производствомъ желѣзныхъ издѣлій.

Къ тому же времени относится появленіе чая какъ предмета торговли. Съ тѣхъ поръ и до сего времени этотъ продуктъ является главнѣйшимъ предметомъ торговли Китая сначала съ Туркестаномъ, Сибирью и Тибетомъ, а затѣмъ и съ Евро-

пой. Надписи на сирійскомъ и китайскомъ языкахъ, открытыя на извѣстномъ несторианскомъ камнѣ, о которомъ упомянуто выше, относящіяся нѣ 781 году послѣ Р. Х., упоминають съ благодарностью о терпимости, оказанной монархами Танской династіи христіанскимъ путешественникамъ. Въ городѣ Си-ань-фу въ это время жило свыше 4000 иностранныхъ семействъ, и благодаря тому обстоятельству, что тибетцы тогда только что завоевали Туркестанъ, многіе изъ упомянутыхъ иностранцевъ должны были остаться въ Китаѣ навсегда.

Начиная съ періода анархіи, наступившей въ Китаѣ послѣ низверженія Танской династіи и продолжавшейся до воцаренія Сунской династіи, то-есть около 10-го вѣка послѣ Р. Х., городъ Кантонъ, повидимому, теряетъ свое значеніе главнаго центра всей иностранной торговли. Въ 985 году морскимъ купцамъ запрещено было заходить въ этотъ портъ. Фактъ этотъ можно объяснить лишь тѣмъ, что во всемъ южномъ Китаѣ господствовали тогда, вѣроятно, мелкіе владѣтели, которые являлись хозяевами, между прочимъ, и Кантона; а такъ какъ Сунская династія была сначала усиленно занята на сѣверѣ по разбору важныхъ политическихъ вопросовъ съ кп-данными, то она весьма естественно не могла удѣлить достаточно вниманія для такого отдаленнаго пункта, какъ Кантонъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ затѣмъ въ исторіи Китая болѣе частое упоминаніе о сухопутной

торговлѣ между Тангутомъ и Кореей, чѣмъ о торговлѣ на джонкахъ по южнымъ морямъ.

Послѣдствіемъ упомянутыхъ выше событій было то, что морская торговля частью была отвлечена отъ Кантона и сосредоточилась въ Ханъ-чжоу пны-нѣшнемъ г. Нинъ-бо, въ которыхъ по ходатайству иностранныхъ депутатовъ назначены были таможенные инспекторы въ 1000 году послѣ Р. Х. Иностранцы старались также добиться подобнаго же назначенія въ Цюанъ-чжоу-фу (извѣстный у Марко Поло подъ названіемъ Зайтунъ), и ходатайство это было уважено въ 1087 году. Необходимо замѣтить, что въ исторіи Сунской династіи находимъ документъ, относящійся къ 1114 году и указывающій на то, что городъ Кантонъ и въ то время все еще обязанъ былъ доставлять ко двору ежегодные подарки жемчугомъ и слоновой костью.

Моему другу, ученому синологу, доктору Фридриху Гирту, удалось добыть нѣсколько лѣтъ тому назадъ очень рѣдкій китайскій трудъ *объ иностранцахъ*, составленный императорскимъ потомкомъ, происходившимъ отъ царствовавшей Сунской династіи, который фактически и самъ занималъ престолъ имперіи около конца двѣнадцатаго вѣка. Согласно показаніямъ этого образцоваго историка надо полагать, что прибрежныя страны Китая были въ то время въ безпокойномъ состояніи, такъ какъ пираты производили частыя нападенія на Сватоу, Фу-цзянь, Кантонъ, полуостровъ Лэй-чжоу. Но въ 1141 году, какъ повѣ-

ствуется въ этой исторіи, были изданы уже особыя „правила о джонкахъ, отправляющихся для морского плаванія“; далѣе указывается, что въ 1132 г. было отмѣнено назначеніе таможенныхъ чиновниковъ; въ 1156 году во всѣхъ провинціяхъ Китая были закрыты таможенные станціи въ видахъ облегченія внутренней торговли; въ 1157 году поручается правителю Кантона слѣдить за дѣйствіями иностранныхъ купцовъ, являющихся въ городъ подъ предлогомъ уплаты разной пошрины; въ 1166 году были закрыты двѣ приморскія таможни въ Чжэцзянѣ; въ 1173 и 1182 годахъ ограничивается дѣятельность иностранныхъ торговцевъ въ отношеніи веденія операций по размѣну денегъ; въ 1199 году японскіе и корейскіе купцы были ограничены въ своей дѣятельности по педенію торговли на мѣдныя наличныя деньги; въ 1204 году въ гор. Канфу были впервые расположены морскіе солдаты, а въ слѣдующемъ году были закрыты въ Кантонѣ 81 второстепенныхъ таможенныхъ станцій; въ 1211 году было отмѣнено въ Гуанъ-си взиманіе подати за прогонъ скота и т. д.

Въ виду недостаточности мѣста полагаю возможнымъ сказать нѣ общихъ словахъ, что китайцы того времени знали лишь берега Африки до Занзибара,—Красное море, а по наслышкѣ имѣли свѣдѣнія также и о Египтѣ и Сиріи. Главнымъ центромъ арабской торговли на Дальнемъ Востокѣ былъ Сарбаза или нынѣшній Палембангъ на Суматрѣ: къ прилегающимъ побережьямъ между

послѣднимъ пунктомъ и Фу-цзянемъ китайскія джонки совершали регулярно два перехода, успѣвая кончить ихъ между двумя муссонами, доставляя свои грузы изъ фарфора, камфары, шелка, ревеня, желѣза, сахара и драгоцѣнныхъ металловъ для обмѣна всѣхъ этихъ предметовъ въ Палембангѣ на благовонные товары, драгоцѣнные камни, слоновую кость, кораллы, лучшіе клинки, набивныя матеріи, разныя ткани и другіе товары, приходившіе туда изъ Сиріи, Аравіи и Индіи. Къ этой торговлѣ присоединилась также и Кохинхина, которая, повидимому, извѣстна была подъ названіемъ Файфо, около нынѣшняго Турана ¹⁾; эта страна играла роль попутной станціи для купцовъ, что, однако, не мѣшало властямъ взимать съ купцовъ тяжелую пошлину въ размѣрѣ 20% со стоимости ввозимыхъ товаровъ; при этомъ историки указываютъ особенно на то обстоятельство, что упомянутая торговля не распространялась на сѣверную часть полуострова, которая въ настоящее время извѣстна подъ названіемъ Тонкина.

Послѣ Палембанга наиболѣе важными торговыми центрами являются Лямбри (Ачинъ), а также портовые города на Явѣ, Борнео, а можетъ быть и Манилла. Не подлежитъ сомнѣнію, что оживленная торговля существовала также и между упомянутыми пунктами и сѣвернымъ Китаемъ; это видно

---

¹⁾ Туранъ (Тонгане) — городъ и заливъ на Ананскомъ побережьи, нѣскольکو южнѣе города Гусе (16° с. ш. и 108° 15 в. д. отъ Гринвича).

изъ того, что когда въ 1130 году татары (нью-чжэни и кн-дане) отгѣснили туземную китайскую династію Сунъ на югъ за р. Янъ-цзы-цзянъ, то „торговымъ джонкамъ изъ Фу-цзяня, Кантона и Чжэ-цзяна было запрещено направляться къ Шандунскому полуострову, чтобы нью-чжэни не могли воспользоваться этими джонками въ качествѣ проводниковъ“. Въ 1173 году вывозъ серебра и шелка на сѣверъ имперіи былъ запрещенъ, въ 1176 году считалось преступленіемъ вывозить туда чай „выучнымъ порядкомъ на лошадяхъ или на волахъ“. Въ 1192 году была закрыта таможня въ Я-чжоу, что очевидно касается торговли тибетскимъ чаемъ.

Отчетъ, представленный Маркомъ Поло относительно услоній океанской торговли въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала во время посѣщенія его южныхъ морей, былъ встрѣченъ въ Европѣ съ недовѣріемъ. Но почти каждое мѣсто, которое упоминается имъ въ его отчетѣ, будь то въ Африкѣ, Аравіи, Индіи, Суматрѣ или Явѣ, можетъ быть отождествлено съ торговыми рынками, которые упоминаются либо въ монгольской исторіи или въ вышеупомянутомъ историческомъ трудѣ о династіи Сунъ, или же въ исторіи Минской династіи, наслѣдовавшей монголамъ. Вообще, этотъ вопросъ о торговлѣ дальняго востока разобранъ уже съ такой подробностью въ безсмертномъ трудѣ комментаріевъ полковника Юля къ путешествію Марко Поло, что въ настоящее время нѣтъ надобности приводить здѣсь еще какія-нибудь

новым доказательства, если нѣтъ желанія вдаваться въ излишнія подробности о точности или неточности различныхъ незначительныхъ пунктовъ.

Въ послѣднее время различные авторы, хорошо знакомые съ первоисточниками исторіи Китая, опубликовали подробные отчеты о путешествіи Чжэнъ-хо и другихъ китайскихъ евнуховъ, которые были посланы въ началѣ 15-го вѣка китайскими императорами изъ Пекина и Нанкина съ различными коммерческими и дипломатическими порученіями въ наибольшую часть странъ, лежащихъ на побережьяхъ Индійскаго океана между Краснымъ моремъ, Персидскимъ заливомъ и Сингапуромъ.

Вышензложенные историческіе наброски о древней торговлѣ Китая, приведенные по необходимости кратко и поверхностно, будутъ все-таки достаточны, чтобы подготовить читателя къ воспріятію послѣдующихъ главъ настоящей книги, касающихся важнѣйшаго поворотнаго пункта въ исторіи Китая и торговыхъ сношеній дальняго востока, именно—появленія европейцевъ въ китайскихъ водахъ.

ГЛАВА IV.

Торговые пути.

Послѣ первыхъ открытій на материкѣ Азіи, сдѣланныхъ генералами императора Ву-Ти, китайцы выяснили себѣ вполнѣ опредѣленно существованіе двухъ магистральныхъ путей, ведущихъ на западъ, которые еще по настоящее время извѣстны по своимъ старымъ названіямъ — *Сѣверной* дороги и *Южной* дороги; оба эти пути названы такъ по своему положенію въ отношеніи хребта Тянь-шань (Небесныя горы), отдѣляющаго пути одинъ отъ другого.

Во время царствованія императора Хань „шесть государствъ къ сѣверу отъ горъ“ (Тянь-шаня) были населены кочевниками, а „тридцать шесть государствъ-городовъ“ были заселены осѣдлыми жителями. *Сѣверной* или такъ называемой Великой дорогой считается та, которая ведетъ изъ Си-ань-фу къ сѣверу отъ Кукунора, черезъ Гань-чжоу, Сучжоу и рѣку Буланцзиръ (въ Ань-си-чжоу) въ Хами, Баркюль, Манасъ, Урумчи и Или. Черезъ хребетъ

Тянь-шань надо перевалить около Хами или Турфана. Этотъ послѣдній городъ, извѣстный въ исторіи Китая подъ разными названіями, всегда являлся своего рода попоротнымъ пунктомъ для китайцевъ на крайнемъ западѣ, когда имъ удавалось добраться до этой окраины. Другими словами, отправляясь изъ Барколя въ Урумчи, можно направиться по желанію и черезъ Турфанъ.

Южная дорога, извѣстная также подъ названіемъ Кашгарской или Короткой, отходитъ отъ Скверной дороги пѣ двухъ мѣстахъ: во-первыхъ, въ Турфанѣ, направляясь въ Карашаръ, затѣмъ около рѣки Булаицзиръ, направляясь на Лобноръ, тамъ дорога опять развѣтвляется на два пути, которые даютъ возможность направиться чрезъ Курля къ скверу отъ пустыни Гоби и рѣки Тарима или Яркендъ; или же можно направиться южнѣе упомянутой пустыни, чрезъ Хотанъ и Яркендъ, двигаясь далѣе съ сѣверной стороны перевала Каракорумъ, ведущаго въ Кашмиръ этотъ же переаалъ, между прочимъ, служитъ водораздѣломъ рѣкъ, стекающихъ съ хребта Кузньлунъ, замыкающаго собою Тибетъ п Кашмиръ. Указанный сейчасъ перевалъ Каракорумъ не слѣдуетъ смѣшивать съ городомъ того же названія находящимся въ Монголіи. Не слѣдуетъ забывать вообще, что названія различныхъ мѣстностей и пунктовъ въ Китаѣ, какъ и вездѣ, часто мѣняются, но я игнорирую многія изъ этихъ измѣненій, не желая наполнять книгу многими неудобными и

излишними названіями. Несмотря на эти измѣненія, становится все-таки вполне яснымъ, что еще въ древнія времена китайскіе путешественники направлялись изъ Кашгара чрезъ Памиръ въ Бадахшанъ, Кандагаръ и Кабуль.

Существуетъ старинная китайская легенда о какихъ-то иностранныхъ посллахъ, которые возвращались изъ Китая въ Анамъ при помощи „экипажей, указывающихъ путь на югъ“. Эта легенда дала поводъ многимъ сдѣлать поспѣшное заключеніе о томъ, что въ 110 году до Р. Х. въ Китаѣ уже извѣстно было употребленіе магнитнаго компаса; вѣрнѣе будетъ, однако, допустить болѣе подходящее предположеніе, — просто о существовавшей уже въ то время сухопутной торговлѣ между Китаемъ и южными странами. Въ подтвержденіе этого предположенія находимъ указаніе на то, что въ 134 году до Р. Х. или около этого времени одинъ изъ китайскихъ агентовъ, посѣщавшихъ нынѣшній городъ Кантонъ, замѣтилъ тамъ разные предметы иностраннаго производства, которые получались тогда въ этомъ городѣ чрезъ нынѣшнюю провинцію Юньнань. На своемъ обратномъ пути изъ Кантона въ столицу имперіи упомянутый агентъ разспрашивалъ купцовъ въ Сычуаньской провинціи о происхожденіи имѣющихся у нихъ товаровъ иностраннаго производства, при чемъ онъ узналъ о существованіи постоянной регулярной торговли воднымъ путемъ на джонкахъ между Юнь-нанью, Гуй-чжоу и Кантономъ. Это

открытіе принесло пользу въ послѣдствіи китайскимъ генераламъ, предпринявшимъ походъ по приказанію императора въ 112 году до Р. Х. противъ южнаго Юэ: двинувшись туда нѣсколькими колоннами чрезъ Ху-нань и Цзянь-си, они воспользовались упомянутымъ выше открытіемъ китайскаго агента и направили свои войска еще и воднымъ путемъ на лодкахъ изъ Сы-чуани и Гуй-чжоу вдоль по развѣтвляющимся истокамъ „Западной“ рѣки, о которыхъ будетъ подробнѣе изложено ниже въ главѣ „о соляной пошлинѣ“.

Далѣе мы встрѣчаемся въ исторіи Китая еще съ стѣдующимъ фактомъ: въ 196 году до Р. Х. государь страны, извѣстной подъ названіемъ Южный Юэ, жаловался императору китайскому на то, что владѣтель страны Чанъ-ша, соотвѣтствующей нынѣшней провинціи Ху-нань, мѣшаетъ его торговлѣ, состоявшей изъ вывоза скота, желѣза, утвари и земледѣльческихъ орудій. Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что вообще въ древнія времена уже пользовались торговыми путями изъ Кантона по Сѣверной рѣкѣ и изъ Ху-нани по рѣкѣ Си-цзянь.

Согласно китайскимъ преданіямъ еще пареяне вели уже торговлю съ Китаемъ,—сухопутную на телегахъ и морскую на лодкахъ. Разстоянія по торговымъ путямъ приводятся въ такихъ данныхъ, которыя даютъ возможность предположить, что единицей мѣры служилъ, повидимому, персидскій *фарсангъ*, равный десяти милямъ; впрочемъ двѣсти

лѣтъ. спустя мы находимъ, что единицей для измѣренія разстоянія по тѣмъ же путямъ при паломничествѣ китайскихъ пилигримовъ, служила индійская мѣра *юджанасъ*, можетъ быть соотвѣтствовавшій персидскому фарсангу. Этотъ вопросъ объ единствѣ измѣренія разстояній, которой пользовались пареяне, послужилъ предметомъ основательнаго и всесторонняго изслѣдованія для моего ученаго и трудолюбиваго друга Фридриха Гирта, который нашелъ, что отъ столицы пареянскоѣ, находившейся сначала на рѣкѣ Оксусѣ, а затѣмъ перенесенной далеко къ западу, вела дорога протяженіемъ въ 1600 англійскихъ миль къ востоку вплоть до границы китайскоѣ около Антиохіи и Марджяна, т. е. около нынѣшнихъ Маргелана и Кокакда; китайскіе историки того времени пазываютъ эту пограничную мѣстность Мулу, что, можетъ быть связано съ названіемъ Муру изъ Зендъ-Авеста.

Къ западу отъ паренинской столицы направлялась еще другая дорога протяженіемъ въ 1200 миль, пересѣкая цѣпь горъ Загросъ и направляясь въ Ктесифонъ, а оттуда на 320 миль далѣе до Гира, служившаго портомъ для Вавилона. Мы не видимъ надобности вдаваться здѣсь въ подробности изслѣдованія упомянутаго пути, въ виду того, что онъ былъ всецѣло монополизованъ пареянами и персами и никогда не служилъ китайцамъ для ихъ вѣншей торговли. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутый выше городъ

Марджянъ приводитъ насъ къ мѣстности, лежавшей очень близко къ китайской границѣ или находившейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Китая; въ первый разъ эта мѣстность была посѣщена Чжанъ-цянемъ около 2000 лѣтъ до нашего времени, и еще около 50 лѣтъ тому назадъ оспаривалась Маньчжурской династіей отъ посягательства на нее со стороны сосѣднихъ туземныхъ владѣтелей.

Необходимо напомнить еще слѣдующее обстоятельство: многіе изъ рѣчныхъ сообщеній, которыя могли служить для сношеній сѣверныхъ и западныхъ провинцій имперіи съ Кантономъ, стали извѣстными для пользованія не ранѣе чѣмъ около столѣтія до нашей эры, такъ что сѣверный и западный Китай не могли въ то время пользоваться морскими сношеніями для вывоза шелка; притомъ же вся часть имперіи къ югу отъ р. Янъ-цзы не располагала въ то время избыткомъ шелковаго производства для вывозной торговли. Подтвержденіемъ этого указанія служитъ свидѣтельство историка Плннія, жившаго въ 23—79 годахъ, который указываетъ лишь на желѣзо, какъ на главный предметъ отпускной торговли Китая въ то время. Что же касается того періода, когда китайскій шелкъ не могъ проникнуть въ Римъ морскимъ путемъ непосредственно изъ Китая, именно около 200 лѣтъ до Р. Х., то китайцы специально упоминаютъ о существованіи въ то время народа, обогащавшагося торговлей солью и желѣзомъ и оби-

тавшего въ странѣ извѣстной въ настоящее время подъ названіемъ провинши Лянть-чжоу; указывается также и на то, что на торговлю желѣзомъ была наложена большая пошлина „Первымъ“ императоромъ (см. выше), прибывшимъ изъ Шэнь-си. Все приведенное выше несомнѣнно указываетъ на то, что торговля шелкомъ и желѣзомъ производилась исключительно сухимъ путемъ до тѣхъ поръ, пока жадность пареянъ не заставила двѣсти лѣтъ спустя покинуть сухопутное направление и воспользоваться для вывоза этихъ предметовъ изъ Китая морскими сообщениями.

Китайцы перечисляютъ свыше пятидесяти различныхъ предметовъ торговли, которые привозились ими въ имперію морскимъ путемъ изъ страны Да-цзинъ, т. е. изъ Европы. Въ повѣствованіяхъ Птолемея и Аріана, жившихъ во второмъ столѣтіи нашей эры, упоминается о Сина, Тинъ, Сересъ и „Каменной Башнѣ“, т. е. о такихъ пунктахъ, какъ Ташъ-кендъ или Ташъ-курганъ, означающихъ въ переводѣ „Каменный городъ“ или „Каменный фортъ“ около Яркенда. Въ приведенной выше главѣ о древней торговлѣ Китая я привелъ уже данныя, указывающія на то, что магистральное сухопутное сообщеніе изъ Рангуна и одна изъ трехъ дорогъ, связывавшихъ Бирму съ Китаемъ по р. Ирравади, чрезъ Меконъ или Салуенъ (на Бамо, Эсмокъ, Цзянь-хунъ или долину Гуньлунъ), подвергались обложенію „данью въ пользу Антонинуса“.

Задавшись цѣлью ближайшаго изслѣдованія направленія древнихъ сухопутныхъ и морскихъ сообщеній Китая, нельзя игнорировать путей, которыми пользовались буддійскіе пилигримы Китая. Въ началѣ пятаго вѣка нашей эры одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ буддійскихъ монаховъ Фа-сянь пользовался при своемъ паломничествѣ въ Индію слѣдующимъ маршрутомъ: отправляясь изъ нынѣшняго китайскаго города Си-ань-фу, онъ направился на городъ Лань-чжоу, т. е. чрезъ мѣстность извѣстную своей торговлей желѣзомъ еще за двѣсти лѣтъ до Р. Х., отсюда двинулся чрезъ Гакъ-чжоу, столицу уйгуровъ, на Дунь-Хуань, носящій это названіе и по настоящее время; далѣе путь его лежалъ чрезъ Лобъ-норъ и нынѣшніе города Карашаръ (Орошаръ), Хотанъ, Кугіяръ и Ташъ-курганъ; отсюда для перехода съ лѣваго берега Инда на правый Фа-сянь направлялся кружнымъ путемъ, который нельзя прослѣдить вполнѣ точно, но который, вѣроятно, совпадаетъ съ маршрутомъ, служащимъ и въ настоящее время для торговыхъ цѣлей китайскимъ и индустанскимъ купцамъ, направляющимся изъ западнаго Китая на правый берегъ Инда именно чрезъ Шахидулу, перевалъ Каракорумъ и городъ Сринагаръ, гдѣ послѣ переправы чрезъ Индъ идетъ дорога на Диръ; этимъ же маршрутомъ пользуются въ настоящее время и наши путешественники, туристы и изслѣдователи. Изъ Дира Фа-сянь направился въ нынѣшніе города Пешаверъ и Кабулъ, вто-

рично пересѣкъ Индѣ въ Бакну, направляясь затѣмъ прямо чрезъ Индію, вдоль по долигнѣ рѣки Ганга къ мѣстности, находившейся около нынѣшняго города Калькутта, отсюда онъ направился морскимъ путемъ на Цейлонъ, Яву и далѣе вплоть до Цзяо-чжоу въ Шань-дунѣ, захваченнаго теперь сферой вліянія Германіи. Можно предположить, что моряки съ джонкой этого монаха старались на самомъ дѣлѣ достигнуть Кантона, но были отнесены вѣтромъ далеко къ сѣверу, Шань-дуну, откуда Фа-сянь и возвратился въ Си-ань-фу въ 414 году по Р. Х.

Согласно показаніямъ Александра Космаса, торговавшего въ Аравіи и Индіи около 530—550 гг. приведеннымъ въ его книгѣ *Топографія*, не подлежитъ сомнѣнію, что въ его время существовала торговля морскимъ путемъ со страной „Цзинн-станъ“, примыкавшей къ Восточному океану. По словамъ этого же купца и историка христіанство существовало въ Мервѣ и Самаркандѣ за столѣтъ до его времени и оттуда распространялось среди бактрійцевъ и гуиновъ.

Слѣдующимъ по времени и по своему значенію китайскимъ пилигримомъ былъ Сюань-цзянь. Онъ также направился изъ нынѣшняго китайскаго города Си-ань-фу въ 629 году по Р. Х. п, двигаясь по всей вѣроятности по той же дорогѣ, какъ и Фа-сянь, достигъ мѣстности, гдѣ находятся нынѣшніе города Турфанъ и Карашаръ, которую онъ нашелъ въ то время подъ властью племенъ Тергесъ, пред-

ставляющихъ собою колѣно западныхъ тюрокъ. Далѣе онъ направился чрезъ Кучу, сохранившее это названіе и въ настоящее время, вдоль южной дороги на Аксу, оттуда чрезъ одинъ изъ переваловъ въ хребтѣ Тянь-шань, лежащихъ на пути къ нынѣшнимъ Иссыкъ-кулю и Токмау. Около такъ называемыхъ „тысячи источниковъ“ Сюань-цзянъ встрѣтилъ западныхъ тюрокъ племени Джагбу-Ханъ, глава которыхъ далъ ему переводчика, чтобы доставить его до Капиза. Повидимому, пилигримамъ и въ голову не приходила мысль о различіи между западными тюрками и ихъ родоначальниками центральными тюрками, впадая въ такую же ошибку, какъ и греческій посолъ, посѣтившій эти страны на одно поколѣніе раньше китайскаго пилигрима. Изъ Капиза Сюань-цзянъ направился къ Таласу и къ нынѣшнему Аулие-Ата, затѣмъ къ городу Бѣлая-Вода, лежавшему на рѣкѣ Акъ-су (что значитъ въ переводѣ „бѣлая вода“) около нынѣшняго Чимкента, оттуда на Нуджкентъ, Ташкентъ, Самаркандъ, Кешъ, Желѣзные Ворота (Дербентъ), Токара, Балхъ, Баміанъ и далѣе къ Капизу.

Такимъ образомъ упомянутый путешественникъ приводитъ насъ въ страну открытую Чжанъ-цянемъ, разыскивавшимъ народъ Юз-чжи или индо-скиѳскихъ номадовъ, отгѣсненныхъ гуннами; страна эта расположена, между прочимъ, также около древней границы парѣянскихъ и греческихъ владѣній недалеко отъ Марджяна. Кромѣ того тотъ же Сюань-цзянъ, не довольствуясь указаніемъ страны индо-

скиновъ, повѣствуетъ намъ также и объ ихъ государѣ Канигика, царствовавшемъ въ Гандора въ 40 году по Р. Х., представляя собою одного изъ индо-скинскихъ монарховъ Кушана; если судить по изображеніямъ этихъ монарховъ, сохранившимся на монетахъ индо-скинского правителя Кафайза, то можно прійти къ заключенію, что внѣшній видъ ихъ имѣетъ совершенно турецкій обликъ. Когда упомянутый путешественникъ проходилъ чрезъ эти страны, то древнее государство Токара или имперія Гайятата, лежавшая на Оксусѣ, была уже вполне поколеблена тюрками.

Вообще Сюань-цзянь даетъ намъ длинный отчетъ о своемъ путешествіи и о всемъ, что онъ пережилъ въ сѣверной и южной Индіи, о которыхъ онъ приводитъ многочисленныя свои наблюденія; изъ Индіи онъ возвратился на Оксусъ чрезъ Таксилу, Капизъ, Гиидукушъ и Андробъ, откуда направился затѣмъ чрезъ Шугнанъ и Памиры, мимо озера Викторія ¹⁾, перевалилъ чрезъ горы и вышелъ въ страну Хаванда (Го-бань-до)—древнее государство, которое было расположено, понынѣ, недалеко отъ нынѣшняго Кашгара. Все это путешествіе китайскаго пилигрима продолжалось семнадцать лѣтъ.

Не лишне замѣтить, что десять лѣтъ спустя послѣ упомянутаго путешествія, въ 655 — 660 годахъ, китайскій императоръ назвалъ столицу То-

¹⁾ На русскихъ картахъ Зоръ-куль.

кара Юэ-чжи-фу или „городомъ Юэ-чжи“ — номадовъ, вытѣсненныхъ туда за 800 лѣтъ до того времени. Въ то же время владѣтель Токара, какъ другъ несторіанцевъ, какъ это упомянуто было выше, и иротивникъ арабовъ, отправилъ тогда въ Китай географическую карту этихъ странъ, присоединивъ со своей стороны просьбу, чтобы всѣ завоеванія арабовъ между Хотаномъ и Персіей были взяты подъ покровительство Китайской имперіи.

Приведенныя выше два путешествія, совершенныя буддійскими священниками въ видѣ пилигримства, являются несомнѣнно наиболѣе важными и заслуживающими довѣрія. Существуютъ впрочемъ и другія описанія подобныхъ путешествій, совершенныхъ буддійскими монахами; одно изъ такихъ описаній относится къ путешествію нѣкоего бонзы И-цзина (643—713), который пробирался по островамъ Суматра, Малайскимъ, Никобарскимъ, къ устью Гуглы и нынѣшнему Бегару, откуда тѣмъ же путемъ возвратился въ Кантонъ; далѣе онъ направился въ Хэ-нань-фу, гдѣ въ то время имѣлъ пребываніе дворъ китайскаго императора. Описаніе этого путешествія переведено цѣликомъ моимъ другомъ Эдуардомъ Чаваннѣ, но это описаніе лишь случайно касается разныхъ географическихъ названій, имѣя цѣлью не описанія пути, а восхваленія буддизма.

Имѣется еще кромѣ того описаніе „великаго путешествія“, совершеннаго шестьюдесятью буддійскими монахами, частью сухимъ путемъ, частью

моремъ; всѣ эти путешественники были проникнуты лишь единственной цѣлью религіознаго характера, движимые въ своемъ добродѣтельномъ порывѣ усерднымъ желаніемъ изучить завѣты и правила буддизма у самаго источника.

Этотъ важнѣйшій импульсъ, направлявшій шаги первыхъ буддистовъ въ указанномъ направленіи, имѣлъ строго цивилизующее вліяніе на всемъ пути по матеріку Азіи, отъ Афганистана до Японіи; на всемъ этомъ протяженіи различныхъ сообщеній, пролегавшихъ частью сухимъ путемъ, частью моремъ, въ то время не существовало вовсе такихъ препятствій для взаимнаго общенія, которыя родились впоследствии, когда буддизмъ натолкнулся на мусульманскій фанатизмъ. То обстоятельство, что сотни несторіанцевъ, индусовъ и китайскихъ монаховъ свободно пускались въ такія отдаленныя путешествія, служилъ несомнѣннымъ доказательствомъ также и оживленнаго торговаго сообщенія существовавшаго тогда по этимъ направленіямъ, соотвѣтствовавшимъ съ одной стороны торговымъ путямъ еще болѣе древнихъ временъ, а съ другой стороны совпадающимъ съ направлениемъ торговаго движенія и нынѣшняго времени. Если мы видимъ отклоненія отъ этихъ магистральныхъ путей со стороны разныхъ завоевателей, то на это имѣлись всегда свои особенныя причины; такъ, капрпмѣръ, мы видимъ, что монгольскіе генералы въ 13-мъ столѣтіи обыкновенно пользовались болѣе сѣверной дорогой, проходившей мимо Иссыкъ-нуля,

въ виду того, что это направление болѣе соотвѣтствовало по климатическимъ условіямъ, привычнымъ для людей и лошадей монгольскихъ полчищъ. Лишь въ одномъ или двухъ случаяхъ монголы пользовались, да и то лишь небольшими частями, маршрутами, пройденными упомянутыми выше путешественниками Фа-сянемъ и Сюань-цзяномъ. Это предпочтеніе сѣвернаго направленія монголами, помимо сказаннаго, объясняется весьма просто тѣмъ, что оно представляло больше простора для ихъ огромныхъ обозовъ и большее изобиліе подножнаго корма.

Путь, пройденный въ 569 году отвѣтной миссіей византійскаго императора Юстина II, посланной къ тюркамъ подъ начальствомъ Земаркуса и Маньяха Согдіанскаго, пролегалъ на самомъ дѣлѣ, какъ это упомянуто было выше, чрезъ Токара или Согдіану; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ миссія встрѣтила первыхъ тюрокъ, торговавшихъ желѣзомъ. Мѣстопробываніе тюркскаго хана было открыто миссіей въ „Актагъ“ или „Эктелъ“, что значитъ по-тюркски „бѣлая горы“ (Акъ-тагъ). Ханъ тюркскій подарилъ, между прочимъ, Земаркусу киргизку въ видѣ наложницы. Изъ Актага византійскій посолъ направился въ Персію, остановившись на пути въ мѣстности извѣстной подъ названіемъ Таласъ. Со своей стороны я склоненъ думать, что упоминаемый миссіей ханъ „Дизабулъ“ вовсе не былъ „Великимъ Тюркомъ“, къ которому направлялась миссія, а былъ однимъ изъ западныхъ тюркскихъ хановъ,

орда котораго кочевала гдѣ-нибудь между Иссыкъ-кулемъ и Балхашемъ.

На своемъ обратномъ пути Земаркусъ пересѣкъ „Озчъ“, т. е. рѣку Оксусъ, и послѣ продолжительнаго путешествія достигъ какого-то „обширнаго озера“, берега котораго онъ обошелъ въ теченіе двѣнадцати дней. Двинувшись далѣе, византійскій посланникъ пересѣкъ еще четыре рѣки; всѣ онѣ имѣли направленіе теченія къ сѣверу, въ Каспійское море. Въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи на западъ Земаркусъ прошелъ чрезъ страну Аланъ, пересѣкъ весь Кавказъ и сѣлъ на судно въ Трапезондѣ, откуда достигъ Константинополя.

За нѣсколько лѣтъ до упомянутаго путешествія шизантійскаго посланника тюрки разрѣшили его спутнику Маніаху, какъ согдіанскому тюркскому подданному, отправиться въ Персію для того, чтобы организовать тамъ торговлю шелкомъ съ Китаемъ, которая была обставлена съ большими препятствіями; но находившійся тамъ въ то время индо-скинскій посланникъ по имени Катультпусъ помѣшалъ осуществленію этого проекта. Опасаясь встрѣтить мсть со стороны тюрковъ, персы отправили со своей стороны пословъ въ сѣверный Китай; въ отвѣтъ на это тюрки направили упомянутаго выше Маніаха чрезъ Кавказъ въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы поставить византійскаго императора въ извѣстность, что индо-скины потеряли независимость и уже покорены тюрками. Тогда именно императоръ Юстинъ и отправилъ

упомянутое выше посольство Земаркуса, придавъ ему въ качествѣ проводника Маніаха. Въ эти обстоятельства наилучшимъ образомъ иллюстрируютъ условія торговыхъ сношеній того времени съ Китаемъ, преимущественно въ отношеніи торговли шелкомъ и желѣзомъ, а также относительно мѣста кочевокъ западныхъ тюрокъ около Таласа, направленія пути, пройденнаго впослѣдствіи Рубруквисомъ и мн. т. п.

Въ самомъ началѣ царствованія Танской династіи, въ седьмомъ столѣтіи, многочисленные персидскіе купцы, какъ утверждаютъ китайскіе историки, стали появляться въ Китаѣ, пользуясь какъ морскими, такъ и сухопутными сообщеніями, и въ короткое время распространились по всей имперіи. Въ виду анархіи, которая скоро охватила имперію въ концѣ девятаго столѣтія, персидскіе купцы, точно также какъ и другіе иностранцы, торговавшіе въ Китаѣ, принуждены были ограничить свои коммерческія предпріятія, сосредоточивъ ихъ въ самомъ Кантонѣ. Помимо разнородныхъ данныхъ, приведенныхъ нами выше въ главі о древней торговлѣ Китая, доказывающихъ существованіе съ древнихъ временъ морской торговли вдоль побережья Индійскаго океана, можно еще указать на повѣствованія арабовъ Вахаба и Абу-Сеида, относящіяся къ 850 — 877 годамъ; эти повѣствованія еще разъ свидѣлствуютъ объ оживленной морской торговлѣ вдоль южныхъ побережій Китая, въ которой персы по всей вѣроятности

шли опереди арабовъ, благодаря своему превосходству по численности и энергіи.

Выше было уже упомянуто, что послѣ столѣтняго порабошенія персовъ тюрками первые сбросили съ себя тюркское иго въ 628 году послѣ Р. Х. Спасаясь отъ истинительности тюрковъ, одинъ изъ хановъ перепдскихъ Пирузъ, сынъ Іездедгерда, бѣжалъ въ Токара и оттуда обратился съ воззваніемъ о помощи къ императору китаискіи, который прислалъ особое посольство въ 651 году съ цѣлью пожаловаться арабамъ на дѣйствія тюрковъ. Тѣмъ не менѣе царь персидскій Іездедгердъ былъ убитъ арабами во время своего бѣгства въ Токара, а побѣда при Кадесиѣхъ въ 636 году положила сразу конецъ владычеству сассанидовъ; затѣмъ, когда въ 661 году китаицы овладѣли всѣми странами между Хотаномъ и Персией, то ввели тамъ свое административное устройство и назначили въ этихъ странахъ Пируза вице-королемъ Китая. Скоро, однако, онъ опять былъ атакованъ арабами, послѣ чего Пирузъ въ 670 году бѣжалъ въ Си-ань-фу, гдѣ и умеръ.

Упомянутыя сейчелъ событія дали поводъ китаискимъ мусульманамъ смѣшивать побѣдоноснаго арабскаго генерала Саді-Вакаса съ первымъ арабомъ, приходившимъ въ Кантонъ для торговыхъ дѣлъ, при чемъ ширкулировавшая среди китаискихъ мусульманъ легенда утверждала, что находящаяся въ Кантонѣ знаменитая арабская пагода, построенная въ 751 году и сохранившаяся тамъ

понинѣ, служить гробницей Сади-Вакаса. Въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ храмахъ Кантона имѣются надписи на трехъ языкахъ—арабскомъ, персидскомъ и китайскомъ, свидѣтельствующиіи по арабскимъ источникамъ, что въ 705—706 годахъ арабскій генералъ Катамба покорилъ Балхъ, Мервъ и Бухару; на обратномъ пути изъ этого послѣдняго пункта онъ подвергся нападенію тюрокъ, согдовъ (Токара) и населенія Ферганы (Кокандъ); но тюрки были разбиты арабами, которые послѣ того поставили своего правителя надъ согдами нъ 710 году. При этомъ нигдѣ ничего не упоминается о господствѣ „епталитовъ“, о существованіи которыхъ въ настоящее время исчезла, повидимому, всякая тѣнь какихъ бы то ни было историческихъ памятниковъ.

Все изложенное выше вполне согласуется съ китайскими источниками. Что же касается греческихъ историковъ, то, упоминая про „Абдели“ или про „епталитовъ“, они постоянно подразумеваютъ „таугасовъ“; между тѣмъ, согласно утвержденіямъ самихъ китайцевъ, у которыхъ названіе таугасъ существовало въ видѣ *Tau-hma-sh*, это названіе присвоивалось жителями нагорныхъ странъ Азіи самимъ китайцамъ.

Въ теченіе восьмого вѣка въ Китаѣ весьма часто появляются арабскія посольства, которыя приходили туда чрезъ Токара, то-есть чрезъ сѣверную вѣтвь южной дороги, пролегавшей по рѣкѣ Буланцзиръ чрезъ Сининъ и Лянъ-чжоу.

Въ это же время китайцы въ обширныхъ размѣрахъ пользовались услугами иностранцевъ въ своей арміи, мы видимъ даже, что арабы и уйгуры, изъ которыхъ многіе къ тому времени уже обратились въ мусульманъ, помогли китайскому правительству возстановить его власть въ Си-ань-фу и Хэ-нань-фу, освободивъ ихъ отъ мятежниковъ. Эти же арабы изъ внутренняго Китая, а можетъ быть иныя пришельцы-арабы, пробрались изъ Синина далѣе къ истокамъ рѣки Янъ-цзы: это доказывается тѣмъ, что въ 801 году мы встрѣчаемся съ активнымъ участіемъ самаркандцевъ или токарійцевъ (государства Канъ) въ борьбѣ, возникшей между тибетцами и сіамцами (союзъ Чжао) за обладаніе страной, „гдѣ находились истоки Цзінь-ша“, т. е. рѣки Янъ-цзы.

Въ связи съ упомянутымъ сейчасъ относительно сѣверою вѣтви южнаго магистральнаго пути будетъ нелишне замѣтить, что во время Непальской войны въ 1788 году маньчжурскій генералъ совершилъ очень смѣлый походъ прямо въ Непаль изъ Синина чрезъ Муръ-усу и Тибетъ. Весьма вѣроятно, что какъ этотъ маньчжурскій генералъ, такъ и арабы пользовались одной и той же дорогой до Джарлингъ-нора, т. е. до истоковъ Желтой рѣки, гдѣ дорога развѣтвляется на два пути.

Въ періодъ анархіи, господствовавшей въ Китаѣ во время такъ называемыхъ пяти династій (см. выше), между паденіемъ династіи Танъ и восцареніемъ Сунской династіи (около 900 — 960), китайскіе историки ничего не упоминаютъ объ

арабахъ; но мы находимъ, однако, доказательства дружескихъ отношеній, существовавшихъ между Хотаномъ и уйгурами, и оживленной торговли производившейся вдоль южной вѣтви южнаго пути. Затѣмъ въ теченіе всего періода господства въ сѣверномъ Китаѣ тунгуйскихъ племенъ ки-даней и нуй-чжэней (900 — 1200) арабы проникали въ сѣверный Китай лишь одинъ или два раза. Въ 924 году мы встрѣчаемъ основателя киданьской династіи находящимся въ Орхонѣ и старающимся убѣдить уйгуровъ изъ Гань-чжоу возвратиться обратно на свои старыя кочевья. Находившееся тогда въ сѣверномъ Китаѣ арабское посольство направилось на Орхонъ и обратилось съ воззваніемъ къ основателю династіи вступить съ арабами въ брачный союзъ. Относительно пути, по которому это посольство достигло Орхона, необходимо замѣтить, что трудно допустить, чтобы арабы появились съ сѣверо-запада со стороны Улясутая; вѣроятно же всего, что они пришли туда изъ Си-ань-фу по „главной магистральной дорогѣ“, которая пролегла тогда по территоріи уйгуровъ. Въ 1120 году другое арабское посольство обратилось съ подобнымъ же предложеніемъ брачнаго союза и дѣйствительно добилось получить руку одной киданьской принцессы.

Но если арабскія посольства появляются крайне рѣдко въ сѣверномъ Китаѣ сухимъ путемъ, то съ другой стороны китайскіе историки упоминаютъ о свыше 30 арабскихъ посольствахъ, прибывшихъ

въ Китаѣ морскимъ путемъ, въ періодъ времени между 968 и 1166 гг. Впрочемъ еще раньше, именно нѣ 966 году, упоминается про одного китайскаго монаха, который совершилъ путешествіе сухимъ путемъ на западъ, взявъ съ собою разные подарки, которые онъ преподнесъ нѣкому „государю“, прося его принятіемъ этихъ подарковъ сдѣлать честь Китаю. Въ одномъ мѣстѣ этотъ государь называется Кэ-ли-фу (*Калифъ*); въ другомъ мѣстѣ говорится, что упомянутый монахъ возвратился вмѣстѣ съ особымъ посольствомъ изъ Бинь-туна (Биптуака) изъ Кокхинины.

Въ 1017 году послѣдовало распоряженіе, по которому размѣръ пошлины, налагавшейся на предметы иностраннаго ввоза въ Китаѣ, былъ уменьшенъ на половину въ отношеніи арабскихъ товаровъ въ знакъ особаго къ нимъ вниманія. Какъ видно изъ китайскихъ источниковъ въ Кантонѣ говорили про арабовъ, что они принадлежать странѣ, находящейся на разстояніи морского плаванія въ 40 дней „нѣ сѣверо-западу отъ Цюань-чжоу въ Лань-ли (Ларъ?), откуда надо еще и въ слѣдующемъ году плыть опять 60 дней“... Далѣе мы увидимъ, что эта зимовка китайскихъ джонокъ въ южныхъ моряхъ была совершенно обычнымъ явленіемъ.

Во время царствованія въ Китаѣ Сунской династіи, отъ 960 г. до бѣгства послѣдняго ея представителя на югъ имперіи въ 1127 году, мы находимъ въ Си-ань-фу особую „гостиницу варваровъ“,

или проше—каравансарай, который былъ расположенъ съ внутренней стороны южныхъ городскихъ воротъ и предназначался для остановки тамъ иностранцевъ, прѣзжавшихъ для торговыхъ цѣлей. Во все время этого періода китайскіе историки ничего не упоминаютъ о пребываніи несторианцевъ въ имперіи, но въ отчетахъ нѣкогого Кай-фынъ-фу указывается на пребываніе тогда въ Китаѣ евреевъ, которые, по мнѣнію патера Табара, появлялись въ то время въ китайской имперіи для торговыхъ цѣлей.

Лучшимъ авторитетомъ по вопросу о морской торговлѣ въ Китаѣ во время царствованія Сунской династіи слѣдуетъ признать Фридриха Гирта, которому удалось открыть нѣсколько весьма цѣнныхъ китайскихъ источниковъ, относящихся къ этому вопросу. Какъ мы это видѣли выше, Кантонъ въ 999 г. по Р. Х. лишился своего монопольнаго положенія какъ центра морскихъ торговыхъ сношеній, такъ какъ послѣ 999 года были учреждены таможи и назначены таможенные офицеры помимо Кантона также и въ нынѣшнихъ городахъ Нинъ-бо и Хань-коу; городъ же Канпу, называемый у Марко Поло Канфу, былъ въ 1205 г. обращенъ въ военную приморскую станцію, расположенную на противоположномъ берегу противъ Нинъ-бо.

Какъ гласятъ историческіе документы, относящіеся къ исторіи Минской династіи, городъ Канфу во время господства монголовъ слылъ весьма

важнымъ торговымъ центромъ, благодаря чему онъ былъ обнесенъ стѣной и обращенъ въ самостоятельный муниципальный городъ; то мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ городъ, существуетъ еще по настоящее время подъ тѣмъ же названіемъ Канпу, но теперь этотъ пунктъ лишенъ всякаго значенія и является совершенно забытымъ всѣми. Еще задолго до того времени, когда Канпу сдѣлался знаменитымъ приморскимъ портомъ и важнымъ торговымъ центромъ, купцы изъ Зайтуна (Цюань-чжоу-фу) добились также и для своего города такого же положенія и офиціальнаго признанія въ этомъ отношеніи со стороны китайскаго правительства. Изъ города Зайтуна китайскія джонки поддерживали торговыя сношенія моремъ между Японіей и островами Лю-цю, которыя совершались тогда безпрепятственно; кромѣ того зайтунскія джонки совершали плаваніе къ островамъ Суматрѣ, Явѣ, Борнео, пользуясь для этой цѣли сѣверо-восточнымъ муссономъ.

На это плаваніе зайтунскіе купцы употребляли обыкновенно шесть недѣль; не довольствуясь торговыми сношеніями, эти купцы оставили послѣ себя подробныя описанія посѣщенныхъ ими мѣстностей, среди которыхъ, однако, ничего не упоминается о Маниллѣ; поэтому не вижу никакихъ очевидныхъ доказательствъ открытія въ то время китайцами этихъ острововъ, какъ это утверждаетъ Фр. Гиртъ.

Китайскія джонки обыкновенно отправлялись

въ дальнее плаваніе, дождавшись весны, для того, чтобы воспользоваться благопріятными прибрежными вѣтрами; направившись попутнымъ вѣтромъ въ Цейлонъ, джонки оттуда достигали Малабарскаго берега, затѣмъ направлялись далѣе къ портамъ Аравіи и Африки, среди которыхъ особенно могутъ быть указаны Бербера, Шехръ или Шахеръ и Джафаръ, благодаря особенностямъ китайскихъ іероглифовъ, употреблявшихся для обозначенія этихъ портовъ. Какъ изъ официальной исторіи китайской, такъ и изъ замѣчательной книги доктора Фр. Гирта можно установить съ достаточной ясностью, что Занзибаръ включался тогда въ обычный маршрутъ морскихъ путешествій того времени; отъ этой эпохи сохранились, между прочимъ, описанія Камбая, Гезерата, Мальвы, Багдада, Басры и другихъ мѣстностей на побережьяхъ Персидскаго залива.

Любопытно замѣтить, что одинъ изъ китайскихъ историковъ, жившій около 1000 года послѣ Р. Х., отождествляетъ жившихъ въ Кантонѣ „заморскихъ купцовъ - варваровъ“ съ „сектантами сянь“, жившими въ Да-цинъ'скомъ (т. е. европейскомъ) монастырѣ въ Си-анъ-фу. Одно время думали, что подъ этими сектантами подразумѣвали несторіанцевъ, относя оба названія „сянь“ и „да-цинъ“ къ одному источнику; но въ недавнее время моему покойному другу Габріелю Деверія удалось вполне доказать, что подъ упомянутыми выше заморскими купцами, торговавшими въ Кантонѣ,

должно имѣть въ виду персидскихъ маздеаписеозъ и манихеанцевъ.

Полагаемъ умѣстнымъ напомнить, что китайцы вообще очень медленно усваивали тождество отдѣльныхъ группъ, принадлежавшихъ къ одной и той же нации, но приходившихъ въ Китай по разнымъ направленіямъ—сухимъ путемъ или моремъ. Какъ на примѣръ можно указать на слѣдующій фактъ: во время войны въ Непалѣ, бывшей всего лишь сто двадцать лѣтъ тому назадъ, были сдѣланы со стороны Непала нѣкоторые дипломатическія представленія съ цѣлью оказать помощь Китаю въ его дѣйствіяхъ противъ „калькутскихъ франкоизъ, торговавшихъ въ Кантонѣ“; и только значительно позже во время войны въ Яркендѣ, когда находившійся тамъ китайскій резидентъ послалъ въ Пекинъ секретное донесеніе относительно захвата Пенджаба „франками“, китайскій императоръ былъ пораженъ извѣстіемъ, что въ обоихъ случаяхъ эти „*фринги*“ или „*пилинги*“ были не кто иные, какъ одни и тѣ же весьма сомнительные друзья Китая „*ингилли*“, т. е. англичане.

Побѣды Чингизъ-хана послѣ продолжительнаго перерыва опять открыли собой оживленное торговое движеніе по путямъ ведущимъ на западъ.

Ближайшей причиной, вызвавшей бѣшеную воинственность завоевателя, является измѣническое поведеніе пограничныхъ чиновниковъ въ Отрарѣ, вблизи Яксарта, недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ фортъ Перовскій (г. Пе-

ровскъ). Понинувъ свою родину на Ононѣ въ самомъ концѣ 1218 года, Чингизъ-ханъ направился на Иртышъ, гдѣ къ нему присоединилось много союзниковъ, съ которыми онъ двинулся далѣе къ сѣверу отъ Иссыкъ-куля по пути въ Отрарь; городъ этотъ былъ взятъ и разграбленъ въ концѣ 1219 года. Далѣе Чингизъ-ханъ направился чрезъ Яксартъ по пути на Самаркандъ и Бухару. Пока онъ находился въ Самаркандѣ, ему вздумалось почему-то экстренно вытребовать къ себѣ стараго китайскаго философа изъ Шань-дупа, за которымъ онъ и командировалъ монгольскаго проводника Кятайскаго философа отправился съ проводникомъ чрезъ Пекинъ и Калганъ къ рѣкѣ Кэру-лэнъ, откуда они двинулись далѣе вдоль береговъ Тола чрезъ Каракорумъ къ Урумчи; изъ этого послѣдняго пункта они направились чрезъ земли уйгуровъ въ Алмаликъ (Или) по пути, пролегающему къ сѣверу отъ Иссыкъ-куля, чрезъ Сайрамъ и Ходжентъ въ Самаркандъ, гдѣ ихъ встрѣтили люди, высланные Чингизъ-ханомъ, и направили путешественниковъ далѣе чрезъ Кешъ, Дербентъ и переправу на Оксусъ въ Балхъ. Этотъ наиболѣе сѣверный путь изъ Китая на западъ не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ другимъ „Сѣвернымъ путемъ“ ¹⁾ (къ сѣверу отъ Небесныхъ горъ), направляющимся отъ Хама и Урумчи въ Или и далѣе чрезъ горные перевалы въ Кашгаръ, какъ это упомянуто было выше.

¹⁾ Такъ называемый Нань-шань-бэй-лу.

Въ 1254—1255 году владѣтель Мажой Арменіи послалъ брата своего съ подарками къ Гаюкъ-хану. Для этой миссіи братъ государя Арменіи направился раньше всего въ Бату и Сартакъ, т. е. по тому же пути, какъ и Рубруквисъ; изъ Сартака онъ двинулся чрезъ пустыни, направившись далѣе къ сѣверу отъ озера Иссыкъ-куль по пути, пролегающему чрезъ нынѣшніе города Кобдо и Улясутай къ Каракоруму. Обратный путь свой въ Арменію онъ совершилъ по южной дорогѣ чрезъ нынѣшній городъ Урумчи, обогнулъ южную часть Иссыкъ-куля и направился далѣе чрезъ города Ташкентъ, Отраръ, Самаркандъ, Бухару, Тегеранъ и Тавризъ. На путешествіе отъ Волги къ Таласу Рубруквису пришлось употребить около двухъ мѣсяцевъ, отъ Таласа онъ направился по дорогѣ, пролегающей къ югу отъ озера Балхаша, откуда онъ достигъ уже Каракорума, употребивъ на этотъ послѣдній путь отъ Балхаша около мѣсяца.

Мнѣ придется еще упомянуть впоследствии, въ вопросѣ о китайскомъ календарѣ, про великаго министра изъ кидановъ, служившаго при Огдѣ. Внуку этого министра, Іелу-Гшиангъ, совершилъ путешествіе пѣшкомъ изъ Дунъ-хуана въ Урумчи, Манась и Эмиль (около Тарбагатай). Такимъ образомъ мы видимъ, что такъ называемая „великая сѣверная дорога“, которая можетъ быть признана магнетральнымъ путемъ, предпочитается очевидно двумъ другимъ дорогамъ, пролегавшимъ сѣвернѣе и южнѣе этого пути, для движенія какъ обозовъ,

такъ и для прогона скота, а равно и для движенія пѣшеходныхъ путешественниковъ.

Маршрутъ, пройденный самимъ Марко Поло, повидимому, пролегалъ по наиболѣе проторенной главной дорогѣ отъ Балха чрезъ Догана (Токара), Кундузъ, Талеканъ, Бадахшанъ, Шугнанъ, Тагарма или Ташъ-курганъ, Кашгаръ, Яркендъ, Карашаръ Лобъ-норъ, Ша-чжоу, Хамуль (Хами или Хамиль), Талась или Чикинскую „равнину“ (въ землѣ уйгуровъ, но не тотъ Талась, который недалеко отъ озера Балхашъ), Сукчеръ (Су-чжоу), Кампичу (Гань-чжоу), Эзина и Каракорумъ. Необходимо указать, что чонгольскіе историки упоминаютъ специально о дорогѣ на Эзинъ — точно также впрочемъ какъ и о многихъ другихъ большихъ дорогахъ, которыя были или открыты Хубилай-ханомъ или улучшены имъ.

Описание Юнь-нанн и Бирмы, составленное Марко Поло, представляетъ собою, собственно говоря, лишь описаніе нынѣшняго торговаго пути, протекающаго чрезъ Момепнъ и Бамо (Бамо на Иравади). Онъ никогда не проникалъ южнѣ шань-скихъ государствъ и не былъ никогда въ Сіамъ; поэтому у Марко Поло ничего не упоминается про двѣ другія единственныя торговыя дороги полуострова, изъ которыхъ одна ведетъ чрезъ переправу на Кузнъ-лунъ (Сальвинъ), а другая чрезъ Кэнь-хунъ (Меконъ). Впрочемъ никакихъ существенныхъ переменъ съ тѣхъ поръ не произошло въ этихъ мѣстахъ до настоящаго времени, и мы

видимъ понынѣ ежедневно, во время осенняго торгового сезона, около пяти тысячъ муловъ, нагруженныхъ разными товарами, доставляемыми изъ Кунь-нанн, мирно пасущихся на просторныхъ пастбищахъ въ окрестностяхъ Бамо, подобно тону, какъ это было, вѣроятно, и во время Марко Поло. Другія двѣ указанныя дороги также постоянно оживлены торговымъ движеніемъ, направляющимъ на Мольмейнъ и Сіамъ.

По всѣмъ имѣющимся въ настоящее время документамъ становится вполне яснымъ, что упоминаемый у Марко Поло Зайтунъ долженъ быть отнесенъ къ мѣстности, расположенной въ ближайшемъ соседствѣ съ Амоемъ къ сѣверу или къ югу отъ этого послѣдняго пункта; надо полагать при этомъ, что Зайтунъ въ смыслѣ торговомъ включать въ себѣ два пункта Чжанъ-чжоу и Цюанъ-чжоу. Оба эти города являются и по настоящее время значительными портами для торговли и эмиграціоннаго движенія на побережьяхъ южнаго океана и оба расположены вблизи открытаго для европейской торговли порта въ Амойскомъ заливѣ. Многіе ученые спорили по вопросу о томъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ названіемъ Зайтунъ, приводимымъ у Марко Поло. Со своей стороны допускаю полную вѣрность, что подъ этимъ названіемъ надо разумѣть прибрежный городъ Хай-дэнъ, который официально признанъ быть „городомъ“ собственно въ 1564 году, но задолго до того времени носилъ уже титулъ го-

рода, подобно тому, какъ Шанхай официально признанъ былъ городомъ въ 1291 году, Канъ-пу лишь во время Минской династіи, а Хань-ноу — всего лишь три года тому назадъ (въ 1899 году).

Отъ „Зяйтупа“ Марко Поло даетъ описаніе своего путешествія на Сіампа (Файфо), Яву, Лошакъ (Сіамъ), Пентамъ (Бантамъ или Батавія), Малую Яву, Фсрлекъ, Басманъ, Самара, Даграіянъ, Лямбри, Фансуръ (все на островѣ Суматрѣ), Некуверанъ (Никобаръ), Андаманъ, Ссйланъ, Маабаръ, Масулипатамъ (по-китайски „Соли“?), Мадрасъ, Ларъ (въ Индіи), Канъ, Конлонъ, Комари, Делли, Скатра, Мадагаскаръ (Магадокъ), Зангибаръ, Абассія (Абиссинія), Эссіеръ (Пехръ), Дуфаръ (Дзафаръ), Калату (Калхатъ) и Куриось (Ормузъ).

Почти каждый изъ перечисленныхъ пунктовъ упоминается китайскими историками при описаніи сношеній Хубилай-хана съ побережьями Индійскаго океана или въ исторіи Минской династіи при описаніи путешествій китайскихъ евнуховъ на западъ, что имѣло мѣсто двѣсти лѣтъ послѣ Хубилай-хана; если при этомъ нѣкоторые изъ названій, приподимыхъ Марко Поло, пропущены китайскими историками, то это вполне объясняется тѣмъ, что названія эти, вѣроятно, претерпѣли какія-нибудь измѣненія или же не попали въ китайскіе анналы по какимъ-нибудь другимъ уважительнымъ причинамъ. Въ большинствѣ же случаевъ кажущіяся противорѣчія, усматриваемыя при сопоставленіи

описаніи Марко Поло съ китайскими источниками, объясняются, вообще, вполне удовлетворительно.

Арабскій путешественникъ Ибнъ Батута, отправившійся изъ Адена въ Магадокъ въ 1339 году, въ періодъ смѣны династій Монгольской и Минской, также оставилъ послѣ себя описаніе своего маршрута. Онъ направился на Зануджъ (Занзибаръ), оттуда на Зафаръ, Ормузъ, Ларъ, Бенгаль, Джава (Суматра), Муль-Джава (Ява) и Эль-Зайтунъ въ Китаѣ. Изъ этого послѣдняго пункта Ибнъ Батута прибылъ въ Эль-Канса (называемый у Марко Поло Кинсай, т. е. Ханъ-чжоу), гдѣ онъ узналъ, что царствовавшая въ Китаѣ Монгольская династія близка къ паденію; поэтому онъ возвратился обратно въ Зайтунъ, гдѣ сѣлъ на прибывшую туда изъ Суматры китайскую джонку, съ которой направился на Суматру, Яву, Кауламъ (Каилонъ) и Калинунъ, откуда пробрался на родину въ Зафаръ и другіе тракты Аравіи въ 1347 году.

Далѣе слѣдуетъ указать на нѣкоторые историческіе памятники, дающіе намъ кой-какія данныя по разбираемому вопросу.

Знаменитая плита съ письменами, открытая въ Сиань-фу китайскимъ христіанномъ и обнародованная патеромъ Семедо въ 1625 году, служитъ новымъ доказательствомъ того факта, что сирійцы, а можетъ быть даже и европейцы, въ теченіе многихъ вѣковъ пользовались указаннымъ выше магистральнымъ путемъ изъ Месопотаміи въ Китаѣ. Надпись

на этой плитѣ относится къ 781 году; аяторомъ ея является бонза Да-цинъ'скаго монастыря, который даетъ намъ обстоятельный отчетъ о положеніи христіанства того времени въ Китаѣ, хотя много указаній свидѣлствуетъ намъ о томъ, что китайцы тогда смѣшивали несторіанцевъ съ маздеанами (Mazdeans) и, вообще, съ персами. Мой уважаемый корреспондентъ, іезуитскій патеръ Гавретъ, высказываетъ даже такое убѣжденіе, что на берегахъ рѣки Вэй, т. е. въ Сиань-фу, можно еще найти доказательства существованія въ Китаѣ христіанской миссіи современной жизни апостоловъ; трудно, конечно, согласиться съ этимъ убѣжденіемъ, даже и при горячемъ желаніи.

Упомянутый уже нами выше извѣстный несторіанскій камень, исписанный вполнѣ разборчивыми китайскими и сирійскими письменами, упоминаетъ про императорскій указъ, обнародованный въ 638 г., дарующій терпимость христіанской религіи вообще и особенно „христіанекому священнику Олопену изъ Да-цина“. Самый оригиналъ этого указа долго и безуспѣшно разыскивался разными синологами и наконецъ вырытъ былъ изъ-полъ земли неутомимымъ Александромъ Внлай въ 1855 году, при чемъ единственная разница, оказавшаяся между подлиннымъ указомъ и приведенной выше копіей на несторіанскомъ камнѣ, заключалась въ томъ, что священникъ Олопень описывается какъ челоѣкъ персидскій, а не изъ Да-цина; но мы

уже дважды объясняли причины встречающихся въ этомъ отношеніи противорѣчій.

Затѣмъ въ надписи на камнѣ, высѣченной на трехъ языкахъ—уйгурскомъ, турецкомъ и китайскомъ, открытой нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскими путешественниками въ древней столицѣ уйгуровъ на берегу Орхона, также упоминается про „западную религію“, которая отождествляется то съ персидскимъ манихействомъ, то съ христіанскимъ несторианствомъ. Надпись эта относится къ 830 году и еще разъ указываетъ намъ на то, что Спрія и Персія часто смѣшивались китайцами именно въ виду того, что ихъ связывала съ Китаемъ и Монголіей одна и та же дорога чрезъ Токара.

Перейдемъ теперь къ маршрутамъ, пройденнымъ разными посольствами въ Китай. Въ хронологическомъ порядкѣ раньше всего слѣдуетъ посольство Ивана Плано-Карпини, посланнаго папою Иннокентіемъ IV къ Куюкъ-хану въ 1245 году, этотъ посланникъ прошелъ чрезъ страны наймановъ и кара-ки-даней вдоль Чжунгарійскихъ озеръ къ Орхону. Упомянутый уже выше Рубрукисъ, какъ извѣстно, также направился чрезъ земли кара-ки-даней въ 1254 году и прошелъ мимо озера Балхаша. Въ 1277 году папа Николай III послалъ письма Хубилай-хану, отправивъ ихъ съ францисканскимъ монахомъ. Въ 1293 году прибылъ въ Пекпнъ Иванъ Монте-Корвино, принадлежавшій къ ордену „Меньшихъ Братьевъ“, съ цѣлью осно-

вать тамъ христіанскую церковь. Какъ видно изъ отчета объ этомъ путешествіи, торговый путь флорентійскихъ купцовъ пролегалъ тогда чрезъ Азовъ, Астрахань, Хиву, Отрарь, Алмаликъ (Или) и Гань-чжоу.

Въ 1287—1331 годахъ монахъ Ордорикъ по собственному побужденію отправился путешествовать въ Китай, пользуясь отчасти сухопутными отчасти водными сообщеніями. Маршрутъ его лежалъ чрезъ Трапизонтъ, Тавризмъ, Кайлонъ, Цейлонъ, Майлопуръ (Мадрасъ), отсюда на китайской джонкѣ онъ направился на Суматру, Яву, Борнео, Сиама, Кантонъ, Зайтунъ и далѣе, переваливъ чрезъ горы, достигъ „Кансай“ (Хань-чжоу). Этотъ послѣдній районъ и самъ посетилъ дважды, переваливъ чрезъ два ряда горныхъ переваловъ.

Въ 1336 году послѣдній императоръ Монгольской династіи отправилъ письма папѣ Бенедикту XII чрезъ одного „франка“ по имени Андреаса, который въ слѣдующемъ же году доставилъ отвѣтное письмо Бенедикта. Въ 1340 году францисканскій священникъ Иванъ Мариньоли построилъ новую церковь въ столицѣ Джагатай, въ странѣ Альмаликъ (Или), гдѣ въ 1339 году была умерщвлена испанская миссія Паскаля. Въ 1342 году возобновленная Мариньоли юная миссія была опять разрушена туземцами. Почти одновременно съ этими событіями прибылъ въ Пекинъ Николай де Боннетъ, явившійся преемникомъ Монте-Корвино. Мы уже упомянули выше со словъ китайскихъ исто-

риковъ въ главѣ объ исторіи Китая, что иѣкій иностранецъ изъ народа „фуланъ“ доставилъ въ Китай „чудесную“ лошадь въ 1342 году и что основатель Минской династіи отправилъ въ Европу письмо въ 1371 году чрезъ иѣкоего „Найекулуиу“ (Niekulun), который принадлежалъ также къ народу „фуланъ“ и прибылъ въ Пенинь для торговыхъ цѣлей въ 1367 году. Затѣмъ въ 1375 году опять упоминается о прибытіи въ Пекинъ „фулиискаго“ или „фулаискаго“ человека изъ Суматры съ особой миссіей.

Въ 1395 году Минская династія отправила особаго посла, чтобы истребовать отъ Тамерлана уплату дани. Этотъ посолъ направился чрезъ проходъ Цзя-юй, Хами, Турфанъ и Или въ Самаркандъ, откуда онъ былъ доставленъ въ Ширазъ и Испагань, гдѣ осаждался иѣсколько лѣтъ. Въ виду возникшаго спора изъ-за вопроса о дани китайскій посолъ былъ насильно задержанъ въ странѣ; наконецъ въ 1405 году, по причинамъ невыясненнымъ вполнѣ до сего времени, но очевидно раздраженный требованіемъ дани со стороны Китая, Тамерланъ переправился чрезъ Яксартъ съ несмѣтными полчищами, чтобы завоевать Китай. Во время своего похода въ Китай Тамерланъ умеръ въ Отрарѣ, откуда онъ предполагалъ продолжать движеніе, но только въ иномъ направленіи, слѣдуя по маршруту Чингизъ-хана. Находившійся тогда въ Самаркандѣ посланникъ Кастилин, Клавиго, упоминаетъ, между прочимъ, въ своемъ

отчетѣ, что въ 1404 году прибылъ въ Самаркандъ караванъ изъ 800 верблюдовъ, нагруженныхъ шелкомъ, ревенемъ, драгоценными камнями и кусомъ, доставленнымъ изъ „Камбалу Ханъ-Балыкъ (Пекинъ)“, что въ Кэтай¹⁾.

Согласно китайскимъ лѣтописямъ сынъ Тамерлана неоднократно посылалъ многочисленныя посольства въ Китай, который со своей стороны посылалъ отвѣтныя посольства; одно изъ этихъ посольствъ посѣтило Хами, Турфанъ, Сайрамъ, Отраръ, Ташкентъ, Самаркандъ, Кешъ, Бухару, Гератъ, Термезъ ¹⁾ и Бадахшанъ.

Въ одномъ изъ трудовъ доктора Бретшнейдера цитируется отчетъ, составленный нѣкимъ персидскимъ купцомъ около 1500 года, въ которомъ упоминается о посольствѣ, отправленномъ въ Китай внукомъ Тамерлана около 1449 года; но, имѣя лишь турецкій переводъ этого персидскаго отчета, трудно установить тождество названій различныхъ пунктовъ въ маршрутѣ этого посольства. Канъ утверждаютъ анналы Минской династии, посольства изъ Самарканда въ Китай приходили въ 1430, 1437, 1445, 1546 и 1449 годахъ.

---

¹⁾ Нынѣ сохранились лишь обшпрныя развалины этого когда-то многолюднаго города, который былъ настолько обширенъ, что по образному выраженію мѣстнаго преданія „кошка гуляла по крышамъ его домовъ на протяженіи до фарсанговъ“... Лѣтомъ 1898 года мнѣ самому пришлось объѣхать эти развалины, около которыхъ и настоящее время возникаетъ новый русскій населенный пунктъ.

Весьма интересно прослѣдить, какъ долго продержались названія Ки-данъ (или Кэа) и Камбалу (или Пекинъ) рядомъ съ другими болѣе старинными названіями—„Тинъ“, „Цэннь“ или „Чинъ“. Въ этомъ отношеніи мы находимъ разъясненіе Бенедикта Гоа, который въ 1602—1607 годахъ прошелъ изъ Кабула чрезъ Яркендъ и далѣе по верхнему теченію Оксуса въ Су-чжоу; онъ первый удостовѣрилъ что „Кэтай“ и „Чайна“ ¹⁾ была одна и та же страна.

Торговые пути, которыми пользовались евнухи Минской династіи, вполне ясны, и если мы можемъ впасть въ какія-нибудь ошибки, то развѣ лишь въ отношеніи маловажныхъ пунктовъ въ виду поелѣдовавшихъ измѣненій береговъ, образовавшихся баровъ при устьяхъ рѣкъ, что въ общемъ хотя и могло измѣнить положеніе торговыхъ или складочныхъ пунктовъ, но по всей вѣроятности въ незначительныхъ предѣлахъ. Важнѣйшимъ инициаторомъ и руководителемъ этого торговаго движенія былъ китайскій Нардесъ по имени Чжэнъ-хо. Въ 1405 году онъ съ флотомъ въ 62 джонки, имѣя на нихъ 27,000 человекъ, направился изъ Шанхая на Амой, Файфо, Бинъ-туань, Пуло-Кондоръ (островъ) и Кампотъ (Камбоджа). Всѣ

---

¹⁾ China—при русскомъ произношеніи „Чаппа“—нынѣшнее названіе Китая на англійскомъ языкѣ Намъ приходится дѣлать эту оговорку въ виду созвучія названій „Китай“ и его родоначального „Кэтай“.

эти мѣста я посѣтилъ самъ въ 1888 году и въ томъ же порядкѣ, какъ и Чжэнъ-хо, такъ что могу самъ лично свидѣтельствовать о цѣлесообразности морскихъ стоянокъ избранныхъ китайскимъ евнухомъ. Во время этого путешествія, а можетъ быть въ другой разъ, Чжэнъ-хо посѣтилъ Цзи-лунъ (Формозу); онъ счелъ лишнимъ обложить данью дикое населеніе острова, а предпочелъ надѣлать жителей подарками и составилъ описаніе страны, въ которомъ между прочимъ упоминаетъ о происхожденіи названія города Тамъ-суй („Свѣжая Вода“), который и по настоящее время является однимъ изъ такъ называемыхъ „договорныхъ портовъ“¹⁾. Въ 1407—1409 годахъ евнухъ Чжэнъ-хо направляется въ Палембанъ, Лямбри, Малакку Сіамъ, и Цейлонъ, выдержавъ на пути нѣсколько значительныхъ сраженій недалеко отъ Ачина и Кэнди, утверждая всюду владычество Китая самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ 1412—1416 годахъ Чжэнъ-хо посѣтилъ Пахангъ, Лямбри, Ару, Келантанъ, Андоманскіе острова, Кохинъ, Кайлонъ, Каликутъ, Ормузъ, Аденъ, Магадокса, Джубу и Брава.

Въ 1430—1431 гг. Чжэкъ-хо призналъ необходимымъ опять навѣстить большую часть изъ перечисленныхъ выше пунктовъ. Самъ онъ, однако,

---

¹⁾ Такъ называются портовые города, открытые для европейской торговли въ силу договоровъ, заключенныхъ между китайскимъ правительствомъ и европейскими державами.

въ дѣйствительности никогда не заходилъ какъ въ пункты Персидскаго залива, такъ и въ Красное море; вмѣсто себя онъ посылалъ туда своихъ помощниковъ, которые, повидимому, проникли и въ Джелду, такъ какъ представили при своемъ возвращеніи подробный отчетъ о странѣ Магомета. Острова Ява и Борнео, повидимому, также остались въ сторонѣ отъ плаваній самага Чжэнъ-хо, но затѣмъ эти острова были неоднократно посѣщаемы другими евнухами; точно также не были посѣщены самимъ Чжэнъ-хо, а лишь его помощниками, Мадрасъ, Бенгаль, а сухимъ путемъ Непаль и Тибетъ, куда тоже проникали тогда китайцы по указанію дѣятельнаго евнуха.

Нынѣшняѣ Маньчжурская дѣнастія начала изысканіе путей наново, достигая своихъ открытій ощупью при нересѣченіи странъ неизвѣданныхъ или забытыхъ,—совершенно такъ, какъ это дѣлалось ея предшественниками. Первые открытія въ этомъ направленіи сдѣланы были въ концѣ 17 столѣтія, когда китайскій императоръ Канъ-си вновь воцарившейся династіи надумался отправиться въ походъ вплоть до Кэрулэна и Тола, для того, чтобы отгѣснить назадъ нашествіе калмыковъ. Китайскій историкъ при описаніи этого событія справедливо похваляется тѣмъ, что ни одинъ изъ предшествовавшихъ императоровъ, занимавшихъ когда-либо престолъ въ Китаѣ, никогда не проникалъ такъ далеко на западъ; никогда также и китайскія войска въ такой численности, прево-

сходившей 30,000 человекъ, не совершали такого похода чрезъ пустыню.

Сынъ и внукъ упомянутого блистательнаго императора также видѣли необходимость раздавить могущество калмыковъ, поэтому продолжали дѣло Канъ-си, стремясь напасть на калмыковъ въ самомъ центрѣ ихъ кочевокъ, въ Куку-норѣ и Лобъ-норѣ; оттуда намѣревались двинуться по сѣверному пути къ рѣкѣ Буланцзиръ и къ Цайдаму, гдѣ окончательно разрушить все владычество калмыковъ, а затѣмъ присоединить къ Китаю Кобдо, Чжунгарію, а также и магометанскія государства въ „Малой Бухарѣ“, т. е. Кашгарію. При одномъ изъ нападеній китайцевъ калмыки отступили изъ-подъ Куку-нора по дорогѣ, пролежавшей на Хами къ западу отъ прохода Цзя-юй; дорога эта не показана на большей части картъ Азіи. Въ 1739 году калмыкамъ предоставлены были привилегіи при торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ; кромѣ того имъ предоставлены были также привилегіи ходить въ Тибетъ и „варить чай“, это по всей вѣроятности сохранилось лишь до тѣхъ поръ, пока калмыки были въ силѣ. Въ настоящее время, повидимому, не существуетъ караванной торговли на большомъ протяженіи по прямымъ путямъ между Тибетомъ и Лобъ-норомъ чрезъ Куэнь-лунскій хребетъ.

Въ своихъ побѣдоносныхъ походахъ китайскія войска преимущественно пользовались крайнимъ сѣвернымъ путемъ чрезъ Улясутай; иногда войска направлялись по дорогѣ, пролегающей чрезъ Чжун-

гарію или, наконецъ, пользовались двумя вѣтвями южнаго, т. е. нагистральнаго пути (черезъ Кашгарію) То же самое можно сказать и о походахъ Цзо-цзунъ-тана, которому пришлось въ 1877 году отвоевать китайскія владѣнія, захваченныя Якубъ-бекомъ Кашгарскимъ; впрочемъ Цзо-цзунъ-танъ никогда не пользовался Улясутайской дорогой, прибѣгая къ движенію черезъ пустыни лишь на небольшія разстоянія и притомъ тогда, когда по соображеніямъ военнаго характера требовалось неожиданное появленіе предъ противникомъ. Южная вѣтвь южной магистрали всегда служила для перевозки на Хотанъ нефрита, торговля которымъ относится къ древнѣйшимъ временамъ.

Послѣ вторичнаго покоренія Кашгаріи маньчжуры въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ распространили свое вліяніе на Кокандъ, Бухару, Шугнанъ и Бадахшанъ; по войска ихъ при всемъ томъ никогда не проникали, даже временно, по западную сторону Памировъ. Съ Кокандомъ въ то время происходили постоянные споры по вопросу о правѣ обложенія кокандцами товаровъ провозныхъ для кнтайцевъ изъ Кашмира черезъ Сарыколъ; но такъ какъ кокандцы въ свою очередь получали чай и лекарственныя товары исключительно изъ Китая, то китайскому правительству не трудно было добиться рѣшенія этого вопроса въ желательномъ для него смыслѣ путемъ давленія на узбекскія власти, пригрозивъ запрещеніемъ отпуска къ нимъ упомянутыхъ предметовъ.

Обычнымъ торговымъ путемъ между Тибетомъ и Пекиномъ, по которому понынѣ двигаются тысячи людей и животныхъ, является тотъ же путь, по которому въ 1834—1835 году прошелъ аббатъ Гукъ. Онъ направился большимъ трактомъ изъ Долонъ-нора на Цаганъ-курень около Бао-ту; затѣмъ, переправившись чрезъ Желтую рѣку, онъ пересѣкъ сначала одинъ уголъ Ордосской пустыни, потомъ опять прошелъ чрезъ нее около Хара-хото; далѣе онъ направился вдоль лѣваго вала Великой стѣны на Сай-янъ, Нянь-бо и Гумбунскій монастырь около Си-нина. Отдохнувъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, Гукъ опять направился по пути, пролегающему южнѣе Куку-нора къ источникамъ Желтой рѣки, перевалилъ чрезъ хребты Шуга и Байнъ-кара, Муру-усу и прошелъ далѣе на Лхассу (Хласса), пользуясь по всей вѣроятности тѣмъ же путемъ, по которому прошли иньчжурскія войска на Непаль, какъ это было уже упомянуто выше.

Въ настоящее время періодически отправляется изъ Непала въ Китай особое посольство, которое по старой памяти считается приходящимъ для доставленія дани, а на самомъ дѣлѣ является для торговыхъ цѣлей; это посольство придерживается неизмѣнно почтоваго тракта, проходяшаго чрезъ Шигатэ и Хлассу на Да-цзянь-лу. Дорога изъ Юнь-нанн въ Тибетъ хотя и можетъ быть признана проходимою, все-таки недостаточно разработана для движенія войскъ, вслѣдствіе чего она благоразумно

обходится маньчжурами, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто еще за 2000 лѣтъ тому назадъ во время похода Хань-ву-ди. Впрочемъ принцу Генриху Орлеанскому удалось въ послѣднее время пересѣчь въ этомъ направленіи крайніе истоки рѣки Ирравади. Къ западу отъ Хлассы хотя и отходитъ почтовая дорога на Лари, но она почти недоступна даже для китайскаго резидента, пребывающаго въ Хласеѣ, поэтому китайскіе купцы подавно не могутъ проникнуть на ирайній западъ.

Въ заключеніе полагаемъ нелишнимъ прослѣдить маршруты, которыхъ придерживаются китайскіе мусульмане при своемъ паломничествѣ въ Мекку. Въ 1893 году я встрѣтилъ одного изъ этихъ пилигримовъ въ Бамо (Бгамо); онъ прошелъ весь путь изъ Хэ-наньской провинціи, а далѣе направлялся пароходомъ на Раигунъ. Въ 1841 году одинъ мусульманинъ изъ Юнь-нани, прославившійся въ послѣдствіи, во время возстанія Сулеймана Паитая (въ началѣ 70-хъ годовъ), подъ названіемъ „старый батюшка“, отправлялся въ Мекку чрезъ Эсмокъ на Цзянь-дуинъ, Легія и Ава (Мандалай); въ этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ сѣлъ на джоикку, которая была нагружена мѣдью изъ Юнь-нани для доставки въ Раигунъ. Изъ Раигуна онъ отправился на пароходѣ чрезъ Калькутту, Цейлонъ, Малабаръ, Сокотру, Аденъ и Мокку, откуда достигъ Джедды. Въ обратный путь упомянутый паломникъ пустился на парусномъ суднѣ, которое по дорогѣ потерпѣло крушеніе; большую часть

пунктовъ, которые ему пришлось посѣтить во время своихъ странствованій, трудно установить географически по ихъ названіямъ; онъ побывалъ между прочимъ въ Пенангѣ, Малаккѣ, Сингапурѣ, Кантонѣ (гдѣ онъ остановился въ старой мечети), затѣмъ поднялся вверхъ по Западной рѣкѣ въ Нань-нинъ и Бай-сэ. Этотъ послѣдній пунктъ является въ настоящее время важнымъ торговымъ центромъ для пѣшеходнаго торговаго движенія между Пакъ-хоемъ, Гуй-чжоу и Юнь-нанью. Кромѣ приведеннаго сейчасъ морского пути, упомянутый паломникъ даетъ также маршрутъ и для сухопутнаго движенія на западъ, чрезъ перевалъ Цзя-юй на Хами, Турфанъ, Аксу, Учъ, Кашгаръ, Андижанъ, Кокандъ, Ходжентъ, Самаркандъ, Бухару, Багдадъ, Аинтабъ, Алеппо, Дамаскъ, Іерусалимъ, Каиръ; въ видѣ другого варіанта этого маршрута онъ предлагаетъ направиться изъ Аинтаба на Антиохію и Яффу; далѣе онъ указываетъ еще на одну возможность замѣны части вышеприведеннаго маршрута: вмѣсто того, чтобы изъ Бухары итти на Багдадъ (въ маршрутѣ паломника на этомъ участкѣ перечислено восемь промежуточныхъ пунктовъ) можно, по его словамъ, направиться на Балхъ, Кабуль, Кандагаръ, Келатъ и Бейла, откуда далѣе слѣдовать уже моремъ.

Какъ перечисленные выше, такъ и другія интересныя подробности, касающіяся выбора маршрутовъ мусульманскими паломниками, направляющи-

мися изъ Китая въ Мекку, были собраны покойнымъ Габріелемъ Деверіа ¹⁾.

¹⁾ Въ приведенныхъ маршрутахъ намъ представляется замѣтный пробѣлъ, касающійся, главнымъ образомъ, нынѣшняго направленія паломническаго движенія китайскихъ магонетанъ въ Мекку. Дѣло въ томъ, что постѣ постройки Закаспійской желѣзной дороги открылась возможность несравненно болѣе дешеваго и скорѣйшаго сообщенія между западнымъ и даже центральнымъ Китаемъ съ одной стороны и Аравіей съ другой, именно—черезъ Самаркандъ и Баку, а далѣе черезъ Персію или даже черезъ Константинополь; послѣдній путь, хотя и значительно кружитъ, представляетъ, однако, больше выгодъ, благодаря водному сообщенію на пароходѣ, что, конечно, легче, пріятнѣй и даже дешевле, чѣмъ нескончаемо долгое путешествіе пѣшкомъ. Большая часть китайскихъ пилигриновъ, уиѣющихъ сочетать свои религіозныя потребности съ продуктами европейской цивилизаціи, совершаетъ уже теперь свое паломничество въ Мекку черезъ русскія владѣнія, пользуясь Закаспійской желѣзной дорогой, въ чемъ мнѣ пришлось убѣдиться лично весною 1897 года: прибывъ къ подопяѣ перевала Терекъ-Даванъ на пути въ Кашгаръ, я нашелъ тамъ нѣсколько сотъ паломниковъ, возвращавшихся изъ Мекки, выжидавшихъ благопріятной погоды для перевала черезъ грозный хребетъ. Какъ оказалось по разспросамъ, почти всѣ паломники пользовались Закаспійской желѣзной дорогой. Въ настоящее время, послѣ открытія Санаркандо-Андижанской желѣзной дороги, къ этому маршруту на Мекку тиготѣтъ, очевидно, еще болѣе обширный районъ, захватывающій, повидному, и нѣкоторую часть Средняго Китая. Лишь очень немногіе закоснѣлые фанатики гнушаются пользоваться русскими желѣзными дорогами и пароходами при своемъ священномъ паломничествѣ въ Мекку и предпочитаютъ пѣшеходное странствованіе черезъ Афганистанъ и Персію по маршруту, приведенному Габріелемъ Деверіа со словъ упонянутаго муллы („старого батюшки“). Впрочемъ, по этому же пути

Если мы обратимся теперь къ Монголіи, то увидимъ, что торговля всей сѣверо-западной ея части сосредоточивается въ самомъ гор. Бауту или около него въ сѣверо-восточномъ углу, образуемомъ теченіемъ Желтой рѣки, откуда отходитъ большая дорога чрезъ Гуй-хуа-чэнъ (Тендюкъ), въ значительной степени облегчающая сношеніе съ Долонъ-норомъ (Лама мяо) и Калганомъ. Отъ Гуй-хуа отходитъ еще большая дорога на Улясутай и на соединеніе съ наиболѣе сѣвернымъ путемъ, проходящимъ на западъ. Обѣ эти дороги имѣютъ важное торговое значеніе въ связи съ иностраннымъ торговымъ движеніемъ чрезъ Тянь-цзинь.

Что же касается путей сообщенія въ Маньчжурин, то новѣйшими изысканіями доказано вполне, что средневѣковыя китайскія посольства, которыя посылались къ нюй-чжэнямъ, пользовались нынѣшней большой дорогой, направляющейся отъ Пекина чрезъ Шань-хай-гуань, Мукденъ, Гиринь или Чанчунь на Алчука и Сань-синъ. То же самое относится и къ нынѣшней корейской дорогѣ, отходящей отъ Сеула или Пхібнъ-янъ чрезъ Ый-чжу, откуда направляется или чрезъ Мукденъ, на соединеніе съ Маньчжурской дорогой, или чрезъ Финъ-хуанъ и

направляются въ настоящее время и ншіе паломники которые всю дорогу питаются поданіемъ и лишены возможности заплатить что-нибудь за проѣздъ по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ.

Примѣч. Перев.

Цзинь-чжоу, гдѣ этотъ послѣдній путь соединяется съ первымъ. Указанные сейчасъ два пути служили для сообщенія главнымъ образомъ въ древнія времена.

Пути сообщенія, служившія киданямъ, я прошелъ большей частью самъ лично; это просто-напросто трактовые пуги, отходящіе изъ Пекина, направляясь чрезъ разные проходы, имѣющіеся въ Великой стѣнѣ. По сей день можно видѣть направляемые зимою по этимъ дорогамъ въ Пекинъ для продажи табуны лошадей и гурты скота, совершенно такъ, какъ это было 2000 лѣтъ тому назадъ. Нынѣшній путь, пролегающій чрезъ Калганъ и Кяхту, которымъ русскіе пользуются въ настоящее время, не всегда былъ единственнымъ путемъ при сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ: такъ, въ семнадцатомъ столѣтіи русскіе направлялись чрезъ Цурухайтуй, лежащій на рѣкѣ Аргуни, оттуда шли на перерѣзъ чрезъ р. Хайларъ и Хинганскій хребетъ; затѣмъ путь ихъ лежалъ чрезъ долину Ялѣ къ рѣкѣ Нонни, откуда направлялись въ юго-западномъ направленіи чрезъ гористыя и пустынные мѣста на юго-восточной границѣ Монголіи къ воротамъ Сн-фынь-коу въ Великой стѣнѣ. Между Цицикаромъ на рѣкѣ Нонни и Пекиномъ путешественники пересѣкали еще Чолинъ-у-іе (Cholin u-ue) и Мокхой, затѣмъ рѣки Торъ и Шара-мурэнь съ ихъ притокомъ Лоха.

То, что сказано было сейчасъ относительно путей чрезъ Маньчжурію, будетъ справедливо также

и въ отношеніи границы съ Гонкиномъ: пролегающіе здѣсь пути совершенно тѣ же, которые существовали много лѣтъ назадъ; единственной новостью является развѣ то, что дорога, отходящая отъ Красной рѣки изъ Юнь-нани чрезъ Лао-кай въ Ха-ной, на самомъ дѣлѣ извѣстна была прежде только въ теоріи, такъ какъ въ дѣйствительности никто этой дорогой никогда не пользовался, и лишь 25—30 лѣтъ тому назадъ дорога эта была вновь открыта какъ путь сообщенія, благодаря изслѣдователю Дюпюи. До того времени и городомъ Хай-фонгъ (Хай-понъ) не пользовались какъ приморскимъ портомъ; аннамиты въ прежнее время старались всегда мѣшать торговымъ сношеніямъ съ Китаемъ, придерживаясь въ этомъ отношеніи такой же политики и по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и японцы, во-первыхъ—потому, что опасались столкновений съ морскими пиратами, а во-вторыхъ—изъ боязни ввоза опиума.

Итакъ, подводя общій итогъ всѣмъ приведеннымъ выше изысканіямъ по вопросу о направленіи торговыхъ путей въ Китаѣ, можно въ концѣ концовъ прійти къ такому выводу: за исключеніемъ одного или двухъ путей всѣ существующія въ настоящее время проторенныя магистральныя сообщенія, какъ сухопутныя, такъ и морскія, протекаютъ совершенно по тѣмъ же направленіямъ, какъ и 2000 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣми же рѣдными исключеніями мы видимъ, что и торговые рынки остаются въ тѣхъ же пунктахъ, въ которыхъ они

были много лѣтъ тому назадъ, или же расположены около нихъ, при чемъ это послѣднее измѣненіе въ положеніи торговыхъ центровъ всегда легко объясняется какими-нибудь особыми причинами. Да и само населеніе остается въ большинствѣ случаевъ въ томъ же составѣ, какъ и прежде, можетъ быть нѣсколько смѣшанное и перемѣшанное послѣ передвиженій съ мѣста на мѣсто въ силу какихъ-нибудь нашествій непріятеля, голода или какихъ-нибудь другихъ катаклизмовъ.

Въ отношеніи продуктовъ торговаго обмѣна мы видимъ, что чай является предметомъ вывоза изъ Китая въ то самое время, когда бумажная ткань становится предметомъ ввоза, и былъ впервые обложенъ пошлиной въ 8-мъ столѣтіи. Затѣмъ нѣкоторыя измѣненія торговли тяжелыми и громоздкими предметами внесли также дешевые фрахты, оказавшіеся возможными при перевозкѣ на большихъ судахъ; въ видѣ примѣра можно указать на желѣзо, которое изъ предмета вывоза въ былое время стало теперь предметомъ ввоза: тысячи тоннъ старыхъ подковъ ввозятся въ Китай какъ балластъ по низкимъ фрахтамъ. Наиболѣе важной новостью въ торговлѣ Китая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ несчастьемъ его въ экономическомъ отношеніи, является торговля опиумомъ, которая по сіе время совершаетъ свое пагубное вліяніе на имперію внутри и извнѣ. Было бы, однако, нечестно свалить лишь на насъ, англичанъ, все пори-

цаніе за эту торговлю, да и китайскіе историкн не пытаются винить лишь насъ однихъ ¹⁾).

Къ характеристикѣ путей сообщеній въ Китаѣ, вообще. должно замѣтить, что какъ только чело-вѣкъ можетъ пробраться изъ одной деревни въ другую, то — вотъ уже дорога; если такая дорога ведетъ, скажемъ, къ пятидесяти деревнямъ, да еще вмѣстѣ съ чело-вѣкомъ проходитъ и навьюченный мулъ, то эта дорога становится уже *большой*; если эта дорога снабжена почтовыми станціямн для дви-женія людей и каравановъ, то она называется уже большимъ трактомъ. Жители, строго говоря, на-правляются сухимъ путемъ прямо передъ собой: при морскомъ сообщеніи, пользуясь компасомъ или направляясь вдоль береговъ отъ мыса къ

---

¹⁾ Разъ только почтенный авторъ счелъ здѣсь умест-нымъ проронить пару словъ въ защиту своихъ соотче-ствешшковъ, то съ его стороны было бы непшнимъ также и пояснить: кто же изменно долженъ нести нравственную отвѣтственность за возмутительное одурманиваше опиумомъ цѣлѣй четверти всего населенія земного шара, если тор-говлю этимъ предшшшимъ зельемъ ведутъ исключительно англичане, не погнушавшіеся даже поддержать эту позор-ную торговлю въ Китаѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Ссылка на китайскихъ историковъ можетъ быть уместна по вопро-самъ, касающимся давно отжившихъ событій, ко не въ отношеніи сопрснскихъ намъ фактовъ, совершающихся на глазахъ не только китайскихъ историковъ, но и всего современнаго чело-вѣчества. Гораздо справедливѣе пред-смертное восклицаніе маркиза Цзема, бывшаго китайскаго посланника въ Парижѣ: „освободите насъ отъ опиума и лезунтовъ, и мы воскреснемъ къ новой жзнѣ“..

мысу, если пособіе компаса имъ неизвѣстно; пересѣкая пустыни, держатся обыкновенно костей павшихъ животныхъ. И все это продѣлывается въ наши дни совершенно такъ, какъ это дѣлалось за 2000 лѣтъ до Р. Х. Другими словами,—особенности торговыхъ сношеній въ наше время не даютъ намъ ничего новаго по сравненію съ исторіей этихъ сношеній въ древнія времена: мы примѣняемся теперь къ неизбѣжнымъ обстоятельствамъ совершенно такимъ же образомъ, какъ это задолго до насъ дѣлали наши предки. Въ послѣднія 50 лѣтъ эти стихійныя обстоятельства пріобрѣли необыкновенное значеніе, вслѣдствіе чего они вызвали и необыкновенный переворотъ въ дѣлѣ торговыхъ сношеній. Обстоятельства эти представляютъ собой—паръ, электричество, каменный уголь, нефть—словомъ все то, что мы называемъ прогрессомъ.

Мнѣ, однако, представляется сомнительнымъ, чтобы даже мы, европейцы, сдѣлались хотя бы сколько-нибудь счастливые при этомъ „прогрессѣ“. А ужъ подавно китайцамъ живетъ не веселѣе при новой, чуждой имъ культурѣ.

ГЛАВА V.

Прибытіе европейцевъ.

Первымъ европейскимъ ниссіонеромъ, пытавшимся достигнуть Китаю морскимъ путемъ, былъ св. Францискъ Ксавье, а первымъ большимъ городомъ китайскимъ, о которомъ у европейцевъ (португальцевъ) имѣлись опредѣленные слухи, былъ Кантонъ. Св. Францискъ умеръ, однако, на пути въ Китай въ 1552 году, въ портовомъ городѣ небольшого островка, извѣстнаго тогда подъ названіемъ Чжанъ-чжуанъ, лежащаго къ юго-западу отъ нынѣшняго Макао. Названіе этого острова было скоро переименовано португальцами въ Сантіано или островъ св. Іоанна, подъ каковымъ названіемъ извѣстенъ и теперь; португальцы изъ Макао даже въ настоящее время совершаютъ ежегодное паломничество на этотъ островъ.

Макао было открыто вскорѣ послѣ смерти св. Франциска; затѣмъ въ 1582 году іезуитамъ Руджіери и Пазіо въ дѣйствительности удалось самимъ достигнуть Кантона; отсюда они продолжали свой

путь въ главный городъ провинціи „Чжао-цинъ“ извѣстный подъ мѣстнымъ названіемъ Шу-хэнь. Въ послѣдующемъ году къ нимъ здѣсь присоединился птачьенецъ Митвѣй Риччп, который въ 1601 году съ однимъ или двумя товарищами достигъ Пекина постѣ цѣлаго ряда различныхъ превратностей. При этомъ непосредственномъ соприкосновеніи съ европейцами, китайцамъ впервые представился случай провѣрить имѣвшіеся у нихъ свѣдѣнія по вопросу о таинственныхъ франкахъ и полумифической странѣ Да-цинъ, которые до того времени были для нихъ такой же загадкой, какой Серіка и Серссь представлялись для жителей Запада. Ко времени прибытія Риччп уровень собственныхъ свѣдѣній китайцевъ по упомянутому вопросу представлялся въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1517 году появляется флотъ „фулангковъ“ около острова св. Іоанна, который въ то время былъ складочнымъ пунктомъ при торговыхъ сношеніяхъ Кантона и Малакки. Флотъ этотъ принадлежалъ португальцамъ и былъ подъ начальствомъ Переса де-Андраселъ: почему именно китайцы присвоили португальскому флоту названіе „фулангскаго“, мы можемъ только догадываться. Весьма возможно, что такое объясненіе дали китайцамъ давно уже основавшіеся тамъ арабы.

Въ 1518 году *португалцы* отправили въ Кантонъ или „Чжао-цинъ“, нѣкоего „Ка-ши-танъ Мо“ (Капитано до Маръ) съ подарками: съ того времени португалцы въ Китаѣ становятся официально

извѣстными подъ названіемъ „франки“. Хотя впоследствии часто примѣнялось и названіе „португальцы“, но названіе это все-таки никогда не было вполне усвоено, несмотря на то, что слово „поту-ки—человѣкъ“ (Po-tu-ko), т. е. „португалецъ“ съ острова Макао — въ ходу и теперь.

Появленіе иностранцевъ въ Кантонѣ, куда сию проложилъ себѣ дорогу Андрадешъ, весьма естественно вызвало большое волненіе въ китайскихъ officialныхъ кругахъ, въ особенности тогда, когда въ то же время португальскія суда появились также и въ Цюань-чжоу, проявляя въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ прибрежнымъ населеніемъ разнузданное насилие и жестокость. Тѣмъ временемъ португальское посольство—неизвѣстно точно подъ чьимъ именно начальствомъ—прибыло въ Пекинъ въ 1520 году. Пользуясь этимъ случаемъ, китайское правительство дѣлало попытку со своей стороны заставить португальскаго посла возвратить Малакку ея законному государю, который номинально считался данникомъ Китая. Переговоры кончились тѣмъ, что одинъ изъ членовъ посольства былъ казненъ въ Пекинѣ, а самъ посолъ, по всей вѣроятности, погибъ въ тюрьмѣ въ Кантонѣ, куда онъ былъ позорно отправленъ подъ конвоемъ. Неудача, постигшая португальцевъ, вызвала, конечно, съ ихъ стороны враждебныя дѣйствія, при чемъ употреблявшаяся во время морскихъ боевъ большая португальская пушка привлекла усиленное вниманіе китайцевъ настолько, что съ

тѣхъ поръ пушкамъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая присвоено названіе „франки“, сохранившееся до сихъ поръ. Впослѣдствіи китайцы сами обращались часто къ помощи португальцевъ и ихъ чудодѣйственныхъ пушекъ, чтобы подвергнуть наказанію морскихъ пиратовъ.

Торговля сношенія тѣмъ временемъ были перенесены въ прибрежный городъ Тянь-пинъ (къ западу отъ острова св. Іоанна); но вслѣдъ затѣмъ въ 1534—1537 г. какой-то китайскій чиновникъ, повидимому, основательно подкупленный португальцами, допустилъ ихъ занять Макао и устроить тамъ складъ товаровъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени португальцы никогда не были вытѣснены изъ Макао, хотя право владѣнія этимъ пунктомъ португальцами раньше не было вполне законно обосновано, что ими достигнуто лишь очень недавно, именно въ 1888 г. Впрочемъ португальцы нѣкоторое время владѣли также еще и другими поселеніями въ Нинъ-бо и Цюань-чжоу; первый изъ этихъ пунктовъ былъ разрушенъ въ 1549 г. вѣроятно находившимся въ то время тамъ пиратомъ Мендесъ Пинто. Этотъ самый Пинто незадолго передъ тѣмъ бѣжалъ изъ плѣна изъ Монголіи и вернулся въ Нинъ-бо послѣ посѣщенія Японіи, которую ему удалось видѣть первымъ изъ европейцевъ. Къ описываемому времени надо отнести также нѣсколько боевъ, бывшихъ въ самомъ Цюань-чжоу или по сосѣдству съ нимъ; но отчеты какъ кнйацевъ, такъ и португальцевъ объ этихъ

бояхъ даютъ неясное представленіе объ ихъ участникахъ; остается предположить, что въ этихъ бояхъ были болѣе причастны испанцы, чѣмъ португальцы.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій китайское правительство воспретило своимъ подданнымъ отлучаться изъ своей страны для торговыхъ цѣлей, объявивъ строгое наказаніе за нарушеніе этого закона; но ужъ нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1567 году, губернатору провинціи Фу-цзянь удалось добиться отмѣны этой мѣры. Во всякомъ случаѣ торговля сношенія съ португальцами въ Макао продолжались все время безъ перерыва; мало того: китайцы не могли или не хотѣли помѣшать португальцамъ возводить укрѣпленія въ самовольно занятомъ ими Макао, что можно объяснить тѣмъ, что въ это время голландцы и японцы также причиняли китайскому правительству большія тревоги, вслѣдствіе чего оно старалось задобрить португальцевъ, чтобы не увеличить число своихъ враговъ. Несмотря на эти благопріятныя условія, торговые обороты португальцевъ не превышали въ общемъ вывоза количество грузовъ, которое поднималось на двадцати пяти судахъ ежегодно.

Въ 1667 году прибыло въ Китай португальское посольство изъ Гоа съ жалобой на препятствія, чинимыя китайцами при торговыхъ сношеніяхъ. Жалоба эта не имѣла послѣдствій, потому что вниманіе португальскихъ королей было въ это время отвлечено совершенно въ другую сторону—

выдающимся участіемъ въ академическихъ спорахъ, затѣянныхъ съ римскими папами. Результатомъ этого было то, что послѣ 1753 года, когда отправлено было въ Китай послѣднее португальское посольство, официальныя сношенія между этими государствами вовсе прекратились. Необходимо замѣтить, что до прибытія въ Китай Матвѣя Риччи, о которомъ упомянуто было выше, китайцы не имѣли никакого представленія о Португаліи; самое это названіе встрѣчается впервые въ китайскихъ лѣтописяхъ въ 1564 году. Даже въ настоящее время для обозначенія португальцевъ употребляется обыкновенно въ Китаѣ унаслѣдованное отъ прежнихъ временъ туманное названіе „люди Западнаго океана“, за исключеніемъ лишь такъ называемаго „пиджинъ инглишъ“ ¹⁾, на языкѣ котораго китайцы называютъ португальцевъ ихъ настоящимъ племенемъ.

Находившееся въ Макао населеніе мулатовъ, получившееся изъ смѣшенія португальцевъ съ китайцами, должно поставить ниже тѣхъ и другихъ какъ въ физическомъ, такъ и психическомъ отношеніяхъ. Торговое значеніе этого пункта въ настоящее время также понизилось до ничтожныхъ размѣровъ.

Испанцы. Отъ португальцевъ перейденъ теперь

---

¹⁾ Такъ называется англо-китайскій жаргонъ, — исковерканный китайцами англійскій языкъ, слышимый почти во всѣхъ портовыхъ городахъ Дальняго Востока.

къ испанцамъ. Преслѣдуя японскихъ и китайскихъ пиратовъ, плававшихъ недалеко отъ Формозы, китайцы въ 1576 году пошли въ сношенія съ нѣкоторыми другими „франками“ на островѣ Манила, гдѣ давно уже находились обширныя поселенія китайскихъ купцовъ изъ Фу-цзяньскихъ провинцій, появившихся на Манилѣ задолго до прибытія туда испанцевъ. Жившій на Манилѣ испанскій священникъ, прибывшій туда изъ Мексики, пишетъ въ 1638 году, что китайскія джонки приходили изъ Очо (Фу-чжоу), Чинчео (Цюань-чжоу) и Амоя и всегда возвращались съ Манилы нагруженныя лишь однимъ балластомъ, увозя исключительно серебро. Китайскіе купцы платили пошлину въ разиѣрѣ 3% со стоимости всѣхъ предметовъ ввоза; для вывозной торговли островъ не давалъ ничего. Вся эта группа острововъ была номинально присоединена къ Испаніи въ 1565 году. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1575 году, посланы были въ Китай съ политической миссіей отъ острова Манилы два испанскихъ монаха, которые посѣтили Кантонъ и Фу-чжоу. Завязавшіеся переговоры съ китайскимъ правительствомъ, имѣвшіе цѣлью урегулировать отношенія испанцевъ къ купцамъ изъ Фу-цзяни были впослѣдствіи перенесены на островъ Манилу. Китайцы заслуживаютъ при этомъ справедливый упрекъ въ томъ, что во время этихъ переговоровъ они попрежнему продолжали смѣшивать испанцевъ съ португальцами, предъявляя имъ безразлично свои требованія. Между тѣмъ Испанія и

Португалія соединены были въ одно государство лишь въ 1580 году. Незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1571 году, испанцы силою завладѣли Манилой, назвавъ его Люцономъ по названію рѣки, протекающей на этомъ островѣ; вся же группа прилежащихъ острововъ была названа „Филиппинами“, въ честь испанскаго короля Филиппа II. У китайцевъ въ то время острова были извѣстны подъ общимъ туземнымъ названіемъ Манила, и такъ называютъ ихъ понынѣ. Что касается серебра, которое китайцы вывозили на своихъ джонкахъ съ Манилы, то оно, повидимому, вводило нитайскихъ купцовъ въ заблужденіе, заставляя ихъ думать, что на этомъ островѣ находятся неисчерпаемыя богатства серебра и золота, которыя прямо даются въ руки, стоитъ только подобрать. Это вкоренившееся заблужденіе объясняется тѣмъ, что испанцамъ привозили серебро изъ Мексики въ большомъ количествѣ, вслѣдствіе чего они за всѣ доставлявшееся имъ китайцами товары расплачивались исключительно серебромъ, которое китайцы принимали какъ добываемое на островѣ Манила. Тѣмъ не менѣе, по каушенію китайскихъ купцовъ, правительство командировало на Манилу своихъ чиновниковъ для надлежащаго разслѣдованія о скрывающихся тамъ металахъ. Обстоятельство это, весьма естественно, вызвало охлажденіе и недобрыя чувства во взаимныхъ отношеніяхъ китайцевъ и испанцевъ; подозрѣвая завоевательные замыслы со стороны своихъ противниковъ, испанцы стали зорко

слѣдить за прибывающими на Манилу для торговых цѣлей купцами изъ Фу-цзяни и, наконецъ, въ 1603 году учинили всеобщую рѣзю, казнивъ почти всѣхъ китайскихъ купцовъ, находившихся на островѣ; даже тѣ, которые избѣгли казни, были сосланы на галеры. Сохранившіеся объ этой кровавой расправѣ историческіе документы, какъ съ испанской, такъ и съ китайской стороны, свидѣтельствуютъ вполнѣ согласно, что, несмотря на эту рѣзю, взаимныя торговыя сношенія затѣмъ быстро были снова возстановлены, какъ будто ничего не случилось; были лишь приняты мѣры къ ограниченію числа китайскихъ купцовъ, пребывающихъ на островѣ; съ этой цѣлью каждый изъ нихъ былъ обложенъ поголовиной податью въ восемь долларовъ.

Подобная уже рѣзня повторилась на Манилѣ въ 1662 году, когда китайскому пирату, по имени Коксинга, удалось прогнать голландцевъ съ острова Формозы, угрожая посягнуть съ такими же наміреніями и на Филиппины. Съ тѣхъ поръ, почти до послѣдняго времени, китайское правительство не имѣло никакихъ свѣдѣній о ходѣ событій на Манилѣ; это не мѣшало, однако, китайскимъ купцамъ, преимущественно выходящимъ изъ Амоя, свободно наживаться на Филиппинахъ подъ покровительствомъ хотя и строгихъ, но положительныхъ испанскихъ законовъ. Общее количество населенія на всемъ архипелагѣ составляетъ въ настоящее время около 8,000,000. Теперь, какъ

извѣстно, вся группа острововъ перешла во владѣніе американскихъ штатовъ. Главными предметами вывоза служатъ сахаръ, табакъ и ленъ. Необходимо еще упомянуть, что въ 1762 году Манила была занята англичанами, которые однако скоро возвратили островъ его владѣльцамъ за денежный выкупъ.

Голландцы. Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуютъ голландцы, которые первые завязали торговые сношенія на Прянныхъ островахъ, въ Бентамѣ (около Батавіи) и въ Ачинѣ въ 1598—1600 годахъ. Въ виду быстро распространившагося тогда въ Европѣ потребленія кофе, который въ первый разъ былъ доставленъ туда въ 1580 году, голландцы отправили въ Мокка своихъ агентовъ для изученія на мѣстѣ культуры этого растенія съ тѣмъ, чтобы пересадить его на островъ Яву. Въ 1610 году голландцы распространили свои торговые сношенія до острова Хирадо въ Японіи, но въ 1640 году они были оттуда вытѣснены и должны были ограничить свою торговлю ничтожнымъ райономъ небольшого острова Дещима, вкритѣ сказать — лишь узкой набережной въ Нагасакской бухтѣ. Къ этому періоду нужно отнести первыя свѣдѣнія, полученныя китайцами о голландцахъ: китайскіе историки того времени говорятъ о голландцахъ, что они „плавали на огромныхъ судахъ, вооруженныхъ большими пушками и направились прямо на Люцонъ (1610 г.), но люцонскіе люди прогнали ихъ, поэтому они повернули на Макао“.

Занятіе китайцами Формозы обязано простому случаю: послѣ изгнанія изъ Цзи-луна (т. е. Формозы) китайскихъ и японскихъ пиратовъ (первые изъ нихъ укрылись на островѣ Борнео) нѣсколько китайскихъ рыбацкихъ лодокъ были отнесены теченіемъ къ острову Формозѣ, на которомъ высадились и основали тамъ осѣдлость, послѣ чего тамъ стали селиться и купцы. Голландцы тогда быстро сообразили о многообѣщающихъ этимъ островомъ торговыхъ выгодахъ, поэтому поспѣшили въ 1603—1604 году при содѣйствіи китайскихъ купцовъ сдѣлать высадку еще и на одномъ изъ Пескадорскихъ острововъ; но въ 1624 году голландцы были выгнаны оттуда, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были увезены плѣнниками въ Пекинъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этихъ событій было то, что китайское правительство стало послѣ того поощрять своихъ подданныхъ къ эмиграціи на Формозу. Голландцы, однако, тоже не отказались отъ своихъ намѣреній и продолжали основывать свои поселенія въ Тай-ванѣ на югѣ Формозы. Древнѣйшимъ названіемъ острова Формозы было „Гора Цзи-лунъ“. Названіе это было дано острову по имени одного мыса, которымъ оканчивается сѣверная часть полуострова, и до сихъ поръ оно присвоено одному изъ портовъ Формозы, расположенному на крайнемъ сѣверѣ острова. До 15-го столѣтія портъ Цзи-лунъ мало привлекалъ къ себѣ китайскія торговыя джонки, которыя впоследствии стали чаще посѣщать этотъ островъ и основали

на его побережьяхъ въ различныхъ пунктахъ стоянки для судонъ.

Японцы со своей стороны также старались основать свою колонію на островѣ Формозѣ, вслѣдствіе чего должны были ввязаться въ борьбу съ голландцами; но въ 1662 году голландцы были окончательно изгнаны съ Формозы пиратомъ Коксинга, который самъ былъ наполовину японецъ: отецъ его, крещеный японецъ по имени Николай, при посѣщеніи имъ острова Манилы женился тамъ на туземкѣ, матери Коксинга. Необходимо замѣтить, что имя этого героя Коксинга составлено португальцами изъ китайскихъ словъ „Куаок-синъ-я“ (Kwok-sing-ya), что означаетъ „господинъ съ господствующимъ титуломъ“: дѣло въ томъ, что одинъ изъ китайскихъ князей, потомокъ Минской династіи, спасаясь тогда бѣгствомъ на югъ отъ побѣдоноснаго оружія вновь воцарившейся въ Китаѣ Маньчжурской династіи, предоставилъ упомянутому народному герою титулъ своей династіи.

Въ 1665 году прибыло въ Пекинъ голландское посольство подъ начальствомъ Ванъ Гурна. Мѣстныя китайскія власти въ Фу-цзяни воспользовались этимъ, чтобы при помощи голландцевъ устроить свои дѣла на Формозѣ, занятомъ, какъ сказано, пиратомъ Коксинга; но только не раньше 1683 г. китайцамъ удалось дѣйствительно при помощи голландцевъ возстановить свои наслѣдственные права на островъ, получивъ его обратно въ свое владѣніе отъ наслѣдниковъ Коксинга. Съ тѣхъ

поръ, до уступки Формозы японцамъ въ 1895 г., островъ этотъ былъ включенъ въ составъ Китайской имперіи.

Китайскіе историки даютъ намъ совершенно ясный и достовѣрный отчетъ о соперничествѣ въ то время между японцами, франками и голландцами („рыжеволосыми“); но послѣ изгнанія послѣднихъ съ Формозы китайцы мало упоминаютъ о присутствіи голландцевъ въ китайскихъ водахъ на ряду съ другими европейскими націями. По словамъ китайцевъ, въ 1656 году прибыло въ Пекинъ голландское посольство, съ которымъ заключено было особое соглашеніе, возлагавшее на Голландію обязанность доставлять дань Маньчжурскому двору одикъ разъ въ восемь лѣтъ. Затѣмъ въ 1793 году было также снаряжено въ Китай голландское посольство подъ начальствомъ Титзинга и Ванъ Браама. Съ тѣхъ поръ голландцы устраниваютъ свои дѣла въ Южномъ архипелагѣ совершенно самостоятельно, по собственному усмотрѣнію, не задавая себѣ труда входить въ какія-нибудь сношенія съ маньчжурскими чиновниками. Это не мѣшаетъ, однако, китайскимъ куицамъ благополучно наживаться въ голландскихъ владѣніяхъ подъ покровительствомъ ихъ суровыхъ, но справедливыхъ законовъ.

Съ другой стороны и торговля голландцевъ въ Кантонѣ также развивалась полнымъ ходомъ; такъ взаимныя отношенія китайцевъ и голландцевъ продолжались до 1863 года, когда заключенъ былъ

особый договоръ. Случилось это послѣ второй китайской войны и занятія Пекина англо-французскими войсками. Но и послѣ того голландцы сторонились отъ близкихъ сношеній съ китайскимъ правительствомъ, и если бы у нихъ не было необходимости обезпечить себѣ на островѣ Суматра постоянный притокъ китайскихъ кули, то голландцы, по всей вѣроятности, отказались бы даже отъ желанія имѣть въ Пекинѣ своего представителя. На островѣ Ява и въ другихъ голландскихъ колоніяхъ китайцы далеко не пользуются такой свободой, какъ въ Сингапурѣ и Гонъ-конгѣ: съ ними обходятся съ достаточной справедливостью, но и съ суровой твердостью; голландцы зорко слѣдятъ за китайцами, готовые во всякую минуту подавить въ самомъ зародышѣ малѣйшую попытку къ возстанію, но въ то же время отлично умѣютъ пользоваться способностями китайцевъ къ самоуправленію и ко всякой творческой дѣятельности въ торговомъ отношеніи.

Все, что мы сейчасъ сказали, относится собственно къ современному положенію голландскихъ колоній. Вернемся, однако, къ прерванному нами разсказу о прежнихъ голландцахъ, появившихся одновременно съ другими европейцами въ Китаѣ. Риччи умеръ въ 1610 году; ему такимъ образомъ не пришлось растолковать китайцамъ о существованіи кромѣ „франковъ“ также и итальянцевъ, голландцевъ и другихъ европейскихъ націй. Впрочемъ, въ китайской исторіи, повѣствующей о Минской

династіи, мы находимъ особую главу, въ которой разсказывается, что, согласно показаніямъ прибывшихъ въ Китай „западныхъ людей“ въ періодъ 1573 — 1617 годовъ, ихъ „Гоеполинъ Небесный“ родился въ Іудеѣ или въ „древнемъ Да-цинѣ“. Про Риччи упоминается отдѣльно, что онъ составилъ для китайцевъ специальную карту Европы, объяснилъ имъ дѣленіе земного шара на пять частей свѣта и т. п. Поученіе Риччи было принято китайцами съ большимъ недовѣріемъ; тѣмъ не менѣе китайскій императоръ обошелся съ нимъ очень любезно.

Послѣ смерти Риччи дѣло его продолжали другіе: Пантоджа, Ро, Скааль и другіе извѣстные іезуиты оказали большія услуги китайцамъ, научивъ ихъ изготовленію пушекъ, вычисленію затмений, и, вообще, знакомили ихъ съ различными науками. Адамъ Скааль былъ въ Пекинѣ вскорѣ послѣ того, когда въ Китаѣ воцарилась Маньчжурская династія, къ которой онъ обратился съ воззваніемъ о милостивомъ отношеніи къ европейцамъ. Китайскій императоръ отнесся благосклонно къ этому воззванію и даже назначилъ Скааля президентомъ палаты астрономовъ. Вообще, мудрые маньчжурскіе правители старались пользоваться къ своей выгодѣ талантливыми людьми, разыскивая ихъ всюду. Преемникъ Скааля, Вербпстъ, помогъ китайцамъ изготовить артиллерійскія пушки для дѣйствій противъ мятежныхъ сатраповъ, возставшихъ противъ правительства; императоръ

Канъ-си обнаруживалъ даже лично наклонность къ христіанству. Къ несчастью, между различными миссіонерскими обществами возникли нелады и споры; кромѣ того, императоръ и папа разошлись во взглядахъ по вопросу о господствующемъ въ Китаѣ культѣ почитанія предновъ. Съ тѣхъ поръ проповѣдь христіанства китайское правительство считало неразрывной съ политической пропагандой, вслѣдствіе чего воздвигало постоянное преслѣдованіе противъ послѣдователей „западной религіи“.

Англичане. Обратимся теперь къ англичанамъ, появившимся въ Китаѣ непосредственно послѣ прихода туда голландцевъ.

Согласно свидѣтельству одного китайскаго историка англійская королева Елпсаета отправила китайскому императору письмо и подарки въ 1596 году, но на пути въ Китай суда этого посольства потерпѣли крушеніе во время шторма. Въ 1637 году подошли къ Кантону пять англійскихъ судовъ, прибывшихъ туда изъ Суматры, и открыли враждебныя дѣйствія противъ китайцевъ, въ виду того, что португальцы интриговали противъ англичанъ, желая косяснымъ образомъ помѣшать ихъ торговлѣ въ Кантонѣ. Въ концѣ концовъ англичане очистили занятый ими въ Кантонѣ китайскій фортъ, а китайцы, со своей стороны, разрѣшили имъ распорядиться своими товарами. Необходимо при этомъ указать, что въ обоихъ случаяхъ появленія этихъ новыхъ иностранцевъ—если дѣйстви-

тельно все это было такъ, какъ рассказываютъ китайскіе историки,—ихъ продолжали смѣшивать съ голландцами, о которыхъ, однако, китайцы въ это время тоже имѣли смутное понятіе.

Во время Коксинга англичане, по слоеамъ китайскихъ лѣтописей, вели торговлю пѣ Амоѣ. Это весьма вѣроятно, потому что англичане тамъ дѣйствительно были въ 1730 году, а затѣмъ торговля сношенія ихъ съ Амоемъ прекратились. Еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія Остъ-Индской компаніи удалось основать и удержать въ своихъ рукахъ торговую факторію на островахъ Чжу-сань, недалеко отъ Нинъ-бо, какъ это видно изъ переписи Кетчпуля, жившаго тамъ въ 1701 году. Незадолго передъ тѣмъ, въ 1684 году, англичанамъ удалось основаться въ Кантонѣ. Какъ утверждаютъ китайскіе историки, уже въ 1685 году правительство официально разрѣшило иностранцамъ производить торговлю въ Макао, Чжанъ-чжоу (Зайтунъ), Нинъ-бо и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ окрестностей Шанхая; затѣмъ въ теченіе восемнадцатаго столѣтія дѣлались нѣкоторыя попытки европейцами добиться еще права торговли въ Тянь-цзинѣ. Въ дѣйствительности же воплѣ законная торговля какъ англичанъ, такъ и другихъ европейцевъ ограничивалась тогда только однимъ Кантономъ.

Такъ продолжалось до 1840 года, когда вспыхнула первая война англичанъ съ китайцами, вызванная недоразумѣніемъ по вопросу о торговлѣ опиумомъ и отказомъ китайцевъ уплатить стои-

мость принятаго ими отъ англичанъ опиума. До 1765 года ввозъ опиума въ Китай былъ довольно ограниченный, не превышая 200 ящиковъ, вслѣдствіе чего китайцы смотрѣли на опиумъ какъ на продуктъ необходимый въ медицинскомъ обиходѣ; но такъ какъ число курильщиковъ опиума стало быстро возрастать, то въ 1796 году китайское правительство совершенно запретило ввозъ опиума. Между тѣмъ, непосредственно передъ этимъ запрещеніемъ, въ 1793 году, лордъ Макартней велъ переговоры съ императоромъ какъ по вопросу объ опиумѣ, такъ и, повидимому, о помощи китайскому правительству противъ митейниковъ, возставшихъ въ Непалѣ.

Къ 1820 году ввозъ опиума въ Китай достигъ уже значительныхъ размѣровъ, превышая 4000 ящиковъ. Обстоятельство это внушило китайскому правительству серьезныя тревоги,—какъ въ виду того, что на уплату за опиумъ стало уходить почти все серебро изъ страны, такъ и потому, что потребленіе опиума пагубно дѣйствовало на населеніе. Въ 1821 году суда, нагруженныя опиумомъ, были прогнаны къ островамъ Линъ-динъ, а въ 1838 году были приняты строгія мѣры противъ распространенія опиума.

Печальная исторія, пзвѣстная подъ названіемъ „войны за опиумъ“, рассказывалась уже неоднократно многими; я самъ издалъ краткій переводъ одного изъ лучшихъ китайскихъ отчетовъ объ этой войнѣ. Можно считать вполне установленнымъ, что война

была вызвана не уничтоженіемъ опиума, а пріостановкой торговли вообще. Когда война кончилась, императоръ самъ охотно разрѣшилъ потребленіе опиума—всѣмъ за исключеніемъ государственныхъ чиновниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что куреніе опиума поглощаетъ много денегъ и отражается крайне вредно на состояніи здоровья; но китайцы сами признаютъ, что отвѣтственность за первоначальное распространеніе этого продукта падаетъ на нихъ самихъ не менѣе, чѣмъ на англичанъ. Во всякомъ случаѣ китайцы въ послѣдніе годы сами содѣйствовали широкому распространенію этого зла тѣмъ, что допустили безпрепятственное разведеніе мака по всей странѣ и притомъ въ огромныхъ размѣрахъ, такъ что нѣ настоящее время индійскій опиумъ составляетъ не болѣе одной четверти всего количества опиума, потребляемаго въ Китаѣ.

Результатомъ первой войны Китая съ Англіей было то, что китайское правительство вынуждено было открыть для европейской торговли кромѣ Кантона еще Шанхай, Нинъ-бо и Фу-чжоу, которые въ послѣдствіи получили названіе „договорныхъ портовъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ Китай долженъ былъ уступить Гонъ-конгъ Великобританіи. По окончаніи первой войны главнымъ спорнымъ вопросомъ, порождавшимъ постоянное треніе въ сношеніяхъ китайскаго правительства съ европейцами, было требованіе англійскихъ купцовъ открыть имъ доступъ для торговли и ослѣдлости въ туземную часть Кантона, внутри городскихъ стѣнъ. Въ 1856 году

впие-король (Yeh) категорически отказать англичакамъ въ ихъ домогательствахъ, ссылаясь на то, что въ 1849 году англійскій губернаторъ Бонгамъ самъ формально отказался отъ этой претензіи.

Изложенныя сейчасъ причины породили натянутыя отношенія, которыя косвеннымъ образомъ вызвали поджогъ знаменитой башни „Тринацати гонговъ“, а затѣмъ привели ко второй войнѣ съ Китаемъ. Въ этой войнѣ приняла участіе и Франція. Враждебныя дѣйствія закончились разгромомъ императорскаго лѣтняго дворца, расположеннаго за городомъ, послѣ чего китайское правительство согласилось на открытіе доступа въ самый Пекпінъ для всѣхъ дипломатическихъ представителей европейскихъ государствъ.

Согласно заключеннымъ послѣ второй войны Тяньцзинскому договору и Пекпінской конвенціи были открыты для европейской торговли еще нѣкоторые другіе портовые города: Нью-чжуанъ или Пипъ-цзы, Тянь-цзинь, Чпфу, Сватоу, а также нѣкоторые прибрежныя пункты — Хань-коу, Цю-цзянъ, Чжэнь-цзянъ, два рынка на Формозѣ—Тайванъ и Тамсуй п, наконецъ, Хой-хоу на островѣ Хой-нанъ; впрочемъ этотъ послѣдній пунктъ быть въ дѣйствительности открытъ для европейцевъ не ранѣе 1876 года.

Россія не преминула извлечь для себя выгоды изъ столкновенія Китая съ Англіей и Франціей и расширила свои владѣнія на счетъ Маньчжуріи, присоединивъ къ себѣ Уссурійскій край. Многія

другія европейскія государства также успѣшили заключить съ китайскимъ правительствомъ особые договоры, чтобы обезпечить себѣ такія же преимущества въ торговомъ и религіозномъ отношеніяхъ, какія были достигнуты Англіей и Франціей, какъ это подробно изложено будетъ ниже въ особыхъ главахъ. Первымъ важнымъ послѣдствіемъ этихъ договоровъ было то, что дѣло миссіонерской дѣятельности въ Китаѣ получило совершенно новую постановку: вмѣсто опаснаго и рискованнаго предпріятія, каковымъ оно было до того времени, когда лишенный особаго покровительства миссіонеръ былъ предоставленъ собственному благоразумію и чувству умѣренности, оно представляетъ собою затѣмъ уже сравнительно комфортабельное и безопасное развлеченіе, связанное съ заманчивымъ путешествіемъ по неизвѣданнымъ странамъ подъ внушительнымъ покровительствомъ своего консула ¹⁾). Полагаю умѣстнымъ, однако, прибавить,

---

¹⁾ Все это въ общемъ охарактеризовано совершенно правильно, но справедливость требуетъ сказать, что миссіонерская дѣятельность въ Китаѣ все-таки не всегда представляетъ собою ужъ такое „комфортабельное развлеченіе“, какъ это рисуетъ авторъ. Въ 1895 году мнѣ пришлось близко познакомиться съ жизнью французскихъ миссіонеровъ въ Баянъ-Суу (въ Маньчжуріи). Оставляя въ сторонѣ ихъ проповѣдническую дѣятельность, могу сказать, что условія жизни миссіонеровъ, отрѣзанныхъ отъ всего міра, заброшенныхъ среди враждебно настроеннаго казачества, чуждыхъ людей, чуждыхъ обычаевъ, обреченныхъ на крайне рѣдкое общеніе съ образованнымъ миромъ, знающихъ себѣ крѣпко на всю жизнь заживо погребен-

что нѣкоторые ниссіокерскія общества, какъ, напримеръ, іезуитское и „ниссія внутренняго Китая“, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы обойтись всегда безъ вѣншательства консульствъ.

Въ концѣ этой главы мы поговоримъ подробнѣе обо всемъ, что касается въ отдѣльности каждой изъ европейскихъ державъ въ отношеніи новыхъ договоровъ, заключенныхъ съ Китаемъ. Пока же необходимо замѣтить, что во все время, отъ 1860 до 1870 года, Англія пользовалась въ Китаѣ наибольшимъ вліяніемъ, которое, можетъ быть, дѣлилось отчасти съ Россіей, благодаря ея непосредственной близости при обширномъ протяженіи русскихъ сухопутныхъ границъ, примыкающихъ къ Китаю. Въ настоящее время Японія проявляетъ наклонность все болѣе и болѣе выступить на первый планъ въ Китаѣ. Еще раньше проявились новыя стремленія Германіи на Дальнемъ Востокѣ, которая изъ безобидной скромной Пруссіи послѣ побѣдоносной войны 1870 года обратилась въ угрожающее государство, извѣстное въ Китаѣ подъ названіемъ Дз-и-чъ (Deutsch, Германія). Вмѣстѣ съ возрастаніемъ могущества Германіи растутъ пропорціонально и ея притязанія въ отношеніи тор-

---

ными въ этомъ омутѣ слѣпой вражды и одурачивающей мѣтательской лоскості—дѣлаютъ жизнь этихъ миссіонеровъ въ полномъ смыслѣ словъ подвигомъ, предъ которымъ нельзя не преклониться. Дѣлаю эту оговорку, если авторъ въ послѣдующихъ строкахъ не пѣлъ въ виду французскихъ миссіонеровъ въ Манчжуріи.

Примѣч. Перев.

говыхъ выгодъ и политическаго представительства, достигнувъ высшей степени во время недавнихъ событій въ 1900 году. Въ то же время пораженіе Франціи въ 1870 году лишало ее возможности отомстить Китаю надлежащимъ образомъ за избіеніе чиновниковъ и подданныхъ французскихъ въ Тянь-цзинѣ; такъ что пліеніе Франціи послѣ того пало въ Китаѣ до ноля, оставаясь таковымъ въ теченіе пѣсколькихъ лѣтъ.

Подозрительное убійство мистера Маргари, британскаго консульскаго чиновника, состояшаго начальникомъ англо - индійской разграничительной миссіи на границѣ между Бирмой и Юнь-панью, вызвало конфликтъ между Англіей и Китаемъ; послѣдствіемъ этого событія было безрезультатное разсѣдованіе, которое велось мистеромъ Гровенеромъ, а затѣмъ начались продолжительные дипломатическіе переговоры, которые привели къ конвенціи въ Чифу, заключенной въ 1876 году. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой конвенціи было открытіе для европейской торговли новыхъ портовыхъ городовъ: Вънь-чжу, Пакъ-хой и нѣсколькихъ другихъ прибрежныхъ пунктовъ на Янь-цзы-цзянѣ, И-чанъ и Ву-ху. Кромѣ того конвенціей были установлены нѣкоторыя правила для торговли опиумомъ и предусмотрѣно учрежденіе постоянныхъ дипломатическихъ миссій со стороны китайскаго правительства въ Европѣ, Америкѣ и Японіи.

Въ 1886 году постановленія Чифуйской конвенціи получили дальнѣйшее развитіе и привели къ заклю-

ченію новой конвенціи, извѣстной подъ названіемъ „опіумной“, которой регулировался ввозъ индійскаго опіума въ Китай такъ, чтобы дальнѣйшее увеличеніе этого ввоза было ограничено извѣстными размѣрами. вмѣстѣ съ тѣмъ англійское правительство въ Гонъ-конгѣ предоставило кптайскимъ таможеннымъ взимать извѣстную повышенную ввозную пошлину на опіумъ, но при условіи, что внутри страны торговля опіумомъ не встрѣтитъ никакихъ новыхъ палоговъ. Въ конвенціи, заключенной въ Чифу, оставался неразрѣшеннымъ еще одинъ открытый вопросъ относительно доступа европейцевъ для торговли внутри страны. По этому вопросу также заключена была новая конвенція въ Чунъ-цинѣ въ 1890 году, согласно которой иностранная торговля пробила себѣ путь въ самое сердце Сы-чуанн. Заключенной въ томъ же году конвенціей въ Сиккимѣ рѣшенъ былъ въ принципѣ вопросъ о правѣ Британской Индіи вести торговля сношеніи съ Тибетомъ, предусмотрѣнный отдѣльной статьей Чифуйской конвенціи.

Послѣ занятія верхней Бирмы англичанами предвидѣлись неизбежныя возраженія со стороны китайскаго правительства. Желая отдѣлаться отъ этихъ упрековъ, британское правительство, или вѣрнѣе ея представитель, отнеслось нѣсколько индифферентно къ вопросу о дальнѣйшихъ отношеніяхъ между Бирмой и Китаемъ и допустило включеніе въ договоръ особой статьи, согласно которой Бирманское правительство должно было, подъ верхов-

нымъ наблюденіемъ Англіи, присылать въ Китай періодически особое посольство съ подарками. Эта статья, вошедшая въ іюльскую конвенцію 1886 года, послужила со стороны британскаго правительства какъ бы косвеннымъ признаніемъ сюзеренныхъ правъ Китая на Бирму. Такъ какъ одновременно съ этимъ были сдѣланы предварительные шаги къ открытію торговыхъ сношеній между Британской Индіей и Тибетомъ согласно статьѣ 4-й той же конвенціи, то рѣшено было прекратить временно дальнѣйшія настояпія въ этомъ направленіи, сдѣлавъ, такимъ образомъ, изъ этой уступки вторую подачку китайскому правительству, лишь бы зажать ему ротъ въ виду присоединенія Бирмы къ англійскимъ владѣніямъ.

Въ 1894 году была заключена такъ называемая Мартовская конвенція, которой вырѣшенъ былъ вопросъ о границахъ Бирмы и ея торговыхъ сношеніяхъ, остававшійся открытымъ въ третьей статьѣ конвенціи 1886 года; при этомъ опять не были затронуты условія торговыхъ сношеній Бирмы съ Тибетомъ. Тѣмъ временемъ китайское правительство заключило необдуманнѣйшій договоръ съ Франціей, по которому ей уступлены были земли, входившія когда-то въ составъ такъ называемыхъ шаньскихъ государствъ (см. выше); между тѣмъ земли эти были столько же бирманскія, какъ и китайскія. Обстоятельство это заставило потребовать отъ Китая измѣненія въ пользу Англіи конвенціи 1894 года, вмѣсто которой заключена была

новая конвенція, въ февралѣ 1897 года. Этимъ новымъ соглашеніемъ были нѣсколько видоизмѣнены границы Бирмы, несомнѣнно къ выгодѣ этой страны; кромѣ того было предрѣшено учрежденіе англійскихъ консульствъ въ Эсмоктъ и Моменитъ. Независимо сего было предусмотрено еще особой добавочной статьей этой конвенціи открытіе доступа для европейской торговли Западной рѣки выше Кантона, чего англичане тщетно добивались уже давно, а также открытіе портовъ У-чжоу и Сань-шуй.

Наконецъ расширеніе англійскаго вліянія по направленію къ Гоу-луну, противъ Гонъ-конга, и послѣдовавшее въ 1898 году соглашеніе относительно Вэй-хай-вэй упрочили значеніе Великобританіи на самомъ материкѣ и дали ей возможность устроить новую морскую базу въ Шань-дунѣ, расположенную какъ разъ между сферами вліянія Россіи и Германіи ¹⁾. Въ виду сказаннаго, полагаю,

---

¹⁾ Недавно (мартъ 1902 г.) въ англійской палатѣ было объявлено о заключеніи новаго договора между Великобританіей и Японіей. За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ той же палатѣ было заявлено, что значеніе Вэй-хай-вэй какъ укрѣпленной морской базы упраздняется. Рѣшеніе это, очевидно, обуславливается тѣмъ, что послѣ новаго договора для англійскаго флота въ этихъ водахъ открыты всѣ чудныя стоянки японскихъ побережій съ ихъ прекрасно устроенными доками и складами. Такимъ образомъ Англія и въ настоящемъ случаѣ осталась вѣрвой своей традиціонной политикѣ—загребанія чужихъ благъ чужими руками. пока еще Японія увидитъ результаты своей дружбы съ Англіей, а ужъ послѣдняя кладетъ себѣ ежегодно въ карманъ круг-

никто не снажетъ, что Англія не воспользовалась обстоятельствами, чтобы при всякомъ случаѣ не извлекать различныя выгоды въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ при возникновеніи какихъ-нибудь усложненій въ Китаѣ, столь враждебномъ ко всякому прогрессу; хотя можетъ быть, конечно, что сказанное сейчасъ допускаетъ нѣкоторыя исключенія въ отношеніи какихъ-нибудь подробностей.

Россія. Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ русскіе первые завязали сношенія съ Китаемъ на почвѣ чисто національныхъ отношеній; хотя въ высшей степени сомнительно, чтобы китайцы имѣли тогда вполне ясное представленіе о принадлежности русскихъ къ тѣмъ же европейскимъ народамъ, которыхъ китайцы, по своимъ смутнымъ свѣдѣніямъ, относили къ странѣ „Да-цинъ“ или „народамъ Западнаго океана“. Гораздо вѣроятнѣе другое предположеніе, что по понятіямъ китайцевъ русскіе принадлежали къ племенамъ киргизскимъ или кипчакамъ, или къ какимъ-нибудь другимъ племенамъ сѣверной Азіи.

— — — — —
 ленькую сумму въ нѣсколько милліоновъ, расходовавшуюся до сего времени на содержаніе гарнизона и возмездіе укрѣпленій въ Вэй хай-вэй. Замѣчательнѣе всего то, что, судя по тону англійской и японской печати, ликуетъ не Англія, а Японія, счастливая такимъ лестнымъ союзомъ, а первая сохраняетъ осанистый видъ безнорыетной благодѣтельницы, пользуясь однако уже обрѣтёнными выгодами этого союза

Примѣч. Перев.

О завоеваніяхъ монголовъ внутри и внѣ Китая, въ 1240 году и далѣе, повѣствуется не мало и очень часто; но при этомъ мы встрѣчаемъ не много свѣдѣній, относящихся къ довольно странному факту: вплоть почти до 1340 года часто упоминается о существованіи русской стражи при дворѣ Монгольской династіи въ Пекинѣ; слѣдовательно фактъ этотъ относится къ такому времени, когда династія эта уже безусловно клонилась къ упадку въ Китаѣ и не могла имѣть поэтому никакого политическаго вліянія на Россію. Китайскіе историческіе документы ни однимъ словомъ не упоминаютъ, однако, о Россіи во все время, начиная отъ исчезновенія Монгольской династіи въ Китаѣ (1368) до возстанія маньчжуръ (1644); между тѣмъ, согласно показаніямъ русскихъ историковъ въ 1567 году уже сдѣлана была со стороны Россіи безуспѣшная попытка завязать сношенія съ китайскимъ императоромъ. Досто вѣрно пзвѣстно, что лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ въ Китаѣ уже находились русскіе въ провинціи Шань-си; трудно только уяснить себѣ, что, собственно, завело ихъ тогда въ эту часть Китая; извѣстно только, что они были освобождены тамъ отъ какой-то опасности дружественными монголами. Этотъ первый эпизодъ изъ русско-китайскихъ сношеній мнѣ былъ переданъ докторомъ Бретшнейдеромъ и заимствованъ имъ изъ показаній португальскаго путешественника Мендешъ Пинто, о которомъ было уже упомянуто

выше и который около того же времени взять были китайцами въ качествѣ плѣнника и поставленъ на производившіяся тогда работы по сооруженію Великой стѣны.

Въ 1619 году тобольскій губернаторъ отправилъ въ Пекинъ чрезъ Калганъ двухъ казаковъ, но и эта миссія не привела къ какимъ-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Въ 1652 году между русскими и маньчжурами возникла продолжительная борьба за обладаніе Якомъ или Албазиномъ на Амурѣ. Для улаженія этого вопроса былъ отправленъ Байковъ въ 1653 году. Наконецъ, въ 1689 году заключенъ былъ Нерчинскій договоръ, по которому Россія согласилась уступить Албазинъ Китаю, при этомъ нѣкоторое число русскихъ защитниковъ Албазина было уведено въ Пекинъ въ качествѣ плѣнниковъ, гдѣ они были зачислены въ знаменныя маньчжурскія войска. Были, однако, приняты мѣры сохранить этпмъ плѣнникамъ ихъ религіозныя вѣрованія, вслѣдствіе чего они и составили собою зерно нынѣ существующей въ Пекинѣ русской православной миссіи. Незадолго до заключенія Нерчинскаго договора маньчжуры основали себѣ главный городъ Айгунь, расположенный на берегу Амура, недалеко отъ нынѣшняго русскаго города Благовѣщенска съ цѣлью быть ближе къ Амуру. Около этого Айгуна во время событій послѣднихъ лѣтъ произошелъ бой между русскими и китайцами въ августѣ 1900 года.

Вообще, со времени первого соирникосновения сношенія между Россіей и Китаемъ были продолжительны и разнообразны: сюда относятся вопросы, возникшіе изъ-за переселенія тургутскихъ монголовъ или калмыковъ на берега Волги, посылка къ нимъ маньчжурской миссіи подъ начальствомъ нѣкоего Тулишена въ 1715 — 1730 годахъ и ихъ послѣдовательное возвращеніе въ негостепріимный Китай, вопреки ихъ собственному желанію; затѣмъ посылка русскаго посольства въ Китай въ 1719 — 1727 годахъ, войны калмыковъ и выдача бѣглецовъ русскимъ правительствомъ въ руки китайскихъ властей,—пограничные споры, возникшіе въ 1848—1849 годахъ, занятіе Россіей устьевъ Амура въ 1855 году, миссія князя Путятина, Айгунскій трактатъ 1858 года и т. д.

Торговля сношенія между Россіей и Китаемъ исчерпывались провозомъ чая чрезъ Кяхту и небольшой мѣновой торговлей въ пограничномъ пунктѣ Тарбагатаѣ. Въ 1860 году Россіи удалось извлечь для себя выгоду изъ затруднительнаго положенія, созданнаго Китаю нападеніемъ Англіи и Франціи. Графу Игнатьеву посчастливилось тогда Пекинскимъ договоромъ добиться присоединенія къ владѣніямъ Россіи обширнаго Уссурійскаго края.

Въ 1862 году между Россіей и Китаемъ заключена была особая конвенція, которой урегулированы были торговля сношенія этихъ государствъ чрезъ Калганъ; но въ послѣдствіи эта конвенція

подверглась пересмотру и замѣнена новой 15 апрѣля 1869 года. Когда Китай очутился затѣмъ въ мучительныхъ затрудненіяхъ, вызванныхъ возстаніемъ магометанъ, Россія временно заняла провинцію Или; но въ 1876 году, сломивъ сопротивленіе Якубъ-бека въ Кашгарѣ, китайское правительство сдѣлало энергичные шаги къ очищенію этой важной провинціи русскими войсками. Усилія Китая увѣнчались успѣхомъ, и въ 1881 году Или была вновь присоединена къ китайскимъ владѣніямъ. Между тѣмъ, незадолго передъ тѣмъ бывшій при русскомъ дворѣ китайскій посланникъ Чунъ-хоу, обольщенный крайними любезностями въ Ливадіи, изъявилъ свое согласіе на уступку упомянутой провинціи; только благодаря патріотическому доносу нынѣшняго вице-короля Чанъ-чжи-дуна, китайское правительство отвергло трусливое согласіе и поведеніе своего посланника.

Со времени очищенія Албазина русскими китайское правительство всегда стремилось держать Россію возможно дальше отъ Маньчжуріи, при чемъ ближайшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было принято держать Маньчжурію въ видѣ необитаемой пустыни, незаслуживающей соблазна сосѣдей. Лишь въ 1888 году, послѣ того какъ этотъ край посетили англійскій консулъ и англійскіе офицеры, было обращено вниманіе китайскаго правительства на плодородную окраину и на опасное заблужденіе, кроющееся въ робкой полптнкѣ усвоенной относительно Маньчжуріи. Съ тѣхъ поръ

маньчжурскія провинціи получили новое административное устройство и приняты энергичныя мѣры къ заселенію и обработкѣ этого обширнаго края въ возможно кратчайшій срокъ, желая создать обороноспособность окраины на почвѣ ея собственнаго экономическаго развитія и обезпечить такимъ образомъ въ самой странѣ достаточно сильный отпоръ въ случаѣ нашествія Россіи ¹⁾.

Окончательное паденіе боевыхъ силъ китайскихъ и маньчжурскихъ, обнаруженное японско-китайской войной 1894 года, послужило для Россіи новымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, которымъ она не замедлила воспользоваться по многимъ отношеніямъ. Зародившаяся еще во время Крымской войны идея о постройкѣ желѣзной дороги чрезъ Сибирь окончательно созрѣла въ мартѣ 1891 года. Не согласившись съ мнѣніемъ своихъ министровъ, царь Александръ III настоялъ категорически на постройкѣ непрерывнаго рельсоваго пути, при чемъ время послѣ японско-китайской войны оказалось какъ разъ подходящимъ, чтобы направить желѣзную дорогу отъ Нерчинска чрезъ Маньчжурію, какъ это было предписано въ самомъ началѣ въ указѣ царя (?). Особой конпенціей, заключенной въ сентябрѣ 1896 года, между графомъ Касспи и китайскимъ правительствомъ, Россія добилась своего желанія и въ то же время обезпе-

---

¹⁾ Авторъ подтверждаетъ слѣдовательно то, что нами замѣчено было выше (см. стр. 3). *Примѣч. Перев.*

чила събѣ преобладающее положеніе на всемъ сѣверѣ Китайской имперіи, вплоть до Ляодунскаго полуострова. Наконецъ, ближайшимъ послѣдствіемъ неожиданнаго занятія иѣмцами Цзяочжоу, въ концѣ 1897 года было занятіе русскими Портъ-Артура и Да-лянь-валя, въ силу особой конвенціи, на какихъ-то неопредѣленныхъ условіяхъ. Дальѣйшимъ ходомъ событій обстоятельства сложились такъ, что въ настоящее время Россіи почти владѣть Маньчжуріею, занявъ ее во время возстанія боксеровъ.

Французы до послѣдняго времени не принимали большого участія въ ходѣ событій въ Китаѣ. Въ 1254 году французскій король отправилъ въ Китай францисканскаго монаха Рюисбрюка (Рубрукиса) къ императору Мангу-хану; но въ многочисленныхъ указаніяхъ на христіанъ, сохранившихся въ лѣтописныхъ монгольскихъ, имя Франніи въ то время не упоминается вовсе. Затѣмъ, между 1289 и 1305 годомъ велась переписка между Филиппомъ Прекраснымъ и монгольскими ханами въ Персіи; согласно свидѣтельству монгольскихъ лѣтописей въ 1342 году прибылъ въ Пекинъ „человѣкъ фуланскаго государства“, доставившій въ видѣ подарка красивую вороную лошадь съ бѣлыми „чулочками“ на ногахъ. По тѣмъ же источникамъ мы узнаемъ, что въ 1312 году умеръ въ Пекинѣ уроженецъ фулинскаго или фуланскаго государства, который служилъ при дворѣ Куюкъ-хана и Хубилай-хана въ качествѣ врача, астролога и исто-

рка; между сыновьями этого фулина Айсія (Исаія?) упоминаются имена Илія, Георгіусъ и Лука; такъ что весьма вѣроятно, что здѣсь рѣчь идетъ если не о „франкѣ“, то о выходе изъ Сирін.

Въ 1367 и 1375 годахъ упоминается часто въ китайской исторіи о пребываніи „фулпновъ“ при дворѣ новой Минской династіи, но и въ этомъ случаѣ нѣтъ намека на Францію, о которой, вообще, въ китайской исторіи не встрѣчаемъ положительныхъ указаній вплоть до 1718 года, когда, перечисляя различные западные народы — голландцевъ и другихъ, — маньчжурскій императоръ отмѣчаетъ „безполезную жестокость“ особыхъ „голанс“ (Holansi), которыхъ надо считать родственными другимъ племенамъ „маканезамъ“ (Macanese). Мы знаемъ, что въ 1688 году французскій король Людовикъ XIV послалъ китайскому императору письмо, въ которомъ онъ ему рекомендуетъ французскихъ іезуитовъ; но событіе это совершенно не отмѣчается историками маньчжурской династіи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ Кантонѣ давно уже основалась и существовала въ извѣстныхъ размѣрахъ французская торговля; это ясно изъ того, что въ 1785 году французы могли оказать такъ поддержку американскимъ штатамъ. Но до второй войны съ Китаемъ интересы Франціи въ Китаѣ исчерпывались исключительно релігіозными вопросами: при всемъ томъ, въ виду такого добровольнаго самоустраненія Франціи въ китайскихъ дѣлахъ, ея миссіонеры не избѣгли

постоянныхъ преслѣдованій: несмотря на огромныя заслуги французскихъ іезуитовъ Буне, Режи, Жарту и другихъ, которымъ удалось произвести съемки и составить карту Китайской имперіи, христіанство было запрещено въ Китаѣ и многіе миссіонеры были замучены въ провинціи. Достигнутая затѣмъ Нанкинскимъ договоромъ, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, вѣротерпимость для христіанъ поощрила короли Луи Филиппа добиться отъ китайскаго правительства заключенія особаго договора въ Вампоа, въ 1847 году: по которому французскимъ миссіонерамъ было предоставлено право селиться въ пяти договорныхъ портахъ, открытыхъ тогда для европейцевъ.

Вснхнувшее въ 1850 году кровопролитное возстаніе тайпиговъ, къ которому мнѣ придется еще вернуться въ одной изъ повѣдующихъ главъ, было, между прочимъ, вызвано стремленіемъ къ распространенію христіанства въ Китаѣ. Это несуразное смѣшеніе мятежа съ попросамъ религіи повело, конечно, къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ христіанъ, гдѣмъ болѣе что предводитель мятежа претендовалъ даже на личное родство съ Іисусомъ Христомъ. Наконецъ, пытка и смерть, которымъ китайцы подвергли іезуитскаго патера Шапделепа въ 1856 году, дали императору Наполеону III желанный поводъ, чтобы примкнуть къ англичанамъ во время второй войны. Результатомъ этой войны было то, что Франція добилась дальнѣйшихъ выгодъ для миссіонеровъ, хотя и не вполне откоро-

неннымъ путемъ. Старинный кафедральный соборъ французскій (Бэй-танъ) былъ опять торжественно открытъ въ Пекинѣ.

На своемъ обратномъ пути изъ Китая начальники французской эскадры соединились съ испанцами, у которыхъ имѣлись свои незаконченные счеты съ Анамомъ, п завоевали часть Кохинхина; послѣдствіемъ этого былъ договоръ, заключенный въ 1862 году, по которому Сайгонъ п прилегающая провинція были уступлены французамъ. Эта уступка повела въ свою очередь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, отчасти благодаря изслѣдованіямъ Гарнье и другихъ иъ такъ называемыхъ „шаньскихъ государствахъ“ п Юнь-нанн.

Пока китайцы были заняты подавленіемъ возстанія мусульманъ въ Юнь-нани, нашелся предприимчивый французскій коммерсантъ, по имени Лююи, который снабжалъ возставшихъ оружіемъ, доставляемымъ чрезъ Тонкинъ. Обстоятельствомъ этимъ пользовался и Гарнье, который побывалъ послѣ того въ Пекинѣ и посѣтилъ также пристани на Янъ-цзы-цзянѣ. Скоро, однако, дѣятельности этого энергичнаго изслѣдователя положенъ былъ конецъ главаремъ пограничныхъ разбойниковъ Лао-винъ-фукъ (Lao-vinh-phuc) и его „черными флагами“ иъ 1873 году. Такая же участь постигла чрезъ 10 лѣтъ другого французскаго изслѣдователя по имени Ривьера, который былъ убитъ „черными флагами“ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и Гарнье.

Вспыхнувшее въ Тонкинѣ возстаніе подъ

предводительствомъ китайскаго генерала по имени Ли-янъ-най поставило китайское правительство въ фальшивое положеніе какъ въ отношеніи „черныхъ флаговъ“, такъ и по отношенію къ своимъ вассальнымъ анамитамъ, которые очутились пѣ положеніи между трехъ огней. Съ другой стороны и французы неуклонно придвигали свои владѣнія все ближе и ближе къ Тонкину и Анаму, что весьма естественно поставило въ затруднительное положеніе китайскія власти и въ сосѣднихъ двухъ провинціяхъ Гуанъ-Сп и Гуанъ-дунъ: по-первыхъ, потому, что очутившійся подъ ударами французовъ Анамъ состоялъ данникомъ Китая, во-вторыхъ, потому, что собственныя пропинціи китайскія оказались въ опасномъ положеніи.

Все это, наконецъ, разрѣшилось открытіемъ враждебныхъ дѣйствій между Франціей и Китаемъ. Китайскій флотъ былъ уничтоженъ на своей якорной стоянкѣ пѣ Пагода, послѣ чего французы сдѣлали попытку занять Пескадорскіе острова и нѣкоторыя части Формозы. Наконецъ, договоромъ, заключеннымъ Фурнье въ маѣ 1884 года, и затѣмъ дополнительной конвенціей въ іюнѣ 1885 года, Китай вынужденъ былъ признать законность договоровъ, заключенныхъ между Франціей и Анамомъ, и протекторатъ первой надъ Тонкиномъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ событій было быстрое экономическое развитіе Тонкина, въ которомъ Сайгонъ становится послѣ того важнымъ торговымъ центромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ французы

добились улаженія пограничныхъ вопросовъ и открытія нѣсколькихъ новыхъ портовъ, которые сдѣлали для французовъ доступной внутреннюю торговлю въ провинціяхъ Гуанъ-си и Юнь-нань. Городъ Лунъ-чжоу, соединенный теперь желѣзною дорогой съ гор. Лансонъ въ Тонкинѣ, открытъ былъ для европейской торговли 1 іюня 1889 года; въ томъ же году, въ августѣ, открытъ былъ для торговли гор. Мэнъ-цзы, а въ іюнѣ 1895 г. открытъ европѣйцамъ гор. Хэ-коу, расположенный противъ гор. Лао-кай на французско-китайской границѣ.

Конечно, изъ всѣхъ договорныхъ государствъ Франція довольно номинально пользуется торговыми выгодами, достигнутыми приведенными сейчасъ договорами; хотя съ самаго начала соглашенія съ Китаемъ были направлены къ тому, чтобы обезпечить именно торговые интересы французо-анамитскихъ купцовъ, но на самомъ дѣлѣ эти договоры оказались полезными больше для торговыхъ сношеній между китайскими купцами Юнь-нань и англійскими купцами изъ Гонъ-конга, встрѣчающихъ иногда препятствіе развѣ только въ нерациональныхъ мѣрахъ фискальнаго свойства.

Въ 1895 году между Франціей и Китаемъ заключена была новая конвенція, по которой Есмюкъ былъ открытъ французамъ для торговыхъ сношеній. Конвенціей, заключенной вскорѣ послѣ того въ 1896 году между Китаемъ и Англіей, были предоставлены тѣ же торговые преимущества въ отношеніи Эсмока также и шаньскимъ государ-

ствамъ, состоящимъ подъ покровительствомъ Англіи. Такимъ образомъ Есмокъ является теперь общимъ фокусомъ, въ которомъ сходятся интересы Англіи и Франціи.

Примѣръ, подаанный Германіей занятіемъ Цзяо-чжоу, вызвалъ претензіи Франціи на соотвѣтствующую компенсацію, въ видѣ которой занята была бухта Гуанъ-чжоу, служившая въ старое время убѣжищемъ для морскихъ пиратовъ; кромѣ этой бухты намѣчена еще была прирѣзка полосы *гинтер-ланда* ¹⁾ съ неопредѣленными границами, что хотѣлось французамъ провести безъ огласки. Вызванный этимъ обстоятельствомъ пограничный споръ скоро привелъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ, при которыхъ французы проложили себѣ путь въ Юнь-нань-фу и упрочили тамъ свое политическое вліяніе. Скоро, однако, французамъ пришлось ретироваться изъ Юнь-нани въ виду возникшаго движенія бонсеровъ.

Германія не была извѣстна Китаю, даже по имени, вплоть до второй войны (1860). Въ дѣйствительности же даже во времена Риччи были уже іезуиты въ Китаѣ, прибывшіе изъ Германіи; но гдѣ находится это государство, никто изъ китайцевъ не зналъ и не интересовался. Когда англичане и французы уладили свои споры съ Китаемъ,

¹⁾ Политико-географическій терминъ, народившійся во время послѣднихъ захватовъ въ Китаѣ и обозначающій собою „тыловую территорию“—отчасти нейтральную, прилегающую къ прибрежной полосѣ. *Примѣч. Перев.*

то „различныя мелкія государства“, въ числѣ которыхъ, по словамъ китайцевъ, была и Пруссія, потребовали себѣ отъ Китая такихъ же преимуществъ, какія добыты Англіей и Франціей. Договоръ, заключенный съ Пруссіей, былъ подписанъ въ Тянь-цзинѣ въ 1861 году, но прошло еще послѣ того пять лѣтъ, пока прусскому посланнику разрѣшено было жить въ Пекинѣ; да и послѣ подношенія посланника иѣмцы еще иѣкоторое время занимали очень скромное политическое положеніе въ Китаѣ; посольство ихъ ютилось въ небольшомъ наемномъ помѣщеніи, которое составляетъ теперь небольшую часть района, занятаго въ Пекинѣ британскимъ посольствомъ. Вообще, въ политическомъ смыслѣ роль Германіи въ Китаѣ представлялась тогда въ видѣ придатка къ политическому вліянію Англіи.

Послѣ франко - прусской войны роль Германіи въ Китаѣ рѣзко мѣняется: во взаимныхъ сношеніяхъ тойъ Германіи становится надменнымъ, переходя иногда въ грозный, — если мѣстныя китайскіе чиновники осмѣливались указывать на несправедливость предъявленныхъ требованій. Въ 1882 г. иѣмцы высадили десантъ недалеко отъ Снатоу и насильно заняли спорный кусокъ территоріи: Бисмаркъ, однако, весьма благоразумно отсекся отъ этого явно насильственнаго образа дѣйствій. Несмотря на повышенный тонъ, усвоенный иѣмцами въ Китаѣ, вице-король въ Кантонѣ все-таки заявилъ публично, что иѣмцы гораздо болѣе по-

датливы, чѣмъ англичане, поэтому онъ признаетъ ихъ болѣе пригодными въ роли военныхъ инструкторовъ. При такомъ предпочтеніи все дѣло военной подготовки китайцевъ очутилось въ рукахъ нѣмцевъ, которые не преминули, конечно, воспользоваться этимъ случаемъ и выгружали въ Китаѣ порядочное количество оружія и военныхъ припасовъ своего издѣлія. Такое довѣріе, оказанное нѣмцамъ, показало себя очень скоро, когда Германія въ качествѣ одной изъ трехъ „союзницъ-освободительницъ“, примкнула къ Россіи и Франціи послѣ японско-китайской войны; всѣ эти три державы совсѣмъ не по-рыцарски соединились вмѣстѣ и нашли возможнымъ помѣшать Японіи воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, когда безпомощный Китай былъ у ея ногъ. Германская политика пошла еще дальше и достигла высшей степени въ своемъ паправленіи, когда во время глубокаго мира нѣмцы съ открытой силой заняли Цзяо-чжоу и примыкающую къ нему территорію подъ благовиднымъ предлогомъ необходимости получить удовлетвореніе за какую-то обиду, нанесенную миссіонерамъ, но на самомъ дѣлѣ, очевидно, въ виду желанія получить отъ Китая болѣе осязательную благодарность за оказанныя услуги...

Этотъ шагъ Германіи, неимѣющій себѣ примѣра въ лѣтописяхъ дипломатическихъ сношеній, противный понятіямъ международной вѣжливости, по дѣйствовать, несомнѣнно, заразительнымъ образомъ и на другихъ и повлекъ за собою зантіе

русскими Портъ-Артура и Далнь-ваня, англичанами—Вэй-хай-взя и французами—Гуань-чжоу-ванъ. Необходимо еще замѣтить, что во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, всѣ державы нашли все-таки обязательнымъ, хотя бы принція ради, испросить сначала согласіе Китая, представивъ его правительству кой-какія соображенія; одна лишь Германія не соблюла и этой деликатности. Пусть даже конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ агрессивныхъ дѣйствій европейскихъ государствъ будетъ польза для китайскаго народа, все-таки нельзя не признать, что отъ всѣхъ этихъ событій, вообще говоря, пахнетъ нехорошимъ, въ смыслѣ моральномъ, и было бы лучше для нашего потомства, если бы мы могли вернуть событія къ болѣе честному направленію. Во всякомъ случаѣ близкое сосѣдство нѣмцевъ къ священной роднѣ Конфуція приводитъ въ бѣшенство ученыхъ людей въ Китаѣ, и этого одного факта достаточно, чтобы объяснить рѣзню въ Пекшѣ или въ другомъ мѣстѣ. Словомъ, въ общемъ выводѣ, агрессивныя дѣйствія державъ въ Китаѣ въ послѣдніе годы были очень похожи на удары, наносимые лежачему...

Соединенные Штаты. Первое торговое судно Соединенныхъ Штатовъ въ Китаѣ появилось въ 1785 году. Сначала американцы были тайкомъ введены туда въ качествѣ членовъ акціонерной компаніи въ Кантонѣ. Необходимо замѣтить, что иностраннымъ купцамъ разрешалось тогда пребываніе въ Кантонѣ лишь во

время торгового сезона. По нѣкоторымъ соображеніямъ это правило не примѣнялось очень строго къ американцамъ — вѣроятно потому, что они въ это время только что кончили войну съ Англіей, вслѣдствіе чего китайцы на нихъ смотрѣли какъ на возможныхъ союзниковъ. Въ самомъ началѣ появленія американцевъ китайцы называли ихъ „новый народъ“, не будучи въ состояніи отличить ихъ отъ англичанъ; затѣмъ китайцы придумали для нихъ названіе „цвѣтушіе флаги“, которое держится отчасти и по наше время. Въ 1821 году честь американаго флага была до нѣкоторой степени скомпрометирована выдачей китайцамъ для казни нѣкоего Терануова — европейца, числившагося на американскомъ суднѣ. Только въ 1844 году, послѣ первой англо-китайской войны, согласно договорамъ, заключеннымъ въ Ванъ-си и Вампоа, американцамъ удалось добиться такихъ же преимуществъ, которыми пользовались англичане. Когда разыгралась вторая война, китайцы не пренебрегали никакими усиленіями, чтобы пользоваться Соединенными Штатами въ видѣ кошачьей лапы, готовой выгребать каштаны для Китая. Обстоятельство это дало возможность американцамъ оказать поддержку Англіи, производя нравственное давленіе на китайское правительство, такъ что въ концѣ концовъ на долю американцевъ выпало огромное вліяніе при окончательномъ устройствѣ европейскихъ „концессій“ въ Тянь-цзинѣ, при чемъ итъ удалось заключить свой договоръ съ Китаемъ

даже на недѣлю раньше, чѣмъ Англіи и Франціи, несмотря на то, что послѣднія сами вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть второй войны съ Китаемъ. Говорятъ, правда, что американцы подали активную помощь Англіи подѣ Таку, движимые сознаніемъ, что „кровь гуще воды“, но въ дѣйствительности враждебныя дѣйствія были вызваны китайцами обстрѣливаніемъ двухъ американскихъ судовъ съ китайскихъ фюртовъ 17 ноября 1856 года.

Договоромъ, заключеннымъ въ Вашингтонѣ въ 1868 году, Соединенные Штаты допустили свободное переселеніе китайцевъ въ Америку и въ то же время отказались отъ всякаго вмѣшательства въ китайскія дѣла. Вызванное затѣмъ враждебное настроеніе американцевъ въ западныхъ штатахъ п территоріяхъ, въ виду чрезмѣрнаго наплыва нежелательныхъ китайцевъ, было улажено особымъ торговымъ договоромъ въ 1880 году; наконецъ въ 1894 году, въ силу поваго договора, китайская эмиграція въ Америку была совершенно запрещена.

Вообще, Соединенные Штаты всегда старались показать себѣ въ глазахъ Китая добрымъ, незаинтересованнымъ другомъ, который не занимается продажей опиума, а равно и не злоупотребляетъ политическимъ вліяніемъ. Эти претензіи на исключительное положеніе честнаго маклера были до нѣкоторой степени подорваны суровымъ обращеніемъ съ китайцами въ Соединенныхъ Штатахъ,

Гонолулу и Манилѣ. Необходимо, впрочемъ, признать, что центральное правительство въ Вашингтонѣ не всегда, вѣроятно, можетъ осуществить свои желанія, если они идутъ въ разрѣзъ съ на-
правленіемъ законодательства въ штатахъ; поэтому нельзя строго и судить американское правительство за указанныя выше суровыя мѣры въ отношеніи китайцевъ.

Политика американскихъ штатовъ въ Корѣ внушала къ себѣ всегда полное довѣріе, что также производило въ Пекинѣ рѣшительное впечатлѣніе въ пользу американцевъ, которые, однако, тамъ долгое время не пользовались все-таки большимъ вліяніемъ. Здѣсь уместно прибавить, что суровыя мѣры, принятыя въ настоящее время Соединенными Штатами въ отношеніи китайцевъ на Филиппинскихъ островахъ, являются невеликодушными сами по себѣ и притомъ равносильны самоубійству: дѣло въ томъ, что ни одному китайцу не разрѣшено теперь эмигрировать на Филиппины; между тѣмъ, только благодаря трудолюбію китайцевъ выросла производительность этихъ острововъ и только этимъ трудолюбіемъ можно было бы обезпечить ихъ дальнѣйшее развитіе.

Бельгія. Среди мелкихъ державъ, претендовавшихъ на заключеніе договоровъ съ Китаемъ послѣ второй войны была и *Бельгія*, которая заключила первый такой договоръ въ 1865 году. Сначала въ Китаѣ никогда ничего не слышно было про Бельгію, но въ послѣднія нѣсколько лѣтъ стали часто

говорить про бельгийцевъ въ связи съ желѣзнодорожными и разными другими концессіями.

Португальцы тщетно старались въ 1862 году добиться при помощи Франціи заключенія формальнаго договора съ Китаемъ; только въ 1887 году китайское правительство согласилось на заключеніе такого договора, по которому официально были признаны права Португаліи на Макао. Начиная съ 1582 года до 1849 г. португальцы регулярно платили китайскому правительству ежегодную ренту въ 500 талей; поэтому оно не согласилось, конечно, признать декларацію о независимости Макао, которая послѣдовала въ августѣ 1849 года послѣ убійства тамъ губернатора до-Амаралъ. У меня имѣется въ рукахъ китайская копія обязательнаго договора, заключеннаго будто бы между Португальей и Китаемъ еще въ 1862 году; но я полагаю, что этотъ договоръ едва ли былъ къмъ-нибудь подписанъ и, во всякомъ случаѣ, не былъ ратификованъ: обѣимъ сторонамъ было на-руку такое непонятное положеніе вещей. Китай нуждался въ содѣйствіи Макао, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ сдѣланныхъ Великобританіей уступокъ въ отношеніи уплаты пошлины за торговлю опиумомъ; затѣмъ въ виду враждебныхъ дѣйствій, возникшихъ между Франціей и Китаемъ и вызванныхъ этими дѣйствіями событія на Формозѣ, оба государства, какъ Китай, такъ и Португалія, тревожились за судьбу Макао, чтобы онъ не попалъ какъ-нибудь въ руки французовъ. Въ виду ска-

запшаго португальцы не рѣшались на окончательное присоединеніе Макао къ своимъ владѣніямъ безъ согласія китайскаго правительства, а все это имѣло роль Португаліи въ Китаѣ крайне незавидной

Японцы въ настоящее время, послѣ побѣды надъ Китаемъ, вполне справедливо стали на Дальнемъ Востокѣ въ ряды европейцевъ; но вплоть до второй войны 1860 года китайцы совершенно игнорировали Японію, и это надменное отношеніе было взаимно съ обѣихъ сторонъ. Въ 1854 году Японія заключила первый договоръ съ Соединенными Штатами, подписанный Канагава и коммодоромъ Перри, который прибылъ тогда въ Японію во главѣ особой экспедиціи. Подобные же договоры были заключены искорѣ Японіей съ Великобританіей и съ Россіей въ 1855 году. Послѣ войны 1858 года, благодаря договору, заключенному лордомъ Эльджинномъ въ Іеддо, Японія была открыта для англійской торговли. Въ 1868 — 1869 годахъ вспыхнула, какъ извѣстно, великая японская революція, результатомъ которой было уничтоженіе знаніи второго государя или сіюгуна и сосредоточеніе власти въ рукахъ микадо или дѣйствительнаго императора, а также переустройство всей феодальной системы, существовавшей въ Японіи. Едва лишь японцы пережили свою революцію, какъ они начали безотлагательно готовиться къ тому, чтобы возможно скорѣе занять приличное мѣсто среди всѣхъ прочихъ міровыхъ державъ. II мы

видимъ дѣйствительно, что исторія всѣхъ временъ и народовъ не даетъ намъ такого примѣра, чтобы преобразование націй могло совершиться такъ широко и такъ скоро.

Въ 1871 году японцы добились заключеніи перваго договора съ Китаемъ, подписаннаго Ли-хунъ-чжаномъ осенью того же года. Сначала китайцы относились поверхностно къ японцамъ, чувствуя къ нимъ нѣкоторое презрѣніе—какъ къ націи слабой физически, которая такъ быстро сбросила съ себя оболочку китайской цивилизаціи въ угоду вновь изобрѣтеннымъ европейскимъ порядкамъ. Возникшій въ 1874 году первый споръ съ японцами за Формозу показавъ Китаю, что эти „презрѣнные островитяне“ сопсѣмъ не такой ничтожный противникъ. Въ томъ же году японское правительство однимъ росчеркомъ пера поставило стариннаго данника Китая, острова Лю-цю, подъ контроль своего министерства внутреннихъ дѣлъ въ Токио, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ упреки китайскаго правительства и жалкія просьбы самихъ островитянъ.

Въ 1883 году епронейскія державы начали одна за другой заключать договоры съ Кореей, при чемъ всѣмъ (?) были признаны несомнѣнныя историческія права Японіи на Фузанъ. Скоро, однако, стало очевиднымъ для всѣхъ причастныхъ къ корейскимъ дѣламъ, что помимо Фузана Японія стремится упрочиться во всѣхъ другихъ частяхъ Кореи. Китайское правительство очутилось само

пѣ шекотливомъ положеніи, не зная какъ быть — когда въ 1876 году Япокинъ заключила договоръ съ Кореей какъ съ „независимымъ государствомъ“, которое, однако, числилось вассаломъ Китая. Вопросъ этотъ еще болѣе усложнился, когда и Соединенные Штаты, и Англія тоже заключили такіе договоры съ Кореей въ 1882—1883 годахъ. Уполномоченный со стороны американскихъ штатовъ въ Корей при заключеніи договора изъявилъ согласіе на предоставленіе также и Китаю тѣхъ преимуществъ, которыхъ добились другіе. Китайскому правительству, такимъ образомъ, оставалось заключить и со своей стороны договоръ со своимъ собственнымъ вассаломъ, постѣ чего оно начало интриговать въ Корей, желая занять тамъ мѣсто Японіи. Все это повело къ различнымъ революціямъ, убійствамъ, насильственнымъ захватамъ и враждебнымъ дѣйствіямъ, которыя, наконецъ, вызвали японско-китайскую войну въ 1894—1895 годахъ; Китай былъ разбитъ наголову и лишился одновременно Кореи и Формозы. Съ тѣхъ поръ, почти до послѣднихъ дней, интересы Китая въ Корей были вѣрены попечительству Англіи. Въ декабрѣ 1899 года Китай заключилъ новый договоръ съ Кореей, весьма неблагоприятно отказавшись при этомъ включить въ этотъ договоръ статью о предоставленіи Китаю преимуществъ наиболѣе благопріятствующей державы.

Спмоносакскій договоръ и Ляо-дунская конвенція 1895 года сразу возвысили Японію на степень

мірової держави и привели ее къ дипломатическому столкненію съ европейскими державами, какъ это упомянуто было выше. Торговій договоръ 1896 года, заключенный послѣ побѣдоносной для Японіи войны, передалъ неожиданно въ руки европейцевъ многія торговыя преимущества, которыя японцы надѣялись удержать для себя; вновь открытые для торговли китайскіе порты Су-чжоу и Ханъ-чжу сдѣланы были доступными не для одной Японіи, но для всего міра. Словомъ, 'плодами японскихъ побѣдъ бо́льше воспользовались другіе, чѣмъ японцы. Но Японія съ большимъ достоинствомъ переноситъ этотъ шелчокъ судьбы. Можно надѣяться, что хотя бы теперь, когда взрывъ враждебныхъ дѣйствій въ Китаѣ является вызовомъ псеу міру и далъ маленькой храброй Японіи прекрасный случай показать себя съ отличной стороны—эта Японія не позволитъ опять обмануть себя какими-нибудь завистливыми комбинаціями. Но каковы бы ни были ошибки Японіи, а храбрость и воинственность этой націи при доказанномъ ею чувствѣ справедливости будутъ всегда привлекать всѣ симпатіи англичанъ къ этой странѣ

Датчане давно уже имѣли свою факторію въ Кантонѣ. Какъ французы и шведы, датчане привлекали свои выгоды главнымъ образомъ изъ безпошлиннаго провоза чая къ берегамъ англійскихъ владѣній. Благодаря добрымъ услугамъ сэра Томаса Вуда, датчане заключили торговій договоръ

съ Китаемъ пѣ 1863 году, но до 1893 года интересы Даніи въ Китаѣ были ввѣрены попечительству Англіи и лишь послѣ того переданы пѣ руки Россіи. Въ настоящее время интересы Даніи пѣ Китаѣ снодятся къ иредоставленнымъ ей подданнымъ телеграфнымъ концессіямъ; въ Шапхаѣ образовалси большой штабъ датскихъ служащихъ пѣ связи съ учредившимися въ Китаѣ двумя большими датскими телеграфными компаніями. Едва ли нужно при этомъ прибавить, что безъ покровительства и поддержки Россіи Данія, конечно, не имѣла бы никакого значенія на Дальнемъ Востокѣ.

Испанцы заключили договоръ съ Китаемъ пѣ 1864 году, который, однако, не былъ ратифицированъ до 1867 года. До 1880 года Испанія не имѣла вовсе своего представителя пѣ Китаѣ. Китайскіе купцы, отирававшіеся на Манилу, оставались тамъ въ неопредѣленномъ положеніи, потому что со времени событій, о которыхъ было упомянуто въ началѣ этой главы, политика Испаніи клонилась къ тому, чтобы насколько возможно сторожиться отъ официальныхъ сношеній съ Китаемъ. Въ 1874 году возникъ вопросъ о дурномъ обращеніи съ китайцами на островѣ Кубѣ, ислѣдствіе чего туда отправлена была особая китайская миссія для разслѣдованій; результатомъ этой миссіи былъ договоръ, заключенный съ Испаніей въ 1878 году. Въ слѣующемъ году китайское правительство акредитовало пѣ Соединенные Штаты постоянного посланника, которому поручены были

также сношенія съ Кубой и Испаніей. Это привело къ тому, что Испанія въ свою очередь также основала свое посольство въ Китаѣ. Испанскій посланникъ, однако, никогда не пользовался какими-нибудь вліяніемъ въ Китаѣ, а послѣ потерн Филиппинскихъ острововъ это вліяніе можно сказать совершенно исчезло и въ настоящее время сохраняетъ чисто академическій характеръ ¹⁾.

Италія, согласно китайскимъ источникамъ, прислала дань Китаю въ 1670 году, а папа въ 1723 году. Оба эти событія стоятъ въ связи съ диспутомъ доминиканскихъ іезуитовъ, съ бурной конференціей въ Макао и съ безуспѣшной миссіей Турно и Мецбарба. Китайскіе историки утѣряютъ, что итальянцы прибыли въ Китай не для торговыхъ цѣлей, вѣдствие чего они наиболѣе почтенные и цивилизованные среди прочихъ европейцевъ, и что они бы никогда не „бунтовали“, если бы ихъ не побуждали англичане и французы. Слѣдующія слова китайскаго историка являются своего рода пророчествомъ, если вспомнить послѣдніе дѣйствія итальянцевъ въ 'Ижэ-цзинѣ: „даже Италін, наиболѣе знаменитая и цивилизованная среди европейскихъ державъ, движимая тѣми же побужденіями жадности, какъ и другія державы, потребовала чрезъ своего консула, въ 1861 году, свою долю торговыхъ выгодъ“... Какъ извѣстно, то же самое повторилось и при послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ.

¹⁾ Съ 1901 года Испанія не имѣетъ вовсе посольства въ Китаѣ
Примеч. Перев.

Первый договоръ съ Китаемъ былъ заключенъ Италией въ 1866 году; но официально итальянцы появляются въ Китаѣ въ 1877 году, когда военное судно итальянское стало у береговъ Кореи. Итальянскій посланникъ жилъ обыкновенно въ Шанхаѣ, для того, чтобы лучше двигать торговые интересы своихъ землекопъ. Въ 1899 году итальянцы впервые обнаруживаютъ въ Китаѣ поползновеніи агрессивнаго характера, когда ожидались различныя концессіи на берегахъ Чжэ-цзяна, но олицетворя итальянцевъ не оправдались въ виду энергичнаго отпора, даннаго кптайскимъ правительствомъ. Этотъ внезапный взрывъ сопротивленія со стороны китайцевъ, сопровождавшійся успѣхомъ, по словамъ Роберта Гарта какъ бы поощрилъ ихъ на новое сопротивленіе, внушивъ имъ храбрость и задоръ, съ которыми они при послѣднихъ событіяхъ выступили противъ европейцевъ.

Австрійцы не состояли съ Китаемъ ни договорныхъ отношеній до 1869 года, предоставляя свои интересы попеченію Англіи. Посланникъ австрійскій живетъ обыкновенно въ Японіи, пѣдуя также и сношеніи съ китайскимъ правительствомъ.

Швейцарія не заключала съ Китаемъ договоръ. Интересы швейцарскихъ подданныхъ въѣрны Франціи.

Перу заключила договоръ съ Китаемъ въ 1875 году. Интересы первой заключаются въ томъ, чтобы обезпечить себѣ постоянный притокъ кптайскихъ кули по возможно дешевой цѣнѣ и съ

наименьшими обязательствами со своей стороны; интересы Китая сводятся къ огражденію своихъ кули отъ дурного обращенія, какъ это упомянуто было выше. Война, вспыхнувшая между Перу и Чили, въ послѣдніе годы почти совершенно уничтожила вліяніе первой въ Китаѣ, такъ что въ настоящее время это вліяніе въ совѣтѣ державъ въ Пекинѣ равно нулю.

Договоры съ Китаемъ еще заключены *Бразиліей* въ 1880 году, *Мексикой* и *Конго* въ 1898 году. До сего времени во взаимныхъ сношеніяхъ этихъ государствъ съ Китаемъ не произошло ничего такого, что могло бы выдвинуть ихъ роль или вліяніе. Всѣ эти договоры были вызваны единственнымъ желаніемъ съ одной стороны пополучить китайскихъ рабочихъ, а съ другой обезпечить этимъ рабочимъ приличное обращеніе.

Шведы основали свою ость-индскую компанію въ 1628 году; но шведскіе подданные, появлявшіеся въ Китаѣ, обыкновенно приходили туда на чужихъ судахъ. Первое шведское судно прибыло въ Кантонъ въ 1731 году, и только чрезъ 50 лѣтъ упоминается о прибытіи новыхъ шведскихъ судовъ. Взаимныя отношенія регулируются шведо-норвежскимъ договоромъ, заключеннымъ съ Китаемъ. Интересы скандинавскихъ подданныхъ, касающіеся преимущественно судоходства, достаточно охраняются генеральнымъ консуломъ, живущимъ въ Шанхаѣ; посланника же шведскаго въ Пекинѣ никогда не было.

Турция. Въ 1889 году турецкій султанъ рѣшилъ отправить въ Японію военный фрегатъ съ особымъ нѣсольствомъ, что въ свое время на-дѣлало не мало шума. Появленіе въ открытыхъ китайскихъ водахъ когда-то страшныхъ туронъ представляло собою дѣйствительно крайне интересное событіе. Турецкій фрегатъ остановился у одной пагоды для освѣженія провизіи, и я старался увѣрить любезнаго турецкаго командира, что онъ переодѣтый хунъ-ну. Несчастному турецкому судну („Эртогрулъ“) суждено было кончить свое существованіе среди скалъ въ японскомъ средиземномъ морѣ; „свирѣпыхъ турокъ“ пришлось отправить на родину въ видѣ „бѣдствующихъ мореплавателей“. Для полноты комизма этого забавнаго эпизода необходимо добавить, что японскому военному судну, взявшему на себя доставку турецкихъ моряковъ въ Константинополь, не было разрѣшено войти въ Дарданеллы, и оно даже вынуждено было „приготовиться къ бою“...

Перечень трактатовъ, договоровъ и конвенцій, заключенныхъ въ связи съ китайскимъ вопросомъ въ періодъ 1699—1898 гг.

Гдѣ заклю- ченъ.	Договариваю- щиеся стороны.	Когда заключенъ.	Примѣчанія
Нерчинскъ.	Россія и Китай	27 авг. 1689	Русскіе покидаютъ Амуръ.
Пекинъ .	Тоже.	Зимою 1720—21	Соглашеніе Изчай- лова.
Кяхта . . .	Тоже.	20 авг. 1727	Подписанъ на р. Боро.
Нанкинъ. .	Англія и Кит.	29 авг. 1842	Открыто пять нор- товъ для европейской торговли.
Тоже.	Тоже	8 окт. 1843	Дополнительный, впослѣдствіи уничто- женъ
Ванъ-си . .	Соединен. Шт. и Китай	3 поля 1844	Заключены искорѣ- щелъ переговоровъ Англіи
Вампоа	Франція и Кит.	21 окт. 1844	
Кантонъ .	Швеція и Кит.	Мартъ 1847 (4-й 1. 2-я зуми)	
Айгунъ .	Россія и Китай.	16 мая 1858	Русскіе опять утвр- ждаются на Амурѣ
Тянь-цзинь	Тоже.	13 юни 1858	
Тоже.	Соединен. Шт. и Китай.	18 „ 1858	Опредили въ ро- ли „миротворцевъ“
Тоже.	Англія и Кит.	26 „ 1858	Съ дополнительной статьей.
Тоже.	Франція и Кит.	27 „ 1858	Состоитъ изъ шести секретныхъ статей.

Шанхай .	Англія и Кит.	8 нояб. 1858	Касается урегулирования таможенных тарифов.
Пекинъ .	Тоже.	24 окт. 1860	
Тоже.	Франція и Кит.	25 " 1860	Касается тарифныхъ вопросовъ.
Тоже.	Россія и Китай.	<u>14 нояб.</u> (нов. ст.) 1860	Дальнѣйшая уступка Уссурийскаго края.
Тянь-цзинь	Пруссія и Кит.	2 сент. 1861	По отдѣльнымъ вопросамъ.
Пекинъ . .	Россія и Китай.	<u>20 февр.</u> (ст. ст.) 1861	О сухопутной торговлѣ.
Тянь-цзинь	Португ. и Кит.	13 авг. 1862	
Пекинъ и Тянь-цзинь	Дакія и Китай.	13 июля 1863	
Тянь-цзинь	Голланд и Кит.	6 окт. 1863	
Тоже.	Испанія и Кит.	10 " 1864	
Тоже	Бельгія и Кит.	2 нояб. 1865	
Пекинъ .	Англія и Кит.	31 мая 1868	Касается порядка совѣстныхъ разсѣдованій.
Вашингтонъ . . .	Соединен Шт. и Китай.	28 июля 1868	Съ претензіями на благородное отреченіе отъ вѣдательства въ дѣла Китая.
Пекинъ . .	Россія и Китай.	<u>13 апр.</u> (ст. ст.) 1869	Пересмотръ правилъ о сухопутной торговлѣ.
Тянь-цзинь	Австрія и Кит.	2 сент. 1869	
Тоже.	Японія и Кит.	<u>Осенью 1871</u> (19-го и 27-го июля)	Урегулированіе торговыхъ сношеній.
Тоже.	Перу и Китай.	26 июня 1874	

Тянь-цзинь	Перу и Китай.	7 авг. 1875	По специальным вопросам.
Канъ-хоа	Япон. и Корея.	26 февр. 1876	
Сеуль . . .	Тоже.	24 авг. 1876	
Чифу.	Англия и Кит.	13 сент. 1876	Ратифицированъ 6 мая 1886 г.
Пекинъ	Испания и Кит.	17 нояб. 1877	По деламъ Кубы.
Тоже.	Тоже.	6 дек. 1878	Тоже.
Тянь-цзинь (?)	Бразилія и Кит.	1880 (?)	Свѣд. не имѣется
Пекинъ . .	Германия и Кит.	31 мар. 1880	По специальнымъ вопросамъ
Пекинъ . .	Соединен. Шт. и Китай.	17 нояб. 1880	По вопросамъ эмиграции и торговыхъ сношеній.
Петербургъ	Россія и Китай	12 февр. 1881	По Кульджинскому вопросу и о сухопутной торговлѣ.
Ченульпо. .	Соединен. Шт. и Корея.	22 мая 1882	Оба гарантированы адмирал. Шуфельдтъ
Тоже.	Китай и Корея	Тоже.	
Ченульпо(?)	<div> <div>Герман. и Кор.</div> <div>Франц. и Кор.</div> <div>Англия и Кор.</div> </div>	Июнь 1882	<div> <div>Всѣ договоры заключены послѣдствіемъ адмиралами и лишь впоследствии оформлены правительствомъ.</div> </div>
Тянь-цзинь	Китай и Корея.	Осенью 1882 (8-я зима)	Устанавливается вассальная зависимость Корея.
Сеуль (?) .	Японія и Кор.	2 июля 1883	По вопросамъ, касающимся рыболовства.
Тоже	Англия и Кор.	26 нояб. 1883	По тарифнымъ вопросамъ.

Тянь-цзинь	Японія и Кор.	Ресноу 1885	Регулируетъ отно- шенія къ Корей.
		(4-й д. 3-й пункт)	
Тоже.	Франція и Кнт.	9 июня 1885	О Тонкинѣ
Лондонъ . .	Англія и Китаи.	18 июля 1885	О торгов. опиумомъ.
Сеулъ (?) .	Итали и Кор.	(?) 1887	Закмчааетъ въ се- бѣ три спеціальныхъ статьи, независимо отъ тѣхъ, которыя имѣются въ догово- рахъ, заключенныхъ съ Англіей и Герма- ніей.
Пекинъ .	Франція и Кнт.	25 апр. 1886	По торгов. дѣланъ.
Гонъ-коинъ	Англія и Кор.	11 сент. 1886	Коммиссія объ опи- умѣ.
Пекинъ .	Франція и Кнт.	26 июня 1887	Дополнительная конвенція.
Тоже.	Португ. и Кнт.	1 дек. 1887	Въ связи съ тор- говлей опиумомъ.
Калькута .	Англія и Кнт.	17 мар. 1890	О торговлѣ съ Ти- бетомъ.
Пекинъ . .	Тоже.	31 „ 1890	Чункингская кон- венція.
Тянь- цзинь (?) .	Мексика и Кнт.	(?) 1893	Свѣд не имѣется.
Вашинг- тонъ . . .	Соединен. Шт. и Китаи.	17 мар. 1894	Занрещіе эми- граціи.
Синюасан	Японія и Кнт.	17 апр. 1895	Миръ и уступки.
Пекинъ .	Франція и Кнт.	20 июня 1895	Открытіе Эспока и т. д.
Тоже.	Японія и Кнт.	8 нояб. 1895	Очищен. Ляо-дуна.
Лондонъ . .	Англ. и Франц.	15 янв. 1896	Размещеваніе сфе- ры въ Китаѣ.
Сеулъ . . .	Япон. и Россія.	14 мая 1896	Корейскіи дѣла

Пекинъ . .	Японія и Кит.	21 июля 1896	Торговля и судоходство.
Тоже.	Тоже.	19 окт. 1896	Касается новыхъ портовъ
Тоже	Россія и Китай	9-я луна 1896	Конвенція Кассени (о Вост. Кит. жел. д.)
Тоже.	Англія и Кит.	4 февр. 1897	Компенсация за уступки Франціи
Тоже.	Германія и Кит.	6 мар. 1898	Уступка Цзяо-чжоу и права по изысканіямъ рудныхъ богатствъ.
Пекинъ .	Россія и Китай	27 мар. 1898	Уступка Портъ-Артура и т. д.
Тоже.	Франція и Кит.	Апр. (?) 1898	Уступка Гуанъ-чжоу.
Тоню . . .	Япон. и Россія.	25 апр. 1898	Корейскія дѣла.
Петербургъ	Англ. и Россія.	28 „ 1898	По вопросу о китайскихъ жел. дор.
Пекинъ . .	Англія и Кит.	9 июня 1898	Расширеніе извѣст. Г'ау-луна.
Тоже	Тоже	1 июля 1898	Занятіе Вэй-хай-взя.
Тоже.	Конго и Китай.	Іюля 1898	(День ратификаціи Императоромъ).

ГЛАВА VI.

Сибирь и сопредѣльныя съ Китаемъ страны.

Исторія вѣдѣнныхъ сношеній Китая, даже при вполнѣ поверхностномъ изложеніи, была бы далеко неполна, если не коснуться Сибири и населявшихъ ее татарскихъ племенъ, которыя постоянно врывались въ Китай съ сѣвера.

По примѣру того какъ мы видимъ въ Европѣ, что сѣверо-восточныя ея страны усвоили себѣ систему Римской имперіи—къ этой системѣ мы относимъ собственно всю цивилизацію современной Европы—лишь послѣ того, какъ Россія взяла ихъ въ свои крѣпкія руки, точно также и сѣверныя страны Азіи пріобшились къ системѣ Хуа-ся, т. е. Китайской имперіи, лишь послѣ того, какъ Россія придала имъ свой вѣншній обликъ. Подходящимъ объясненіемъ этой двойственности служить то, что Россіи совмѣщаетъ въ себѣ обѣ системы, завладѣвъ обширнѣйшими территоріями по праву перваго занятія или, какъ выражаются римскіе юристы, по праву *occupatio*.

Если мы отбросим тропики и южные моря, то можно принять, что сѣверная часть полушарія всего стараго свѣта населена всего лишь двумя большими группами, по 400 милліоновъ душъ въ каждой: одна заключаетъ въ себѣ желтую расу или народы китайской цивилизаціи, вторая бѣлую расу или народы европейской цивилизаціи. Россія дополняетъ собою и въ то же время угрожаетъ обѣимъ этимъ цивилизаціямъ, представляя собою грандіозный примѣръ въ міровой исторіи образованія такой величественной державы. Сказанное сейчасъ находитъ себѣ реальное выраженіе въ понятіяхъ азіатскихъ пародовъ, олицетворяющихъ эти цивилизаціи въ лицѣ „Бѣлаго Царя“ и „Желтаго Царя“, что соответствуетъ „Цагань-Хану“ и „Богдо-Хану“ въ умахъ татарскихъ племенъ. Все прочее населеніе нашей планеты въ воззрѣніяхъ азіатовъ представляется въ видѣ „феринговъ“ или „франковъ“, которые обитаютъ гдѣ-то за предѣлами владѣній Бѣлаго Царя. Арабы называютъ европейцевъ „афранги“ или „бенп-асфаръ“, то-есть „желтые люди“ („не темнаго“ цвѣта кожи).

До расцвѣта могущества Россіи европейскіе народы фактически ничего не знали о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ тѣхъ магистральныхъ путей, по которымъ нахлынули съ востока полудикие орды, сдѣлавшіяся постепенно хозяевами въ различныхъ частяхъ Европы. Таимъ же образомъ и Китай въ древнія времена ничего не знаетъ о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ дикихъ ордъ,

которыя безонойно передвигались по главнымъ путнмъ съ мѣста на мѣсто, къ востоку и западу, до тѣхъ поръ, пока не завладѣли отчасти Китайской имперіей. Если мы дальше пойдёмъ путемъ аналогій между Китайской имперіей и государствами, образовавшимися изъ системы Римской имперіи, то найдёмъ между ними послѣдовательное сходство и во всѣхъ прочихъ фазисахъ ихъ историческаго существованія.

Раньше всего мы находимъ въ отношеніи Китая существованіе обширной имперіи Хунгь-пу, которая фактически обнимала собою ось страны, входящая въ составъ современной Китайской имперіи отъ Кореи до Памировъ, за исключеніемъ Тибета и двѣ провинціи Китая. Не подлежитъ сомнѣнію, что номады, обитавшіе въ этой имперіи, знали, конечно, какія-нибудь свѣдѣнія о мелкихъ бродячихъ племенахъ, кочевавшихъ въ странѣ, которая у насъ теперь извѣстна подъ названіемъ Сибирь; но китайцы едва ли что-нибудь знали объ этой странѣ и ея обитателяхъ. Самое большое что они знали — да и то лишь по одному названію и въ крайне общихъ чертахъ, — это то, что на западѣ живутъ киргизы, а на востокѣ и побережьяхъ тунгусы и анны. Съ другой стороны и европейскіе народы, на западѣ, знали лишь то, что къ востоку отъ нихъ живутъ „скифы“. Такимъ образомъ все, что въ древнія времена обитало къ сѣверу и западу отъ Китайской имперіи объединилось въ представленіи китайцевъ однимъ общимъ назва-

немъ „Хунгъ-ну“, а въ умахъ западно-европейскихъ народовъ все что обитало къ востоку отъ нихъ обобщалось однимъ названіемъ „скиновъ“. По всему, что мы въ настоящее время знаемъ объ этихъ древнихъ группахъ племенъ, онѣ представляются намъ, повидимому, тождественными между собою, и едва ли мы когда-нибудь узнаемъ о скп-вахъ и хунгъ-ну больше того, что знаемъ теперь, чтобы приведенное сейчасъ мѣненіе могло быть поколеблено.

Номады въ имперіи Хунгъ-ну постоянно передвигались съ мѣста на мѣсто по направленію тѣхъ же путей, которые существуютъ понынѣ, именно: на Цишкаръ, Ургу, Улясутай, Или и Ташкентъ, или—по направленію Желтой рѣки, на сѣверъ и сѣверо-западъ, чрезъ Ургу и Улсутай. Въ древнѣйшее, сравнительно, время китайцы отбѣсни-ли этихъ номадовъ отъ южной группы путей чрезъ Хами; но впослѣдствіи, выражаясь словами китайскихъ историковъ, „династіи Хань была настолько благоразумна, что поддерживала въ нихъ доброе расположеніе къ Китайской имперіи, разрѣшая имъ производить регулярную торговлю на границѣ государства“.

Общую продолжительность существованія имперіи Хунгъ-ну, въ видѣ нераздѣльнаго государства или съ нѣкоторыми подраздѣленіями, можно принять круглымъ числомъ въ 400 лѣтъ: 200 лѣтъ до и 200 лѣтъ послѣ Р. Х. Правящіе классы и войны изъ числа этихъ номадовъ постоянно

передвигаются на западъ, въ Европу, гдѣ они появляются въ видѣ аваровъ, гунновъ и т. д. Въ то же время существованіе этихъ племенъ не прекращается окончательно и въ Китаѣ, гдѣ они продолжаютъ борьбу за преобладаніе, такъ что послѣ переселенія этихъ номадовъ въ Европу мы видимъ изъ ихъ среды китайскихъ императоровъ въ роли правителей ограниченныхъ частей имперіи или основателей отдѣльныхъ государствъ въ западной части Китая, подчиненныхъ его политическому вліянію. Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ основаніе, не опасаясь впасть нъ ошибку, установить нѣкоторую связь между турками и правящими классами изъ племенъ Хунгь-ну. Мой другъ Гиртъ полагалъ даже, что ему удалось по китайскимъ источникамъ открыть происхожденіе сына Аттилы, Гернакса, изъ племени Согды (турецкаго корня); но съ этимъ трудно согласиться.

Послѣ имперіи Хунгь-ну стѣдуетъ государство созданное наиболѣе западными тунгуссами, которыя извѣстны стали китайцамъ не ранѣе 45 года послѣ Р. Х. какъ вассалы племенъ Хунгь-ну. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Китаю удалось сломить могущество имперіи Хунгь-ну упомянутые нассалы сумѣли основать свое господство благодаря упадку хунгекпхъ хановъ, которое достигло высшей степени своего процвѣтанія какъ разъ въ то время, когда полудикіи племена хунгь-ну окончательно сходятъ со сцены въ смыслѣ политическомъ. Замѣчательно, что это

исчезновение племенъ въ Китаѣ вполне совпадаетъ съ неожиданнымъ появленіемъ въ Европѣ аваровъ и гунновъ, если ввести соответствующую поправку относительно времени, потребнаго на передвиженіе племенъ въ Европу. Это даетъ намъ право вывести заключеніе, что кочевые народы, толкнувшіе впередъ готовъ, вандаловъ и другихъ, были тождественны съ тѣми племенами, которыя покинули Китай и ушли куда-то на западъ.

Образовавшееся государство тунгусско-татарское, хотя и простиралось иногда до Или включительно, никогда не обнимало собою и Туркестанъ, который, однако, входилъ раньше въ составъ имперіи хунновъ. Эти тунгуссы были наиболѣе сильны въ восточной части Монголіи, гдѣ они, между прочимъ, поселили взятыхъ ими въ плѣнъ японцевъ: между тѣмъ какъ предшественники ихъ, племена Хунгь-ну, совершенно не знали о японцахъ. Но если имперія тунгуссовъ уступала хуннамъ по своему распространению, то съ другой стороны одно изъ племенъ тунгусскихъ, именно Тоба, значительно превосходило хунновъ божьею высокими уровнемъ цивилизаціи и ослѣдственности, выдѣляя изъ своей среды правителей въ сѣверномъ Китаѣ, которые царствовали тамъ въ теченіе 280 лѣтъ (380—580) на совершенно равныхъ началахъ, какъ настоящіе прирожденные китайскіе императоры царствовали въ южномъ Китаѣ.

Такое уклоненіе наиболѣе способнаго тунгусскаго племени исключительно въ сторону китай-

скихъ дѣлъ дало возможность окрѣпнуть и развиться другимъ тунгусско-татарскимъ племенамъ, стоявшимъ на низшей ступени цивилизаціи; поэтому мы видимъ, что, хотя династія Тоба въ сѣверномъ Китаѣ и пела нѣсколько успѣшныхъ пойнъ противъ своихъ лѣсныхъ сородичей и остатковъ племенъ Хунгъ-ну, она все-таки не могла, возсѣдая на тронѣ императоровъ, въ то же время упрочиться вполне въ роли могущественнаго государства кочевыхъ номадовъ. Лишь монгольскіе ханы, предшественники Хубилая—Чингизъ, Огтай, Куюкъ и Мангу—сумѣли справиться съ этой двойной задачей. И при всемъ томъ даже могущественные монголы оказались не въ силахъ долго играть эту двойную роль: по воцареніи Хубилай-хана и воцареніи его на китайскомъ престолѣ постѣ возвращенія изъ Юнь-нань, онъ оказался наиболѣе бездѣтельнымъ и невоинственнымъ въ Китаѣ, такъ что татарскія племена отчасти стали при немъ независимы, отчасти оставались въ роли тяжелыхъ вассаловъ подъ властью незаконныхъ родственниковъ самого Хублая. Въ виду сказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такая же участь постигла за 800 лѣтъ до Хублая господствовавшее тогда тунгусское племя Тоба, когда оно подверглось плѣнію китайской цивилизаціи. Такимъ образомъ на развалинахъ политическаго господства Тоба возродилась новая имперія кочевниковъ—изъ объединившихся остатковъ племенъ Хунгъ-ну и тунгусскихъ номадовъ.

Названіе новой имперіи или — вѣрнѣе правившихъ въ ней насть, извѣстное подъ именемъ Джурджу (Juju), (Jwe-jwe) и Джурджэнь (Jeujen), трудно объяснить сколько-нибудь удовлетвори-тельнымъ образомъ. Это названіе не даетъ намъ никакихъ данныхъ, чтобы установить какую-нибудь этническую связь съ названіемъ родоначальныхъ племенъ этой имперіи „Хунигъ-ну“ (гуины или рабы-хунны) и „тунъ-ху“ (тунгуссы или восточные татары). Если принять существующее по сему вопросу мнѣніе китайскихъ историковъ, которое раздѣляется китайцами и въ настоящее время, можно допустить, что императоръ изъ племени Тоба видопзмѣнилъ туземное, повидимому, слово jwan-jwan, обозначающее собою „вертуны“, въ приведенное выше названіе

Не имѣется также никакихъ данныхъ, чтобы можно было вывести заключеніе о сравнительной числительности военныхъ кастъ изъ племенъ тунгусскихъ и хуньовъ, вошедшихъ въ составъ новой имперіи; зато мы можемъ сказать положительнымъ образомъ, что правящія касты происходили большей частью изъ этихъ племенъ. Есть, впрочемъ, историческія указанія, хотя и довольно туманныя, что среди этихъ правящихъ кастъ могли быть еще и финскія племена. Во всякомъ случаѣ представляются совершенно неосновательными заключенія европейскихъ историковъ, что появившіеся въ Европѣ авары суть тѣ же

племена джурджэней, для этого нѣтъ никакихъ очевидныхъ данныхъ.

Рядомъ съ этими смутными свѣдѣніями о происхожденіи джурджэней есть положительное указаніе на слѣдующее обстоятельство, имѣющее важное значеніе въ исторіи Сибири: среди племенъ, состоявшихъ въ вассальной зависимости къ джурджэнямъ, было одно хунское (гуинское) племя подъ названіемъ „турки“ или тюрки, которое обитало вблизи китайской границы въ мѣстности, славившейся добываніемъ желѣза и торговлей этимъ предметомъ за 220 лѣтъ до Р. Х. Могущество джурджэней и было сломлено этими турками, которые постепенно набрались силъ и свергли власть своихъ сюзереновъ. Необходимо еще замѣтить, что владѣнія джурджэней едва ли простирались когда-нибудь далѣе провинціи Или, въ которой тогда господствовали племена, извѣстные у китайскихъ историковъ подъ названіемъ „Юэпанъ“ (Yueban), или если допустить этимологическое толкованіе этого названія, означающее то же самое, что „эбанъ“ или „эваръ“; другими словами, это была, повидимому, отрасль эпталитовъ, какъ ихъ называютъ китайцы. Во все время существованія государства джурджэней имъ приходилось вести борьбу главнымъ образомъ съ племенами, имѣвшими тогда отличительное названіе „зысокія повозки“, которое впоследствии стало извѣстно подъ названіемъ уйгуровъ, кочевавшихъ въ окрестностяхъ озера Байкала.

На развалинахъ имперіи джурджней выросло новое государство *турокъ*, относительно которыхъ мы находимъ много историческихъ показаній не только среди китайскихъ источниковъ, ко и въ открытыхъ турецкихъ и уйгурскихъ надписяхъ, пишущихъ важное историческое значеніе; надписи эти, обнаруженные въ послѣднія 10—20 лѣтъ въ долинахъ рѣкъ Иртыша, Орхона и Толы, подтверждаютъ, между прочимъ, поназанія китайскихъ историковъ.

Первый періодъ господства турокъ продолжался отъ 530 до 630 послѣ Р. Х., когда послѣ безпрерывныхъ войнъ китайцамъ удалось взять въ плѣнъ главнаго турецкаго хана. Въ теченіе около пятидесяти лѣтъ послѣ этихъ событій Китай пользовался преобладающимъ политическимъ господствомъ на всемъ материкѣ Азіи, отъ Кореи до Персіи. Въ китайскихъ лѣтописяхъ, касающихся этого періода, мы, однако, не находимъ малѣйшаго слѣда какихъ-нибудь опредѣленныхъ названій, которыя могли бы допустить предположеніе, что у китайцевъ имѣлись ясныя свѣдѣнія о той странѣ, которую мы теперь называемъ Сибирь. Встрѣчаюся лишь крайне смугныя указанія на дикія племена отдаленнаго сѣвера, гдѣ обитатели пользуются лыжами и ѣздятъ на оленяхъ и собакахъ; приводятся еще и другіе признани, дающіе основаніе думать, что подразумѣвались самоѣды, остяки, чукчи и другіе сибирскіе инородцы. Можетъ быть турецко-татарскія племена, состоявшія тогда подъ

политическимъ господствомъ Китая и обитавшія нъ сѣверу отъ его нынѣшнихъ границъ, имѣли болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о нынѣшней Сибири, но эти свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ, не были сообщены ими китайцамъ, считая, вѣроятно, и страну и ея обитателей маловажными и незаслуживающими вниманія.

Далѣе мы находимъ въ китайскихъ анналахъ многочисленныя указанія, въ связи съ западными отпрысками турецкихъ племенъ, на персовъ, сирійцевъ, епталитовъ, киргизовъ и другихъ западныхъ народовъ, о которыхъ китайцы имѣли довольно ограниченныя свѣдѣнія. Во всѣхъ этихъ указаніяхъ мы также не находимъ никакихъ намековъ на существованіе правильно организованныхъ государствъ въ Сибири по всему пространству къ сѣверу отъ линіи Амура, Байкала и Балхаша. Весьма вѣроятно, что китайцы никогда даже и не заглядывали въ эту страну, опасаясь господствовавшихъ тамъ большихъ холодовъ и другихъ особенностей сѣверной природы. Иногда китайскіе историки упоминаютъ съ крайнимъ удивленіемъ о продолжительности лѣтняго дня на сѣверѣ.

Въ китайскихъ источникахъ находимъ указанія еще о второмъ турецко-татарскомъ государствѣ, которыя являются болѣе интересными и болѣе цѣнными, чѣмъ свѣдѣнія о первой имперіи, приведенныя выше. Второе турецко-татарское государство просуществовало съ 680 до 743 года, послѣ чего оно было замѣнено господствомъ уйгуровъ,

родственныхъ турко-татарамъ. Политическое господство уйгуровъ представляется совершенно въ иномъ видѣ сравнительно съ владычествомъ родственныхъ имъ хунновъ и турокъ, проявляя рѣшительныя наклонности къ осѣдлому образу жизни, наукамъ, искусствамъ, религіознымъ вопросамъ и проч. Эти уйгуры, повидимому, мало-по-малу добровольно покинули Ургинскій край, служившій центромъ ихъ поселеній и, двинувшись на югъ, осѣли въ западныхъ частяхъ нынѣшней кптайской провинціи Гань-су.

Тѣмъ временемъ возникло на дальнемъ востокѣ новое обширное политическое господство *тунгусовъ*, созданное нѣкоторыми племенами, родственными прежнимъ правящимъ кастамъ племени Тоба, а также и съ монгольскими родами, которые въ то время путемъ смѣшанныхъ браковъ въ значительной степени перемѣшались съ турками. Отпрыскомъ этихъ тунгусовъ, весьма вѣроятно, служатъ въ настоящее время бродячіе па Амурѣ солоны. Политическое господство тунгусовъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи взысканія дани, простиралось, повидимому, далеко за Амуромъ. Имѣется не мало данныхъ, указывающихъ на то, что это господство обнимало собою племена татарскія, гольдовъ, маньчжуръ и другихъ вплоть до Великаго океана и Корен; трудно только путемъ этнологическихъ данныхъ установить тождество различныхъ названій прежде обитавшихъ здѣсь племенъ съ тѣми, которыя существуютъ на этомъ

пространствѣ въ настоящее время. Единственнымъ руководящимъ началомъ въ этомъ отношеніи могутъ лишь служить указанія китайскихъ историковъ, отъ которыхъ можемъ заимствовать лишь неопредѣленные свѣдѣнія — что, вообще, уйгуры господствовали на западѣ, а кэтайны или кидане на востокѣ отъ нынѣшней китайской Монголіи; политическое вліяніе первыхъ простиралось не далѣе кочевавшихъ тамъ киргизовъ, а о примыкающихъ странахъ и ихъ населеніи они даже и свѣдѣній никакихъ не имѣли; кидане точно также ничего не знали о странахъ, простирающихся по ту сторону Амура и Байкала. Послѣ упомянутыхъ тунгуссовъ возникаетъ господство *нюй-чжэнь*, представляющихъ собою подлинныхъ восточныхъ тунгуссовъ, которые сохранили въ неприкосновенногъ видѣ слою племенную чистоту, нетронутую примѣсью турецкой или монгольской крови. Нюшэны господствовали рядомъ съ уйгурами и такъ называемыми кара-киданами, которые переселились на западъ послѣ низверженія господства уйгуровъ. Далѣе затѣмъ возникаетъ владычество Чингизъ-хана, но изъ всѣхъ племенъ, входившихъ въ составъ его полчищъ, ни одно не обитало сѣвернѣе рѣки Шилки, а можетъ быть и не достигало даже этой рѣки вовсе. Какъ извѣстно, Чингизъ-ханъ со своими ордами прошелъ все страны, расположенныя между Сибирью, Китаемъ и Тибетомъ ¹⁾

¹⁾ Имѣются историческіе памятники пребыванія Чин-

О русских попутно съ кипчаками, аланами, болгарами и азами упоминается въ китайскихъ лѣтописяхъ въ первый разъ въ тринадцатомъ столѣтіи, когда китайскіе историки даютъ намъ объ этихъ племенахъ довольно понятныя свѣдѣнія. Въ связи съ нашествіемъ монголовъ вызываютъ большой интересъ указанія лѣтописей относительно венгровъ, которые принадлежать къ одному корню съ финнами; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ меня профессоръ Норденскельдъ при посѣщеніи имъ Кантона въ 1879 году. По мнѣнію доктора Брейтшнейдера болгары временъ Чингизъ-хана также должны быть отнесены къ группѣ финскихъ племенъ.

Необходимо указать на одно распространенное во время Чингизъ-хана племя, носившее названіе *Вузунъ* (Wusun), которое безслѣдно исчезло изъ Сіи-чжонгъ въ скорѣе послѣ того, какъ племя Юэ-чжунъ, оттѣсненное на западъ хуннами, уступило свою страну вузунамъ, а само, обратившись на югъ къ Бактріи, основало государство пидо-скпетское или епталптовъ приблизительно въ нынѣшнихъ Пенджабѣ и Персіи. Нѣкоторые изъ современныхъ китайскихъ писателей старались доказать, что рус-

сизъ-хана и въ предѣлахъ нынѣшней Сибири: какъ па-
однимъ изъ этихъ напятиковъ можно указать на *Чингизъ-
хановъ вѣкъ* въ юго-восточномъ углу Забайкальской области
(въ Акинскомъ округѣ), сохранившійся подъ этимъ на-
званіемъ у мѣстныхъ жителей до нашего времени

Примѣч. Перев.

скіе представляют собою не что иное какъ исчезнувшихъ изъ Илійскаго края вусуиновъ; но это неправдоподобно, потому что русскій языкъ принадлежитъ безусловно къ языкамъ арійскаго корня.

Трудно также проводить какое-нибудь тождество между вусунами и венграми, хотя возможность въ этомъ случаѣ племенного родства не должна быть совершенно отвергнута. Какъ извѣстно, въ поискахъ какихъ-нибудь этиологическихъ указаній относительно происхожденія мадьярскаго языка, исколесилъ большую часть Азіи около 70 лѣтъ тому назадъ венгерецъ Ксома. Нельзя не указать также еще на одинъ примѣръ исчезновенія съ кругозора китайскаго народовѣдѣнія, тоже, между прочимъ, изъ Илійскаго края, многочисленной націи Юйзбанъ (Yüeban).

Владычество *монголовъ*, основанное въ Россіи и распространившееся отчасти и на Венгрію, представляет собою своего рода первое звено въ общей цѣпи международныхъ сношеній того времени, протянувшейся отъ западной Европы до Камчатки. Но это монгольское, которому подпали Азія и Европа, постепенно слабѣло, уступая мѣсто другимъ: на западѣ незамѣтно усиливалась Новгородская республика, а на востокѣ Китайская имперія стянула съ себя владычество монголовъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что и во время своего господства монголы знали очень мало объ широтахъ Сибири, несмотря на то, что остяцкія племена, кочевавшія на Оби около нынѣшнихъ

городовъ Тобольска и Березова, платили дань Новгороду еще раньше, чѣмъ этотъ послѣдній покорился монголамъ; новые завоеватели можетъ быть и знали о существованіи этихъ вассаловъ покореннаго ими Новгорода, но, вѣроятно, не интересовались дальнѣйшими свѣдѣніями объ инородцахъ, не придавая имъ никакого значенія.

Первыя свѣдѣнія о существованіи далекаго сѣвера Сибири были доставлены въ Европу монахомъ Гайтономъ изъ Арменіи, не считая упомянутого уже выше Рубрукиса и многихъ другихъ европейцевъ, совершавшихъ своего рода политическое паломничество ко двору монгольскихъ хановъ. Эти послѣдніе не прерывали сношенія съ русскими кипчаками и аэсами вплоть до паденія ихъ могущества въ Кптаѣ въ 1368 году. Воцарившаяся послѣ монголовъ въ Китаѣ Минская династія слабо поддерживала сношенія даже съ болѣе близкими странами, Маньчжуріей и Монголіей, оставаясь совершенно безъ вниманія племена, ночевавшія на сѣверѣ и въ западныхъ степяхъ. Политика эта содѣйствовала возникновенію въ этихъ странахъ господства калмыковъ. Съ тѣхъ поръ п до настоящаго времени повѣствованія китайскихъ историковъ о сѣверныхъ народахъ теряютъ для насъ всякую авторитетность: китайцы и маньчжуры ничего не знали о племенахъ, обитавшихъ сѣвернѣе „казаковъ“, подъ которыми они подразумѣвали отуреченныхъ киргизовъ. То политическое вліяніе, которое принадлежало Китайской

имперіи во время господства тамъ монголовъ, не осталось при новой династіи, а перешло отъ Китая къ Тамерлану, завязавшему прочныя сношенія съ кипчаками чрезъ присланныхъ ими пословъ въ его резиденцію Отраръ. Извѣстно, что Тамерланъ даже самъ намѣревался завоевать Китай, какъ это упомянуто было выше, и лишь настигшая его смерть въ 1406 г. помѣшала осуществленію его смѣлыхъ замысловъ. Около этого времени упоминается впервые названіе *Сибирь*, какъ часть государства образовавшагося подъ властію Тахтамышша. Д-ръ Альбертъ Гиртъ собралъ и переслалъ мнѣ много цѣнныхъ данныхъ, относящихся къ этому періоду исторіи Сибири; онъ утверждаетъ, между прочимъ, что находившійся въ плѣну у татаръ во время смерти Тамерлана кѣкій баварецъ, по имени Шильтбергеръ, рассказываетъ про „страну Иссибуръ, гдѣ въ повозки и сани запрягаютъ для ѣзды большихъ собакъ“.

По словамъ китайскихъ лѣтописей Іоаннъ Великій присоединилъ Новгородъ въ 1465—1469 гг. и низвергнулъ кипчакское (татарское) иго; такимъ образомъ Сибирь, или вѣрнѣе нынѣшній Тобольскій край, стала почти независимой; но во время Іоанна Грознаго (1557) сибирскіе народы, подъ названіемъ „югуры“ (Yugurs), должны были присылать ему обычную дань изъ собольихъ шкуръ. Рассказывая про эти событія, китайскіе историки прибавляютъ—не упоминая, однако, изъ какихъ источниковъ они черпаютъ свои свѣдѣнія и къ какому

времени это относится—что русскіе владѣли тогда четырьмя большими провинціями: Ки-ю (Кіевъ)—„старое племя“, Мос-иуа (Москва)—„новое племя“, Ка-шаиъ (Казань) и Си-би-ръ (Сибирь), при чемъ послѣдняя провинція дѣлилась еще на четыре части. Установить этническое тождество упоминаемыхъ въ китайскихъ лѣтописяхъ „югуровъ“ (Уйгуровъ) съ нынѣшними народностями Сибири не представляется возможнымъ, такъ какъ согласно официальнымъ русскимъ свѣдѣніямъ въ указаниомъ районѣ, т. е. въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ, живетъ свыше 26 тысячъ остяковъ, около двухъ тысячъ „туралинцевъ“, затѣмъ — чуваша, вогулы и др.; такъ что трудно сказать кого изъ нихъ слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ „югуровъ“, обпавшихъ въ Сибири въ XVI столѣтіи.

Далѣе китайскіе историки повѣствуютъ, что Іоаниъ и его сынъ Феодоръ продолжали свое поступательное движеніе на востокъ до тѣхъ поръ, пока имъ удалось покорить башкировъ и тобольскихъ татаръ, при чемъ упоминается, что между 1522 и 1567 гг. русскіе покорили хана „Кюй-чэна“ и оттѣснили его къ сѣверу отъ Алтайскихъ горъ, что привело ихъ въ соприкосновеніе съ племенами Тата (татарами) и Вала (алеутами, калмыками).

Около этого имению времени (въ 1578 г.) полутатарское купеческое общество Строгоиова, торговавшее на востокъ Россіи, пригласило къ себѣ на службу Ермака съ 7,000 казаковъ для охраны

своихъ интересовъ въ татарскихъ земляхъ. Послѣ непрерывныхъ стычекъ и схватокъ съ войсками Кучумъ-хана, продолжавшихся три - четыре года, Ермакъ погибъ, утонувъ въ 1584 году въ Иртышѣ или въ одномъ изъ его притоковъ. Въ 1591 году Кучумъ-ханъ потерпѣлъ пораженіе отъ казаковъ, а въ 1598 году былъ окончательно разбитъ, послѣ чего бѣжалъ въ намыцкія стойбища около озера Зайсана къ сѣверу отъ Алтая, но калмыки прогнали его къ киргизамъ. Всѣ эти событія въ главныхъ чертахъ изложены совершенно одинаково какъ по русскимъ, такъ и китайскимъ источникамъ. При преслѣдованіи Кучума русскіе пришли въ соприкосновеніе съ однимъ изъ монгольскихъ племенъ, именно калмыками, которыхъ китайцы называли алеутами. Эти калмыки собрались тогда съ силами и создали новое политическое государство, охватившее собою Улясутай, Или и Тарбагатай, въ которыхъ обитало много киргизскихъ и турецкихъ племенъ. Грабиншіе въ Сибири казаки, по словамъ китайскихъ историковъ, отправили пословъ къ правителю могущественнаго калмыцкаго государства отъ имени русскаго царя, который, какъ человѣкъ благоразумный, не преминулъ извлечь изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ всѣ выгоды, не рискуя при этомъ ничѣмъ.

Далѣе мы встрѣчаемъ нѣкоторый пробѣлъ въ китайскихъ лѣтописяхъ, касающихся позднѣйшихъ событій. Маньчжурскій императоръ Цань-лунъ самъ признаетъ, что отъ 1450 до 1650 г. все, что

китайцы знали о калмыкахъ, это лишь объ ихъ набѣгахъ въ соединеніи съ другими монгольскими племенами на границы Китая; при этомъ въ лѣтописяхъ не упоминаются даже имена налныцкикхъ хановъ того времени. Съ другой стороны атаманъ Василій (?) рассказываетъ въ 1616 году о приключеніяхъ его миссіи, посланной племемъ царя къ Алтынъ-хану, при дворѣ котораго онъ встрѣтилъ посланника, приглашеннаго отъ „Желтаго царя“, то-есть китайскаго императора ¹⁾. Стойбища Алтынъ-хана были расположены тогда около Кемь-чикъ „Малаго Кема“, то-есть на нынѣшней русско-китайской границѣ, прямо къ сѣверу отъ Кобдо. По словамъ русскихъ источниковъ Алтынъ-ханъ обѣщалъ служить проводникомъ чрезъ Китай для русскихъ торговыхъ посольствъ, и сами даже китайцы прислали къ русскимъ посольство въ 1619 году; но въ китайскихъ лѣтописяхъ объ этомъ ничего не находимъ, да и самое имя Россіи тогда въ Пекинѣ было совершенно неизвѣстно.

Тѣмъ временемъ русскіе или казаки продолжали свое поступательное движеніе къ Байкалу, и въ 1638 году они получили въ первый разъ чай изъ Китая чрезъ посредство упомянутаго Алтынъ-

---

¹⁾ Это была, повидямому, поѣздка назаннаго атамана Василя Тюменца и десятника Ивана Петрова къ Алтынъ-хану съ предложениемъ ему и всей его землѣ „быть въ милостивочъ жалованіи подъ высокою царской руной“

хана ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ въ 1643 году русскіе достигли Охотскаго моря. Въ концѣ концовъ имъ оставалось двигаться по компасу прямо на сѣверъ до крайнихъ предѣловъ, въ виду того, что въ то время, да отчасти и теперь, на всемъ пространствѣ отъ Байкала до Сѣвернаго моря глѣтъ настоящихъ городскихъ поселеній, а ограниченное населеніе бродячихъ охотниковъ и рыболововъ не имѣло основаній или желаній противиться этому поступательному движенію прпшельцевъ, которымъ не требовалось поэтому много храбрости для движенія впередъ.

Дѣйствительный интересъ представляется въ движеніи казаковъ не на сѣверъ, а на востокъ—внизъ по Шилкѣ и Амуру. Но сопряженные съ этимъ событія изложены уже подробно во многихъ трудахъ, такъ что мнѣ мало остается сказать что-нибудь по этому предмету. Не мѣшаетъ упомянуть, между прочимъ, что въ 1655 году русскіе пытались изслѣдовать Сунгари, но двинувшійся для этой цѣли казачій атаманъ Степановъ былъ убитъ маньчжурскими войсками въ 1658 году. Въ такомъ же видѣ событіе это приводится и китайскими историками. Затѣмъ, какъ извѣстно, возникаетъ продолжительная борьба за обладаніе Якомъ или Албазинымъ, которая кончилась въ 1689 году

---

¹⁾ Исторія господства Алтынъ-хана и его преемниковъ вплоть до низверженія ихъ китайцами, согласно маньчжурскимъ источникамъ, мною изложена была уже въ особыхъ статьяхъ (China Review)

уступной этого пункта, а также обоих берегов Амура, китайцамъ, согласно Нерчинскому договору. Съ этого времени до 1858 года, когда графъ Муравьевъ-Амурскій съ разрѣшенія царя занялъ и присоединилъ Амуръ къ русскимъ владѣніямъ, Россія сохраняла вполне пассивныя отношенія къ Китаю, продолжая лишь торговые сношенія чрезъ Кяхту и Тарбагатай. Вызванный занятіемъ Амура Айгунскій трактатъ, заключенный въ 1858 году, довольно поверхностно опредѣлилъ границы новыхъ русскихъ владѣній, вслѣдствіе чего въ 1860 году заключенъ былъ въ Пекинѣ новый договоръ, которымъ обезпечено было присоединение къ Россіи спорной территоріи къ востоку отъ Уссури. Наконецъ, въ настоящее время Россія, какъ извѣстно, улучила минуту и проскользнула въ Маньчжурію, закивъ окончательно эту страну

Изъ сопредѣльныхъ съ Китаемъ странъ необходимо упомянуть про *Тибетъ*, древняя исторія котораго (700 — 900) связана съ исторіей Сіамской имперіи. Одно время тибетскіе гіалбосы угрожали даже существованію Китая и, во всякомъ случаѣ, поддерживали свое равенство, заключая договоры на правахъ взаимности; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они занимали Гань-су и Китайскій Туркестанъ вплоть до озера Балхашъ. Во время царствованія въ Китаѣ пяти династій или такъ называемого періода анархій (904—960), тамъ появлялись различныя посольства изъ Тибета, но при всемъ томъ страна эта была тогда въ Китаѣ почти

неизвѣстна; затѣмъ во время царствованія Сунской династіи (960—1200) между Тибетомъ и Китаемъ были иногда дипломатическія сношенія, но они всегда имѣли характеръ спорадическій. При царствованіи Монгольской и Минской династій Тибетъ былъ подчиненъ надзору военной власти, но сохраняя при этомъ полную независимость въ дѣлахъ внутренняго управленія. Наконецъ, послѣ воцаренія Маньчжурской династіи состоятъ въ Тибетѣ китайскій резидентъ, роль котораго можетъ быть приравнена къ роли англійскаго резидента въ Непалѣ: за исключеніемъ одного-двухъ случаевъ, когда Китаю приходилось отстаивать самого себя, резидентъ довольствуется положеніемъ скромнымъ и пассивнымъ, но въ то же время пользуется достаточнымъ вліяніемъ.

Непалъ считается подчиненнымъ Китаю, время отъ времени посылаетъ туда свои торговые посольства и благоразумно избѣгаетъ всякихъ выдающихся вопросовъ внѣшняго характера, снабжая въ то же время Индію наилучшими контингентами наемныхъ войскъ. О существованіи Манипура или, какъ китайцы его называютъ Казе (Kazé), Маньчжурская династія узнала лишь по время непродолжительныхъ войнъ съ преемниками Аломпра, владѣтеля Непала; до того времени въ китайскихъ лѣтописяхъ ничего не упоминается объ этой странѣ.

Въ Индіи Китай никогда не пользовался ни малѣйшимъ политическимъ вліяніемъ, хотя за

1000 лѣтъ до нашего времени всѣ пять владѣтелей пидусскихъ государствъ посылали свои посольства въ Китай. Три китайскихъ династій—Монгольская, Минская и Маньчжурская—послѣдовательно посылали свои экспедиціи въ Бирму, но вліяніе Китая тамъ никогда не было продолжительно.

Сіамъ никогда не подвергался иноземному нашествію, ни моремъ ни сухимъ путемъ; но со времени своего расширенія на югъ, около 1200 года послѣ Р. Х. и до 1853 года, онъ всегда признавалъ надъ собою сюзеренныя права Китая, что было выгодно для его торговыхъ интересовъ.

Аннама и такъ называемыя „шаньскія государства“, непринадлежація Бирмѣ, всегда состояли или подъ непосредственнымъ управленіемъ Китая или числились его номинальными вассалами. То же самое можно сказать и о *Корей*.

Японія никогда не была завоевана ни китайцами, ни татарами и никогда не была подчинена какому-нибудь обязательнымъ отношеніямъ къ Китаю. При случаѣ японцы изъ вѣжливости посылали въ Китай свои посольства, п китайцы несомнѣтельно считали эти посольства проявленіемъ вассальныхъ отношеній.

Такимъ образомъ перечислены выше всѣ сопредѣльныя страны, окружающія восемнадцать провинцій Китая п, начавъ съ Сибири, мы вернулись къ этимъ провинціямъ со стороны Японіи.

ГЛАВА VII.

Современная торговля Китая.

Нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на условіяхъ старинной иностранной торговли въ Кантонѣ. Скажемъ лишь въ общихъ чертахъ, что вся мѣстность, которая была раньше занята въ Кантонѣ торговой факторіей, извѣстной подъ названіемъ „тринадцати гонговъ“ (т. е. „тринадцати хагазиновъ“), въ настоящее время покрыта почти сплошнымъ „гостинымъ дворомъ“ иностранцевъ, расположеннымъ въ разстояніи двухъ „ферлонговъ“¹⁾ ниже островного селенія Ша-мянъ. Торговля сношенія Кантона съ восточно-индійской компаніей начались номинально въ 1680 году и продолжались почти сто лѣтъ до 1783 года при однихъ и тѣхъ же привилегіяхъ, которыя затѣмъ были нѣсколько измѣнены, а въ 1834 году совершенно отмѣнены.

Условія жизни и торговли въ Кантонѣ, суще-

---

¹⁾ Furlong = $\frac{1}{8}$ англійской мили.

ствовавшія сто лѣтъ тому назадъ, были очень живо описаны докторомъ С. В. Вильямсомъ, который жилъ тамъ до разрушенія китайцами иностранныхъ факторій въ 1856 году, а затѣмъ послѣ второй войны съ Китаемъ былъ часто повѣреннымъ въ дѣлахъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ въ Пекинѣ. По его описанію европейскіе купцы владѣли тогда въ Кантонѣ крайне ограниченное и монотонное существованіе: въ торговомъ отношеніи они всецѣло были въ рукахъ своихъ китайскихъ факторовъ, довѣренныхъ комиссіонеровъ и китайскихъ же магазиновъ; въ отношеніи условій жизни европейскимъ купцамъ приходилось еще хуже, такъ какъ имъ не разрѣшалось имѣть при себѣ даже своихъ женъ, а въ случаѣ смерти европейца его не могли хоронить въ Кантонѣ,—это разрѣшалось лишь въ Вампоа, въ 12 мнляхъ внизъ по рѣкѣ. Лишь въ 1828 году главному британскому надзирателю въ Кантонѣ удалось первому выхлопотать своей женѣ разрѣшеніе жить тамъ.

Англійская торговля и въ то время, конечно, значительно преобладала надъ торговлей всѣхъ прочихъ иностранцевъ; главными предметами ввоза служили цшкъ для упаковки чая и шерстяныя пздѣлія пзъ Англін (звонкая монета и хлопчатобумажныя пздѣлія, ввозимыя въ настоящее время, тогда вовсе не ввозились въ Китай), опиумъ изъ Индіи и разные колоніальные продукты съ острововъ голландскихъ колоній, которыя попутно посѣщались англійскими судами. Главными предме-

тамъ вывоза тогда, какъ и въ настоящее время, были чай и шелкъ. Количество чая, закупаемаго Англіей, простиралось въ 1795 году до 14,000,000 фунтовъ въ годъ, при чемъ большая половина этого количества вывозилась на иностранныхъ судахъ, опернировавшихъ контрабанднымъ путемъ въ Великобританскомъ каналѣ.

Нанкинскимъ договоромъ 1842 г. открыты были для иностранной торговли девять новыхъ портовъ и уничтожены были упомянутыя выше строгости относительно пребыванія европейскихъ купцовъ въ Китаѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ это упомянуто было въ предыдущихъ главахъ, согласно Тянь-цзиньскому договору открыто было девять, а конвенціей въ Чифу—еще четыре новыхъ порта для иностранной торговли. Все это содѣйствовало быстрому росту иностранной торговли въ Китаѣ, которая вмѣстѣ съ каботажемъ достигла въ 1864 году 260 милліоновъ ланъ; въ томъ числѣ одна англійская торговля простиралась уже до 101 милліона ланъ, превосходя въ десять разъ торговые обороты американскихъ штатовъ, Японіи и другихъ странъ, вмѣстѣ взятыхъ. Для сравнительной оцѣнки вышней торговли Китая полагаю наиболѣе удобнымъ взять 1880 годъ, какъ средній, считая съ одной стороны время учрежденія иностранныхъ посольствъ въ Китаѣ съ 1861 года, а съ другой—таможенные отчеты за 1900 годъ (т. е. включая торговые обороты 1899 года). Но имѣя въ виду,

что по сравненію съ 1880 годомъ цѣнность серебра въ переловѣ на золотую валюту въ настоящее время понизилась почти вдвое, то для болѣе правильной оцѣнки роста торговыхъ оборотовъ будетъ умѣстно выразить цифровые итоги по серебряной валютѣ, а не золотомъ; хотя это, повидному, можетъ дать невѣрное представленіе о размѣрахъ торговыхъ сношеній Англіи и Европы съ Китаемъ, но зато это единственно вѣрный путь, чтобы судить о размѣрахъ современной вывозной торговли Китая.

Цѣнность вывозной торговли Китая, не включая сюда каботажную торговлю, а также вывоза за границу на китайскихъ джонкахъ, выражается слѣдующими цифрами (въ ланахъ):

	1880 годъ (19 портовъ)	1899 годъ (32 порта)
Британская имперія	122,600,000	286,200,000
Россія	4,500,000	22,100,000
Японія	5,700,000	53,100,000
Соединенные Штаты	10,300,000	44,100,000
Прочія страны Европы („континентъ“)	15,200,000	46,900,000
	158,300,000	452,300,000

Необходимо замѣтить, что въ эти цифры не входятъ дробн меньшія 100,000 ланъ, а также не включена цѣнность торговыхъ оборотовъ съ незначительными странами, какъ, напримѣръ, съ Сандвичевыми островами, Египтомъ, Явой и Сіамомъ, простирающаяся, однако, до 8,000,000 ланъ въ годъ. Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ

видно, что общая сумма торговых оборотовъ 1899 года почти въ три раза превышаетъ обороты 1880 года—недостаетъ лишь 20 милл. или $4\frac{1}{3}\%$. Увеличеніе англійской торговли за разсматриваемый періодъ колеблется въ предѣлахъ отъ 2 до 3 разъ, при чемъ для утроеннаго увеличенія не хватаетъ 80 милліоновъ или 30%. Торговля сношеніи Китая съ континентомъ Европы возросли болѣе чѣмъ въ три раза, съ американскими штатами—въ четыре, а съ Россіей почти въ пять разъ; за то же время торговые обороты съ Японіей выросли почти въ десять разъ. Вообще же, вся внѣшняя торговля Китая, за исключеніемъ торговли съ Англіей, увеличилась за разсматриваемый періодъ съ 35,000,000 до 166,000,000 ланъ, т. е. возросла почти въ пять разъ; но чистый итогъ этого плюса, составляющій 130,000,400, все-таки уступаетъ увеличенію англійской торговли за то же время (163,600,000 ланъ). Словомъ, съ какой стороны мы ни будемъ смотрѣть на приведенныя цифры, нѣтъ основанія думать, что англійская торговля въ Китаѣ за послѣднія 20 лѣтъ уступила кому-нибудь свое первенствующее положеніе. При этомъ необходимо помнить, что въ настоящее время Англія не вывозитъ уже большую половину чан производимаго Китаемъ, какъ это было въ 1880 г.; связанное съ этимъ уменьшеніе вывозной торговли на 22,000,000 ланъ съ избыткомъ вознаграждается прибылями получаемыми англичанами за транспортировку индійскаго чаю, представляющими собою

еще ту выгоду, что эти деньги остаются цѣликомъ въ предѣлахъ Англіи. а не Китая.

Независимо отъ доходовъ получаемыхъ китайскимъ правительствомъ отъ торговли внутренней и каботажной на иностранныхъ и туземныхъ судахъ, составляющихъ въ общемъ цѣнность въ полтора раза большую всей вѣтшней торговли, оно въ 1899 году получило пошлыны отъ чисто вѣтшней иностранной торговли 26,660,000 ланъ противъ 14,250,000, полученныхъ въ 1880 году. При этомъ, не считая пошлыны на грузъ, китайское правительство получило отъ англійской торговли въ 1880 году 70%, а отъ прочей иностранной торговли лишь 5% своихъ доходовъ; въ 1899 г. это отношеніе было 60% и 20%. Нелишнее замѣтить, что въ то время какъ вѣтшняя торговля Китая за рассматриваемый періодъ увеличилась почти въ три раза, доходы правительства отъ пошлыны за эту торговлю не возросли даже въ два раза. Причины этого явленія не вполне ясны: единственимъ объясненіемъ можетъ служить отчасти развѣ лишь то, что вмѣсто предполагаемой 5% пошлыны взимается въ дѣйствительности 3% пошлына, не считая опиума, съ котораго взимается исключительная пошлына; это обстоятельство въ свою очередь требуетъ также своего объясненія, которое будетъ приведено ниже. Кромѣ того вѣроятной причиной этого явленія служить то, что главные предметы торговли, оплачиваемые пошлыной по очень высокому тарифу, какъ, напримѣръ

чай и опиумъ, постоянно уменьшаются въ вывозѣ, понижая и сумму получаемыхъ доходовъ въ весьма замѣтной формѣ; между тѣмъ какъ вывозъ многихъ другихъ предметовъ, таксируемыхъ по низкому тарифу, значительно увеличился, измѣнивъ въ незамѣтномъ размѣрѣ возрастаніе получаемой пошлины; какъ на примѣръ можно указать на „экспортъ“ риса, который въ количествѣ сотенъ милліоновъ пудовъ регистрируется какъ предметъ „вывоза“ изъ одного порта, но ввозится въ другой портъ совершенно безпошлинно или при оплатѣ *ли-цзинемъ* (*ликиномъ*) ¹⁾ по ничтожному тарифу.

Торговля хлопчатобумажными издѣліями, представляющая наибольшій интересъ для англичанъ, увеличилась за рассматриваемый періодъ почти въ четыре раза, именно съ 23,400,000 ланъ въ 1880 году до 103,500,000 въ 1899 году. Необходимо, впрочемъ, указать, что ввозъ хлопковыхъ издѣлій за 1899 годъ, по сравненію съ предшествовавшими годами, увеличился сразу на 25⁰/₁₀, тогда какъ цѣнность ежегоднаго ввоза предшествовавшихъ лѣтъ держалась постоянно на одномъ уровнѣ—около 76,000,000 ланъ. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ импортѣ хлопо-

---

¹⁾ *Ли-цзинъ* или *ликинь*—китайская пошлина, выражающая собою отношеніе „со ста“ или „съ тысячи“, взимаемая при перевозкѣ товара черезъ границы провинцій, сѣнпей и вообще внутри страны.

выхъ нѣдѣлій американцы и японцы, въ особенности послѣдніе, все болѣе и болѣе опережаютъ англичанъ преимущественно въ сѣверномъ Китаѣ. Даже китайскія фабрики въ настоящее время обрабатываютъ хлопокъ въ большихъ размѣрахъ, выдѣлывая хлопчатобумажныя ткани какъ внутри Китая, такъ и въ Гонъ-конгѣ.

Это перемѣщеніе торговыхъ сношеній проявляется особенно замѣтно въ пмпортѣ пряжи: въ 1880 году ввозъ этого предмета, не превышавшій 151,000 китайскихъ пудовъ (равныхъ каждый $133\frac{1}{3}$ англійскимъ фунтамъ), считался чрезвычайно большимъ, превосходя значительно средній ввозъ предшествовавшихъ лѣтъ, простиравшійся лишь до 70,000 китайскихъ пудовъ; но 20 лѣтъ спустя этотъ ввозъ представляется въ совершенно иномъ видѣ: въ то время какъ Великобританія въ 1899 г. ввозитъ лишь 58,700 китайскихъ пудовъ, Японіей ввезено было уже 780,000 китайскихъ пудовъ, то-есть въ 14 разъ больше противъ Англии. Нѣкоторой поправкой этого отношенія въ пользу Англии служить то, что рядомъ съ показаннымъ ввозомъ японцевъ Британская Индія отправляетъ ежегодно въ Китай 1,906,000 китайскихъ пудовъ пряжи, да и сама Японія ввозитъ въ Китай порядочную долю индо-британской пряжи. Такъ что въ общемъ выводѣ англичане все-таки не въ убыткѣ, ибо хотя Японія и Китай продаютъ дешевле свои хлопчатобумажныя пздѣлія, но имѣя въ виду, что они обрабатываютъ пряжу получаемую изъ Индіи, то

балаистъ въ концѣ концовъ возстановляется въ пользу Англіи. Впрочемъ, съ другой стороны въ настоящее время начинаетъ увеличиваться ввозъ туземнаго хлопка-сырца и туземной пряжи, доставляемыхъ въ провинціи Сы-чуань и Юнь-нань изъ Бирмы и сосѣднихъ странъ. Все это такіе факторы, которыхъ въ 1880 году не существовало вовсе.

Въ торговлѣ опиумомъ, какъ извѣстно, болѣе всего заинтересована Индо-Британская имперія. Ввозъ этого продукта въ 1880 году былъ зарегистрированъ въ договорныхъ портахъ аъ размѣрѣ 71,654 китайскихъ пудовъ (что, однако, представляетъ собою значительное уменьшеніе противъ ввоза предшествовавшаго 1879 года) противъ 59,100 китайскихъ пудовъ въ 1899 году (ввозъ котораго представляетъ собою замѣтное увеличеніе противъ ввоза 1898 и 1897 годовъ). При такомъ пониженіи количество ввозимаго опиума цѣнность ввоза въ 1880 году составляла всего лишь 20,700,000 ланъ, т. е. по 300 ланъ за китайскій пудъ, тогда какъ цѣнность импорта 1897 года (за 49,200 китайскихъ пудовъ) составляла 28,000,000 ланъ. Въ 1899 году цѣны на опиумъ еще болѣе увеличились, достигнувъ 550 ланъ за китайскій пудъ. Минимальный размѣръ количества ввозимаго туземнаго опиума составляетъ не менѣе 200,000 китайскихъ пудовъ, причемъ половина этого количества доставляется изъ провинцій Шань-си и Хэ-нань. Стоимость туземнаго опиума постепенно все увеличивается, и во многихъ провинціяхъ продажная цѣна достигаетъ

уже половины стоимости ввознаго индійскаго опиума.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Китай тратитъ въ годъ на покупку опиума никакъ не менѣе ста милліоновъ ланъ, то - есть расходуетъ на этотъ „безполезный и разслабляющій продуктъ“ ¹⁾ больше, чѣмъ всѣ доходы получаемые правительствомъ изъ всевозможныхъ источниковъ.

Послѣ хлопчатобумажныхъ издѣлій и опиума важнѣйшими предметами ввоза служатъ металлы и шерстяныя издѣлія, торговля которыми остается почти въ томъ же видѣ какъ и въ 1880 году.

Въ 1880 году весь экспортъ Китая представлялъ собою цѣнность въ 81,600,000 ланъ, при чемъ двѣ трети этого экспорта заключались въ вывозѣ 2,150,000 китайскихъ пудовъ чаю на сумму въ 35,700,000 ланъ и 114,700 китайскихъ пудовъ шелка на сумму 29,800,000 ланъ. Въ 1899 году эти главнѣйшія статьи вывоза измѣнились такъ, что экспортъ чая достигъ едва лишь 1,631,000 китайскихъ пудовъ на сумму около 30,000,000 ланъ, но зато экспортъ шелка превысилъ 281,000 китайскихъ пудовъ на сумму 90,000,000 ланъ. Необходимо замѣтить, что Индія и Цейлонъ нанесли чувствительный и едва ли поправимый ударъ чайной

---

¹⁾ „Useless and enervating“... Намъ это выраженіе представляется слишкомъ мягкимъ въ отношеніи послѣдствій потребленія опиума.

торговли Китая съ Великобританіей. Эта послѣдняя въ настоящее время по вывозу китайскаго чая уступила первое мѣсто Россіи, тогда какъ раньше покупала чай въ Китаѣ въ шесть—восемь разъ больше Россіи. Въ послѣдніе годы русскіе купцы предпочитаютъ перевозку чая морскимъ путемъ, которая растетъ изъ году пъ годъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они начали ввозить пъ Китай изъ Владивостока издѣлія своихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, а также морскую капусту — то и другое, впрочемъ, въ сравнительно незначительныхъ размѣрахъ. Франція по сіе время является глапнымъ покупателемъ китайскаго шелка.

Изъ припеденнаго выше видно, что пгѣшняя торговля Китая въ отношеніи важнѣйшихъ предметовъ ввоза и вывоза остается пъ настоящее время почти пъ томъ же видѣ, въ какомъ она существовала и до открытін для европейской торговли договорныхъ портовъ. Но необходимо замѣтить, что рядомъ съ этимъ возникли новыя стагн торговли и выросли въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, которые двадцать лѣтъ тому назадъ казались недосягаемыми; еще болѣе не слышно было о зарожденіи этой торговли пъ періодъ до учрежденія посольствъ въ Китаѣ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ ввозъ керосина изъ Америки, Россіи и Суматры, который уже въ 1897 году достигъ огромныхъ размѣровъ въ 100,000,000 галлоновъ; затѣмъ слѣдуетъ ввозъ дешевой муки изъ Америки, которая потребляется

глашымъ образомъ нъ южномъ Китаѣ. Эти два предмета ввоза создали въ Китаѣ своего рода соціальную революцію въ домашнемъ обиходѣ — такого же характера какъ, напримѣръ, появленіе нъ Англіи чая и газа какъ предметовъ потребления. Недалеко отъ Бамо (Бгамо) встрѣчаются нъ настоящее время тысячи муловъ, навьюченныхъ нероспномъ, который проникаетъ даже чрезъ горные перевалы въ Юнь-нань. На островѣ Хай-нанѣ не трудно видѣть каждый вечеръ крестьянъ, возвращающихся домой съ чистенькими фунтовыми мѣшечками, наполненными американской мукой, имѣя при себѣ и грошевыя раковины, нъ которыхъ предки приносили обыкновенно домой что-нибудь для сдобриванія риса, повседневной пищи китайца.

Кромѣ указанныхъ вновь народившихся главныхъ предметовъ ввоза обращаетъ еще на себя вниманіе огромный импортъ старыхъ англійскихъ подковъ, которыя идутъ на изготовленіе китайскими кузнецами желѣзныхъ издѣлій домашняго обихода: крючковъ, болтовъ, стрѣлъ и проч., потому что китайцы считаютъ это подковное желѣзо лучшимъ въ мірѣ. Нертѣдко приходится видѣть въ Шанхаѣ пароходы, выгружающіе одинъ за другимъ нъ большомъ количествѣ этотъ хорошо оплачиваемый выгодный „балластъ“. Загѣмъ новымъ продуктомъ ввоза нъ Китайъ служитъ бомбейская пряжа, о которой было уже упомянуто выше; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Японія ввозила эту пряжу въ Китай ежедневно на милліонъ фунтовъ

стерлинговъ, хотя вѣстѣ съ тѣмъ начала въ настоящее время ввозить въ Китай какъ ситцы, такъ и пряжу собственнаго издѣлія. Обширное развитіе получилъ еще въ послѣдніе годы ввозъ оружія и предметовъ военныхъ снабженій, сосредоточившійся въ рукахъ Германіи, которой, впрочемъ, суждено было, въ виду событій 1900 года въ Китаѣ, получить непріятное напоминаніе, что зтотъ ввозъ имѣетъ еще и обратную сторону медали.

Ввозъ въ Китай различныхъ предметовъ роскоши также значительно увеличился въ послѣдніе годы, притомъ настолько, что даже соперничаетъ съ ввозомъ танъ называемыхъ „основныхъ“, главныхъ, предметовъ торговли. Явленіе это объясняется тѣмъ, что каждый кптаецъ, если только онъ въ состояніи, обзаводится непременно такими предметами европейскаго издѣлія какъ стаканы, бутылки, лампы, мыло, носки, сигары, консервированное молоко, сласти, зонтики и проч., не говоря уже про часы, музыкальные ящики и игрушки; кптаянки въ свою очередь очень любятъ американскіе и европейскіе духи, зеркала, иголки, кольца и тонкую сахарную пудру, которой покрываютъ лицо. Существуетъ еще довольно курьезный, хотя въ то же время и важный предметъ внѣшней торговли, являющійся одновременно предметомъ ввоза и вывоза; дѣло въ томъ, что финансовая политика мандариновъ создала такое положеніе, что является выгоднымъ вывозить въ обширныхъ размѣрахъ грубый китайскій сахаръ въ „иностранныя

государства" — въ Гонъ-конгъ, гдѣ онъ подвергается рафинированію и затѣмъ ввозится обратно уже какъ иностранный сахаръ въ Китай; при этомъ оплачиваются, конечно, и пошлина, и двойной фрахтъ, вмѣсто того, чтобы ввозить очищенный готовый иностранный сахаръ или подвергать китайскій сахаръ необходимой обработкѣ въ самомъ Китаѣ, гдѣ притомъ и рабочій трудъ дешевле. Этотъ примѣръ является краснорѣчивой иллюстраціей финансовой политики мандариновъ.

Помимо этого забавнаго сахара — двуликаго предмета привоза и вывоза въ китайской внѣшней торговлѣ — и другихъ вновь народившихся предметовъ въ товарообмѣнѣ Китая съ остальнымъ міромъ, мы находимъ, что съ 1880 года, вообще, различныя статьи экспорта претерпѣли значительныя измѣненія, абсолютныя или относительныя, оставивъ далеко позади вывозъ этого года по сравненію съ экспортомъ 1899 года; такъ, вычитая цѣнность экспорта чан и шелка, вывозъ всѣхъ прочихъ китайскихъ продуктовъ въ 1880 году на иностранныхъ судахъ составлялъ всего лишь 12,300,000 ланъ, тогда какъ въ 1899 году эта цѣнность превысила 75,000,000 ланъ. Вывозъ бобовыхъ удобреній (выжимокъ), которыя въ 1880 году обыкновенно направлялись изъ Чифу и Нью-чжуана въ южный Китай для воздѣлыванія сахарнаго тростника, въ настоящее время идетъ главнымъ образомъ въ Японію, а съ недавнихъ поръ направляется исключительно въ Ямой, Сватоу и близъ

лежащія мѣста. Вывозъ соломенныхъ издѣлій изъ Чифу и Тянь-иня съ 1880 года лишь удвоился, но въ первыя пять лѣтъ, когда впервые обращено было вниманіе на эти издѣлія, вывозъ успѣлъ увеличиться въ три раза, а еще раньше—въ періодъ сосредоточенія вѣншней европейской торговли въ пяти портахъ—экспортъ этихъ издѣлій не существовалъ вовсе.

Новымъ предметомъ вывозной торговли являются также украшенія изъ нерьевъ всякаго рода; благодаря организованной охотѣ на дикую птицу, а также вслѣдствіе разведеніи въ большпхъ размѣрахъ домашней птицы, цѣнность этого экспорта въ послѣдніе годы пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Совѣмъ недавно родился также вывозъ альбумина изъ Китая. Количество вывозимыхъ изъ Китая кожъ и шкуръ было въ 1880 году совершенно ничтожно, но къ 1898 году вывозъ утроился въ теченіе шести лѣтъ, представивъ собою уже цѣнность въ 8,000,000 ланъ; то же самое можно сказать и с вывозѣ табака, цѣнность котораго по вывозу въ 1899 году превысила 2,310,000 ланъ. Точно также выросъ въ послѣдніе годы съ чрезвычайной быстротой вывозъ соломенныхъ цыновокъ, матовъ, пенъки, кожи, туземнаго спирта, вина и растптельнаго масла. Можно еще указать на многочисленныя другіе предметы вѣншней торговли, нарождающіеся въ послѣдніе годы. Вообще же Китай представляетъ собою обширное поприще для коммерсантовъ, способныхъ на творческую дѣятельность.

Въ приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ, касающихся вѣтшней торговли Китая, не упомянуто было о каботажной торговлѣ, представляющей собою цѣнность въ 730,000,000 ланъ. Прибавивъ сюда цѣнность торговли вѣтшней, а также съ Кореей, Бразиліей, Перу и странами не состоящими съ Китаемъ въ договорныхъ отношеніяхъ, получимъ общую сумму вѣтшнихъ торговыхъ оборотовъ Китая въ 1899 году въ 1:210,490,632 ланъ, изъ которыхъ подъ англійскимъ флагомъ прошло товаровъ на сумму 613,000,000 ланъ.

Обращаясь къ количеству иностранныхъ судовъ, посѣщающихъ открытые для европейской торговли портовые города Китая, мы находимъ, что въ 1880 году, не считая китайскихъ джонокъ, было 22,970 приходящихъ судовъ, которыми доставлено было грузовъ пропущенныхъ чрезъ таможи 15,874,352 тонны, въ томъ числѣ англійскіе грузы составляли около 60%. Въ 1899 году приходящихъ судовъ было 56,957, доставившихъ 38,863,902 тонны, изъ коихъ англійскіе грузы также составили большую половину, именно 60% по крайней мѣрѣ. Рядомъ съ 25,350 англійскими судами, посѣтившими порты Китая, съ подъемной силой въ 23,338,230 тоннъ, т. е. при средней подъемной силѣ въ 900 тоннъ каждаго судна, было 22,548 китайскихъ судовъ съ общей подъемной силой въ 8,944,819 тоннъ или при средней подъемной силѣ каждаго судна въ 400 тоннъ. О количествѣ судовъ другихъ націй нѣтъ надобности упоминать въ

отдѣльности по виду незначительности представл-
емыхъ ими цифръ.

Сравнительное число иностранныхъ фирмъ, ве-
дущихъ торговые операціи въ Китаѣ, выражается
слѣдующими цифрами, которыя приведены за
1880 и 1899 года. Данныя, касающіяся послѣдняго
года, заимствованы изъ таможенныхъ отчетовъ
г. Тайлора.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ	1880	1899
Англійскихъ . .	236	401
Германскихъ	65	115
Американскихъ . .	31	70
Французскихъ . .	16	76
Русскихъ .	16	19
Японскихъ . .	21	195
Португальскихъ .		10
Голландскихъ		47
Датскихъ		
Испанскихъ		
Шведскихъ		
Всего иностранныхъ фирмъ въ Китаѣ	365	933

Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ не трудно убѣ-
диться, что число торговыхъ фирмъ американскихъ
и германскихъ увеличилось за рассматриваемый
періодъ времени почти въ такой же пропорціи
какъ и англійскихъ. Русскія фирмы не проявляютъ

попытки выйти за предѣлы своей чайной торговли и сосредоточены попрежнему исключительно въ Хань-коу, Фу-чжоу и Тянь-цзинѣ; при этомъ подразумевается, что сюда не входятъ русскія транспортныя фирмы въ Калганѣ, причастныя къ чайной торговлѣ. Французскія и японскія фирмы значительно выросли числомъ, но по суммѣ торговыхъ оборотовъ эта разница не сказалась въ такомъ рѣзкомъ видѣ; дѣятельность французскихъ фирмъ проявляется почти исключительно въ устройствѣ шелкомоталенъ.

Въ 1880 году общее число иностранцевъ, проживавшихъ въ Китаѣ, включая сюда миссіонеровъ и прочихъ неторговыхъ элементовъ, было едва больше 4,000 челоѣкъ; въ 1899 году было уже 17,000 челоѣкъ, включая 2,500 миссіонеровъ.

Перейдемъ теперь къ сравнительной оцѣнкѣ торговой дѣятельности каждаго порта въ 1880 и 1899 гг. и посмотримъ, что каждый изъ этихъ портовъ обѣщаетъ въ будущемъ въ смыслѣ торговыхъ предпріятій.

1) *Па-кь-хой* является съ китаѣйской точки зрѣнія крайнимъ портовымъ городомъ для приморской торговли. Въ 1880 году приходившіе иностранные пароходы подвергались тамъ бойкотированію со стороны туземныхъ судовладельцевъ и другихъ монополистовъ, которое прекратилось сравнительно недавно. Главнымъ предметомъ ввоза былъ тогда опиумъ, а предметами вывоза — анисовое сѣмя, александрійскій листъ и другіе лекарственные пред-

меты. Въ 1899 году главнымъ предметомъ ввоза является уже хлопковая пряжа изъ Индіи, составляющая по цѣнности $\frac{3}{4}$ всего импорта; опиумъ ввозится въ незначительномъ количествѣ. Въ отношеніи вывоза анисовое сѣмя составляетъ около $\frac{1}{4}$ всего экспорта; александрійскій листъ не упоминается вовсе; затѣмъ сахаръ, кожи и индиго составляютъ около $\frac{3}{8}$ вывоза.

2) *Хой-ху*, портъ города Цюнь-чшоу-фу на Хай-нанѣ, въ 1880 году ничего не отправлялъ въ чужія страны, а ввозъ состоялъ главнымъ образомъ изъ иностраннаго опиума; ввозъ туземнаго опиума, проходящаго въ настоящее время чрезъ туземныя таможи, составляетъ теперь по цѣнности половину иностраннаго опиума ввозимаго чрезъ морскія таможи. Затѣмъ хлопокъ и въ особенности индійская пряжа значительно опередили теперь по цѣнности ввозъ опиума, а ввозъ керосина поглощаетъ теперь по цѣнности половину ввоза опиума. Значительное распространеніе получила американская мука (для приготовленія печеній всякаго рода) во всѣхъ портахъ къ югу отъ Шанхая. Ввозъ риса принимаетъ иногда огромныя размѣры и колеблется въ зависимости отъ мѣстнаго урожая. Сахаръ и свиньи служили всегда главными предметами вывоза, но въ настоящее время нарождаются новыя статьи отпускной торговли — яйца и домашняя птица, а также сырыя кожи и кожаныя издѣлія; вывозъ такъ называемыхъ „сосновыхъ яблочекъ“, пеньки и туземныхъ

накидокъ изъ пеньки ¹⁾ становится также очень значительнымъ.

3) *Самъ-шуй* (включая примыкающіе къ нему добавочные порты Конъ-мунъ и Кумчукъ) были открыты для иностранной торговли только въ 1897 году. Большую половину ввоза составляютъ хлопчатобумажные товары; главными предметами вывоза обѣщаютъ сдѣлаться сахаръ и табакъ.

4) *Лаппа* (около Макао) и 5) *Гоу-луиъ* (около Гонъ-конга) были открыты главнымъ образомъ съ цѣлью пресѣчь контрабандную торговлю солью и чтобы облегчить выполненіе англо-китайскаго соглашенія 1886 года относительно ввоза опиума. Положеніе этихъ портовъ исключительное въ виду того, что кптайскіе чиновники, вѣдающіе здѣсь приморскія таможи, не касаются вовсе иностранной торговли, а назначаются лишь для контролированія туземной торговли на джонкахъ. Въ 1888 году общая цѣнность грузовъ, пропущенныхъ чрезъ „наблюдательный пунктъ“ въ Лаппа, была нѣсколько менѣе 8,500,000 ланъ, а въ 1899 году—13,750,000; для Гоу-луна та же цѣнность въ 1888 году составляла 35,250,000, а въ 1899 году возросла до 56,500,000. При этомъ необходимо

---

¹⁾ Эти накидки большей частью плетутся изъ травы и употребляются китайцами, а также и въ Японіи, во время полевыхъ работъ, такъ какъ въ совершенствѣ защищаютъ отъ дождя и палящихъ лучей солнца и при этомъ отличаются крайней дешевизной.

замѣтить, что торговые обороты Гоу-луна еще не достигли полного развитія, а послѣдніе событія въ Китаѣ несомнѣнно затормозили ростъ его торгового значенія.

6) *Кантонъ*. Въ 1880 году ввозъ въ этотъ портъ не превышалъ одной пятой доли его вывоза; большая часть опиума, какъ тогда, такъ даже и по настоящее время, ввозится на китайскихъ джонкахъ. Явленіе это объясняется страннымъ пренебреженіемъ со стороны иностранцевъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ къ вопросу о привлеченіяхъ транзитной торговли въ провинціи Гуанъ-си и прилежащихъ мѣстахъ и было вызвано направленіемъ политики бывшаго британскаго консула сэра Брукъ Робертсона, который близко принималъ къ сердцу финансовыя интересы Китая. Главными предметами вывоза были шелкъ, чай, сахаръ, табакъ и циновки. Въ 1899 году картина торгового баланса уже мѣняется, и ввозъ иностранныхъ товаровъ превышаетъ уже по цѣнности половину всего вывоза. Въ настоящее время главнымъ предметомъ экспорта служитъ шелкъ сырецъ; циновки составляютъ лишь двадцатую часть цѣнности вывозимаго шелка, превосходя, однако, вдвое абсолютную цѣнность этого предмета въ 1880 году; вывозъ сахара совершенно прекратился, а вмѣстѣ съ тѣмъ родился вывозъ стекла, равняющійся по цѣнности вывозу чая и табака взятыхъ вмѣстѣ. Необходимо, однако, принять во вниманіе, что изъ Кантона вывозятся въ большихъ размѣрахъ цы-

повки, чай и другіе предметы на китайскихъ джонкахъ въ Гонъ-конгъ, для дальнѣйшей отправки въ Европу; поэтому было бы ошибочно судить объ отпускной торговлѣ Кантона лишь по отчетамъ Китайской Морской таможни.

Лѣтомъ 1900 года во время боксерскихъ событій въ Китаѣ Ли-хунъ-чжанъ рѣшился на весьма важную мѣру передъ своимъ отъѣздомъ въ Шанхай: онъ откупилъ весь *ликинъ* (см. выше) въ провинціи Гуанъ-дунъ, въ размѣрѣ около 4,000,000 ланъ ежегодной пошлины, получавшейся за торговлю семидесяти двумя наиболѣе распространенными предметами внутренней торговли. Если мѣра эта окончательно привьется, то она должна будетъ совершенно преобразовать всю торговлю этой провинціи. Благоразумному почину Ли-хунъ-чжана въ 1870—1890 годахъ слѣдуетъ также приписать весьма успѣшное торговое движеніе, получившее при немъ свое начало и направляющееся въ настоящее время въ Монголію чрезъ Тянь-цзинь.

7) *У-чжоу*, представляющій собою ворота для торговаго движенія въ провинцію Гуанъ-си, не существовалъ вовсе въ 1880 году какъ портъ для иностранной торговли. Послѣ кратковременнаго его существованія въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ оказалось въ концѣ 1899 года, что въ сущности вся виѣшняя торговля этого порта совершается съ Гонъ-конгомъ. Болѣе половины ввоза составляютъ хлопковые издѣлія, а прочіе предметы по незначительной цѣнности не заслуживаютъ

отдѣльнаго перечисленія. Въ отношеніи экспорта четверть цѣнности принадлежитъ сахару; масло, анисовое сѣмя, шелкъ, кожи—сырыя и выдѣланныя — и арбузное сѣмя составляютъ въ общемъ половину всей отпускной торговли. Строго говоря, все торговое движеніе этого порта, и ввозъ и вывозъ, имѣетъ характеръ чисто транзитный, направляясь въ провинцію Гуанъ-си или изъ этой провинціи, выдѣляя впрочемъ и порядочную часть на долю провинцій Юнь-нань и Гуй-чжоу. Такимъ образомъ по странному капризу обстоятельствъ вышло такъ, что тамъ, гдѣ когда-то не было вовсе никакой транзитной торговли, въ настоящее время нѣтъ иной торговли кромѣ транзитной.

В) *Свантоу* или *Шанъ-тоу* въ 1880 году отпущать главнымъ образомъ сахаръ, а опиумъ занимать по цѣнности болѣе половины ввоза. Въ 1899 году половина этой абсолютной цѣнности ввозимаго въ 1880 г. опиума приходится на долю хлопковыхъ издѣлій вмѣстѣ съ опиумомъ, при чемъ опиумъ составляетъ лишь одну десятую, а хлопковые издѣлія одну шестую ввоза. Важнѣйшими предметами ввоза являются керосинъ и мука; ввозъ риса составляетъ одну пятую, а бобы сырые и пресованные ¹⁾ — одну четвертую ввоза. Сахаръ по-

---

¹⁾ Прессованные бобы, въ формѣ большихъ жернововъ вѣсомъ въ 1—2 пуда, идутъ главнымъ образомъ на нории лошади и пользуются для этой цѣли большимъ распространениемъ и въ нашемъ Южно-Уссурийскомъ краѣ.

прежнему остается главнымъ предметомъ вывоза и по цѣнности уравнивается собою ввозъ хлопковыхъ издѣлій и табака взятыхъ вмѣстѣ. Въ послѣднее время значительно выросъ пынозъ табака.

9) *Формоза* въ настоящее время политически потеряна для Китая, но хотя островъ присоединенъ къ Японіи, торговля его по своему характеру все-таки остается китайской, такъ какъ 95 % его торговыхъ оборотовъ производится съ прилежащимъ нитайскимъ материкомъ и Гонъ-конгомъ. Въ 1880 году вывозъ камфары, чая и сахара обмѣнивался на ввозъ опиума и хлопковыхъ издѣлій. Въ 1899 году камфара становится предметомъ правительственной монополіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельные японцы стараются направить чайную отпускную торговлю Формозы съ Америкой чрезъ Японію, для того, чтобы избѣжать оплату морскихъ фрахтовъ на Амой иностраннымъ судохозяевамъ. Вывозъ сахара въ 1899 г. понизился почти до половины вывоза этого продукта въ 1880 году; въ сѣверную Формозу въ настоящее время даже ввозится очищенный сахаръ въ большомъ размѣрѣ изъ Гонъ-конга.

Относительно торговли опиумомъ можно замѣтить, что японское правительство сначала (въ февралѣ 1895 г.) вовсе запретило ввозъ этого предмета въ Формозу; маркизъ Ито хвасталъ тогда Ли-хунъ-чжану, что японцы постепенно пріостановятъ вовсе потребление опиума насе-

ніемъ, но въ настоящее время японское правительство, повидимому, измѣнило свое мнѣніе по этому вопросу, предпочитая подражать системѣ принятой голландцами въ Батавіи: оно само занялось мелочной продажей опиума потребителямъ, покупая его въ Гонгъ-конгъ чрезъ посредство англійскихъ и японскихъ фирмъ; сосредоточивъ торговлю опиумомъ въ своихъ рукахъ, японское правительство стремится все-таки ограничить, а не развивать вредную привычку куренія этого зелья. Не мѣшаетъ упомянуть, что въ настоящее время насчитывается среди китайскаго населенія на сѣверѣ Формозы всего лишь около 5⁰/₁₀ курильщиковъ опиума. Ввозъ хлопковыхъ издѣлій иностраннаго производства теперь, конечно, въ упадкѣ, потому что японцы дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы поощрить ввозъ ихъ фабрикатовъ на счетъ ввоза европейскихъ издѣлій.

10) *А.ной* продолжаетъ въ настоящее время торговлю древняго „Зайтуна“ (см. выше), направляющуюся чрезъ „проливы“ въ Индо-Китай, острова голландскіе, испанскіе (нынѣ—американскіе, т. е. Филиппины) и Австралію, куда ежегодно направляются многочисленные эмигранты, если только имъ это разрѣшается.

Въ послѣдніе годы многія китайскія торговыя фирмы принимаютъ японское подданство чрезъ посредство Формозы для того, чтобы гдѣ нужно заручиться вѣнзательствомъ и содѣйствіемъ японскихъ консуловъ.

Главными предметами вѣншной торговли въ 1880 году были опиумъ и хлопковая издѣлія для ввоза, а чай и сахаръ для вывоза; первые два предмета и въ настоящее время составляютъ по цѣнности половину всего ввоза, а керосинъ и мука въ послѣдніе годы завоевываютъ все болѣе видное мѣсто въ привозѣ иностранныхъ товаровъ; бобы, въ сыромъ и прессованномъ видѣ, составляютъ половину всего туземнаго привоза. Въ отношеніи вывоза сахаръ и по сіе время занимаетъ наиболѣе видное мѣсто; экспортъ же чая, благодаря перазумнымъ финансовымъ мѣрамъ мандариновъ, почти совершенно палъ и уступаетъ теперь по цѣнности табаку и даже вывозу бумаги. Кромѣ указанныхъ предметовъ изъ Амоя вывозятся еще различные туземные товары, удовлетворяющіе спросу китайцевъ живущихъ въ чужихъ странахъ. Большая часть произведеній Формозы провозится чрезъ Амой и въ настоящее время, подобно тому какъ это было и въ 1880 году; но цѣнность этого транзита теперь уменьшилась вдвое и проявляетъ наклонность къ дальнѣйшему пониженію, потому что японцы стараются путемъ дифференціальныхъ пошлинъ направить это торговое движеніе чрезъ Японію.

Надо замѣтить, что ни въ одной части Китая администрація не отличается такой косностью и испорченностью какъ въ провинціи Фу-цзянь; ближайшая причина заключается, пожалуй, въ томъ, что всѣ господствующія тамъ нарѣчія совершенно чужды мандаринамъ.

11) *Самъ-ду-ао*, новый портъ сѣверной части Фу-цзянской провинціи (*Samsah Inlet*), былъ открытъ въ маѣ 1889 года по собственному побужденію китайскаго правительства, какъ мѣра чисто политическаго характера. Мнѣ пришлось посѣтить этотъ пунктъ, а также прилегающія къ нему мѣстности, въ 1884 году; это даетъ мнѣ возможность заключить по личнымъ наблюденіямъ, что главными предметами отпускной торговли этого порта служатъ чай и туземный опиумъ, отчасти также класны. Объ иностранной торговлѣ этого порта не имѣется еще належащихъ отчетовъ.

12) *Фучжоу* расположенъ посрединѣ между двумя упомянутыми сейчасъ послѣдними пунктами. Въ 1880 году чрезъ этотъ портъ проходила большая часть отпускной торговли чаемъ, и тамъ еще свѣжо было воспомнаніе о славномъ прошломъ его прежней каперской дѣятельности. Въ настоящее время вывозъ чая составляетъ, попрежнему, не менѣе четырехъ пятыхъ всего экспорта, но абсолютная цѣнность этой чайной торговли не превышаетъ теперь и половины вывоза чая въ 1880 году. Важными предметами отпуска служатъ также бумага, жерди, грибы и особая, съдобная у китайцевъ, бамбуковая почки. Привозъ въ 1880 году едва достигалъ одной четверти вывоза; но въ настоящее время, оставаясь въ томъ же положеніи, ввозъ иностранныхъ произведеній почти сравнялся по цѣнности съ отпускномъ туземныхъ товаровъ, въ

виду того, что этотъ послѣдній значительно понижился. Опіумъ попрежнему остается однимъ изъ главныхъ предметовъ ввоза, но цѣнность его едва достигаетъ одной трети прежняго привоза; рядомъ съ этимъ ввозъ хлопковыхъ издѣлій превышаетъ по цѣнности ввозъ опіума въ 1899 году и хлопковыхъ товаровъ въ привозѣ 1880 года. Вполнѣ новыми предметами импорта являются керосинъ и американская мука; потребность въ послѣдней особенно ошутительна въ южномъ Китаѣ, гдѣ произрастаніе пшеницы совершенно неизвѣстно.

13) *Вэнь-чжоу* въ наше время не игралъ выдающейся роли въ отношеніи нѣшней торговли, хотя славился въ прошломъ своимъ торговымъ значеніемъ; въ 1878 году при появленіи въ Вэнь-чжоу англичанъ этотъ портъ обѣщалъ увеличенія отпускной торговли чаемъ, но она по сіе время настолько незначительна, что англійскіе консулы перестали даже включать ее въ свои отчеты. Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ открытія этого порта, пока обороты его внѣшней торговли достигли милліонъ ланъ въ 1895 году, а въ 1899 году не превышали 1,600,000 ланъ. Главнымъ предметомъ вывоза служить чай, а ввоза — какъ и въ прежнее время — опіумъ и хлопчатобумажныя ткани; важнымъ предметомъ отпуска служатъ еще горькіе апельсины, которые транспортируются чрезъ Тянь-цзинь въ Монголію; объ этихъ апельсинахъ упоминается, между прочимъ, въ китайскихъ лѣтописяхъ, относящихся къ Сунской династіи въ 1154 году. Между

Вэнь-чжоу и Сань-ду-ао находится знаменитая квасцовая гора, откуда добычу и вывозъ квасцовъ слѣдовало бы поставить подъ контроль иностранныхъ таможенъ.

14) *Нинъ-бо* къ 1880 году опустился до ничтожной роли подвозной гавани къ Шанхаю, куда онъ отправляетъ чай и соломенные шляпы, получая въ обмѣнъ опиумъ, металлы и хлопчатобумажные ткани. Таково положеніе этого порта и въ настоящее время, но вывозъ чая упалъ наполовину, а вывозъ соломенныхъ шляпъ совсѣмъ прекратился; рядомъ съ уменьшеніемъ отпуска понизился и ввозъ опиума вдвое противъ ввоза 1880 года; въ то же время ввозъ хлопковыхъ издѣлій увеличился почти вдвое. Значительно возросли здѣсь, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, ввозъ керосина и вывозъ олова; пывозъ сахара увеличился въ огромныхъ размѣрахъ; табакъ въ Нинъ-бо составляетъ не предметъ отпуска, а ввозится туда изъ другихъ портовъ. Существовавшая раньше, въ Нинъ-бо отпускная торговля хлопка-сырца, понизившаяся къ 1880 году и павшая почти окончательно въ 1883 году, въ настоящее время снова оживаетъ и далеко оставляетъ за собою вывозъ этого продукта въ 1867 году, не превосходившій 67,000 китайскихъ пудовъ, уравнивавшая по цѣнности три пятыхъ вывоза чая.

15) *Ханъ-чжоу* былъ открытъ лишь въ 1896 году и уже далеко превзошелъ всѣ надежды, которыя на него возлагались, несмотря на то, что этотъ

городъ имѣеть лишь значеніе вспомогательной для Шанхая пристани на каналѣ, подобно тому какъ Нинъ-бо служить такой пристанью на морскомъ берегу. Общая сумма торговыхъ оборотовъ Ханъ-чжоу въ 1899 году достигла почти 12,000,000 ланъ; главными предметами ввоза служатъ опиумъ, табакъ, керосинъ и прессованные бобы. Отпускная торговля состоитъ преимущественно въ вывозѣ чая и шелка, которые по цѣнности окупаютъ собою весь привозъ упомянутыхъ выше предметовъ, проходящихъ чрезъ иностранныя таможи какъ продукты внѣшней торговли. Кромѣ того существуетъ огромный ввозъ пряжи и иностранныхъ бумажныхъ тканей, сосредоточенный благодаря особой системѣ обложеній въ рунахъ одного могущественнаго топариниестна, при соучастіи таможи, вѣдающей сборъ *ли-цзиня* (см. выше); цѣль этой стачки заключается въ томъ, чтобы сохранить взаимныя выгоды этого положенія для обѣихъ сторонъ и не допускать къ этому ввозу европейцевъ.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ искъ торговые города, слѣдуя съ юга по папранленію къ Шанхаю. Прежде чѣмъ коснуться остальныхъ пунктовъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ этого важнаго торговаго центра, разсмотримъ сначала торговые обороты прирѣчныхъ пунктовъ, расположенныхъ на рѣкѣ Янъ-цзы, а затѣмъ условія торговыхъ сношеній къ сѣверу отъ Шанхая, послѣ чего мы примкнемъ обзоръ всѣхъ разсмотрѣнныхъ трехъ

группъ къ Шанхаю, какъ общему торговому центру прибрежнаго Китая.

16) *Чунъ-цинъ* былъ открытъ для европейцевъ въ 1891 году, но мнѣ пришлось посѣтить этотъ пунктъ за десять лѣтъ до его открытія. Въ 1899 г. иностранная торговля этого города уже достигла 26,000,000 ланъ, распредѣляясь поровну между ввозомъ и вывозомъ; сюда, разумѣется, не включена обширная торговля, которая производится на примыкающихъ притокахъ, а также на той части рѣки Янъ-цзы, которая не подлежитъ вѣдѣнію иностранныхъ таможенъ. Здѣсь картина торговаго обмѣна мѣняется: вмѣсто ввоза иностраннаго опиума существуетъ, напротивъ, значительный вывозъ туземнаго опиума, составляющій по цѣнности треть всего экспорта; вторая треть приходится на долю бѣлаго воска и шелка. Кромѣ того существуетъ значительный привозъ мускуса изъ Тибета, который получаетъ за это въ обмѣнъ около 10,000 тоннъ грубаго чая, экспортируемаго на Я-чжоу.

Вся торговля Чунъ-цина, какъ привозъ, такъ и вывозъ, производится посредствомъ привилегированныхъ туземныхъ джонокъ; впрочемъ, въ послѣдніе годы многіе мелко спляшіе пароходы и военныя суда проложили себѣ дорогу по рѣкѣ, и это обстоятельство вызоветъ, вѣроятно, переворотъ въ отношеніи транспортной торговли этого пункта. Привозимые товары должны пройти чрезъ таможи Шанхая, или Ханъ-коу, или И-чана, а

иногда--чрезъ всѣ эти таможи мѣстѣ. Въ общей цѣнности ввоза пять шестыхъ приходится на долю хлопковыхъ издѣлій, хлопка-сырца, хлопковой пряжи (иностранной и туземной), которая туземцами обращается въ нитки и ткани. Шелкъ служить предметомъ вывоза въ сыромъ видѣ и ввоза въ кускахъ готовыхъ шелковыхъ матерій. Несмотря на обширное потребление керосина окрестнымъ населеніемъ, этотъ продуктъ не значится вовсе въ отчетахъ внѣшней торговли Чунъ-цина. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что иностранные пароходы отклоняютъ перевозку керосина, который доставляется на туземныхъ джонкахъ изъ Хань-коу въ видѣ тракэптныхъ грузовъ. Разсматриваемый портъ обслуживается, между прочимъ, и внѣшнюю торговлю Тибета, представляя собою важнѣйшій пунктъ отпускной торговли опиумомъ. Необходимо указать еще одно странное явленіе во внѣшней торговлѣ Чунъ-цина, именно — ввозъ въ этотъ пунктъ американскаго жэнь-шэна по 15 шиллпинголь фунтъ, поглощающаго по цѣнности одну пятую всего отпуска собственныхъ лекарственныхъ продуктовъ.

17) *И-чанъ*, расположенный при устьѣ рѣки Янь-шэ, объявленъ былъ „портомъ“ въ 1877 году; но въ 1880 году мѣра эта была признана неудачной. Открытіе Чунъ-цина съ его торговлей опиумомъ въ 1891 году измѣнило къ лучшему торговое положеніе И-чана, такъ что цѣнность его торговыхъ оборотовъ въ 1899 году превы-

шала уже въ четырнадцать разъ эту цѣнность въ 1880 году, при чемъ только 12% всей торговли приходится на долю торговыхъ сношеній мѣстнаго характера вверхъ и внизъ по рѣкѣ; вся же остальная цѣнность торговыхъ оборотовъ составляетъ транзитъ, принадлежащій Чунъ-цину. Этотъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что,—когда въ 1899 году произошло возстаніе въ окрестныхъ мѣстахъ, которое прервало торговое сношеніе съ Чунъ-циномъ,—торговля И-чана сразу выросла вдвое противъ предшествовавшаго года. Въ общемъ можно ожидать увеличенія отпускной торговли И-чанга хлопковыми издѣліями вверхъ по Янъ-цзы и опиума внизъ по этой рѣкѣ.

Прилежающія окрестныя мѣста большей частью гористы и страдаютъ отсутствіемъ дорогъ, поэтому трудно ожидать въ этомъ районѣ быстрое оживленіе торговой дѣятельности. При всемъ томъ замѣчаются признаки развивающейся торговли чаемъ и кожами.

18) *Ша-ши* служитъ портомъ для Цзинъ-чжоу, который въ древнее время былъ столичнымъ городомъ, политическое значеніе не терялъ никогда и даже въ настоящее время служитъ стоянкой для татарскаго гарнизона. Для внѣшней торговли городъ этотъ былъ объявленъ „портомъ“ въ 1895 году, но пока не видно результатовъ этой мѣры, такъ какъ общая сумма торговыхъ оборотовъ Ша-ши не превышаетъ 250,000 ланъ, изъ коихъ на долю сахара, единственнаго предмета

ввоза, и воска и шелка, главныхъ предметовъ вывоза, приходится около трети означенной суммы. Независимо ничтожныхъ размѣровъ этой виѣшней торговли существуетъ, однако, огромная торговля туземнымъ хлопкомъ съ провинціей Сы-чуань. Здѣсь нелишнее замѣтить разъ навсегда въ отношеніи портовой торговли Китая вообще, что обороты каботажной торговли почти вдвое превышаютъ цѣнность виѣшней иностранной торговли, къ общей суммѣ которой, составляющей 460,000,000 ланъ, при желаніи получить общій итогъ всей морской торговли Китая, слѣдовало бы прибавить 820,000,000 ланъ, составляющихъ оборотъ каботажна, изъятаго изъ контроля иностранныхъ таможенъ.

19) *И-чжоу*, считающійся портомъ провинціи Хэ-Най, былъ открытъ для виѣшней торговли въ июль 1899 года, такъ что пока онъ не успѣлъ еще развернуться. Несмотря на то, что въ настоящее время доступны для виѣшней торговли также и города, лежащіе на прекрасныхъ водныхъ путяхъ, представляемыхъ двумя Цзянами ¹⁾, упомянутый портъ не обнаруживаетъ признаковъ торговаго преуспѣянія; обстоятельство это отчасти

---

¹⁾ Городъ расположенъ при устьѣ, соединяющей рѣку Янъ-цзы съ озеромъ Дунъ-тинъ, изъ которое вытекаютъ двѣ рѣки близнецы—Юань-цзякъ и Сякъ-Цзянь, орошающія одинъ изъ наиболее густо населенныхъ и обработанныхъ районовъ въ бассейнѣ Янъ-цзы.

объясняется тѣмъ, что Ю-чжоу укрѣплень въ видахъ политическихъ.

20) Хань-коу, занимающій одно изъ наилучшихъ торговыхъ мѣстоположеній въ мірѣ, представляетъ собою весьма важный въ торговомъ отношеніи складочный центръ. Это единственный торговый пунктъ во всемъ Китаѣ, въ которомъ (т. е. въ Хань-коу) русскіе забрали дѣйствительную торговую силу: огромные океанскіе пароходы, прибывающіе изъ Одессы и Лондона, бросаютъ якорь прямо противъ дверей своихъ консульствъ. Расходясь въ своемъ теченіи на тысячи миль въ противоположныя стороны, рѣки Янъ-цзы и Желтая около Хань-коу опять сближаются между собою на разстояніе до 300 миль, которое цѣликомъ орошается рѣкой Гань-цзянъ, впадающей въ Янъ-цзы у Хань-коу и представляющей собою въ то же время судоходную линію на протяженіи 1250 миль.

Расположенный въ центрѣ Средняго Китая нмѣя въ своемъ распоряженіи прекрасныя водныя сообщенія въ любомъ направленіи, Хань-коу, конечно, торгуетъ всѣмъ чѣмъ угодно: мускусъ, поскъ и китайскій лакъ, занимавшіе выдающееся положеніе въ торговомъ обмѣнѣ съ Чунъ-циномъ въ 1880 году, сохраняютъ это мѣсто и въ настоящее время; туземный опиумъ, производимый въ Сы-чуани, служитъ теперь однимъ изъ главныхъ предметовъ отпускной торговли и занимаетъ второе мѣсто послѣ чая, хотя въ 1880 году едва лишь зарождалось производство туземнаго опиума. Тор-

говую дѣятельность Хань-коу должно разсматривать не иначе какъ въ связи съ торговыми оборотами портовъ, лежащихъ на рѣкѣ Янъ-цзы выше и ниже Хань-коу; въ противномъ случаѣ, если взять лишь голый итогъ его торговаго балаиса въ 1899 году, превосходящій 67,000,000 ланъ, а съ прибавленіемъ иѣкоторыхъ побочныхъ статей торговли даже 85,000,000, то можно прійти къ ошибочнымъ заключеніямъ: если взять даже экспортъ чая представляющаго собою несомнѣнно предметъ собственнаго отпуска Хань-коу, отправляемаго прямо въ Европу, то п тутъ найдемъ, что въ этомъ экспортѣ заключается чай транспортируемый въ Цю-цзянъ, потому что оказывается выгоднѣе отправлять чайные листья вверхъ по рѣкѣ на туземныхъ джонкахъ, нежели ожидать случайныхъ рейсовъ пароходовъ, заходящихъ въ Цю-цзянъ, рискуя при этомъ, что грузъ все-таки не будетъ взятъ за неимѣніемъ мѣста.

Вывозъ чая изъ Хань-коу вдвое превышаетъ отпускъ этого предмета изъ Фу-чжоу; хотя по сравненію съ 1880 годомъ отпускъ чая въ настоящее время не уменьшился, но цѣнность нынѣшняго вывоза, въ переводѣ на золото, понизилась на 50%. Отпускъ кирпичнаго чая въ Сибирь доходитъ въ настоящее время до 3,000 тоннъ, превышая вдвое количество этого отпуска въ 1880 году. Чай этотъ направляется по рѣкѣ Хань и сухимъ путемъ изъ Фаиъ-чзиго на Си-ань-фу и проходитъ Цзя-юй-гуань (на границѣ между провинціей Гань-су

и „Новой Территоріей“) — Китайскій Туркестанъ, затѣмъ по дорогѣ на Хами въ Или; другими словами, этотъ чай транспортируется по тому же пути, который двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ открытъ былъ императоромъ Хань-Ву-ди и который рано или поздно долженъ служить направлениемъ для магистральнаго рельсоваго пути отъ тихоокеанскаго побережья Китая на западъ. Табакъ, а въ особенности кожи значительно возросли въ отпускной торговлѣ Хань-коу въ послѣдніе годы.

Въ отношеніи ввозной торговли керосинъ занимаетъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ. Трудно прослѣдить за количествомъ привоза керосина, доставляемаго изъ Америки, Россіи и Суматры, направляющагося вверхъ и внизъ по теченію Янъ-цзы. Нелишнее замѣтить, что безопасность китайцевъ въ употребленіи керосиновыхъ лампъ была причиной многихъ опустошительныхъ пожаровъ Хань-коу въ послѣдніе годы.

21) *Цзю-цзянъ* задолго до 1880 года клонился къ упадку, вслѣдствіе чего бывшее тамъ англійское консульство было обращено въ вице-консульство; за исключеніемъ отпуска чая и сахара и находившихся тамъ транспортныхъ агентовъ, городъ этотъ ничѣмъ больше не интересуется иностранцевъ. Вывозъ чая и въ настоящее время не уступаетъ вывозу прежнихъ лѣтъ; послѣ чая виднымъ предметомъ торговли является теперь табакъ. Существуетъ еще обширная туземная торговля фарфоровыми издѣліями, доставляемыми изъ

Цзянь-си, изъ которыхъ, однако, лишь небольшая часть вывозится пѣ чужія страны; кромѣ того видными предметами отпускной торговли служатъ еще бумага и цыновки, большая часть которыхъ проходитъ чрезъ иностранныя таможи.

Необходимо замѣтить, что въ торговомъ отношеніи Цзю-цзянь естественно тяготеетъ къ Шан-хаю и Хань-коу, благодаря тому, что онъ связанъ съ ними дешевыми пароходными рейсами, которые не только ежедневно, но даже ежечасно совершаются отъ Кьюкианга вверхъ и внизъ по рѣкѣ; поэтому купцы его всѣ свои торговыя сдѣлки совершаютъ предпочтительно въ упомянутыхъ двухъ пунктахъ. Въ послѣдніе годы китайцы начинаютъ успѣшно конкурировать съ европейцами даже въ отношеніи хлопчатобумажныхъ издѣлій, которыя въ большомъ количествѣ доставляются въ видѣ готоваго краснаго товара туземной выработки изъ Хань-коу и туземной хлопковой пряжи изъ Шан-хая. Въ 1880 году ввозъ иностранной пряжи не существовалъ почти вовсе; въ 1899 году было ввезено уже 200,000 китайскихъ пудовъ, на сумму 3,250,000 ланъ, при чемъ привозъ пряжи изъ Индіи занималъ первое мѣсто. Еще болѣе увеличился привозъ керосина, котораго въ 1880 году было доставлено лишь 10,000 галлоновъ, а въ 1899 году около 2,000,000 галлоновъ. Рафинадный сахаръ ввозится теперь въ большомъ количествѣ иностранными фирмами изъ Гонъ-конга; существуетъ еще въ значительныхъ размѣрахъ привозъ очи-

щенного американскаго жэнь-шэня по 30 шиллинговъ фунтъ. Въ послѣдніе годы открылась перспектива новой статьи отпускнуой торговли, особаго вида льна (*Boehmeria nivea*), который обратилъ на себя вниманіе одновременно въ Англіи и Германіи.

Съ тѣхъ поръ какъ иѣскольکو лѣтъ тому назадъ объявлены были вновь выработанныя правила плаванія по внутреннимъ водамъ, въ Китаѣ весьма быстро выросло дѣятельное пароходство по прилегающему къ Цю-цзяну озеру По-янъ-ху; пароходство это обслуживаетъ преимущественно пассажирское движеніе, но нѣтъ основаній не ожидать такого же развитія и для перевозки грузовъ на плоскодонныхъ судахъ.

22) *Ву-ху* или *У-ху* подобно тому какъ и другіе порты, открытые согласно конвенціи въ Чифу, считался въ 1860 году въ числѣ ошибочно оцѣненныхъ портовъ и долгое время дѣйствительно не посѣщался иностранцами. Причина этого явленія заключается въ консервативности китайцевъ, которые избѣгаютъ новыхъ пунктовъ соприкосновенія съ европейцами, до тѣхъ поръ, пока не свыкнутся и не оцѣнятъ выгодъ новыхъ условій. Въ 1899 году торговые обороты Ву-ху выросли сразу вдвое противъ средней цѣнности этихъ оборотовъ пѣ предшествовавшіе годы и превзошли 20,000,000 ланъ. Это увеличеніе падаетъ главнымъ образомъ на привозъ опиума и хлопковыхъ издѣлій; также выросъ значительно привозъ туземнаго хлопка и пряжи, составляющей по цѣнности одну

четверть иностраннаго привоза хлопковыхъ издѣлій. Затѣмъ слѣдуетъ привозъ сахара и керосина. Огромный спросъ на рисъ, преимущественно въ Кантонъ и Сватоу, вызвалъ неожиданное увеличеніе экспорта этого предмета въ 1899 году до 4,000,000 китайскихъ пудовъ, такъ что небольшое обложеніе этого вывоза *ликингомъ*, всего лишь въ 3 пенса за 100 пудовъ, дало въ общемъ назнѣ около 400,000 ланъ; кромѣ того было еще вывезено огромное количество риса безпошлинно на продовольствіе войскъ, расположенныхъ около Пекина, а также въ города Чифу, Нинъ-бо и Фу-чжоу, гдѣ былъ недородъ риса. Вывозъ риса за предѣлы государства запрещается, исключая лишь очень ограниченное количества клейкаго риса, отпускъ котораго регламентируется особыми строгими узаконеніями.

Изъ прочихъ предметовъ экспорта изъ Ву-ху наиболѣе значительными являются шелкъ, бобы, пшеница и птичьи перья; но общая цѣнность вывоза этихъ предметовъ нѣ 1899 году не составляла и одной десятой стоимости вывоза риса. Необходимо замѣтить, что вывозъ риса отличается, конечно, крайнимъ непостоянствомъ, такъ какъ зависитъ вполне отъ урожая.

23) *Найкинъ* считался номинально присоединеннымъ къ числу договорныхъ портовъ еще по договорамъ прежняго времени, но фактически открытъ былъ для иностранной торговли лишь въ 1899 году, поэтому торговое значеніе этого порта

можетъ быть выяснено лишь опытомъ будущаго времени.

24) Чжэнь-цзянь былъ еще настолько бѣденъ по своимъ торговымъ оборотамъ въ 1880 году, что лишь за три года передъ тѣмъ заслужилъ право на возстановленіе отдѣльнаго, существовавашаго тамъ раньше, англійскаго консульства; когда я лично посѣтилъ этотъ пунктъ въ 1878 году, то офицеръ, исправлявшій тамъ обязанности консула, долженъ былъ всегда обращаться къ англійскому консулу въ Шанхай за рѣшеніемъ сколько-нибудь важныхъ вопросовъ.

Въ 1880 году главнымъ предметомъ ввоза былъ опиумъ, а вывоза—табакъ и ослиныя шкуры. Въ 1899 году картина нѣсколько мѣняется; ввозъ индійской пряжи превосходить по цѣнности ввозъ опиума, который все еще составляетъ одну пятую ввоза всѣхъ прочихъ иностранныхъ товаровъ; сахаръ—какъ туземный неочищенный, такъ и иностранный рафинированный—ввозится на полмилліона фунтовъ стерлинговъ, т. е. также на большую сумму, чѣмъ опиумъ. Ввозъ туземнаго табаку очень значительный; вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовывается все болѣе возрастающій ввозъ керосина. Вообще, торговое значеніе Чжэнь-цзяня, расположеннаго иначалѣ при пересѣченіи рѣки Янъ-цзы и Императорскаго канала, имѣетъ передъ собою богатую будущность, но въ настоящее время это значеніе не велико и стоитъ ниже Чифу, несмотря на то, что этотъ послѣдній обслуживаетъ своей

торговой дѣятельностью лишь небольшой уголокъ провинціи Шань-Дуна.

Изложивъ характеристику всѣхъ прирѣчныхъ пристаней на рѣкѣ Янъ-цзы, перейдемъ теперь къ обзорѣню портовъ сѣверной части китайскаго побережья.

25) *Нью-чжуанъ* или Инъ-цзы (Инъ-коу) является наиболѣе удаленнымъ на сѣверѣ. Хотя городъ этотъ значится расположеннымъ въ Маньчжуріи, но въ дѣйствительности въ примыкающей провинціи Шанъ-цзинъ не было маньчжуръ среди гражданскаго населенія до 1600 г. Населеніе этой провинціи смѣшанное и состоитъ большей частью изъ племенъ кптайско-тунгусскаго происхожденія, которыя часто управлялись какъ корейцами, такъ и тунгуссами и китайцами.

Весь иностранный ввозъ въ 1880 году приходилъ чрезъ Шанхай или прямо изъ Гонъ-конга; Россія и Японія тогда вовсе не участвовали во внѣшней торговлѣ Нью-чжуана, о привозѣ иностранной пряжи тогда также неизвѣстно было. Въ послѣдніе годы торговое значеніе этого порта выросло очень быстро, такъ что въ 1899 году торговые обороты его увеличились вдвое противъ 1898 года, и въ настоящее время Нью-чжуанъ занимаетъ пятое мѣсто среди открытыхъ для внѣшней торговли портовъ Китая. По судоходству японцы теперь сравнивались съ англичанами, несмотря на то, что эти послѣдніе уравниваютъ со своей стороны судоходство всѣхъ прочихъ иностранцевъ въ этомъ

иортѣ; такимъ образомъ половина всего экспорта Нью-чжуана сосредоточена въ рукахъ японцевъ. Русскихъ пароходовъ въ 1899 году было 13; въ томъ же году въ Нью-чжуанъ было ввезено 320,000 кит. пудовъ пряжи, преимущественно изъ Индіи и Японіи. Главнымъ предметомъ вывоза въ 1880 году были бобы въ сыромъ и прессованномъ видѣ. Въ 1895 году портъ этотъ пережилъ сильное потрясеніе вслѣдствіе занятія его японцами; въ настоящее время можно надѣяться на быстрое увеличеніе экспорта зерна изъ Нью-чжуана въ виду начавшагося заселенія расположенныхъ недалеко обширныхъ пастбищъ, къ которымъ примкнетъ строящаяся англичанами желѣзная дорога. Близкое сосѣдство русскихъ, конечно, вызвало оживленіе иностраннаго привоза въ Нью-чжуанъ, главнымъ образомъ въ виду постройки тамъ желѣзной дороги.

Если „временная“ оккупация русскихъ будетъ еще долго продолжаться, то торговля сношенія Нью-чжуана съ Америкой и Японіей, а также транспортировка грузовъ на англійскихъ судахъ пойдутъ, конечно, туго. Въ настоящее время въ Нью-чжуанъ привозятся въ обширныхъ размѣрахъ хлопокъ-сырецъ и пряжа изъ Японіи и Индіи, даже хлопковые произведенія китайскихъ фабрикъ получаютъ все большее и большее распространеніе; американскій тикъ здѣсь совершенно вытѣснилъ англійскій. Въ отношеніи вывоза бобы, сырые и прессованные, занимаютъ еще по настоящее время

первое мѣсто, но шелкъ-сырецъ въ послѣдніе годы вывозится также въ значительныхъ размѣрахъ и занимаетъ въ экспортѣ по цѣнности уже второе мѣсто послѣ бобовъ. Ввозъ морской капусты изъ Россіи въ Нью-чжуанъ находится не въ рукахъ русскихъ пароходовладѣльцевъ.

26) *Портъ-Артуръ* становится уже важнымъ торговымъ центромъ для разныхъ націй, но вся его торговая дѣятельность клонится, конечно, къ выгодѣ Россіи. Пока еще не вполне опредѣлился характеръ торговыхъ сношеній между арендуемой Россіей территоріей съ одной стороны и китайскими владѣніями съ другой.

27) *Да-лянь-вань* или *Дальній* представляетъ собою—или по крайней мѣрѣ долженъ быть—порто-франко въ китайскихъ владѣніяхъ „арендуемыхъ“ Россіей. Англійскіе купцы пока относятся скептически къ выгодамъ торговыхъ сношеній съ этимъ портомъ; но русскіе производятъ тамъ въ настоящее время общественныя работы въ обширныхъ размѣрахъ, ожидая отъ Дальняго, повидимому, большую будущность въ торговомъ отношеніи. Англичанамъ не слѣдуетъ быть застигнутыми врасплохъ, ибо нѣмцы втихомолку легко проберутся туда незамѣтно чрезъ задніе ходы.

28) *Тянь-цзинь* въ 1880 году вывозилъ въ огромномъ количествѣ верблюжью шерсть и различныя плетенія изъ соломы; главными предметами ввоза служили хлопчатобумажныя издѣлія и опиунъ. Съ теченіемъ времени торговля этого порта посте-

пенно понижалась, такъ что онъ сталъ по своимъ торговымъ оборотамъ много ниже такихъ торговыхъ центровъ, какъ Хань-коу или Фу-чжоу. Вновь оживившаяся торговая дѣятельность Тянь-цзиня связана съ основаніемъ „синдикатовъ“, выросшихъ на почвѣ полученныхъ отъ китайскаго правительства всевозможныхъ концессій; кромѣ того портъ этотъ обратился въ станцію вновь основаннаго въ свое время китайскаго флота, что вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовало также поднятію его торговаго значенія; затѣмъ открытіе Кореи для иностранной торговли приводило въ Тянь-цзинь много новыхъ судовъ. Все это вмѣстѣ содѣйствовало непрерывному росту торговаго значенія Тянь-цзиня, который получилъ особенное развитіе во время японско-китайской войны 1894 — 1895 годовъ и въ послѣдующіе годы, — когда китайцы стали усиленно созидать новыя вооруженныя силы послѣ неудачной войны съ японцами.

Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ торговые обороты Тянь-цзиня увеличились почти въ три раза, занимая теперь второе мѣсто послѣ Шанхая. Главнымъ предметомъ вывоза по настоящее время служить шерсть, но вывозъ соломенныхъ нѣдѣлій почти прекратился по винѣ самихъ китайцевъ, которые постоянно фальсифицировали матеріаль; экспортируемая шерсть доставляется въ огромномъ количествѣ преимущественно изъ Монголіи, а также изъ Тибета чрезъ Чунъ-цинъ. Послѣ шерсти идетъ вывозъ ножъ, сырыхъ шкуръ и

волоса, почти на такую же сумму, какъ и вывозъ шерсти, т. е. на полмилліона фунтовъ стерл. Въ послѣдніе годы родился новый предметъ отпускной торговли—каменный уголь и земляные орѣхи, общая цѣнность которыхъ не превышаетъ, впрочемъ, одной трети милліона фунтовъ стерлинговъ.

Въ привозѣ иностранныхъ произведеній первое мѣсто занимаютъ хлопчатобумажныя издѣлія на 3½ милліона фунтовъ стерлинговъ и желѣзнодорожныхъ матеріаловъ на ½ милліона фунтовъ стерлинговъ; въ послѣднее время приобретаетъ выдающееся положеніе привозъ японской пряжи. Изъ прочныхъ предметовъ иностраннаго привоза стоитъ упомянуть про керосинъ и опиумъ, ввозъ которыхъ почти одинаковъ между собою по цѣнности; при этомъ необходимо замѣтить, что рядомъ съ привозомъ иностраннаго опиума доставляется еще въ гораздо большемъ количествѣ туземный опиумъ изъ провинцій Хэ-нань, да и Чжи-лійская провинція сама производитъ теперь не мало опиума. Въ настоящее время къ Тянь-цзиню тяготѣетъ въ торговомъ отношеніи весьма обширный районъ, простирающійся отъ морского побережья и лѣваго берега Желтой рѣки вплоть до Монголіи, включая и все пространство, охватываемое сѣвернымъ изгибомъ рѣки и далѣе, по обоимъ берегамъ ея, вплоть до передовыхъ пунктовъ Тибета и города Нинъ-ся, древней столицы упоминаемой у Марко-Поло страны Тангутъ.

29) *Цинь-ванг-дао*, расположенный въ 9 миляхъ къ сѣверу отъ новой санаторіи Бэй-да-хэ, вызвалъ въ свое время не мало разгоровъ какъ объявленный „добровольно“ открываемымъ портомъ по примѣру Сань-ду-ао; но боксерское возстаніе послѣднихъ лѣтъ отсрочило осуществленіе этой мѣры. Пренимущества этого порта заключаются въ томъ, что доступъ къ нему никогда не преграждается льдомъ, поэтому вывозъ каменнаго угля здѣсь болѣе обезпеченъ чѣмъ изъ Ла-гу (Таку).

30) *Калганъ* заслуживаетъ быть упомянутымъ хотя бы поверхностно, несмотря на то, что онъ не представляетъ собою „порта“ ни въ обширномъ ни въ ограниченномъ смыслѣ этого слова. Ежегодно чрезъ Калганъ проходитъ сухимъ путемъ около 40 тысячъ тоннъ чаю, для перевозки котораго занимается свыше 200,000 верблюдовъ; на этихъ же верблюдахъ доставляется изъ района Кукунора большая часть овечьей шерсти, которая служитъ предметомъ экспорта изъ Тянь-цзиня. Главнымъ вкладочнымъ нунктомъ этой шерсти служитъ г. Бао-ду, на Желтой рѣкѣ, о которомъ приходилось уже упоминать въ главѣ о торговыхъ путяхъ.

Около 1870 года нѣтъ пришлось трижды посѣтить Калганъ, гдѣ тогда уже въ этомъ городѣ была порядочная русская колонія; во время послѣдняго боксерскаго возстанія эта колонія подверглась, къ сожалѣнію, разгрому.

Въ настоящее время торговое движеніе чаемъ чрезъ Калганъ потеряло уже то значеніе, которое

око имѣло раньше, потому что чай транспортируется прямо изъ Хань-коу морскимъ путемъ на огромныхъ океанскихъ пароходахъ въ Одессу и даже прямо въ Кронштадтъ; несмотря на преимущества новаго направленія чайной торговли, русскіе сожалеютъ о паденіи Калгана и связанной съ нимъ торговой дѣятельности Кяхты. Въ 1872 г. имѣ пришлось плавать вверхъ по р. Янъ-цзы вмѣстѣ съ капитаномъ перваго русскаго океанскаго парохода, предназначеннаго для торговыхъ сношеній; теперь имѣется уже шесть коммерческихъ пароходовъ рейсирующихъ ежегодно между Дальнимъ Востокомъ и Балтійскимъ и Чернымъ морями ¹⁾).

31) *Цзя-юй-гуань* лежитъ на параллели 40° сѣверной широты и 98° вост. долготы; въ немъ находится „иностранныя“ таможня, подвѣдомственная ханькоускимъ таможеннымъ властямъ, но европейцевъ тамъ нѣтъ. Послѣ 1885 года таможня эта имѣетъ полный штатъ, которому, однако, нечего дѣлать при отсутствіи торговой дѣятельности; въ настоящее время русскіе начали вывозить чай вверхъ по р. Хань въ обширныхъ размѣрахъ, поэтому можно надѣяться на нѣкоторое оживленіе торговой дѣятельности этого порта въ будущемъ.

¹⁾ Было бы очень печально, если бы четверть аѣка спустя послѣ основанія нашего Добровольнаго флота у насъ имѣлось бы всего лишь шесть судовъ. Къ счастью, для сношеній съ Дальнимъ Востокомъ рейсируетъ теперь ежегодно въ шесть разъ больше судовъ, чѣмъ сколько это представляется автору.

Примѣч. Перев.

32) *Чифу*, правильнѣе Чжу-фу, подобно Тянь-цзиню былъ 1880 году главнымъ экспортеромъ соломенныхъ плетеній и прессованныхъ бобовъ; видное мѣсто занималъ также вывозъ мягкихъ шелкоатъ (pongee silks) и издѣлій изъ дубоваго наплыва. Главными предметами иностраннаго привоза, какъ тогда, такъ и въ настоящее время, служатъ хлопковые издѣлія и опиумъ, но взаимное отношеніе этихъ предметовъ ввоза теперь не то, что въ 1880 году; одной японской пряжи въ настоящее время ввозится по цѣнности въ три раза больше, чѣмъ опиума. Общая сумма торговыхъ оборотовъ 1899 года въ три раза превосходитъ обороты 1880 года. Открытіе Кореи для иностранной торговли имѣло, конечно, большое вліяніе на развитіе внѣшнихъ торговыхъ сношеній Чифу; что же касается внутренней торговли этого порта, то онъ въ этомъ отношеніи обслуживаетъ лишь ближайшія окрестности. Характерная черта торговли Чифу хлопковыми издѣліями заключается въ томъ, что весь ввозъ сосредоточенъ въ рукахъ англичанъ, которые, однако, ввозятъ въ Чифу издѣлія американскихъ фабрикъ, завоевавшихъ безповоротко всѣ рынки сѣвернаго Китая. Важнымъ предметомъ „иностраннаго“ привоза служилъ также рисъ, но этотъ ввозъ отличался всегда полнымъ непостоянствомъ, обозначая собою не благосостояніе населенія, а скорѣе мѣстное бѣдствіе въ видѣ неурожая.

Видными предметами вывоза служатъ по сіе

время прессованные бобы и соломенные плетения, но цѣнность вывозимаго иелка далеко оставляетъ за собою цѣнность вывоза первыхъ двухъ статей взятыхъ вмѣстѣ. Новымъ предметомъ торговли, народившимся въ послѣдніе годы, является отпускъ скота въ предѣлы Россіи, что несомнѣнно будетъ имѣть благотворныя послѣдствія для провинціи, если только эта торговля будетъ содѣйствовать скотоводству не въ ущербъ сельскому хозяйству; иромѣ того народился еще въ настоящее время вывозъ вермишели въ большихъ размѣрахъ, который развился въ послѣдніе годы вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ отпускной торговли. Провинція Шань-дунъ производитъ главнымъ образомъ пшеницу и просо, которымъ отдается предпочтеніе передъ рисомъ, такъ что часть своихъ податей, уплачиваемыхъ зерномъ для отправки въ Пекинъ, провинція погашаетъ не рисомъ, а просомъ.

33) *Цзяо-чжоу* или *Цзинг-дао* представляетъ собою также своего рода „порто-фраико“, принадлежащій къ народившемуся типу „арендуемыхъ“ портовъ. Въ противоположность, однако, Да-лянъ-ваню обозрѣваемый портъ съ іюля 1899 года подверженъ уже надзору иностранной и морской таможенъ. Официально портъ этотъ объявленъ открытымъ въ маѣ 1899 года; общая сумма его торговыхъ оборотовъ въ этомъ году достигла 2,200,000 ланъ. Учрежденныя въ этомъ портѣ таможи предназначены контролировать главнымъ образомъ торговлю, направляющуюся внутрь страны, но

фактически торговое сношеніе съ прочими портами также не можетъ быть признано свободнымъ отъ таможеннаго надзора. До сего времени въ Цзинь-дао селятся лишь нѣмцы и едвали когда-нибудь тамъ будутъ селиться другіе иностранцы, кромѣ нѣмцевъ; торговля этого порта замѣтно понизилась уже въ 1900 году, потому что китайскіе рабочіе избѣгаютъ официальныхъ сношеній съ иностранцами. До постройки желѣзныхъ дорогъ въ качествѣ подвозныхъ путей портъ этотъ обслуживаетъ пока въ торговомъ отношеніи лишь ближайшія окрестныя мѣста.

34) *Вэй-хай-вэй* пользуется праваш „порта“ въ еще болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ его русскій и нѣмецкій коллеги — Да-лянь-вань и Цзяо-чжоу. Въ настоящее время въ Вэй-хай-вэй ичѣются 3—4 английскихъ фирмы, о которыхъ можно пока сказать лишь то, что онѣ ведутъ ввозную торговлю; объ организаціи торговыхъ сношеній этого порта съ материкомъ пока ничего не слышно. Вообще Англіи недостаетъ теперь въ Кптаѣ какого-нибудь лорда Креиера, который могъ бы достаточно широкимъ и вѣрнымъ кругозоромъ оцѣнить тамъ надлежащимъ образомъ общее положеніе вещей и направить событія соотвѣтствующимъ образомъ.

35—42) *Корея* какъ вассальное государство было открыто для иностранной торговли въ 1882 году, но въ настоящее время представляетъ собою независимую „имперію“; при всемъ томъ торговля Корен, въ особенности западной части полуострова

остаётся по настоящее время въ китайскихъ рукахъ, что объясняется весьма просто тѣмъ, что сэръ Робертъ Хартъ много лѣтъ завѣдывалъ таможенными во всѣхъ портахъ Кореи, а нынѣшній начальникъ корейскихъ таможенъ Макъ Лэви Броунъ держится прочно тѣхъ же взглядовъ какъ и сэръ Робертъ Хартъ.

Интересы Россіи и Японіи сосредоточиваются главнымъ образомъ на восточномъ побережьи полуострова. Въ 1880 году Корея была столько же неизвѣстна иностранцамъ какъ и Тибетъ; одинъ лишь японцы имѣли съ древнихъ временъ небольшую факторію въ Фузанѣ, который, между прочимъ, я имѣлъ честь „открыть“ въ 1885 году, но на очень короткое время.

Общая сумма ежегодныхъ торговыхъ оборотовъ Японіи въ Корей никогда не превышала 2,000,000 мексиканскихъ долларовъ, которая распределяется поровну между привозомъ и вывозомъ. Въ 1876 году японцамъ удалось договорнымъ путемъ открыть для своей торговли кромѣ Фузана еще два порта, вслѣдствіе чего европейцы, конечно, тоже стали присматриваться къ Корей. Итальянцамъ первымъ удалось получить отъ корейскаго правительства письменный отвѣтъ на свой представленіи, благодаря тому, что они послали для этой цѣли въ Корею военнаго человѣка; добившіеся того же американцы такъ и не могли въ томъ году получить отъ корейцевъ документальныхъ возраженій на свои требованія. Послѣ откры-

тія двухъ новыхъ портовъ, общая сумма оборотовъ пнѣшней торговли Кореи въ 1885 году въ трехъ портахъ не превышала все-таки 2,000,000 долларовъ, при чемъ торговля Фузана быстро пала, уступивъ свое мѣсто вновь открытій портамъ Чемульпо и Гензану. Какъ видно изъ отчета за 1899 годъ, внѣшняя торговля Кореи въ этомъ году представляется не столь благопріятной какъ въ предшествующіе годы: такъ, въ 1899 году общая сумма торговыхъ оборотовъ не превышала 22,075,000 долларовъ, тогда какъ въ 1898 году достигла 25,000,000 долларовъ.

Единственными предметами вывоза служатъ золото и продукты сельскаго хозяйства. Необходимо замѣтить, что изъ предѣловъ Китая золото вывозится также только изъ тѣхъ пунктовъ, которые расположены недалеко отъ Кореи, а именно—изъ Нью-чжуана, Тянь-цзиня и Чифу; въ отношеніи мѣсторожденій золота, особенно если принять во вниманіе, что изъ Хакодате, пѣ Японіи, также вывозится золото. Въ привозѣ иностранныхъ товаровъ половина общей цѣнности приходится на долю хлопковыхъ издѣлій изъ Манчестера; но въ послѣднее время японцы и здѣсь начинаютъ успѣшно оспаривать первенство у англичанъ.

Въ 1897 году открыты были для иностранной торговли два новыхъ порта: Цзинъ-намъ-ихо на сѣверо-западѣ п Мокпо на юго-постоукѣ; затѣмъ въ 1899 г. сдѣлались доступными иностранцамъ еще три новыхъ порта, а именно: Сюнь-чжинъ въ 130

морскихъ миляхъ къ сѣверу отъ Гензана или Вензана и въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ устья р. Тумень, по которой производятся торговля краснымъ товаромъ русскаго производства и отправка скота въ предѣлы Россіи; затѣмъ—Ма-сонъ-но, представляющій собою наилучшую гавань въблизи Фузана, и Кунъ-санъ, расположенный на западномъ берегу полуострова между Чемульпо и Мокпо.

Англичане, повидимому, пренебрегаютъ внѣшней торговлей Кореи, такъ какъ морская перевозка около Кореи сосредоточена цѣликомъ въ рукахъ нинонцевъ. Впрочемъ г. Питчардъ-Моргану удалось взять въ свои руки разработку золотыхъ рудниковъ около Пхѣи-яна: кромѣ того нѣсколько англійскихъ фирмъ основано въ Чемульпо, гдѣ занимаются банковыми операціями, продажей керосина въ жестянкахъ и манчестерскихъ хлопковыхъ нздѣлій.

Корейцы народъ хотя отсталый, но очень симпатичный; они несомнѣнно весьма быстро оцѣнили бы свободу и великодушіе англійскаго режима, если бы корейцамъ пришлось ему покориться ¹⁾. Залогомъ лучшихъ надеждъ Кореи служить политика Макъ Лэви-Брауна при поддержкѣ либеральныхъ державъ, т. е. Великобританіи, Японіи, Соеди-

¹⁾ Этотъ неожиданный полетъ фантазш совершенно неучтены въ особенности въ отношеніи Кореи и какъ-то не вяжется съ похвальной солидностью суждений автора, не покидающей его при оцѣнкѣ иногда даже неоптимальныхъ

ненкихъ Штатовъ и будемъ надѣяться—также и Германіи ¹⁾).

43) *Шанхай* является жизненнымъ центромъ почти всѣхъ перечисленныхъ выше портовыхъ городовъ; отъ біенія его торговаго пульса зависитъ притонъ силъ и энергій, которыми питается существованіе этихъ городовъ, и въ жизненные артеріи которыхъ сосредоточиваются въ торговой дѣятельности Шанхая.

Въ 1880 году общая сумма торговыхъ оборотовъ этого выдающагося торговаго центра доходила до 92,000,000 тѣлей (ланъ), изъ которыхъ двѣ пятыхъ составляли цѣнность вывоза, а три пятыхъ цѣнность ввоза. Внѣшнія осложненія, возникшія между Китаемъ, съ одной стороны, и Россіей, а затѣмъ съ Франціей, съ другой, затормозили нѣсколько торговую дѣятельность Шанхая; но затѣмъ, послѣ 1886 года, эта дѣятельность вновь оживилась, такъ что въ 1891 году сумма торговыхъ

вопросовъ. Что же касается фактической подкладки подобнаго предположенія, то, видя передъ собою прихѣтъ голодающей Индіи и трехлѣтней кровопролитной борьбы буровъ, предпочитавшихъ очевидное самоубійство англійскому подданству, трудно вѣрится, чтобы нашелся народъ въ мірѣ, который желѣлъ бы жечту о добровольномъ подчиненіи англійскому режиму.

Примѣч. Перев.

¹⁾ Поддержка „либеральной“ Японіи можетъ быть уже одѣлена по извѣстнымъ фактамъ, если вспомнить убійство несчастной корейской королевы и удаление изъ Сеула, встѣдъ за этихъ убійство, японскаго посланника при корейскомъ королѣ.

Примѣч. Перев.

оборотовъ превысила 165 милліоновъ ланъ. Необходимо, однако, имѣть пѣ виду, что въ этихъ цифрахъ скрываются отчасти также и торговые обороты нѣкоторыхъ другихъ портовъ—Хань-коу, Тянь-цзинь и даже Сватоу—педушихъ спюу виѣшнюю торговлю чрезъ Шанхай; дѣйствительная же цѣнность его оборотовъ въ 1899 году, не считая вывоза, достигла 125,000,000 ланъ, а въ общей сложности, т. е. считая все, что проходило чрезъ Шанхай, составило почтенную сумму пѣ 308,000,000 ланъ. Подробное разсмотрѣніе торговой дѣятельности Шанхая и критическая оцѣнка цифровыхъ итоговъ его разнообразныхъ торговыхъ оборотовъ возможны лишь при непосредственномъ обозрѣніи годовыхъ отчетовъ.

44—46. Остается еще упомянуть про одинъ-два порта или мѣстности, имѣющіе отношеніе къ приморской торговлѣ Китая.

Торговые обороты Индо-Китая въ 1899 году превысили 70,000,000 ланъ, изъ коихъ на долю Тонкина приходится свыше 17,500,000 ланъ; при этомъ торговое движеніе на г. Мэнъ-цзы (Mengtz) въ Юнь-нанѣ, чрезъ Хай-понъ по Красной рѣкѣ и Хэ-ноу, было открыто въ 1889 году и сосредоточено цѣликомъ въ рукахъ китайскихъ купцовъ; вся эта торговля, обороты которой оцѣниваются въ 5,250,000 ланъ, имѣетъ преимущественно транзитный характеръ, направляясь чрезъ Тонкинъ въ Гонъ-конгъ. Еще въ давно минувшія времена, около 1140 года, царствовавшая тогда въ Тонкинѣ

династія Ли основала портовый городъ, соотвѣтствующій нынѣшнему Хай-пону, для торговыхъ сношеній съ Сіамомъ и Бирмой, но кптайскіе историки объ этомъ ничего не упоминаютъ; вѣроятнѣе поэтому, что торговля сосредоточивалась тогда въ Туранѣ, или скорѣе въ „Файфо“, въ 20 миляхъ вверхъ по рѣкѣ.

Городъ или „портъ“ *Лунъ-чжоу* былъ открытъ для иностранцевъ въ 1889 году, торговая дѣятельность его ничтожна сама по себѣ и притомъ еще постоянно понижается, такъ что въ 1899 году общая сумма оборотовъ не превышала 66,000 тзлей.

Городъ *Сы-мао* или *Эсмокъ* въ Юнь-нанѣ объщаетъ много лишь въ будущемъ; городъ этотъ открытъ былъ для торговли съ французами въ 1895 году, а съ англичанами зъ 1896 году, какъ это изложено было выше въ главѣ о прибытіи европейцевъ. Цѣнность его торговыхъ оборотовъ въ среднемъ составляетъ ежегодно около 225,000 тзлей; до сего времени главнымъ предметомъ ввеза былъ хлопокъ изъ принадлежащихъ нынѣ Англии „шаньскихъ“ государствъ. Въ провинціяхъ Юнь-нанъ и Сы-чуань замѣчается неограниченный спросъ на англійскія хлопковые издѣлія, который, впрочемъ, существовалъ и во время войны за Бирму въ истекшемъ столѣтіи.

Гуанъ-чжоу-ванъ, на полуостровѣ Лэй-чжоу, уступленный Франціи въ „арендное“ владѣніе въ 1898 г., не представляетъ собою ничего особеннаго въ отношеніи внѣшней торговли, но ведетъ дѣя-

тельную торгоую съ Макао и Конъ-муномъ. Важно только, чтобы французы не задушили эту торговлю чиновничьимъ отношеніемъ къ дѣлу и не отпугивали китайскихъ купцовъ, какъ они это дѣлали въ Тонкинѣ и многихъ мѣстахъ Камбоджи; тогда ихъ можно будетъ поздравить съ мудрымъ нововведеніемъ въ ихъ обычной политикѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что изъ разсматриваемаго порта въ 1899 году было обратно вывезено снабженій разнаго рода для французскихъ войскъ на сумму около 12,000 фун. стерлинговъ.

Су-чжоу до послѣдняго времени не отмѣчался вовсе въ спеціальныхъ торговыхъ отчетахъ, публикуемыхъ англійскимъ мнистерствомъ иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ онъ въ торговомъ отношеніи служилъ лишь придаткомъ Шанхая. Общая сумма виѣшней торговли Су-чжоу не превышаетъ 1½ миллионовъ ланъ. Вліяніе появившихся въ этомъ портѣ иностранцевъ сказалось главнымъ образомъ въ развѣтн хлопчатобумажныхъ фабрикъ и устройствѣ шелкомрталенъ.

ГЛАВА VIII.

Административное устройство.

При первомъ взглядѣ на административное устройство Китая можетъ казаться, что раньше всего необходимо упомянуть про императора или, по крайней мѣрѣ, про центральное правительство въ Пекинѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, мы видимъ, что въ общемъ механизмѣ административнаго устройства Китая власть Маньчжурскаго императора не играетъ выдающейся роли, и самое существованіе его стоитъ какъ бы особнякомъ отъ жизни провинцій, какъ это показали, между прочимъ, и послѣднія событія въ Китаѣ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что каждая изъ провинцій въ отношеніи административнаго устройства довлѣетъ къ самой себѣ и представляетъ собою, до нѣкоторой степени, совершенно независимую единицу.

Въ виду сказаннаго полагаемъ вполне возможнымъ въ настоящемъ случаѣ, при очеркѣ административнаго устройства, отказаться вовсе отъ

характеристики нитайскаго императора и его двора. Подобно тому какъ мы при географическомъ очеркѣ отказались отъ⁶ разсмотрѣнія Тибета, Монголіи, Маньчжуріи и другихъ обособленныхъ окраинъ, ограничившись лишь обзоромъ восемнадцати провинцій Собственнаго Китая, такъ и теперь обратимъ вниманіе на административное устройство этого ядра имперіи, представляющей собою въ сущности конфедерацію вполне однородныхъ, но въ то же время почти совершенно самостоятельныхъ въ административномъ отношеніи провинцій.

Какъ видно изъ таблицы, помѣщенной въ первой главѣ, почти каждая изъ восемнадцати провинцій Китая имѣетъ, помимо своего общеупотребительнаго или описательнаго названія, еще особое, старинное, чисто территоріальное названіе, которое весьма часто употребляется въ официальныхъ документахъ рядомъ съ современнымъ названіемъ провинцій; мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ отношеніяхъ Кантонскаго вице-короля выраженія въ видѣ слѣдующаго: „сообщеніе ваше получено въ Юэ“ (провинція Гуанъ-дунъ); или—губернаторъ провинціи Шанъ-сп, разсуждая о *ликинъ* и выражаясь пзвѣстнымъ литературнымъ слогомъ, называетъ свою провинцію „Цзинъ-ли“. Мы видимъ въ этомъ случаѣ обычай такого же характера какъ, напримѣръ, префекты во французскихъ департаментахъ имѣли обыкновеніе употреблять старыя названія провинцій Гасконіи и Бургундіи, или еслибы англичане ввели въ официальныхъ доку-

ментакъ старинныя названія графствъ Мерсія, Вессекса и т. п.

Обращаясь къ классификаціи административныхъ единицъ, которая приведена будетъ ниже, необходимо раньше всего замѣтить, что основныя черты въ организаціи административнаго строя всѣхъ, вообще, провинцій Средняго Китая заключаются въ слѣдующемъ: во главѣ каждой провинціи имѣется обязательно свой губернаторъ, который обязанъ доносить въ высшій еовѣтъ въ Пекинъ обо всѣхъ вопросахъ формальнаго характера и подавать докладныя записки императору по вопросамъ большей частью рутиннаго свойства. Такова основная черта въ устройствѣ провинцій; но около 300 лѣтъ тому назадъ, независимо отъ существованія губернатора, въ каждой провинціи были учреждены еще временныя должности генералъ-губернаторовъ или вице-королей, которымъ подчинены были по двѣ и по три провинціи. Когда водворилась въ Китаѣ Маньчжурская династія въ 1640—1650 годахъ этимъ вице-королямъ удалось, при помощи всевозможныхъ уловокъ, упрочить свое положеніе и обратить снопъ должности изъ временныхъ въ постоянныя съ правами и обязанностями сходными во многомъ съ нынѣшними должностями вице-королей. Первоначальная причина учрежденія должности вице-короля вполнѣ схожа съ идеей назначенія, напримѣръ, англійскимъ правительствомъ сэра Бартль Фрэра или сэра Геркулеса Робинзона верховными комисса-

рами въ южную Африку: то - есть соображенія военного характера, или пныя важныя побужденія, приводятъ къ необходимости сосредоточить въ рукахъ одного уполномоченнаго лица достаточно власти, чтобы онъ могъ съ болъшей рѣшительностью, при болѣе широкимъ кругозорѣ, вершать на мѣстѣ разные вопросы, выходящіе изъ предѣловъ вѣдѣнія обыкновенныхъ губернаторовъ.

Необходимо замѣтить, что хотя по іерархической лѣстницѣ вице-короли (генералъ-губернаторы) занимаютъ высшій рангъ и имъ присвоивается высшій „шарикъ“ ¹⁾, чѣмъ губернаторамъ,

¹⁾ Название шарика, по которымъ различаются чины въ Китаѣ — *минга*. Необходимо замѣтить, что въ Китаѣ нѣтъ никакихъ орденовъ или знаковъ отличія, которые въ правящихъ классахъ европейскихъ государствъ служатъ такимъ важнымъ импульсомъ въ дѣлѣ служебнаго соперничанія Единственный награжден — и то лишь въ пзвѣстныхъ предѣлахъ — служить павлиное перо, разные *офаконы*, простые и двойные, придманы только для удовлетворенія легкомыслия европейцевъ, являясь въ глазахъ китайцевъ простыми побрякушками Китайскіе же чиновники награждаются чинами, которые различаются по *шарикамъ* на головномъ уборѣ:

1-й классъ (высшій чинъ)	шарикъ рубиновый
2	„ „ „ „ коралловый
3	„ „ „ „ голубой
4	„ „ „ „ синий
5	„ „ „ „ бѣлый прозрачный
6	„ „ „ „ „ матовый
7, 8 и 9 классы	„ „ „ „ бронзовый

Каждый чинъ имѣетъ еще высшій и низшій разрядъ.

Примѣч. Перев.

но въ отношеніи собственно управленія краемъ все рѣшается съ обоюднаго согласія вице-короля и губернатора, и одинъ безъ другого ничего не предпринимаетъ; въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не заключается даже никакой субординаціи, какал, напримѣръ, существуетъ между губернаторами провинцій въ Индіи съ одной стороны и вице-королемъ съ другой; поэтому мы видимъ первѣдко, что, предписывая какія - нибудь приказанія, вице-король въ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ такого рода приписку: „предлагается, однако, ждть инструкцій отъ его превосходительства, г. губернатора“. Со своей стороны и губернаторъ соблюдаетъ, конечно, ту же осторожность, не предпринимая ничего безъ одобренія вице-короля. Когда приходится представлять докладныя записки императору, то онѣ подписываются и губернаторомъ и вице-королемъ, при чемъ по затруднительнымъ вопросамъ шекотливаго характера дѣлается обыкновенно такая приписка: „я могу присовокупить, что настоящее донесеніе составлено вашимъ слугой—если подписываетъ маньчжуръ, а не китаецъ, то слово „слуга“ замѣняется словомъ „рабъ“ — Иваномъ“, то-есть приводится лишь собственное имя, каковое только можетъ быть услышано императоромъ. Кромѣ того установился прочный обычай, приобрѣтшій силу закона, что въ каждой группѣ провинцій тѣ или иные вопросы подлежатъ исключительному вѣдѣнію своего вице-короля; на-примѣръ, въ Кантонѣ и Нанкинѣ вице-королями

принадлежитъ исключительный контроль надъ взиманіемъ пошлыны; они же вѣдаютъ вооруженныя силы и сношенія съ иностранными государствами, тогда какъ во всѣхъ прочихъ провинціяхъ губернаторъ остается исключительнымъ посредникомъ по вопросамъ собственно лишь гражданскаго благоустройства и взиманія земельной подати. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ главная власть въ отношеніи вооруженныхъ силъ и соляного налога принадлежитъ вице-королямъ, а въ иныхъ—губернаторамъ; разные другіе вопросы, опять-таки въ разныхъ провинціяхъ въ различной степени, подлежатъ вѣдѣнію или вице-короля или губернатора; тамъ, гдѣ функціи размежеваны соотвѣтствующимъ образомъ, донесенія императору или совѣту въ Пекинъ представляются отдѣльно каждымъ вице-королемъ или губернаторомъ а не коллекціонныя, отъ имени обоихъ администраторовъ.

Къ приведенной выше характеристикѣ власти вице-короля и губернатора необходимо прибавить, что все зависитъ, конечно, отъ личности самого администратора: иногда властный, съ твердымъ характеромъ, вице-король совершенно затмѣпаетъ собою роль подвѣдомственныхъ ему губернаторовъ; но съ другой стороны бываетъ и наоборотъ: энергичный губернаторъ руководитъ дѣлами всей территоріи своего вице-короля. Такъ, напримеръ, грозный губернаторъ Цэнъ (Ts'en), изъ провинціи Чжэ-цзянь (Юэ), происходившій, между прочимъ, какъ говорятъ, пзъ дикарей племени

Мяо, всегда держалъ подъ своимъ суровымъ вліяніемъ вице-королей въ Юнь-нань-фу; предполагають даже, что этотъ губернаторъ убилъ одного вице-короля и потворствовалъ также убійству мистера Маргари; можетъ быть, впрочемъ, что эти толки неправильно приписываютъ ему всѣ эти событія. Съ другой стороны, примѣромъ образцоваго вице-короля служить Лю-кунъ-и (Liu K'un-yih) изъ Нанкина: онъ никогда не напускалъ на себя чрезмѣрной важности и въ то же время былъ честенъ и неподкупекъ, сохраняя всегда добродушное отношеніе къ другимъ; это въ высшей степени благонадежный администраторъ, и мнѣ самому приходилось не разъ улаживать съ нимъ весьма затруднительные и щекотливые вопросы.

Хотя вице-король и губернаторъ являются высшими сановниками въ провинціи и служатъ единственными посредниками между императоромъ и населеніемъ, но на самомъ дѣлѣ, въ силу установившихся традицій, эти администраторы обязаны дѣйствовать „по сношенію“ съ двумя другими сановниками, извѣстными у европейцевъ подъ названіемъ провинціального судьи и провинціального казначея. Въ вопросахъ гражданскаго характера казначей и судья дѣйствуютъ номинально по взаимному соглашенію, точно также какъ съ другой стороны номинально дѣйствуютъ сообща вице-король и губернаторъ; въ обыкновенныхъ же случаяхъ губернаторъ рѣшаетъ многіе вопросы

по личному соглашенію съ казначеемъ. Назначенія на должности дѣлаются по представленію вице-короля и губернатора; но при этомъ соблюдается слѣдующая редакція: „смиренно представляется на одобреніе вашего величества назначеніе на должность, по предложенію казначея и судьи“... Само собою разумѣется, что при этомъ остается еще заручиться согласіемъ высшихъ чиновниковъ въ Пекинѣ, для того, чтобы такое представленіе могло имѣть успѣхъ.

Было время, когда въ организаціи областныхъ учреждений казначей являлся высшимъ должностнымъ лицомъ, но около 500 лѣтъ тому назадъ установился на практикѣ обычай особаго рода—посылать время отъ времени особыхъ евнуховъ или придворныхъ чиновниковъ, для совершенія такъ называемыхъ „успокоительныхъ объѣздовъ“ по провинціи; съ теченіемъ времени эти командированные чиновники получили въ провинціи постоянное назначеніе въ видѣ губернаторовъ, которыхъ поэтому называютъ иногда въ Китаѣ стариннымъ названіемъ „успокоивающій объѣздчикъ“, указывающимъ на происхожденіе этой должности. Должности провинціальныхъ казначей и судьи имѣютъ въ своей родословной тоже аналогичное объясненіе, которое мы, однако, здѣсь приводить не будемъ, имѣя въ виду лишь ближайшую задачу—дать достаточно полный и простой очеркъ административнаго устройства Китая въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется намъ въ на-

стоящее время; при этомъ предполагается, что читателю вовсе необязательно знать подробности историческаго развитія разныхъ мелочей, касающихся Китая. Въ виду сказаннаго ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что упомянутыя выше четыре должностныхъ лица совмѣщаютъ въ себѣ по управленію провинціей власть исполнительную, совѣщательную (въ отношеніи центральнаго правительства) и въ извѣстныхъ предѣлахъ— даже судебную и законодательную. Словомъ,—эти четыре чиновника представляютъ собою *все* „правительство“

Во многихъ частяхъ имперіи встрѣчаются, однако, отступленія отъ указаннаго сейчасъ общаго шаблона административнаго устройства провинцій; для лучшаго уразумѣнія этихъ отступленій необходимо обратиться къ перечню провинцій, приведенному въ началѣ этой книги.

Строгой выдержанностью основной системы отличается вице-королевство двухъ провинцій—Цзянь-си и Цзянь-су, заключающее въ себѣ древнюю провинцію Цзянь-нань (образующую теперь, частью, провинцію Цзянь-су и Ань-хой) и нынѣшнюю провинцію Цзянь-си; всего, слѣдовательно, три провинціи. Вице-король имѣетъ свое пребываніе въ Нанкинѣ, а въ каждой провинціи ея губернаторъ вмѣстѣ съ казначеемъ и судьей имѣютъ свою особую резиденцію. Кромѣ того, при вице-королѣ состоятъ еще особый казначей и особый

судья въ Нанкинѣ; такъ что имѣется всего, какъ видно, два комплекта упомянутыхъ выше основныхъ провинціальныхъ должностей.

Слѣдующимъ по значенію является вице-королевство Чжи-лійское, которое требуетъ нѣкоторыхъ поясненій въ откошеніи своего названія. Сначала, во время царствованія Минской династіи, провинція Чжи-ли называлась *Бэй* (т. е. „сѣверная“) Чжи-ли, для отличія ея отъ *Нань* (т. е. „южной“) Чжп-ли; это было около 1400 года по Р. Х., когда Нанкинъ соперничалъ съ Пениномъ на право считать себя столицей государства. Хотя въ настоящее время въ Китаѣ употребляется часто официальное выраженіе — „различныя Чжи-лійскія провинціи...“, но на самомъ дѣлѣ провинція Чжи-ли не подраздѣляется еще на другія какія-нибудь провинціи и не имѣетъ поэтому еще особыхъ губернаторовъ, за исключеніемъ лишь округа Пекина, управляющагося отдѣльнымъ администраторомъ,—подобно тому какъ, напримѣръ, Вашингтонъ и его округъ образуютъ особую административную единицу, выдѣленную изъ состава штатовъ Мериленда и Виргиніи. Кромѣ того, вся сѣверная или гористая часть провинціи Чжи-ли, лежащая вѣтъ Великой стѣны, находится подъ высшимъ управленіемъ военнаго губернатора Калгана. Обѣ эти административныя единицы отличаются порядочною примѣсью монгольской расы въ составѣ своего населенія и имѣютъ такое же отношеніе къ Сре-

линному Китаю какъ Алжирія къ Франціи или Польша нъ Россіи ¹⁾).

Резиденціей Чжи-лійскаго вице-короля, а также его казначей и судьи, служитъ городъ Бао-динъ-фу; но послѣ прихода европейцевъ вице-король началъ жить ежегодно въ теченіе около шести мѣсяцевъ въ Тянь-цзинѣ, а въ настоящее время этотъ городъ обратился даже въ постоянную резиденцію вице-короля, которую онъ покидаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Далѣе по занимаемому положенію слѣдуетъ вице-королевство двухъ провинцій Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ. При каждомъ изъ губернаторовъ этихъ провинцій состоятъ соотвѣтственные казначей и судья. Резиденціей вице-короля до возстанія тайпинговъ служилъ городъ Чжау-цзинъ (Chao-king) или, по мѣстному произношенію, Ши-хэнъ (Shiuheng), а въ настоящее время совмѣщается съ мѣстомъ пребыванія гуандунскаго губернатора въ г. Кантонѣ (испорченное португальцами названіе провинціи „Гуанъ-дунъ“).

Въ составъ вице-королевства *Минь-чжэ* входятъ двѣ провинціи Чжэ-цзянь и Фу-цзянь. Вице-король имѣетъ пребываніе въ г. Фу-чжоу. Какъ видно изъ названія этого вице-королевства, входяшія въ его составъ провинціи называются своими старинными

---

¹⁾ Повидимому въ западной Европѣ еще долго будутъ жить въ отношеніи Россіи отсталыми воспоминаніями по части географіи и исторіи.

названіями. Губернаторъ провинціи Чжэ-цзинъ живетъ въ г. Ханъ-чжоу, извѣстномъ у Марко-Поло подъ названіемъ Кинса, т. е. — Кинъ-ши или „столица южнаго Китая“, каковой и служилъ тогда этотъ городъ въ виду того, что „манъ-изы“ (man-tsz), т. е. „южане“, были оттѣснены съ сѣвера киданями и другими татарскими племенами. Пока островъ Формоза входилъ въ составъ Фу-цзяньской провинціи, губернаторъ этой провинціи жилъ въ г. Су-чжоу; но послѣ нападеній, которымъ этотъ островъ подвергался со стороны французовъ и японцевъ, губернаторская резиденція перешла въ городъ Тай-вань-фу, а обязанности губернатора въ этой части провинціи возложены на вице-короля, при которомъ до сего времени остаются казначей и судья. Въ Ханъ-чжоу имѣются, конечно, также казначей и судья для Чжэ-цзиньской провинціи. Съ тѣхъ поръ какъ Формоза уступленъ японцамъ, не дѣлалось вовсе назначенія на должность губернатора въ Фу-цзяньской провинціи.

Вице-королевство *Ху-гуанъ* состоитъ изъ провинцій Ху-бэй и Ху-нань. Вице-король имѣетъ пребываніе въ томъ же городѣ, гдѣ живетъ губернаторъ Ху-бэйской провинціи—въ У-чанѣ, противъ г. Ханъ-коу; губернаторъ второй провинціи живетъ въ г. Чанъ-ша (Ch'ang-sha). Казначей и судья имѣются въ каждой провинціи.

Провинціи Гуй-чжоу и Юнь-нань образуютъ вице-королевство *Юнь-гуи* съ общей резиденціей для вице-короля и губернатора Юнь-наньской про-

виниші въ городѣ Юнь-нань-фу; въ провинціи Гуй-чжоу губернаторъ живетъ въ г. Гуй-ниъ (Kweiyang). Въ обѣихъ провинціяхъ имѣются надлежащія казначей и судьи.

Не входятъ вовсе въ составъ вице-королевствъ провинціи Шань-си, Шань-дунъ и Хэ-нань, древнѣйшая область Китая. Въ этихъ провинціяхъ губернаторъ вмѣстѣ съ казначеемъ и судьей олицетворяютъ собою высшую мѣстную власть; затѣмъ обширнѣйшая провинція Сы-чуань управляется непосредственно своимъ вице-королемъ при соответствующихъ казначеѣ и судѣѣ, не имѣя вовсе губернатора.

Есть, наконецъ, еще одно сформированное вице-королевство Шэнь-гань съ резиденціей въ г. Лань-жоу-фу, въ которомъ имѣютъ пребываніе также казначей и судья провинціи Гань-су, входящей въ составъ этого вице-королевства. До вторичнаго завоеванія Кашгаріи отъ Якубъ-бека въ Гань-суйской провинціи не было вовсе губернатора, а затѣмъ учреждено было губернаторство подъ названіемъ „Гань-суйская новая территорія“ (новая линія) съ резиденціей казначея въ г. Урумчи, извѣстномъ также подъ названіемъ Ди-хуа-чжоу; судья этого губернаторства вѣдаетъ всѣ соответствующія функціи, но состоитъ въ низшемъ рангѣ по сравненію съ прочими провинціальными судьями. Резиденціей губернатора второй провинціи, Шэнь-си, входящей въ составъ этого вице-королевства, служитъ г. Си-ань-фу, представляющій собою древ-

нѣйшую столицу наиболѣе знаменитыхъ династій Китая за все время (900—1360) отъ уничтоженіи феодальной системы до воцаренія различныхъ татарскихъ династій. Эта провинція имѣетъ своихъ особыхъ казначея и судью. Такимъ образомъ вице-королевство Шэнь-гань управляется однимъ вице-королемъ, двумя губернаторами, тремя казначеями и тремя судьями.

Что же касается внутренней системы управленія то необходимо заиѣтить, что каждая изъ этихъ провинцій представляетъ собою цѣльное государство, жизнедѣятельность котораго стоитъ въ совершенной независимости отъ существованія прочихъ провинцій; общая солидарность заключается лишь въ томъ, что всѣмъ провинціямъ одинаково предъявляются настойчивыя требованія изъ Пекина о ежегодныхъ отчисленіяхъ въ пользу центрального правительства. Каждая провинція имѣетъ свои особыя войска, флотъ (въ извѣстныхъ случаяхъ), свою особую систему обложеній и свои собственныя общественныя учрежденія ¹⁾. Государственный контроль въ отношеніи всѣхъ провинцій проявляется лишь по вопросу о торговлѣ солью и содержаніи флота; во всемъ остальномъ рѣшающей инстанціей является власть вице-короля и губернатора, которые взаимно „сносятся“ между

¹⁾ Даже единицы денежныя, мѣры и вѣса не вполне одинаковы въ различныхъ провинціяхъ или въ предѣлахъ даже одной и той же провинціи.

собою. Когда различныя провинціи заинтересованы совокупно въ нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ спеціального характера, то губернаторы этихъ провинцій, постѣ предварительныхъ взаимныхъ сношеній, обращаются совмѣстно къ императору или центральному правительству; напримѣръ: военная стоянка въ г. На-моа, на границахъ провинцій Гуанъ-дуна и Фу-цзня, состоитъ подѣ властію одновременно двухъ вице-королей; точно также вопросъ о согласованіи противорѣчивыхъ интересовъ по соляной торговлѣ требуетъ общей солидарности вице-королей, которымъ подвластны всѣ провинціи въ долинѣ рѣки Янъ-цзы.

Внѣшнія сношенія Китая съ иностранными государствами получили въ послѣдніе годы широкое развитіе, что на практикѣ привело къ присвоенію правъ дипломатическихъ переговоровъ съ иностранцами двумъ вице-королямъ, въ отличіе отъ прочихъ вице-королей и губернаторовъ, которые этими правами не пользуются. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, чжи-лійскій вице-король, въ Тинъ-цзинѣ, представляя собою высшаго въ имперіи уполномоченнаго въ отношеніи торговыхъ вопросовъ по всему сѣверному побережью, является фактически руководителемъ въ этой области для всего „древняго Китая“; въ то же время другой вице-король, въ Нанкинѣ, пользуясь такими же полномочіями въ отношеніи южнаго побережья, олицетворяетъ собою ту же власть для всей остальной части Китая. Этотъ порядокъ вещей приво-

дять на практикѣ къ нѣкоторому объединенію аъ имперіи всего относящагося къ вопросу о вооруженныхъ силахъ — если не еухопутныхъ, то хотя бы морскихъ — и сосредоточенію ихъ въ рукахъ двухъ вице-королей, которые въ то же время направляютъ и внѣшнюю политику. Благодаря положенію этихъ вице-королей Тянь-цзинь и Шанхай (послѣдній въ виду его связи съ Нанкиномъ) являются также столицами государства и въ смыслѣ торговомъ.

Представивъ общую характеристику административнаго устройства провинцій, остается замѣтить, что сношенія мѣстныхъ властей съ Пекиномъ, въ силу принятой системы, само собою разумѣется крайне ограничены. Въ высшихъ департаментахъ центральныхъ управленій искусные бухгалтеры отлично знаютъ какіе доходы получаются въ каждой провинціи или, что будетъ ближе къ истинѣ — въ канихъ размѣрахъ должны быть показаны эти доходы; затѣмъ податной палатѣ остается лишь указать какія „отчисленія“ должны быть сдѣланы отъ каждой провинціи, варьируя изъ года въ годъ эту общую сумму въ зависимости отъ благосостоянія или неурожая каждой провинціи и сообразно съ требованіями военнаго характера и общественныхъ работъ, согласно спеціальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ соответствующихъ палатъ.

Подлежащія „отчисленія“ изъ доходовъ провинцій указываются ежегодно въ особыхъ цирку-

лярахъ, которые обыкновенно редактируются въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Назначеніе маньчжурскихъ и другимъ знаменнымъ войскамъ дѣлается въ семь году въ прежнемъ размѣрѣ 7,000,000 ланъ. Ваша субсидія провинціямъ А. и Б. остается въ прежнемъ размѣрѣ и отчисляется отъ вашихъ доходовъ по соляному налогу. Расходъ по содержанію вашихъ вооруженныхъ силъ погашается *ликингомъ* (лицинь) и таможеннымъ сборомъ съ мѣстной торговли. Такъ какъ изъ фондовъ В. и Г. нельзя нынче сдѣлать отчисленій на содержаніе гарема и адмиралтейства въ Пекшгѣ, вслѣдствіе израсходованія этихъ фондовъ на платежи по русско-французскому займу, то вамъ надлежитъ удержать для упомянутой цѣли такую-то часть изъ фонда Д. Отчисленіе на содержаніе указанныхъ выше знаменныхъ войскъ составляетъ на вашу долю, по примѣру прежнихъ лѣтъ, 700,000 ланъ, которые должны быть выдѣлены изъ вашихъ доходовъ по земельнымъ податямъ и таможеннымъ сборамъ съ иностранной торговли“...

До тѣхъ поръ, пока мѣстныя власти посылаютъ исправно въ Пекинъ причитающіяся отъ нихъ отчисленія, раздаютъ надлежащія подачки докучливымъ претендентамъ, предупреждаютъ и подавляютъ всякіе безпорядки, даютъ занятія цѣлой арміи провинціальныхъ аспирантовъ, чающихъ разныхъ должностей,—пока онѣ удачно отпарнируютъ требованія иностранцевъ и усмиряютъ возстанія

всякаго рода,—словомъ,—пока эти власти умѣютъ въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ поддерживать наружное спокойствіе и благополучіе,—не возникаетъ никакихъ вопросовъ и въ высшихъ сферахъ, и центральное правительство добродушно встрѣчаетъ всѣ представляемые отчеты и назначенія; вице-король и его сослуживцы наслаждаются тогда счастьемъ, и каждый благополучно заботится о своихъ „сбереженіяхъ“. Пекинское правительство не создаетъ, вообще, никакихъ новыхъ законовъ, не вмѣшивается ни въ какія дѣла провинцій, касающіяся различныхъ классовъ населенія, предоставляя всѣхъ и каждого собственнымъ средствамъ.

При такомъ механизмѣ государственнаго устройства каждому открывается возможность, или по крайней мѣрѣ надежда на эту возможность, приложить и со своей стороны руку къ общественному пирогу; поэтому мы мало встрѣчаемъ среди низшихъ слоевъ китайцевъ наклонности тянуться за тѣми, которые стоятъ выше, хотя чванливость, конечно, достаточно распространена по всѣхъ классахъ населенія. Каждый крестьянинъ или зеленщикъ можетъ путемъ научной подготовки, или чрезъ взятку, пробить себѣ дорогу; поэтому знатный китаецъ никогда не стыдится своихъ бѣдныхъ родственниковъ. Господствуетъ, вообще, общепринятое правило — *жить самому и дать жить другимъ*; каждому открыта любая дорога, которой остается лишь пользоваться по мѣрѣ личныхъ способностей. Въ Китаѣ неизвѣстны ни паспорта,

ни границы, ни стѣсненія свободы; тамъ не знаютъ никакихъ кастовыхъ предразсудковъ, никакихъ стѣснительныхъ вѣръ, касающихся пищевыхъ продуктовъ или санитарной части; не существуетъ даже никакихъ законовъ ¹⁾, за исключеніемъ лишь общепринятыхъ обычаевъ и мѣропріятій противъ нарушеній уголовнаго характера.

По общему духу внутренняго управленія страной Китай представляетъ собою во многихъ отношеніяхъ республику, въ которой личность каждаго пользуется широкой свободой. Маньчжуры, какъ господствующій классъ населенія, пользуются, конечно, извѣстными привилегіями; но въ то же время ихъ гражданская правоспособность урѣзана во многомъ. Въ социальномъ строѣ жизни считаются изгоями и подвергаются нѣкоторому пренебреженію цырюлькики, актеры и полицейскіе; но все это существуетъ скорѣй въ теоріи, чѣмъ проявляется въ практической жизни ²⁾. Зато каждый прирожденный „варваръ“, т. е. не китаецъ, полу-

¹⁾ Сколько знаю по разспросамъ свѣдѣніямъ, кодексъ уголовныхъ законовъ существуетъ, кажется, давно, составленный при императорахъ Яо и Шунь, за 22 столѣтія до Р. Х.

Примѣч. Перев.

²⁾ Къ этимъ настамъ (яи), сколько нѣ извѣстно, принадлежатъ еще ямщики (почтари) и содержатели доновъ терпимости. Не только въ теоріи, но и на практикѣ эти классы населенія урѣзаны въ своихъ правахъ: такъ, яи со всѣхъ своихъ потомство не допускаются къ государственнѣмъ экзаменамъ

Примѣч. Перев.

часть всѣ права китайца, какъ только онъ впервые „натянулъ штаны“ и выучился читать; дѣйствительно, есть даже официальное выраженіе для этого обращенія, гласящее: „обращеніе первобытнаго человѣка въ обыкновеннаго“.

Въ Китаѣ всѣ безъ исключенія считаются одинаково равными предъ лицомъ императора, и всѣ одинаково могутъ разсчитывать на его гнѣвъ или благоволеніе. Единственно, что требуется отъ китайца, это—оставаться вѣрнымъ обычаямъ страны и превыше всего почитать особу императора въ лицѣ его представителей мандариновъ, хотя бы самыхъ незначительныхъ чиновниковъ, носящихъ поэтому всегда официальную одежду. Каждому китайцу предоставляется возможность быть счастливымъ, — зависти между различными классами населенія быть не можетъ: различаются лишь мелкія рыбешки и крупныя рыбы; перезья становятся, конечно, добычей вторыхъ, до тѣхъ поръ, пока сами не подрастутъ, наберутся силъ и, обратившись въ крупную рыбу, начнутъ, въ свою очередь, пожирать мелкоту.

Посмотримъ теперь, какъ же функционируетъ провинціальное правительство? На это необходимо замѣтить, что краеугольнымъ камнемъ всего административнаго строя имперіи въ смыслѣ мѣстнаго областного правленія, служить *сянъ* (hien) или „уѣздъ“, которыхъ имѣется всего около 1300. Пригоняя этотъ уѣздъ къ своему масштабу,

европейцы переводить слово „сянь“ различно: „округъ“, „департаментъ“, „кантонъ“, „префектура“, „уѣздъ“. Провинція Гуй-чжоу, считающаяся полуварварской, заключаетъ въ себѣ 34 сяня, но зато въ составъ ея входятъ еще многочисленныя „первобытныя“ округа; съ другой стороны провинція Чжи-ли подраздѣляется на 140 сяня, включая сюда и городъ Пекинъ, а также монгольскіе округа.

По занимаемому пространству *сянь* подходит всего ближе къ англійскому „графству“ или къ французскому „департаменту“ и русскому уѣзду, представляя, конечно, извѣстныя отступленія въ зависимости отъ значенія самой территоріи. Въ областяхъ съ чисто китайскимъ населеніемъ *сянь* почти всегда состоятъ изъ окруженнаго стѣной города и окружающей его территоріи, занимающей приблизительно около 500—1500 квадратныхъ миль. Очень часто въ составъ *сяня* входитъ какой-нибудь важный городъ, являющійся придаткомъ къ мертвому городу, считающемуся административнымъ центромъ сяня: до послѣдняго времени подобный анахронизмъ существовалъ, напримѣръ, въ отношеніи города Хань-коу.

Каждый китаецъ именуется раньше всего по тому *сяню*, къ которому онъ принадлежитъ; эта связь такъ прочна, что не порывается во всю жизнь китаецъ, даже послѣ достиженія высшаго званія и почета,—подобно тому какъ къ фамиліямъ французской или шотландской аристократіи прибавляется

названіе мѣста родины. Такъ, напримѣръ, знаменитый Ли-хунъ-чжанъ часто именуется просто „государственный человѣкъ *Хэ-фэй*“, потому что родной его служить сянь *Хэ-фэй*; точно также его знаменитый соперникъ Чжанъ-чжи-дунъ называется обыкновенно въ газетахъ просто вице-королемъ „Нань-пи“, по имени этого городка, лежащаго на Императорскомъ наналѣ къ югу отъ Пеккина и служащаго также родиной этого сановника.

Душой и сердцемъ всей официальной жизнедѣятельности *сяня* служить его начальникъ, *чжи-сянь* или магистратъ, олицетворяющій собою всю власть, честь и представительство своего уѣзда; въ большихъ центрахъ, какъ, напримѣръ, въ Кантонѣ и Чунъ-цинѣ, этотъ начальникъ занимаетъ во многихъ отношеніяхъ такое же высокое положеніе какъ лондонскій лордъ-мэръ. Сравнительно неважный чинъ или „шарикъ“, присвоенный этой должности по іерархической лѣстницѣ, дѣлаетъ возможнымъ тѣсное общеніе чжи-сяня съ массой населенія; въ то же время его высокое социальное и служебное положеніе, какъ органа исполнительной власти, облакаетъ его такимъ престижемъ, къ которому и вице-король долженъ относиться съ уваженіемъ, потому что этотъ низшій чиновникъ является иногда непосредственнымъ исполнителемъ императорскихъ указовъ. Насколько *чжи-сянь* является душой всего административнаго устройства сянтя видно изъ того, что самому императору или

центральному правительству присвоивается иногда, при изящномъ стилѣ, аналогичное названіе „сянь-гуань“, т. е. „окружный начальник“.

Чжи-сянь является, во-первыхъ, судьей въ первой инстанціи по всевозможнымъ тяжбамъ гражданскаго и уголовнаго характера; онъ же начальникъ тюрьмы, полиціи; онъ же главный землемѣръ, шерифъ, экзаменуетъ кандидатовъ на должности гражданской службы, собираетъ подати, приноситъ жертвы богамъ; онъ же судебный слѣдователь, приставъ; словомъ, олицетворяетъ собою то, что называется — „и папу и маму“. Во внѣшнемъ ореолѣ, окружающемъ эту должность, кроется большое отличіе, въ зависимости отъ важности представляемаго *сяня*: гдѣ-нибудь въ глубокой провинціи роль этого начальника очень значительна, но, напримѣръ, въ такомъ центрѣ, какъ Кантонъ, гдѣ должность чжи-сяня заслонена многочисленными высшими представителями военныхъ и гражданскихъ властей, онъ остается до нѣкоторой степени въ тѣни; аналогичное явленіе мы видимъ, напримѣръ, и въ Лондонѣ, гдѣ лордъ-мэръ отходитъ на задній планъ въ виду присутствія въ этомъ городѣ двора и министровъ. Зато въ своемъ *сянь*, въ провинціи, уѣздный начальникъ представляетъ собою вседержителя во всемъ. Никакой специальной подготовки при назначеніи на эту должность не полагается, не считая нѣкоторыхъ познаній въ китайскихъ стихахъ. При чжи-сянѣ состоитъ постоянный штатъ хорошо подготовлен-

ныхъ чиновниковъ, заведывающихъ соотвѣтствующими отдѣлами по управленію уѣздомъ и дѣлящихъ со своимъ принципаломъ всѣ поборы и доходы, оставаясь при этомъ въ тѣни. Если чжиянь человекъ слабый, то онъ, конечно, играетъ роль маріонетки въ рукахъ окружающей его клики или того патрона, который доставилъ ему деньги для достиженія этой должности; но если онъ человекъ съ самостоятельнымъ характеромъ, то вся эта служащая полуголодная челядь питается подачками только изъ его рукъ.

Доходность cadaго сян и всѣ незаконные поборы доподлинно извѣстны высшимъ властямъ. При этомъ необходимо, однако, замѣтить, что хотя подкупъ и взятки распространены въ Пекинѣ одинаково, какъ и въ провинціи, но въ сущности основы китайской администраціи, на которыхъ зиждется правительство, вовсе не такъ плохи въ смыслѣ моральномъ, какъ это можетъ казаться при поверхностномъ взглядѣ. По собственному моему опыту, вынесенному изъ сношеній съ китайскими чиновниками, могу сказать, что большая часть изъ нихъ не хуже хотя бы американскихъ чиновниковъ средней руки, т. е. какъ тѣ, такъ и другіе одинаково обольщаются всѣмъ чѣмъ можно, насколько это допускаютъ личная совѣсть cadaго и принципы самой системы.

Приобрѣтеніе чиновъ, и даже должностей, простой покупкой получило, къ сожалѣнію, широкое распространеніе въ Китаѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ

странѣ стали возникать частые безпорядки, благодаря сношеніямъ съ европейцами или въ силу иныхъ неурядицъ. Даже въ настоящее время, когда высшія должности нельзя уже приобретать покупкой, должность чжи-сяня можетъ быть занята за деньги, подобно тому какъ установлена продажа грамотъ на многіе высшіе титулы и званія. Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о взяткахъ и подкупахъ, можно сказать, вообще, что въ большинствѣ случаевъ достиженіе должности чжи-сяня обусловливается, все-таки, или блестяще выдержаннымъ экзаменомъ, или государственными заслугами родителей, или собственной предварительной услугой права стать кандидатомъ; или, наконецъ, заслугами спеціальнаго характера, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть пожертвованіе съ патріотической цѣлью и т. п.

Какимъ бы путемъ чиновникъ ни занялъ своей должности, кривдой или правдой, раньше всего онъ заботится, конечно, о томъ, чтобы вернуть себѣ всѣ расходы, потраченные имъ на хлопоты по занятію своей должности, — за исключеніемъ развѣ такихъ случаевъ, когда чиновникъ отличается особымъ энтузіазмомъ или беззаботностью, но тогда ему очень быстро приходится пожалѣть и раскаяться. Затѣмъ, слѣдующей заботой чиновника новичка это — упрочить и нагрѣть свое гнѣздо, а для сего необходимо заручиться благосклоннымъ отношеніемъ губернатора и казначея, расчистивъ себѣ, такимъ образомъ, путь къ дальнѣйшему по-

вышенію по службѣ. Все это, конечно, обусловливается личными способностями каждаго. Важнѣйшимъ служебнымъ долгомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе прибыльнымъ отправленіемъ обязанностей, служить сборъ и отсылка поземельныхъ налоговъ; для правильного исполненія этой операціи чжи-сянь держитъ при себѣ всегда вполнѣ опытнаго адвоката, въ случаѣ необходимости уладить спорные вопросы.

Центральное правительство въ Пекинѣ никогда не требуетъ больше того, чѣмъ сколько назначено разверсткой, и даже всегда чрезвычайно довольно, если получить хотя бы восемь десятыхъ назначенной суммы. А нѣ то же время дѣйствительный сборъ податей далеко превышаетъ установленную норму ¹⁾: для этой цѣли прибѣгаютъ ко всякимъ плутнямъ на курсовыя разницы—по цѣнности мѣди, которой собираются, и серебра, которой отсылаются подати, обсчитываютъ и обмѣриваютъ, задари-

---

¹⁾ Насколько, вообще говоря, поступаетъ въ казну мало по сравненію съ собираемыми доходами, могу привести слѣдующій примѣръ: смотритель Баинтунской таможни на р. Сунгари, получая жалованья около 90 руб. кред. (45 ланъ) въ годъ, самъ, со своей стороны, даетъ мѣстному *будутуну* (должность, соответствующая у насъ должности военнаго губернатора и существующая только въ Маньчжуріи) ежегодный доходъ въ 8000—9000 рублей, при чемъ, по словамъ китайцевъ, самъ откладывалъ ежегодно въ свою пользу не менѣе 10,000 руб. За право занятія этой должности было уплачено 6000 рублей.

Всѣ эти свѣдѣніи относятся къ 1895 году.

Прим. Перев

вають и подкупають гдѣ нужно, рисуютъ предъ высшими властями мрачную картину бѣдности и нищеты мѣстнаго населенія, — разныхъ несчастій и бѣдствій, постигшихъ будто бы округъ и т. п. Всѣми этими мѣрами достигается то, что въ настоящее время общая сумма дѣйствительно собираемыхъ податей превышаетъ отъ двухъ до четырехъ разъ законную норму. Если предположимъ, что обязательная норма подлежащихъ къ поступленію земельныхъ податей составляетъ отъ *сяня* около 10,000 ланъ, то можно допустить, что при этомъ перепадаетъ *чжи-сяню* — принимая во вниманіе прежніе курсы на серебро — отъ 2000 до 3000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. При такихъ внушительныхъ доходахъ, при возвращеніи къ себѣ на родину послѣ 20—30 лѣтъ исправленія должности, *чжи-сянь* явился бы солиднымъ капиталистомъ; но на самомъ дѣлѣ у него осѣдаетъ лишь нѣкоторая часть этихъ доходовъ, большая же часть поглощается карманами высшихъ чиновниковъ, которые участвуютъ въ этомъ дѣлѣ въполнѣ открыто, согласно установившимся обычаямъ, признаннымъ даже, до нѣкоторой степени, закономъ ¹⁾).

Послѣ сбора земельныхъ налоговъ важной обязанностью, и въ то же время доходной статьей, служитъ отправленіе правосудія. Въ каждомъ сипѣ

¹⁾ Среди китайской бюрократіи этотъ законъ извѣстенъ подъ названіемъ *янь-тянь*, т. е. „поощреніе безкорыстія“...

магистратъ обязательно содержитъ при себѣ цѣлую армію всевозможныхъ курьеровъ, сборшниковъ, палачей, полицейскихъ; все это обыкновенно прирожденные негодяи, которые за свою службу не получаютъ, однако, никакого жалованья отъ магистрата, хотя бы на одно пропитаніе. Между тѣмъ въ каждомъ сянѣ имѣется этихъ грабителей отъ 30 до 300 человекъ, смотря по обширности округа. На практикѣ это приводитъ къ тому, что въ эту уѣздную челядь скопляются всѣ отбросы мѣстнаго городского населенія, которые и питаются на счетъ получаемыхъ отъ чжи-сяня „указовъ“; и—разъ только подпадаетъ кто-нибудь изъ жителей подъ этотъ указъ, то будь онъ свидѣтель, или истецъ, или обвиняемый, ему непременно придется уже откупаться отъ этихъ имыньскихъ прихвостней. Мало того: помимо этой толпы голодныхъ служителей имѣется еще по сосѣдству съ каждымъ ямынемъ ¹⁾ другая стая хищныхъ приспѣшниковъ, подкарауливающихъ жертву со своей стороны, готовыхъ во всякую минуту откликнуться на приманки полицейскихъ и дѣйствовать съ ними заодно противъ обывателя.

Размѣры вытекающихъ изъ такого порядка пещей произвола и тиранства въ каждомъ сянѣ, конечно, различны, въ зависимости отъ личности чжи-сяня. Я самъ видѣлъ не мало фантовъ въ

---

¹⁾ Ямынемъ называется въ Китаѣ всякое присутствен-
ное мѣсто.

этой области собственными глазами, имѣлъ неоднократно разговоры по этому поводу съ магистратами и ямыньскими служителями. Все это даетъ мнѣ возможность утверждать съ абсолютной достовѣрностью, что если только чжи-сянь отличается порядочной беззаастѣнчивостью и пользуется поддержкой своего притона злонамѣренныхъ прпспѣшниковъ, привыкшихъ ко всякимъ хпшеніямъ и безправымъ дѣйствіямъ среди затуканнаго п порабошеннаго населенія, то такой начальникъ можетъ исполнѣ безнаказанно казнить кого ему угодно въ своей тюрьмѣ, беретъ взятки, творитъ всякую несправедливость, набиваетъ себѣ карманъ и, что еще удивительнѣе, въ доаершеніе всего сохраняетъ за собою еще репутацію порядочнаго администратора ¹⁾.

¹⁾ Для характеристики китайскихъ администраторовъ позволю себѣ и со своей стороны привести слѣдующій фактъ, повѣренный мною на мѣстѣ. Когда я прибылъ въ Баянь-сусу въ 1895 году, тамъ сидѣлъ въ тюрьмѣ на нѣли бывшій въ томъ же онругѣ чжи-сянь, снѣженный за нѣскольکو мѣсяцевъ передъ ноншъ прїѣздомъ по требованію военнаго губернатора Амурской области ген.-и. Арсенъева. Послѣдняя продѣлка этого чжи-сяня, которая привела его въ столкновение съ русскими властями, заключалась въ томъ, что онъ придрался къ нѣстному богатому купцу Ванъ-шанъ-пу, транспортировавшему тогда зерновой хлѣбъ въ Амурскую область, обвинивъ его въ посылкѣ хлѣба въ Япоіію. Несмотря на явную нелѣпость этого обвиненія, чжи-сянь бросилъ этого купца, отца многочисленнаго семейства и хозяина многихъ торговыхъ фирмъ въ городѣ, въ сырую тюрьму, гдѣ ежедневно угощалъ ударами бамбука въ теченіе двухъ недѣль, и выпустилъ за взятку въ 400 ланнъ (около 800 р. кред.). Китайскіе купцы увѣряли меня, что этотъ чжи-сянь грабитъ за-

Съ другой стороны мнѣ приходилось встрѣчать чжи-сяней вполнѣ честныхъ, прямодушныхъ, совершенно безкорыстныхъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ обычаевъ, жаждущихъ творить добро и справедливость, умѣющихъ держать себя легально съ высшимъ начальствомъ и способныхъ сдерживать хищническіе инстинкты полиціи, которые однако дѣлались жертвой обычая и обстоятельствъ. Я имѣлъ однажды изъ моемъ распоряженіи въ качествѣ тѣлохранителя честнаго служителя, даннаго мнѣ однимъ правителемъ сяня. Этотъ служитель однажды едва не лишился собственной жизни, защищая меня, а между тѣмъ, во время нашего совмѣстнаго путешествія по странѣ, онъ неоднократно рассказывалъ мнѣ вполнѣ откровенно о своихъ прежнихъ преступленіяхъ по службѣ. Слюзомъ, въ большинствѣ случаевъ *чжи-сяни* или — по ихъ ходячему названію просто — *сяни* таятъ въ себѣ хорошіе задатки, но виновата сама система, которая даетъ чиновникамъ возможность и средства дѣлать добро и зло по произволу. Необходимо еще замѣтить, что многіе магистраты умножаютъ свои доходы, получаемые отъ земельныхъ налоговъ, значительной мздой, перепадающей имъ при отправленіи правосудія; поэтому должность сяньскаго адвоката является наиболѣе важной послѣ чжи-сяня.

одно съ хунхузами, получая отъ индѣ известную часть добычи, и незадолго передъ тѣмъ собственноручно убилъ даже одного солдата за то, что онъ слишкомъ усердно ловилъ хунхузовъ.

Примѣч. Перев.

Кромѣ поземельныхъ налоговъ есть еще много другихъ источниковъ доходовъ, изъ которыхъ составляется благосостояніе чжи-сяня, какъ, напримѣръ: производство слѣдствій, выдача разрѣшеній всякаго рода, продажа земель, казенные хлѣбные склады, почта, подарки богатыхъ помѣщиковъ, закупка припасовъ и т. п. Въ Пекинѣ отлично сознають, что у чжи-сяня имѣется не мало расходовъ, для покрытія которыхъ требуется располагать разнообразными фондами; точно также и провинціальныя власти понимаютъ въ свою очередь, что чжи-сянь связанъ многими неписанными, но обязательными обычаями: онъ долженъ ремонтировать ямыни и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ, держать въ порядкѣ общественныя зданія, разсылать извѣщенія, снабжать всѣмъ необходимымъ проходяшіе транспорты; онъ долженъ, наконецъ, какъ это хорошо извѣстно, „смазывать ладони“ кому слѣдуетъ. Все это влечетъ за собою не мало расходовъ, и весьма естественно если чжигнь наживается при этомъ.

Наконецъ, помимо всего важно то, что должности чжи-сяня занимаются многими сыновьями вице-королей; поэтому установился среди провинціальныхъ властей донѣкоторой степени однообразный взглядъ по сему вопросу, въ силу простой солидарности, при которой „рука руку моетъ“. Такимъ образомъ власти признають лучше не поднимать вопроса обо всѣхъ этихъ мелочахъ, ко всеобщему удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ чиновниковъ.

Выше замѣчено было, что вся власть мѣстнаго управленія сосредоточена въ лицѣ четырехъ должностей, а основой административнаго устройства служить *сянь*. Существуютъ, однако, еще промежуточные должности п административныя единицы, которыя нельзя обойти молчаніемъ, а именно: группа изъ двухъ и болѣе *сяней* образуетъ *фу*, означающій собою собственно городъ перваго разряда; въ каждой провинціи имѣется отъ пяти до десяти такихъ *фу*. Начальникъ *фу*, или *чи-фу*, часто просто называется *фу*; названіе это сравнительно недавняго происхожденія, такъ какъ въ прежнее время этой административной единицѣ соотвѣтствовало другое названіе *лу*, которое въ разное время, при различныхъ случаяхъ, приурочивалось другимъ административнымъ подраздѣленіямъ. Мы здѣсь приводить не будемъ всѣ эти административныя перегородки, чтобы не обременять вниманіе читателя излишними опредѣленіями, замѣтимъ лишь при этомъ, что названіе *фу* приурочивается собственно не къ населенному пункту, а составляетъ принадлежность входящихъ въ его составъ *сяней*; такъ, напримѣръ, Люй-чжоу-*фу*, въ провинціи Ань-хой, имѣющій пять *сяней*, приурочивается на самомъ дѣлѣ къ городу Хэ-фэй, родинѣ Лп-хунъ-чжана. Тотъ *сянь*, на долю котораго выпадаетъ честь служить мѣстопребываніемъ для *чи-фу*, называется главнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ городѣ Кантонѣ (Гуанъ-чжоу-фу), находятся въ чертѣ

города, т. е. внутри городскихъ стѣнъ, два главныхъ сянй; но границей между ними служить скорѣй воображаемая линія—къ немалому, конечно, удовольствію городскихъ воровъ и мошенниковъ. Въ городѣ Су-чжоу (Су-чжоу-фу) находятъ себѣ одновременное пребываніе даже три главныхъ сянй, т. е. имѣются три ямыня и три администратора. Разумѣется въ этомъ трехголовомъ правительствѣ каждый правитель хозяйничаетъ лишь въ своемъ сянѣ.

Права и обязанности чжи-фу, или фу, такъ же растяжимы и неопредѣленны, какъ и подвѣдомственная ему территорія. Мнѣ приходилось имѣть дѣло и бесѣдовать со многими фу, но до сего времени я не могъ уяснить себѣ, въ чемъ собственно заключается ихъ дѣятельность, не считая лишь того, что они пересматриваютъ судебныя рѣшенія во второй инстанціи и служатъ промежуточнымъ учрежденіемъ между сянп и высшими инстанціями. Всѣ распоряженія и приказанія, адресуемая въ сяни, передаются чрезъ фу, въ которые поступаютъ также и всѣ донесенія. Если главный фу или главный сянъ живетъ въ одномъ городѣ съ вице-королемъ или губернаторомъ, то имъ приходится лакействовать и тратить много времени каждое утро на ожиданіе въ пріемной бесѣды съ чиновниками и секретарями и проч.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на чжи-фу возлагаются еще особыя обязанности, помимо ихъ прямыхъ постоянныхъ функций. Такъ, напримѣръ, въ Кантонѣ въ вѣдѣніи фу состоятъ еще „област-

ныя таможни" или „октрои“. Въ Лянь-чжоу чжи-фу обязанъ противоѣствовать притязаніямъ иностранныхъ консуловъ въ Пакъ-хоѣ; нынѣшній губернаторъ провинціи Цзянь-су, Лу-чуань-линь (Luh-Ch' wan-lin), который въ іюлѣ 1900 года выступилъ противъ боксеровъ, составилъ себѣ карьеру именно тѣмъ, что, занимая должность чжи-фу въ 1879 году, заговорилъ твердымъ языкомъ съ англійскимъ консуломъ въ Пакъ-хоѣ. Въ матеріальномъ отношеніи должность чжи-фу не такъ выгодна, какъ должность чжи-сяня; но первому принадлежитъ вѣскій голосъ при назначеніи на должность вторыхъ, притомъ же онъ можетъ всегда причинить чжи-сяню много непріятностей, если онъ не задобрить какъ слѣдуетъ.

На сѣверѣ Китая существуетъ такая поговорка:

„Фу-ли-фу
„Сань-бай-ву“

Смыслъ этой поговорки заключается въ томъ, что отъ одного фу до другого будетъ сто миль, а площадь каждаго фу равняется 10,000 квадратныхъ миль. Выборъ и назначеніе чиновниковъ въ фу и сянь вполне равномерно распределяются между центральнымъ правительствомъ въ Пекинѣ и провинціальными властями. Само собою разумѣется, что назначеніе на должность главнаго чжи-фу или чжи-сяня предоставляется всецѣло усмотрѣнію вице-короля или губернатора, подобно тому, какъ нашимъ высшимъ офицерамъ предоста-

вляется вполнѣ избраніе на должность личныхъ нхъ адъютантовъ или частныхъ секретарей.

Далѣ въ административномъ раздѣленіи страны непосредственно выше фу стоитъ *дао*, которое представляетъ собою еще болѣе новую и еще менѣе определенную административную единицу, чѣмъ фу. Въ составъ *дао* входятъ обыкновенно два и болѣе фу или одинъ фу и нѣсколько сяней или *чжоу*. Начальнику *дао* не указано даже жить обязательно въ окруженномъ стѣной городѣ; не существуетъ даже теоретически этого населеннаго пункта, который долженъ считаться главнымъ для даннаго *дао*. Подобно *чжи-фу* начальникъ *дао* служить также лишь передаточной инстанціей, но второй, повидимому, всегда больше занятъ, чѣмъ первый, потому что на него всегда возлагается много разныхъ другихъ специальныхъ обязанностей. Кромѣ того въ противоположность *чжи-фу*, который является хозяиномъ и администраторомъ въ предѣлахъ ввѣреннаго ему района, *дао* стоитъ какъ бы въ сторонѣ, являясь до нѣкоторой степени гостемъ: онъ можетъ вліять только чрезъ фу и сяня, роль которыхъ можно приравнить къ роли командира полка и командира роты, а *дао-тай* представится тогда въ положеніи командира бригады въ дивизіи.

Почти во всѣхъ „договорныхъ“ портахъ *дао-тай* ведетъ иностранныя дѣла съ консулами и признается договорами равнымъ европейскимъ консуламъ. Ямынь *дао-тая* помѣщается большей частью

въ резиденціи *фу*, внутри городскихъ стѣнъ, а въ Шанхаѣ — въ резиденціи шанхайскаго суня. Въ іерархической лѣстницѣ дао-тай стоитъ ниже казначея или судьи, отражая въ себѣ лишь власть этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, въ этой должности дао-тай различается нѣсколько степеней: есть дао-тай ревизоръ, дао-тай имѣющій голосъ въ вопросахъ военнаго характера, завѣдывающій таможнями, перевозкой казеннаго зерна, соляными пошлинами и т. п.; перечислять это здѣсь нѣтъ надобности, потому что всѣ эти должности дао-таевъ не входятъ въ основную схему административнаго устройства Китая.

Не буду останавливаться также на перечисленіи разныхъ побочныхъ должностей, существующихъ въ каждомъ *фу* или *сянѣ*. Ограничиваюсь наброскомъ наиболѣе крупныхъ штрповъ въ моемъ поверхностномъ эскизѣ административнаго устройства Китая для того, чтобы дать читателямъ общее понятіе про жизнедѣятельность государственнаго механизма этой имперіи.

Для лучшаго уразумѣнія взаимныхъ отношеній въ порядкѣ подчиненности главныхъ должностей въ китайской бюрократіи будетъ нелишне указать на принятую систему письменныхъ сношеній. Замѣтимъ при этомъ, что весь антуражъ вице-короля и губернатора принято, вообще, называть „дворомъ“, подобно тому, какъ мы понимаемъ этотъ терминъ въ Европѣ въ отношеніи верховныхъ правительствъ; иногда этихъ высшихъ провинціальныхъ сановниковъ величаютъ „двумя дво-

рамп", хотя правильнѣе—въ отдѣльности вице-короля считать „дворцомъ“, а названіе „двора“ предоставить губернатору. Должности казначея и судьи въ отношеніи „дворца“ и „двора“ являются двумя *сы*, т. е. два бюро или присутствія; но такъ какъ отпрыскомъ власти этихъ двухъ должностей служить еще дао-тай, пользующійся правомъ совѣщательнаго голоса, то часто употребляется названіе *сы-дао-тай*, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть „совѣщательное присутствіе“ всѣхъ этихъ трехъ должностныхъ лицъ; другими словами, этотъ *сы-дао-тай* выполняетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ назначеніе совѣта при генералъ-губернаторѣ или губернаторѣ. Кромѣ того вѣдѣнію *сы-дао-тая* подлежатъ всѣ дѣла и учрежденія, связанныя съ нововведеніями, напримѣръ: арсеналы, вѣншіе займы, производство слѣдствій, подавленіе возстаній и проч.. являясь въ такихъ случаяхъ своего рода временными коммисіями, работающими надъ урегулированіемъ какихъ-нибудь вопросовъ при высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и напоминая по своему характеру парламентскія коммисіи.

Донесенія разнаго рода поступаютъ отъ чжн-сяня къ чжн-фу, который направляетъ ихъ въ *сы-дао-тай*, т. е. ко всѣмъ тремъ присутствующимъ тамъ членамъ или, въ извѣстныхъ случаяхъ, одному или двумъ изъ нихъ; эти послѣдніе въ лицѣ *сы-дао-тая* отъ всего присутствія или отъ лица одного или двухъ его членовъ, дѣлаютъ свои представленія вице-королю или губернатору, или

обоимъ виѣстѣ. Вице-король и губернаторъ „сносятся“ между собою и затѣмъ отдають свои приказанія сы-дао-таю, а этотъ послѣдній чжи-фу, который исполненіе приказаній поручаетъ чжи-сяню.

Таковъ собственно законный порядокъ направленія дѣлъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ; на практикѣ, однако, чаще всего примѣняются неофіціальныя сношенія при большемъ или меньшемъ соблюденіи формальностей. Хотя китайскіе чиновники во взаимныхъ отношеніяхъ соблюдаютъ достаточную почтительность, но въ общей массѣ они отличаются всегда инертностью, предпочитая наслаждаться пріятнымъ бездѣльемъ, охотно представляя другимъ тащить на себѣ административную колесницу, если это кому-нибудь нравится; поэтому, если найдется дѣльный и способный чжи-сянь, то онъ большей частью и направляетъ самъ всѣ дѣла, затмевая собою цѣликомъ всѣхъ остальныхъ высшихъ администраторовъ.

Для иллюстрированія всего вышесказаннаго приводится образчикъ письменныхъ сношеній между чиновниками, характеризующій нагляднымъ образомъ порядокъ ихъ взаимной подчиненности.

„Чжи-сянь инѣлъ честь получить распоряженіе префекта (т. е. чжи-фу), предписывающаго мѣры, одобренныя дао-таемъ съ вѣдома казначея и судьи. Мѣры предложены ихъ превосходительствами вице-королемъ и губернаторомъ и даны изъ палаты внѣшнихъ сношеній и съ соизволенія его величества“ (стѣдуетъ указаніе въ чемъ заклю-

чается и къ кому относится распоряженіе). „Надлежащимъ образомъ сообщено двору или дворамъ... (конецъ строки, заполняемой названіемъ губернатора или вице-короля) для надлежащаго распоряженія чрезъ сы (такого-то; конецъ строки) *дао-тая*... (такого-то; ноненъ строки) и чжи-фу... (такого-то; конецъ строки) и зависящаго исполненія чжи-сяня... (такого-то)“ Неплншее замѣтить, что, являясь на мѣстѣ представителемъ правительства, чжи-сянь самъ издаетъ иногда подобныя письменныя распоряженія.

„Въ виду изложеннаго мы повелѣваемъ и предпринимаемъ всѣмъ и каждому“... и т. д. (то-то и то-то).

Такимъ образомъ китайскія распоряженія по формѣ изложенія немногимъ отличаются отъ формы английскихъ телеграфныхъ сообщеній...

Нужно ли прибавить, насколько это многоствіе, напоминающее своей формой „сказку про бѣлаго бычка“, вызываетъ излншней непронзводительной работы при перепискѣ и проч. Но трудъ въ Китаѣ дешевъ, а эти безконечныя повторенія въ китайскихъ офнціальныхъ бумагахъ, претендующія на излншнюю точность, объясняются просто, какъ говоритъ французы, тѣмъ, что „*ça ossiffe*“. А впрочемъ, — развѣ философія и литература китайская не втиснуты въ такія же формы и рамки?..

Для большей наглядности всего вышензложеннаго помѣщается особая таблица, въ которой показаны общепринятые въ Китаѣ названія городовъ и правителей.

Названія населенныхъ пунктовъ и ихъ классификація.	Значеніе названій (приблизительно).	Площадь подвѣдомственной территоріи въ квадр. миляхъ.	Титулъ гла правителя
Цзинь или Гинь . . .	Столица.	отъ 100,000 до 1,500,000.	Фу-инь.
Фу	Господствующій городъ.	отъ 5,000 до 20,000.	Чжи-фу.
Шэнь . . .	„Столичный“.	отъ 40,000 до 300,000.	Сюнь-фу.
Сянь . . .	Муниципальный.	отъ 500 до 1,500.	Чжи-сян
Чжоу	Муниципальный.	отъ 500 до 1,500.	Чжи-чжоу
Чжи-ли-чжоу . . .	„Епископальный“ городъ.	отъ 500 до 20,000.	Чжи-ли-чжи
Тинь	Городъ или большое мѣстечко.	отъ 500 до 10,000.	Тинь-тунъ-ч
Чэнь	Складъ.	Отъ 1 до 5. Большей частью не размѣнены.	Нѣтъ особ. титула. Пріитель — одинъ изъ помощниковъ чжунъ-да-дао — „старшина“
Чэнь	Городъ, обнесенный стѣной.		
Тунь	Мѣстечки.		
Чжуань . . .			
Цунь			
Ли	Деревня.		

названіе этого воззванія.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
Ірангель фу.	Въ настоящее время это названіе присвоено лишь тремъ городамъ: Пекину, Нанцину и Шань-цзину (Мукдень).
Вѣдетъ фу.	Вѣѣ Цзыны и вѣѣ Шаны служатъ главными городами и для фу.
гдѣшій* ре- воръ-объѣз- чикъ.	Бываетъ одинъ на провинцію или вице-королевство Въ данномъ случаѣ слово фу имѣетъ иной смыслъ.
идеть сянемъ.	Значить—„уѣздить“ „округъ“
идеть чжоу.	Если зависить непосредственно отъ чжи-фу, то онъ фактически является чжи-сянемъ.
идеть чжоу, бу- сть другихъ взависнѣть.	При независимомъ служебномъ положеніи онъ пользуется правами чжи-фу надъ чжи-сянями
Мѣстевный депутатъ.	Можно сказать то же самое, что замѣчено сейчасъ относительно чжи-чжоу и чжи-ли-чжоу.
Всѣхъ этихъ населенныхъ пунктахъ пра- вила всегда подчинены чжи-сяню, чжи-чжоу или туъ-чжи	Есть еще много общепринятыхъ названій, придаваемыхъ населеннымъ пунктамъ, какъ, напримеръ: я—базаръ, мяо—храмъ, яу—лавка, вѣѣ—женскій монастырь, дянъ—гостиница, танъ—вовападъ, танъ—прудъ и т. п., но всѣ эти названія не санкціонированы законами.

ГЛАВА IX.

Н а с е л е н і е.

Въ древнія времена числительность населенія въ Китаѣ была, повидимому, очень значительна, потому что согласно показаніямъ китайскихъ историковъ даже за 200 лѣтъ тому назадъ „общая числительность всѣхъ кочующихъ племенъ не превосходила количества населенія, ютившагося въ предѣлахъ одного городского округа“. Необходимо, конечно, отнестись критически къ такому огульному опредѣленію числительности населенія со стороны китайскихъ историковъ, желавшихъ въ этомъ случаѣ, вѣроятно, иллюстрировать собственно шансы борьбы между Китаемъ и враждебными хуннами. Сопоставляя съ этой точки зрѣнія упомянутое опредѣленіе съ другими данными, разсѣянными въ китайскихъ анналахъ по вопросу о числительности населенія, можно приведенную сейчасъ ссылку толковать такъ: число воиновъ, которое западная Сибирь и нагорная Азія могутъ выставить противъ Китая, не превышаетъ 250,000

человѣкъ, уступая, слѣдовательно, количеству
взрослаго мужского населенія, которое насчитывается въ предѣлахъ одной китайской провинши.

Кромѣ того мы имѣемъ передъ собою фактъ такого рода, что подать, поступавшая отъ населенія шелкомъ, простиралась ежегодно до 5,000,000 кусковъ; при чемъ это количество доставлялось отъ района, обнимавшаго собою лишь половину пространства современнаго Китая, и указываетъ на численность оцѣлаго населенія по меньшей мѣрѣ въ 20,000,000 человѣкъ. Если бы мы старательно порылись въ китайскихъ лѣтописяхъ, то мы, вѣроятно, нашли бы болѣе точныя данныя по этому вопросу; но, имѣя въ виду цѣль, преслѣдуемую этой книгой, нѣтъ надобности изыскивать данныя, касающіяся опредѣленія численности населенія въ то время, когда страна была раздѣлена между двумя и болѣе соперничествовавшими династіями. Поэтому для выясненія численности населенія въ Китаѣ полагаемъ вполне умѣстнымъ опустить вовсе этотъ періодъ дробленія имперіи и обратимся прямо къ тому времени, когда страна была объединена подъ властью Суйской династіи, въ 600 году послѣ Р. X

Нѣсколько лѣтъ послѣ объединенія имперіи, именно въ 609 году, количество населенія опредѣлялось съ приблизительною точностію въ 8,700,000 хозяйствъ, обитавшихъ въ 1,200 сянхъ (уѣздахъ) Въ 652 году, послѣ кровопролитныхъ войнъ за престолонаслѣдіе и злосчастныхъ экспедицій

противъ тюрокъ, корейцевъ и другихъ—числительность хозяйствъ замѣтно понизилась и не превосходила 3,800,000. Въ 654 году послѣдовало распоряженіе о производствѣ двухгодовой переписи населенія. Вслѣдъ затѣмъ, въ 660 году, была завоевана и присоединена къ Китаю юго-западная часть Кореи, которая увеличила собою количество населенія имперіи на 760,000 хозяйствъ. Завоеваніе сѣверной Кореи въ 668 году принесло Китаю 170 сяней, съ населеніемъ въ 697,000 хозяйствъ. Сопоставляя эти цифровыя данныя съ упомянутой выше числительностью населенія въ 609 году, мы получимъ измѣненія въ приростѣ населенія за этотъ періодъ времени. Если приложить то же измѣненіе въ приростѣ населенія къ послѣдующему равному періоду времени и сопоставить съ имѣющимися офиціальными цифровыми данными, относящимися къ этому періоду, то можно вывести приблизительно среднее число душъ въ одномъ хозяйствѣ, при чемъ числительность населенія по количеству хозяйствъ и числу душъ получится въ слѣдующихъ цифрахъ:

ГОДЫ.	Число хозяйствъ.	Число душъ
733	7,861,236	45,431,263
755	9,619,254	52,680,488

Далѣ мы въ китайскихъ лѣтописяхъ находимъ несомнѣнныя указанія на то, что податному обложенію подвергалась въ каждомъ хозяйствѣ лишь одна душа—глава хозяйства, затѣмъ многія въ хозяйствахъ были освобождены вовсе отъ всякихъ податей; наконецъ, еще около одной седьмой населенія облагалось податями не по одинаковой категоріи съ домохозяевами; изъ приледенныхъ сейчасъ цифръ для 755 года должны были внести подати только 5,301,044 домохозяина и 7,662,800 человѣкъ, непричисленные къ категоріи домохозяевъ.

Въ 807 году, послѣ окончанія жестокихъ войнъ съ Тибетомъ и Шаньскими государствами, въ имперіи насчитывалось всего лишь 1453 сянъ съ 2440,254 хозяйствами, при чемъ изъ этого количества были точно опредѣлены лишь 1,440,000 хозяйствъ въ восьми провинціяхъ (*дао*); число же остальныхъ хозяйствъ въ пятнадцати прочихъ провинціяхъ принято лишь приблизительно. Эти цифровыя данныя, повидному, не подлежатъ сомнѣнію, потому что рядомъ съ этими указаніями мы встрѣчаемъ поясненія, подтверждающія косвеннымъ образомъ эти цифровыя данныя.

Въ 820 и 821 годахъ численность „хозяйствъ и кибитокъ“ показывается китайскими лѣтописями, какъ это приведено ниже, въ 2,400,000, а число душъ населенія въ 16,000,000, но при этомъ необходимо принять указанную въ двухъ мѣстахъ поправку, что въ эти цифры не включены провиншіи (по ихъ нынѣшнимъ названіямъ): Сы-чуань, Гуй-

чжоу, Гуанъ-си, Гуанъ-дунъ и Анамъ, принадлежавшіи тогда тоже Китаю; затѣмъ въ другомъ мѣстѣ еще говорится, что въ упомянутыя цифры не включены военныя провинціи. Наконецъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ въ хронологическомъ порядкѣ мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и такое указаніе, что „изъ 3,350,000 хозяйствъ мы пользуемся 990,000 солдатами; изъ собираемыхъ податей въ суммѣ 35,000,000 (тэлей?) одна треть идетъ императору, а двѣ трети назначаются на покрытіе мѣстныхъ нуждъ“.

За все время господствовавшего въ Китаѣ періода междоусобствъ или такъ называемаго періода пяти династій (907—960), обнимающаго собою время послѣ паденія Танской династіи и восшествія на престолъ Сунской династіи, имперія была фактически раздроблена на много мелкихъ государствъ, поэтому мы въ лѣтописяхъ этого времени не встрѣчаемъ вовсе заслуживающихъ вниманія цифровыхъ отчетовъ, касающихся исчисления населенія. Зато по минованіи этого періода мы находимъ уже болѣе точныя указанія, относящіяся къ XI столѣтію, пыраженныя въ слѣдующихъ цифрахъ:

ГОДЫ.	Число хозяйствъ.	Число душъ
1014	9,055,729	21,976,965
1088	18,289,385	32,163,017
1097	19,435,570	33,401,606

За послѣдніе два года мы встрѣчаемъ уже подраздѣленіе домохозяевъ на два класса, и вводится новый терминъ „взрослыхъ людей“ (*динъ*), вмѣсто употреблявшагося до того времени слова „дуинъ“ (*ртовъ*). Для выясненія точнаго значенія новаго термина „взрослыхъ людей“ необходимы, строго говоря, болѣе или менѣе подробныя изслѣдованія. Со своей стороны я склоненъ думать, что подъ словомъ „ртовъ“ должно разумѣть безразлично мужчинъ и женщинъ, но не дѣтей, а *динъ*, „взрослые люди“, обозначаютъ собой лишь мужское рабочее населеніе, способное носить оружіе. При введеніи этихъ новыхъ терминовъ мы получаемъ слѣдующія цифры населенія для приведенныхъ выше 1088 и 1097 годовъ:

Классификація.	Домохозяевъ	Взрослыхъ
Главы семьи .	12,344,733	28,533,934
Гостей .	6,134,652	3,629,083
Хозяевъ. . . .	13,068,741	30,344,274
Гостей. .	6,366,829	3,067,332

Вѣроятный смыслъ подробной регистраціи населенія и преслѣдуемая ею цѣль обуславливаются тѣмъ, что каждый изъ свободныхъ домохозяевъ въ Китаѣ обязанъ былъ тогда въ случаѣ войны

выставить по крайней мѣрѣ одного отца и при немъ одного или двухъ сыновей отъ каждаго хозяйства, тогда какъ нрѣпостной человѣкъ или арендаторъ, владѣвшій временнымъ непрочнымъ хозяйствомъ, обязанъ былъ въ случаѣ войны выставить не болѣе одного воина на каждыя два крѣпостныхъ хозяйства, и эти воины были въ сущности рабы. Это предположеніе можно подтвердить тѣмъ, что Танская династія, царствовавшая въ 600—900 годахъ, ознаменовала себя, какъ извѣстно, дарованіемъ эмансипаціи огромному числу правительственныхъ воиновъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ числились подъ покровительствомъ какихъ-нибудь важныхъ господъ. Частныя хозяйства свободныхъ кнтайцевъ продолжали, однако, и послѣ того держать при себѣ крѣпостныхъ слугъ, и танскіе правители не рѣшались давать имъ свободу вопреки желанію нхъ собственниковъ. Лишь въ послѣдствіи, послѣ воцаренія Сунской династіи (900—1200), правительство обнаруживаетъ постоянное стремленіе сократить насколько возможно число рабовъ въ богатыхъ хозяйствахъ. Необходимо также имѣть въ виду, что часть нынѣшнихъ провинцій Чжи-ли и Шань-си находилась тогда подъ властью киданьскихъ правителей; точно также Анамъ и нынѣшняя провинція Юнь-нань стояли особнякомъ отъ Китая при Сунской династіи.

Нюй-чжэни прогнали киданей изъ сѣвернаго Китая и не только захватили подъ свою власть

всѣ земли между Кореей и западными пустынями, но проложили себѣ путь и далѣе въ глубь Китая, упрочившись въ такняхъ мѣстахъ, до которыхъ кидани не доходили вовсе; такъ что въ концѣ концовъ они завладѣли почти всѣмъ Китаемъ въ его древнихъ предѣлахъ, т. е. всей долиной Желтой рѣки между 108° вост. долг. и 33° сѣв. шир.

Официальныя данныя, касающіяся народонаселенія за это время, выражаются слѣдующими цифрами:

ГОДЫ.	Хозяйствъ.	Ртовъ.
1183	615,624	6,158,636
1190	6,939,000	45,447,900
1195	7,223,400	48,490,000

Приведенныя цифры за 1183 годъ заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, данныя по количеству населенія, входившаго въ составъ военной организации, т. е. числившагося подъ начальствомъ татарскихъ *минъ-дамей* (*mindans*) или тысяцскихъ, и служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ численности знаменнаго населенія киданей, среди которыхъ четвертая часть были рабы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ указанія на то, что въ томъ же году размѣры всей обрабатывае-

мои площади простирались до 26,000,000 акровъ (въ переводѣ на англійскую мѣру), составляя отъ 4 до 5 акровъ на каждый „ротъ“. Значительно поздне, въ 1734 году, при Маньчжурской династии было зарегистрировано маньчжурскихъ хозяйствъ во всемъ Китаѣ 26.500,000 при площади обработанной земли въ 150,000,000 акровъ, такъ что получается совершенно иное отношеніе количества воздѣлываемой земли къ численности ротъ, чѣмъ то, которое показано для 1183 года.

Если мы въ шифровыхъ данныхъ, показанныхъ за 1195 годъ, вычтемъ численность мнчанскаго населенія, то получимъ около 6,500,000 домохозяевъ, представляющихъ въ общемъ около 40,000,000 ротъ, отнятыхъ татарами отъ Китайской имперіи подвластной туземной Минской династии. Мы уже подѣлп, въ какихъ именно размѣрахъ мы должны принять численность населения за сто лѣтъ до того времени въ этой южной имперіи; если население тамъ не увеличилось, то эта численность должна быть принята для южнаго Китая въ числѣ 13,000,000 домохозяевъ, которая, вѣроятно, близка къ истинѣ, если имѣть въ виду безпрерывныя войны, свирѣпствовавшія на югѣ Китая. Помимо этого приблизительнаго опредѣленія мы въ настоящее время не располагаемъ никакими статистическими данными для протѣрки численности населенія въ южномъ Китаѣ за упомянутый выше періодъ.

Нюй - чжэнп, въ свою очередь, были, какъ

известно, вытѣснены монголами, при которыхъ первая народная перепись была произведена въ 1235 году и показала 873,781 хозяйство съ численностью ртовъ въ 4,754,975. Слѣдующая затѣмъ перепись была произведена въ 1252 году и показала уже населеніе на 200,000 хозяйствъ больше. Цѣлый рядъ послѣдовавшихъ затѣмъ ревизій, отъ 1261 до 1274 года, обнаруживаетъ постоянный приростъ населенія изъ года въ годъ отъ 1,418,490 до 1,967,896 хозяйствъ. Само собою разумѣется, что эти цифровыя данныя обнимаютъ лишь численность населенія „Старога Китая“, — п то не вполне, такъ какъ изъ этой части Китая убыли, между прочимъ, двѣ трети населенія послѣ завоеванія монголовъ—частью путемъ эмиграціи, частью же были уничтожены завоевателями. Въ 1275 году численность китайскаго населенія показывается монголами въ 4,764,077 хозяйствъ, но трудно выяснить, пѣзъ какихъ именно покоренныхъ провинцій населеніе включено въ этотъ итогъ. При послѣднихъ завоеваніяхъ, сдѣланныхъ пѣзъ 1275—1276 годахъ, населеніе зарегистрировано очень тщательно путемъ разспросовъ чрезъ чиновниковъ въ каждой провинціи и показано отдѣльно п хозяйствами, и по числу ртовъ. Завоеванія эти фактически обнимаютъ собою всѣ провинціи и земли, которыя за 1400 лѣтъ до того времени были присоединены къ Старому Китаю, при завоеваніяхъ Ханьской имперіи, а именно—Ху-бэй, Хэ-нань, Цзянь-си, Чжэ-нзянь и Цзинь-су, съ общей численностью

населенія въ 7,286,331 хозяйство при 14,653,820 ртахъ.

Но если будемъ пренебрегать излишней точностью и складывать вѣстѣ итоги безъ строгаго подраздѣленія по ихъ значенію, какъ это и дѣлается китайскимъ историкомъ, то найдемъ, что въ 773 завоеванныхъ сянхъ числилось 9,370,472 хозяйства при 19,721,015 ртахъ. Эти данныя, исчисленныя китайскимъ историкомъ, въ общихъ чертахъ вполне согласуются съ указаніями, которыя мы встрѣчаемъ по этому вопросу въ другомъ мѣстѣ этихъ анналовъ: „Въ этомъ году (т. е. въ 1276), говорится въ этихъ лѣтописяхъ, мы завладѣли 10 милліонами хозяйствъ, присоединенными отъ уничтоженной нами Сунской династіи“.

Упоминаемая здѣсь Сунская династія представляетъ собою не что иное, какъ то, что у Марко Поло приводится подъ названіемъ „Манджи“ или „Манзи“, извѣстное теперь—какъ это отчасти было уже объяснено выше—подъ современнымъ китайскимъ названіемъ *мань-чзы*, т. е. „южные разбойники“, точно такъ, какъ монголы окрещены названіемъ *да-чзы* или *сяо-да-чзы*, т. е. „грязные татары“. По словамъ Марко Поло „Манзи“ владѣли 1200 городами, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ были такъ значительны, что въ одномъ городѣ Кинсай (Хань-чжоу) насчитывалось 1,600,000 домовъ. Такъ какъ этотъ городъ былъ столицей въ одной лишь изъ двухъ „цзянскихъ“ провинцій, завоеваніе которыхъ принесло съ собою увеличеніе населенія на 2,983,672 хо-

зяйства, то эта цифра въ 1,600,000 домовъ, приводимая Марко Поло, представляетъ собою правдоподобную долю для одной цзянской (нынѣшней Цзянь-си) провинціи; на долю же второй (нынѣшней Цзянь-су) провинціи остается тогда Шанхай и прибрежная полоса выпзъ до гор. Вэнь-чжоу.

По словамъ историковъ Сунской династіи эти правители въ 1264 году удержали еще подъ своей властью 5,696,989 хозяйствъ, въ которыхъ насчитывалось свыше 13,206,532 ртовъ; затѣмъ въ 1276 году императоръ упомянутой династіи формально „передалъ все населеніе“ монгольскому генералу Баюену (Bayen). Покореніе Чжанъ-чжоу (Зайтуна) и прилегающихъ земель въ 1278 году принесло съ собою владычеству монголъ новое увеличеніе населенія, приблизительно на миллионъ хозяйствъ. Нѣкоторое представленіе о свирѣпствовавшей въ тѣ времена рѣзнѣ въ Китаѣ даетъ намъ свидѣтельство китайскихъ лѣтописей за 1282 годъ, что въ Сы-чуанѣ уцѣлѣло къ тому времени всего лишь 120,000 хозяйствъ. Эти цифры подтверждаются историками въ 1285 году, которые, подчеркивая эту убыль населенія, говорятъ, что „Сы-чуань и береговые округа Гуанъ-дуна населены очень рѣдко“.

Въ 1293 году число хозяйствъ показывается нѣсколько понизившимся, иженно до 10,402,760, причемъ не приводится никакихъ объясненій этой задержки обычнаго прироста. Весьма вѣроятно, что пріостановка увеличенія населенія объясняется

кровопролитными войнами, которыя тогда велись противъ Японіи, Амаи и Явы. Въ 1294 году мы видимъ опять значительный приростъ населенія на 900,000 хозяйствъ, благодаря прирѣзкѣ территории на Бирмано-Тибетской границѣ.

Сопоставляя въ разные эпохи численность населенія, мы можемъ прийти къ такому заключенію, что въ теченіе продолжительнаго періода, обнимающаго собою свыше 1500 лѣтъ, отъ „первой имперіи“ до Хубилай-хана, послѣ многочисленныхъ колебаній на прибыль и убыль, численность населенія остается въ общемъ до нѣкоторой степени въ одинаковыхъ предѣлахъ: и въ началѣ, и въ концѣ монгольскаго владычества считалось всего около 50,000,000 душъ.

Во время царствованія Минской династіи, послѣ объединенія подъ единымъ господствомъ всѣхъ восемнадцати провинцій Китая и устраненія всѣхъ осложненій съ татарами, числилось всего населенія въ 1391 году 10,684,435 хозяйствъ, при 56,774,561 взрослыхъ рабочихъ. Въ 1393 году насчитывали 16,052,860 хозяйствъ при 60,545,812 ртахъ. Приростъ числа ртовъ въ теченіе двухъ лѣтъ не представляется слишкомъ рѣзкимъ, но увеличеніе числа хозяйствъ настолько значительно, что трудно найти сколько-нибудь подходящее объясненіе, хотя мы допускаемъ, что въ это время снова воскресаетъ въ Китаѣ старинный обычай дробленія хозяйствъ при раздѣлѣ семьи. Площадь обрабатываемой земли въ это время обнимаетъ собою

пространство равное 140,000,000 акровъ, к китайскіе историки положительно утверждаютъ, что „большая часть земель въ имперіи была тогда подъ посявами“.

Въ 1491 году численность населенія понижалась до 9,113,446 хозяйствъ, заключавшихъ въ себѣ 53,281,158 ртовъ. Въ 1578 году показано 10,621,436 хозяйствъ при 60,692,856 ртахъ; при этомъ китайскіе историки поясняютъ, что съ цѣлью уклоненія отъ чрезмерно увеличившихся податей среди населенія установился обычай добиваться покровительства спльных и богатыхъ людей, жить на лодкахъ и выдавать себя за рабочихъ или торговцевъ.

Маньчжурской династіи удалось обнародовать отчеты, хотя и неполные, касающіеся взиманія податей, въ первый же годъ (1644) овладѣнія китайскимъ престоломъ; но данныхъ по народонаселенію и сбору земельного налога правительство не могло собрать до 1651 году. Лишь въ концѣ этого года было выяснено, что считается всего 10,633,326 хозяйствъ. Можно предположить, что окончательное завоеваніе всѣхъ восемнадцати провинцій завершилось лишь въ 1657 году, потому что, какъ видно изъ китайскихъ лѣтописей, вплоть до этого времени число домохозяевъ постоянно увеличивалось изъ году въ годъ на одинъ или два милліона, достигнувъ въ этомъ году постоянной цифры въ 18,500,000. Цифра эта держалась безъ всякаго прироста до 1708 года, что можно

объяснить лишь свирѣпствовавшими за все это время войнами и другими народными бѣдствіями; въ упомянутомъ же 1708 году числительность населенія, согласно показаніямъ историковъ, сразу возросла до 21,000,000 хозяйствъ.

Финансовое положеніе страны было тогда въ такомъ блестящемъ положеніи, что, слѣдуя влеченію сердца, императоръ время отъ времени облегчалъ тягость земельныхъ налоговъ, предоставляя пользоваться этой льготой по очереди каждой провинціи. Общій размѣръ культурной площади достигалъ въ это время 110,000,000 акровъ; при этомъ возможно, что общее количество земли удобной и неудобной, числившейся во владѣніи при 24,600,000 домохозяевъ, простиралось даже до 150 или до 200 милліоновъ акровъ, но земельный налогъ, которымъ облагалась только удобная земля, взимался съ площади въ 110,000,000 акровъ,—въ общей суммѣ около 30,000,000 тэлей ежегодно. При этомъ льготномъ обложеніи земли императоръ, по свидѣтельству историковъ, руководствовался слѣдующими соображеніями: почти вся земля, которая можетъ быть обработана для практическихъ цѣлей, уже занята и культивирована населеніемъ,—если поэтому со временемъ возрастетъ количество населенія, то одной и той же площади придется кормить въ два, три и даже десять разъ большее число ртовъ, вслѣдствіе чего увеличится среди людей борьба за существованіе при уменьшеніи, въ то же время, средствъ къ жизни, поэтому и

податныя силы населенія должны уменьшиться. Руководствуясь тѣми же соображеніями, начиная съ 1713 года, вводится въ статистическихъ отчетахъ новая категорія людей: кромѣ „взрослыхъ рабочихъ“ и „ртовъ“ прилагается еще и вспомогательный отчетъ о числительности „освобожденныхъ“ отъ платежа земельного налога. За 1734 годъ, являющійся послѣднимъ въ регистраціи населенія по этой системѣ, число „освобожденныхъ“ въ опубликованныхъ отчетахъ показано въ 936,530; остальные же двѣ категоріи увеличились въ небольшихъ размѣрахъ по сравненію съ отчетомъ за 1712 годъ.

Общеупотребительный терминъ „взрослыхъ и ртовъ“, встрѣчающійся въ настоящее время въ слитномъ видѣ, при предшествовавшихъ династіяхъ показывался въ отчетахъ раздѣльно, представляя собою какъ и прежде одну общую категорію „податныхъ хозяйствъ“. При восшествіи же на престолъ императора Цянь-луна вводится новая система регистраціи населенія по настоянію императора, который выразился такъ: „какой смыслъ регистрировать жителей по числу плательщиковъ податей, которое собственно не увеличивается, и по числу „освобожденныхъ“ отъ платежа податей, которые ничего не платятъ. Мы желательно знать, сколько собственно насчитывается душъ населенія“ Вслѣдствіе этого, начиная съ императора Цянь-луна, мы встрѣчаемъ уже ежегодные цифровые отчеты, въ которыхъ пока-

ывается приростъ населенія по количеству душъ отъ 143,411,559 за 1741 годъ до 432,164,047 за 1851 годъ.

Если будетъ обращено вниманіе на приведенныя выше извлеченія изъ китайскихъ источниковъ, то не трудно убѣдиться, что населеніе Китая едва-ли когда-нибудь превышало 100,000,000 душъ до начала восемнадцатаго столѣтія; между тѣмъ въ 1762 году численность населенія превысила уже 200 милліоновъ душъ. Приростъ населенія продолжался и далѣе въ такой же прогрессивъ, увеличиваясь вдвое въ теченіе столѣтія. Въ виду сказаннаго мы, пожалуй, будемъ близки къ истинѣ, если прѣдемъ къ заключенію, что при воцареніи Маньчжурской династіи въ Китаѣ въ 1644 году количество населенія едва достигало 50 000,000 душъ; слѣдовательно въ теченіе столѣтія 1650 — 1750 численность населенія удвоилась съ огромнымъ при этомъ плюсомъ, несмотря на войны и другія народныя бѣдствія, постигшія страну за это время.

Во время великаго возстанія тайпинговъ численность зарегистрированнаго населенія въ теченіе первыхъ лѣтъ этого возстанія, въ 1850—1860 гг., понизилась, какъ увѣряють, почти на двѣ пятыхъ. Хотя при подавленіи этого возстанія погибло дѣйствительно много милліоновъ людей, трудно все-таки допустить, чтобы дѣйствительная убыль простиралась болѣе даже одной десятой всей численности населенія. Это ясно изъ того, что для того, чтобы въ теченіе десяти лѣтъ

погибло 43,000,000 людей отъ меча и голодной смерти, слѣдуетъ признать, что ежедневно умерщвлялось по 12,000 человѣкъ въ добавокъ къ убыли въ 40,000 человѣкъ, умершихъ ежедневно естественной смертью, — полагая обычную смертность по 30 съ тысячѣ ежегодно, уравнивающихъ собою нормальное число рожденій. Кроме того, необходимо еще принять во вниманіе, что возстаніе тайпинговъ охватило собою лишь половину всей поверхности Китая; слѣдовательно, допуская упомянутую убыль отъ возстанія въ 43,000,000 чел., надо принять число ежедневныхъ жертвъ для всего Китая не въ 12, а 24 тысячи человѣкъ.

При всемъ томъ приходится мириться со всѣми этими маловѣроятными свѣдѣніями, имѣя дѣло съ китайскими источниками офіціального характера, такъ какъ внѣ этихъ источниковъ у насъ нѣтъ никакихъ иныхъ свѣдѣній по вопросу о числѣ населенія въ Китаѣ. Мы уже видѣли во многихъ мѣстахъ, что въ общемъ эти источники согласуются между собою; поэтому мы не въ правѣ принять лишь тѣ, которые намъ нравятся, и отвергать всѣ прочіе, которые не согласны съ нашими предвзятыми мнѣніями. Мнѣнія европейцевъ въ подобныхъ случаяхъ не заслуживаютъ вниманія, если они расходятся съ прямыми указаніями китайскихъ источниковъ.

Ниже приводится таблица, въ которой показана

численность населенія въ каждой провинціи за 1842 и 1894 годы, т. е. за время до начала возстанія тайпинговъ и послѣ окончательнаго умиротворенія страны и возстаноаленія полнаго спокойствія. Дробн ббльшія или меньшія 100,000 опущены вовсе, какъ несущественныя при выясненіи главнаго вопроса.

Изъ этой таблицы видно, что провинціи Чжэ-цзянь, Хэ-нань Цзянь-су и Цэпнь-си больше всѣхъ пострадали отъ возстанія тайпинговъ; такъ что мы не должны удивляться, если въ этихъ провинціяхъ численность населенія за разсматриваемый періодъ времени понизилась въ значительной степени. Провинція Шакь-си сильно пострадала отъ голода въ 1877—1878 годахъ. Провинція Гань-су и часть провинціи Шэнь-си были опустошены возстаніемъ магометанъ въ 1860—1875 годахъ. Относительно провинціи Сы-чуань необходимо замѣтить слѣдующее: во время владычества Хубилай-хана эта провинція была уже однажды совершенно опустошена; между тѣмъ въ настоящее время, по всеобщему отзыву всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ знаменитую равнину Чэнь-ду-фу, эта провинція является богатѣйшей и наиболѣе густо населенной во всемъ Китаѣ; одна эта равнина, обработаннѣйшая и населеннѣйшая часть Сы-чуаньской провинціи, обнимаетъ собою площадь въ три тысячи квадратныхъ миль.

НАЗВАНІЯ ПРОВИНЦІЙ.	1842.	1884.
Ань-хой	36,600,000	35,800,000
Чжэ-цзинь	30,400,000	11,800,000
Чжэ-ли	36,900,000	2,940,000
Фу-цзянь	25,800,000	25,200,000
Хэ-нань	29,100,000	21,000,000
Ху-нань	20,000,000	22,000,000
Ху-бэй	28,600,000	34,300,000
Гань-су	19,500,000	9,800,000
Цзянь-си	26,600,000	22,000,000
Цзянь-су	39,600,000	24,600,000
Гуань-си	8,100,000	8,600,000
Гуань-дунъ	21,100,000	29,900,000
Гуй-чжоу	5,700,000	4,800,000
Шань-си	17,100,000	11,100,000
Шань-дунъ	36,200,000	37,400,000
Шэнь-си	10,300,000	8,400,000
Си-чуань	22,300,000	79,500,000
Юнь-нань	5,800,000	6,200,000
Обшій итогъ	419,600,000	421,800,000

Во время непрерывныхъ возстаній, предшествовавшихъ занятію престола въ Китаѣ 150 лѣтъ тому назадъ, истребленіе населенія было почти поголовное(?). Путешествуя по странѣ въ 1881 году, я на каждомъ шагѣ встрѣчалъ многочисленныя факты, свидѣтельствовавшіе объ этихъ ужасныхъ

опустошеніяхъ; преданія объ этомъ народномъ бѣдствіи сохранились такъ прочно въ памяти народа, что каждый поселянинъ рассказывалъ объ этомъ съ такой же обстоятельностью, какъ въ Англіи повѣствуютъ и теперь о великой чумѣ, постигшей ее въ 1665 году. Кромѣ того можно еще указать на слѣдующій фактъ, подтверждающій общее положеніе о значительномъ колебаніи численности населенія до и послѣ возстаній племенихъ народныхъ бѣдствій. Въ 1872 году размѣръ поземельнаго налога былъ опредѣленъ одинаковый разъ навсегда для всѣхъ провинцій, за исключеніемъ четырехъ изъ нихъ: Гань-су, Юнь-нань Гуи-чжоу и Гуанъ-си, населеніе которыхъ отличалось бѣдностью и считалось отчасти иноземнымъ; при этомъ наименьшій окладъ былъ опредѣленъ для Сы-чуаньской провинціи въ размѣрѣ 700,000 тзлей, противъ средняго оклада для всѣхъ прочихъ провинцій, составлявшаго 1,700,000 тзлей. Переводя сумму поземельнаго налога Сы-чуаньской провинціи на число плательщиковъ хозяйствъ, мы найдемъ, что этихъ послѣднихъ было около 700,000, т. е. приблизительно около 4,000,000 душъ; тогда какъ въ настоящее время въ этой провинціи насчитывается свыше 80,000,000 душъ.

Необходимо еще замѣтить слѣдующее: помимо того, что провинція Сы-чуань наслаждалась сравнительно миромъ въ теченіе двухъ столѣтій, простота населенія въ этой провинціи объясняется

еще огромнымъ притокомъ бѣглецовъ, которые направлялись туда со всѣхъ сторонъ по время возстанія тайпинговъ, такъ что зарегистрированная убыль населенія во многихъ провинціяхъ во время этого возстанія скрывается, весьма вѣроятно, въ томъ огромномъ приростѣ населенія въ Сы-чуаньской провинціи, который официально зарегистрированъ правительствомъ. Во время моего пребыванія въ этой провинціи я лично убѣдился, что замѣчавшійся и раньше притокъ новоселовъ въ Сы-чуань изъ Ху-гуана, т. е. изъ провинцій Хэ-нань, Ху-бэй и Цзянь-си, продолжался безостановочно и въ мое время, лишь въ одномъ селеніи замѣтно было, что тамъ живутъ коренные поселяне. Такъ какъ упомянутыя сейчасъ прилежающія къ Сы-чуаньской сосѣднія провинціи, какъ видно изъ таблицы, не потеряли слишкомъ много изъ своего населенія во время возстаній, то необходимо допустить, что иммиграціонное движеніе направлялось тогда изъ болѣе отдаленныхъ восточныхъ провинцій, переживавшихъ это кровопролитное возстаніе; притомъ потоки бѣглецовъ направлялись чрезъ упомянутыя провинціи въ Сы-чуань или же, осѣдая въ этихъ провинціяхъ, вытѣсняли въ Сы-чуань коренное населеніе. Какъ бы то ни было, допуская всѣ эти вѣроятныя предположенія, объясняющія огромный приростъ населенія въ Сы-чуаньской провинціи, все-таки чрезвычайно сомнительно, чтобы въ этой гористой провинціи, весь западъ которой до сего времени населенъ

весьма рѣдко полунезависимыми племенами, насчитывалось теперь около 80,000,000 чел.

Впрочемъ, не трудно указать еще на нѣкоторые другіе признаки, служащіе косвеннымъ доказательствомъ дѣйствительно огромнаго увеличенія населенія въ Сы-чуаньской провинціи. Въ то время, когда въ другихъ провинціяхъ никогда не дѣлалось никакихъ попытокъ къ чрезмѣрному отягощенію населенія денежными повинностями за исключеніемъ, конечно, случаевъ обыкновенныхъ злоупотребленій со стороны чиновниковъ, мы видимъ, что въ Сы-чуани помимо прямыхъ налоговъ взимались съ населенія въ теченіе многихъ лѣтъ одинъ окладъ въ видѣ штрафа и второй еще какъ „добровольное пожертвованіе“ правительству, причемъ оба эти оклада разверстывались ежегодно по числу хозяйствъ пропорціонально къ земельному налогу. Другими словами, размѣръ ежегодно взимаемаго съ провинціи земельного налога былъ фактически увеличенъ въ четыре раза; это видно изъ того, что взыскиваемые лишь съ богатыхъ округовъ упомянутые сейчасъ оклады составляли въ годъ значительно болѣе 3,000,000 тзлей. Можно привести еще одно косвенное доказательство. Провинція Сы-чуань отличается отъ прочихъ провинцій гѣмъ, что она доставляетъ очень мало гражданскихъ чиновниковъ, принимая во вниманіе общее правило, что чиновники не должны служить на мѣстахъ своей родины. Это значитъ, что изъ всѣхъ провинцій Китая Сы-чуань одна предста-

вляеть больше выгоды для людей дѣловыхъ остаться лучше на родинѣ, чѣмъ идти „промышлять“ въ другихъ провинціяхъ въ качествѣ мандаринновъ. А этотъ промыселъ, какъ мы уже знаемъ, является въ Китаѣ наиболѣе выгоднымъ и наиболѣе почитаемымъ высшимъ образованнымъ классомъ населенія. Для иллюстрированія сказаннаго можно привести слѣдующій примѣръ, представляющій собою не исключеніе, а общее правило: послѣ смерти генерала Бао-ча-о, одного изъ наиболѣе способныхъ военныхъ мандариновъ Сы-чуаньской провинціи, оказалось, что это былъ грубый лпхонимецъ, который все свое благосостояніе и карьеру составилъ себѣ въ высшей степени безчестнымъ путемъ. При всемъ томъ вице-король Лю-бинъ-чжанъ — самъ безусловно подкупной негодяй, опалы котораго неоднократно добивалось англійское правительство—устроилъ все дѣло такъ, что императоръ и не пытался заставить наследниковъ генерала Бао-ча-о возвратить несправедливо нажитое наследство.

ГЛАВА X.

Ф и н а н с ы.

Имѣя въ виду, вообще, лишь поверхностное изслѣдованіе Китая, было бы въ настоящемъ трудѣ неумѣстно заняться ретроспективнымъ обзоромъ безконечной исторіи китайскихъ финансовъ. Въ главѣ о древней торговлѣ были уже приведены нѣкоторыя данныя по многимъ вопросамъ, касающимся торговыхъ сношеній и системы налоговъ въ древнія времена. Главнымъ источникомъ свѣдѣній въ этой области служить первая классическая исторія Китая Сы-ма Цяна (Sz-ma Ts'ien), въ которой бюджету страны посвящается спеціально отдѣльная глава. Слѣдуя этому примѣру, и другіе китайскіе историки, повѣствуя о царствовавшихъ династіяхъ, отчасти подражая упомянутому классическому историку, отчасти продолжая его работу, отводятъ много мѣста (однѣ или нѣсколько томовъ) отдѣлу о „Пишѣ и Товарахъ“, что въ сущности означаетъ собою „Финансы и

Торговлю“, потому что въ основѣ всей финансовой системы Китая кроется одна общая идея, которая можетъ быть формулирована такъ: „кормить народъ и самимъ же кормиться отъ народа“. Соответственно съ этой основной мыслью всѣ оклады жалованья когда-то исчислялись по количеству вѣсовыхъ единиц отпускаемаго риса: совершенно подобно тому, какъ въ Индіи принято говорить— „это человѣкъ въ 6000 рупій“ ¹⁾, такъ и въ Китаѣ обыкновенно говорили— „это человѣкъ нъ 2000 пудовъ риса“.

Основой законодательства о податной системѣ служило всегда взиманіе десятой части доходовъ— деньгами или натурой или одновременно въ обоихъ видахъ вмѣстѣ съ добываемыхъ отъ земли продуктовъ. Соляной налогъ, который въ прежнее время былъ связанъ съ прапомъ торговли желѣзомъ, занялъ съ теченіемъ времени второстепенное мѣсто по своему значенію. Таможенные доходы, получаемые отъ торговли внутренней и вѣншней, отличались всегда непостоянствомъ, представляя собою источникъ вспомогательнаго характера; притомъ же на эти доходы всегда смотрѣли скорѣй какъ на личное достояніе императора, чѣмъ на финансовые ресурсы государства. Во всякомъ случаѣ, въ финансовой системѣ Китая таможенные доходы представляются сравнительно въ младен-

---

¹⁾ Индо-британская монета = 60 коп., приблизительно

ческомъ возрастѣ, насчитывая не болѣе 1200 лѣтъ своего существованія.

Нѣтъ надобности останавливаться на подробныхъ указаніяхъ, какъ различныя династіи, иногда просто по капризу, варьировали упомянутыми выше тремя главными статьями доходовъ, такъ какъ это представляетъ собою лишь научный историческій интересъ безъ всякаго практическаго значенія.

Для насъ совершенно достаточно, если мы ограничимъ наше обзорѣіе китайскихъ финансовъ небольшимъ періодомъ времени и постараемся представить себѣ общую картину государственнаго хозяйства Китая, пользуясь важнѣйшими контурами его исторической жизни, а затѣмъ уже, если потребуется, коснемся нѣкоторыхъ подробностей. Сдѣлавъ эту оговорку, полагаемъ возможнымъ отказаться вовсе отъ разбора китайскихъ финансовъ за прошлое время, а посмотримъ, въ какомъ видѣ они представляются намъ въ настоящее время.

До 1734 года государственный бюджетъ поддерживался главнымъ образомъ на счетъ доходовъ, получавшихся по слѣдующимъ статьямъ:

- 1) Поземельный налогъ, цѣнность котораго выражалась въ унціяхъ серебра.
- 2) Хлѣбная подать, натурой; цѣнность ея выражалась въ сотняхъ вѣсовыхъ единицъ хлѣба въ зернѣ.
- 3) Подать съ травъ, соломы и проч.—натурой, извѣстнымъ числомъ сноповъ.

4) Соляной доходъ — „квитанціями“, соответствовавшими цѣнности по числу четвертей ¹⁾, что вызывалось потребностями мелочной торговли.

5) Соляной налогъ — въ тѣляхъ, считая $\frac{1}{2}$ тѣли за „квитанцію“.

6) Чайный доходъ, цѣнность котораго также выражалась „квитанціями“ („четвертями“), что, по видимому, обуславливалось вывозной торговлей.

7) Чеканка мѣдной монеты изъ казенной мѣди.

Въ началѣ царствованія Маньчжурской династіи общій итогъ всѣхъ государственныхъ доходовъ, выраженный деньгами или свертками серебряной или золотой проволоки, простирался до 15 милліоновъ тѣлей; а нѣсколько позже, въ 1656 году, превышалъ уже 20,000,000 тѣлей. Кромѣ того сохранились официальные документы, свидѣтельствующіе о томъ, что побѣдоносные генералы съ вѣдома императора широко наживались въ провинціяхъ на счетъ населенія. При всемъ томъ, несмотря на значительныя траты, связанныя съ веденіемъ частыхъ войнъ, несмотря на прощеніе податей, частыя поѣздки императоровъ и дорогостоящія инспекторскія ревизіи — средніе итоги расходовъ были постоянно настолько ниже ежегодныхъ государственныхъ доходовъ, что въ теченіе полстолѣтія, съ 1740 по 1790 годъ, оставался ежегодно избытокъ доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ отъ 60 до 70 милліоновъ тѣлей.

¹⁾ 8=четвертикамъ или 64 галлонамъ.

При этомъ необходимо еще имѣть въ виду, что международная цѣнность серебрянаго лана въ переводѣ на золото соответствовала тогда восьми шиллингамъ, вмѣсто нынѣшней его цѣнности всего лишь въ 3 шиллинга; мѣновая цѣнность тэля (лана) въ мѣстномъ обращеніи была тогда тоже значительно выше, чѣмъ въ настоящее время, такъ что мы будемъ довольно близки къ истинѣ, если примемъ цѣнность тэля въ то время соответствующей англійскому фунту стерлинговъ. Въ теченіе восемнадцатаго столѣтія, являющагося счастливѣйшимъ періодомъ царствованія Манчжурской династіи, регулярные доходы могутъ быть приняты въ 40,000,000, а регулярные расходы въ 30,000,000 тэлей; накопленные годами остатки служили главнымъ образомъ въ видѣ случайнаго резерва въ годы финансоваго оскудѣнія или предназначались на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, подобно тому какъ „свободные остатки“ въ бюджетахъ Россіи имѣются всегда въ наличности (по крайней мѣрѣ въ теоріи) для покрытія непредвидѣнныхъ расходовъ. Кромѣ того правительство очень часто, подъ различными спеціальными наименованіями, прибѣгало также къ продажкѣ титуловъ и должностей съ цѣлью приращенія денежныхъ средствъ. Вотъ подлинный перечень доходовъ государственнаго бюджета Китая за время предшествующее возстанію тайпинговъ:

Преобразованный поземельный налогъ .	29,410,000
Солнной доходъ	5,745,000

Пошлины	5,415,000
Продажа должностей	3,000,000
Доходъ отъ чая, рыболовства, горнаго дѣла и проч.	322,000
Посторонние доходы	190,000
Остатки отъ разрѣшенныхъ расходовъ и дру- гіе источники.	858,000
	<hr/>
	44,940,000
Вычитая случайный доходъ отъ продажи долж- ностей	3,000,000
	<hr/>
Остается обыкновенный доходъ въ суммѣ . .	41,940,000
Доходъ натурой (зерновыми хлѣбами) цѣн- ностью въ таляхъ (лапахъ)	4,841,000
	<hr/>
Общій итогъ обыкновенныхъ доходовъ .	46,781,000

Всѣ перечисленные выше доходы отправлялись непосредственно главнымъ образомъ въ Пекинъ или же расходовались на содержаніе войскъ, расположенныхъ въ провинціи или столицѣ государства, т. е. косвеннымъ образомъ доходы направлялись опять-таки въ Пекинъ; даѣе на счетъ этихъ доходовъ относилось содержаніе чиновниковъ, различныхъ учрежденій, связанныхъ съ потребностями столицы и содержаніемъ вооруженныхъ силъ, какъ, напримѣръ: почта, транспортный флотъ для доставки въ столицу зерновыхъ хлѣбовъ, чеканка монетъ, поддержаніе и ремонтъ пекинскихъ береговъ Императорскаго канала, ремонтъ плотинъ на Желтой рѣкѣ и т. д.

Если мы обратимся теперь къ подробному разсмотрѣнію характера производимыхъ расходовъ, то увидимъ, что изъ общей суммы въ 31 слишкомъ

милліоновъ тэлей, расходуемыхъ ежегодно, всего лишь одна двухсотая часть — въ размѣрѣ около 140,000 тэлей—идеть на прямыя нужды населенія; да и этотъ мизерный расходъ, назначаемый на „народное образованіе“, идетъ въ дѣйствительности не на нужды народнаго образованія въ строгомъ смыслѣ, а расходуется, вѣроятно, на содержаніе въ Пекинѣ правительственныхъ коллегій или маньчжурскпхъ школъ.

Вотъ краткій перечень расходовъ, показанныхъ въ одномъ изъ подлинныхъ бюджетовъ Китая за время, предшествующее возстанію тайпинговъ:

Содержаніе вооруженныхъ силъ	19,599,000
Жалованье и награды	4,554,000
Регулированіе теченія Желтой рѣки	3,800,000
Почта и суда	2,120,000
Содержаніе дворцовъ, принцевъ, езуитовъ и проч.	1,309,000
	<hr/>
	31,382,000
Народное образованіе.	140,000
	<hr/>
Итого	31,522,000

На упомянутую выше статью расхода на содержаніе вооруженныхъ силъ относится содержаніе 100,000 человекъ знаменныхъ войскъ (т. е. маньчжурскпхъ), расположенныхъ въ Пекинѣ, на что тратится отъ 2 до 3 милліоновъ тэлей; въ тоже время на содержаніе другихъ 100,000 знаменныхъ и 600,000 китайскихъ войскъ, расположенныхъ въ провинціи, тратится въ годъ отъ 16 до 17 милліоновъ тэлей.

Обращаясь теперь къ вопросу о фактических доходахъ и расходахъ провинцій, необходимо замѣтить раньше всего, что въ этой области никогда не обнаруживаются какіе бы то ни были отчеты или что-нибудь въ формѣ бюджетовъ или смѣтъ нѣстнаго характера. Въ общихъ чертахъ бюджеты провинцій можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: каждый изъ начальниковъ 1300 сяней получаетъ ежегодно въ среднемъ чистый доходъ по крайней мѣрѣ въ 10,000 тзлей, помимо всякаго жалованья и узаконенныхъ наградъ. Упомянутая сейчасъ сумма ежегоднаго дохода идетъ исключительно въ личную пользу чжп-сяни и его высшихъ непосредственныхъ начальниковъ. Что же касается „жалованья и наградъ“, причитающихся чжи-сянямъ п объявляемыхъ обыкновенно въ императорскихъ бюджетахъ, то въ дѣйствительности эти суммы не выдаются на руки, а удерживаются въ видѣ залога, п въ концѣ коишовъ расхищаются цѣлкомъ высшими начальниками чжи-сяней. Кромѣ приведенной суммы чистаго дохода, оставляемаго, конечно, въ свою пользу, эти окружные начальники расходуютъ ежегодно каждый въ среднемъ не мѣнѣе 10,000 тзлей на пріемъ проѣзжающихъ чиновниковъ, содержаніе своей полиціи, секретарей п проч. Многіе сяйнскіе секретари имѣютъ, пожалуй, и сами по себѣ свои доходы въ сотни, а иные можетъ быть и въ десятки тысячъ тзлей, но мы беремъ здѣсь лишь средніе примѣры, въ общихъ чертахъ.

Изъ таможенныхъ доходовъ по крайней мѣрѣ около 5,000,000 тѣлей оцѣдаетъ въ карманахъ различныхъ монополистовъ и откупщиковъ, которые и сами должны поживиться и еще удѣлить порядочную часть на подарки правительственнымъ чиновникамъ въ Пекинѣ, такъ что въ общемъ выходитъ, что сумма дѣйствительныхъ ежегодныхъ доходовъ, оплачиваемыхъ такъ или иначе населеніемъ, пренышаетъ по меньшей мѣрѣ вдвое officialный доходъ, получаемый ежегодно казною въ размѣрѣ 45 или 46 миллионовъ тѣлей. Затѣмъ остается еще прибавить различныя мытарства, которымъ населеніе подвергается вслѣдствіе жадности сборщиковъ податей, вымогательствъ чиновниковъ и военныхъ людей, хищеній и злоупотребленій полиціи и тому подобное. Если что-нибудь дѣлается для общественнаго благополучія, какъ, на примѣръ: ремонтъ дорогъ и мостовъ, устройство благотворительныхъ учреждений, муниципальной полиціи, элементарныхъ школъ, народныхъ театровъ, уличнаго освѣщенія, публичныхъ празднествъ, улучшенія по санитарной части, словомъ—если только предпринимается что-нибудь не стоящее въ тѣсной связи съ непосредственными потребностями императора и центральнаго правительства, то это оплачивается всегда насчетъ мѣстной подписки или особаго общественнаго налога, взимаемаго городскими или сельскими общинами, помимо всякихъ императорскихъ или иныхъ officialныхъ податей, прямыхъ или косвенныхъ,

взыскиваемых съ населенія въ пользу мѣстнаго или центральнаго правительства, какъ это упомянуто было выше.

Изложивъ въ общихъ чертахъ систему государственнаго хозяйства, примѣнявшагося въ Китаѣ въ недалекомъ прошломъ, обратимся теперь къ характеристикѣ современнаго бюджета этой страны.

Въ концѣ каждаго года „Финансовая Палата“, въ видѣ справедливой но слѣпой Оемиды, обзѣрываетъ финансовыя средства провинцій и вѣнѣшиваетъ эти ресурсы съ ожидаемыми расходами, въ которыхъ непосредственно заинтересовано центральное правительство.

Расходы эти слѣдующіе:

1. Жалованье и награды въ Пекинѣ .	В,000,000
2. Потребности двора	1,400,000
3. Содержаніе войскъ на границахъ русскихъ и французскихъ владѣній	5,000,000
4. Оборонительныя силы на р. Янъ-цзы	3,000,000
5. Содержаніе флота	1,000,000
6. Содержаніе провинціальныхъ войскъ. . . .	20,000,000
7. Сооруженія на Желтой рѣкѣ	1,500,000
8. Доставка зерна въ Пекинъ	1,700,000
Желѣзныя дороги	"
Арсеналы	"
Вѣншіе займы	"
Различныя нововведенія	"
	<hr/>
	41.600,000

Изъ этого краткаго перечня видно, что расходы на содержаніе вооруженныхъ силъ сухопутныхъ и

морскихъ выросли въ теченіе столѣтія съ 19 до 38 милліоновъ тэлей; даже въ совѣмъ недавнее время сравнительнаго покоя и благополучія, предшествовавшее японско-китайской войнѣ, расходы на содержаніе войскъ выросли въ значительной степени по сравненію съ болѣе отдаленной доброй стариной; затѣмъ, начиная съ 1898 года, содержаніе войскъ центральнаго правительства и въ провинціяхъ, несмотря на значительное сокращеніе численности войскъ и урѣзываніе денежныхъ отпусковъ, обходится, вѣроятно, много больше 40,000,000 въ годъ. Чтобы облегчить и безъ того сильно обремененный государственный бюджетъ, явилась настоятельная необходимость сразу уменьшить расходы на 20,000,000 тэлей, расходуемыхъ ежегодно на непроизводительное содержаніе совершенно бесполезныхъ войскъ въ провинціи. Это сокращеніе расходовъ въ свою очередь повело къ неудовольствію провинціальныхъ властей и къ беззаконіямъ всякаго рода.

Что касается прочихъ статей бюджета, то расходы на содержаніе императорскаго двора не увеличились. Содержаніе Желтой рѣжи поглощаетъ въ настоящее время меньше чѣмъ въ прежніе годы не потому, чтобы улучшены были техническія условія, а просто въ виду того, что времена наступили тугія въ финансовомъ отношеніи; послѣдствіемъ сокращенія этой статьи расхода служить то, что прибрежное населеніе сильно страдаетъ какъ отъ опустошительныхъ разливовъ и наводне-

ний, такъ и отъ недостатка общественныхъ работъ. Объ ассигнованіи изъ общаго бюджета денежныхъ отпусковъ на содержаніе почты и рѣчныхъ сообщеній почти также не можетъ быть рѣчи по время нынѣшняго безденежья; поэтому всѣ тягости этихъ расходовъ провинціи волей-неволей должны взять на себя, потому что онѣ сами заинтересованы въ поддержаніи сообщеній.

Постройку желѣзныхъ дорогъ китайское правительство производило собственнымъ попеченіемъ сначала въ очень скромныхъ размѣрахъ и пело это дѣло черепашинымъ шагомъ; при всемъ томъ провинціи обязаны были ежегодно удѣлять на этотъ предметъ изъ своихъ средствъ по 500,000 тэлей Въ 1886 г., послѣ окончанія войны съ Франціей, встрѣтилась необходимость въ учрежденіи новаго адмиралтейства, а для увеличенія средствъ организуемаго новаго учрежденія признано было необходимымъ передать суммы желѣзнодорожнаго фонда нѣ распоряженіе принца Чуна (Ch'un), отца нынѣшняго императора, какъ вновь назначеннаго генералъ-адмирала флота. Далѣе случилось слѣдующее: во время послѣдней японско-китайской войны флотъ китайскій былъ уничтоженъ, принцъ Чунъ умеръ, послѣ чего порядочная часть суммъ обонхъ соединенныхъ фондовъ, желѣзнодорожнаго и адмиралтейскаго, была растрочена на „неотложныя нужды“, въ числѣ которыхъ значилась, между прочимъ, постройка новаго дворца для императрицы-матери. Въ настоящее время возобновлены опять работы

по устройству флота, а сооруженіе желѣзныхъ дорогъ китайское правительство сваливаетъ теперь на виѣшніе займы, которые организуются легко-вѣрными иностранными синдикатами, такъ что въ нынѣшнее время китайцы могутъ по крайней мѣрѣ наслаждаться разореніемъ и банкротствомъ этихъ предпріятій на чужой счетъ и тѣмъ облегчить горькое воспоминаніе объ испытанныхъ ими самими разочарованіяхъ ¹⁾.

Арсеналы въ своемъ существованіи испытывали разныя невзгоды въ зависимости отъ взгляда мандариновъ; въ особенности арсеналь въ Фу-чжоу долгое время представлялъ собою въ глазахъ китайцевъ своего рода бѣлаго слона, назначеннаго собственно въ угоду французамъ.

Необходимо замѣтить, что возобновленныя въ послѣднее время съ лихорадочной поспѣшностью работы по возстановленію всѣхъ военныхъ запасовъ и снабженій всякаго рода и связанное съ этими заготовленіями перемѣщеніе всѣхъ мастерскихъ и заводовъ въ Тянь-цзинь и Нанкинъ вызываютъ не мало новыхъ расходовъ. Наконецъ, погашеніе виѣшнихъ займовъ, старыхъ и новыхъ, и уплата процентонъ по нимъ поглощаетъ еже-

---

¹⁾ Какъ извѣстно, всѣ потери и убытки иностранцевъ понесенныя во время послѣднихъ безпорядковъ, поставлены „въ счетъ“ Китаю и съ лихвой покрыты взысканной съ него контрибуціей. Такъ что китайцамъ не остается и того жалкаго утѣшенія, о которомъ говорить авторъ.

годно не менѣе 25 милліоновъ тэлей и представляеть собою совершенно новое бремя для финансовъ страны.

Несмотря на это затруднительное положеніе государственныхъ финансовъ, мы видимъ, что нахлынувшіе въ Китай иностранцы „новомодныхъ націй“ заключаютъ все-таки концессіи псякаго рода, пускаются въ спекуляціи, заводятъ пароводныя номпаніи, строятъ телеграфы, телефоны, фабрики и заводы и т. п. Многія изъ этихъ предприятий работаютъ въ убытокъ, а съ этими потерями страдаютъ и заинтересованныя въ этихъ предприятияхъ китайскія центральныя и провинціальныя власти. Все это вмѣстѣ велеть къ тому, что въ глубинѣ сердца китайцы таятъ сокровеннѣйшее желаніе свергнуть съ себя эту горькую долю, испытываемую отъ вторженія иностранцевъ, чтобы вернуться къ счастливымъ временамъ доброй старины. Трудно, конечно, сказать, что китайцы заблуждаются. „Прогрессъ“, вообще, вовсе не дѣлаеть людей довольными и счастливыми, и лично я склоненъ думать, что многое можно было бы сказать въ пользу жизни такъ называемыхъ „варваровъ“.

Изъ сказаннаго выше видно, что уже и до японско-китайской войны обстоятельства были не важны въ финансовомъ откошеніи, а въ настоящее время дѣла идутъ несравненно хуже. Финансовая палата убѣждается съ горечью, что ежегодно приходится изыскивать на расходы 60—70 милліоновъ

тѣлей вмѣсто 40 милліоновъ, которые приходилось расходовать въ доброе старое время, а это обстоятельство влечетъ за собою соотвѣтствующее уменьшеніе „свободныхъ остатковъ“, которые въ прежніе годы находили себѣ, конечно, укромный пріютъ въ карманахъ различныхъ чиновниковъ. Отсюда само собою понятно, какія послѣдствія слѣдуетъ ожидать въ смыслѣ отношенія китайцевъ къ иностранцамъ, если этимъ послѣднимъ будутъ поставлены въ счетъ уплывшіе изъ кармана свободные остатки, а также и все возстаніе боксеровъ и сопряженные съ этимъ расходы по удовлетворенію этихъ же иностранцевъ со всѣми прочими печальными для Китая результатами.

Итакъ, мы видѣли, что финансовая палата вполне освѣдомлена о ресурсахъ каждой провинціи и отлично знаетъ, сколько каждая провинція можетъ получить и сколько она фактически получаетъ доходовъ. Изъ восемнадцати провинцій Средняго Китая четыре требуютъ отъ центральнаго правительства ежегодныхъ приплатъ въ солидномъ размѣрѣ, чтобы покрыть всѣ свои нужды. Приплаты эти идутъ на покрытіе расходовъ по содержанію „пограничныхъ армій, готовыхъ отразить русскихъ и французовъ“, угрожающихъ этимъ четыремъ провинціямъ. Затѣмъ двѣ богатыя провинціи, Чжи-лп и Цзинъ-су, также получаютъ субсидіи отъ другихъ даже менѣе богатыхъ провинцій—не потому, чтобы эти двѣ провинціи не могли покрыть расходовъ на свое собственное содержаніе, а по-

тому, что въ упомянутыхъ провинціяхъ сосредоточены арсеналы, приморскія сооруженія и производятся расходы прямые или косвенные какъ по собственной оборонѣ этихъ провинцій, такъ и прилежающихъ къ нимъ.

По исчисленіи финансовой палаты доходы въ настоящее время могутъ быть доведены до слѣдующей цифры (въ общихъ чертахъ):

1. Поземельный налогъ	26,000,000
2. Пошлина съ туземной торговли	4,250,000
3. Пошлина съ иностранной торговли	22,750,000
4. Доходъ отъ соляной торговли	14,000,000
5. Линишъ (ли-цзинь)	14,000,000
6. Доходъ отъ туземнаго опиума	3,000,000
7. По разнымъ предметамъ	3,000,000
Продажа должностей	—
Вышшіе займы	—
<hr/>	
Итого	87,000,000

Этотъ итогъ представляетъ собою, по всей вѣроятности, максимальный доходъ, получаемый правительствомъ со времени возстанія боксеровъ. Цифры эти отнюдь не расходятся съ приведенными выше въ другихъ мѣстахъ въ этой главѣ. Изъ общей суммы приведенныхъ доходовъ получается даже ежегодный остатокъ, послѣ покрытія обыкновенныхъ расходовъ,—въ 46,000,000 тэлей, который даетъ возможность удѣлить 25 милліоновъ на платы по займамъ, 3 милліона на содержаніе арсеналовъ, 2 милліона на содержаніе желѣзныхъ дорогъ, дворцовъ и на разныя ново-

введенія; затѣмъ остается еще 16,000,000 тзлей на покрытіе разныхъ провинціальныхъ нуждъ.

Такимъ образомъ мы видимъ изъ приведенныхъ цифръ, что вопреки переживаемому Китаемъ тяжелому времени, финансовое положеніе страны не было бы вовсе такъ плохо, если бы только всѣ доходы казны оплачивались по одинаковому курсу если бы эти доходы поступали въ одну общую кассу, подобно тому, какъ это принято въ отношеніи пошлины отъ иностранной торговли, и если бы, наконецъ, всѣ расходы производились все изъ той же кассы по одной общей системѣ. Но начать съ того, что всѣ провинціи имѣютъ двѣ главныхъ монетныхъ системы: серебро, въ нѣсколько различныхъ пробъ, и мѣдную монету изъ мѣди различнаго качества; мѣновое отношеніе этихъ двухъ ходячихъ цѣнностей различается въ каждомъ городѣ и мѣняется каждый день. Кроме того каждая провинція имѣетъ свою особую пробу и особый вѣсъ для унціи серебра, являющагося денежной единицей; затѣмъ во многихъ провинціяхъ ходячей монетой служить долларъ въ видѣ монеты или въ видѣ обрубка серебра; курсъ доллара также мѣняется каждый день различно, въ различныхъ провинціяхъ и въ столицѣ, въ зависимости отъ измѣненія цѣнности серебра и мѣди.

Но и эти всѣ неурядицы, вытекающія изъ несуразной монетной системы, вызывающія огромныя потери во времени и энергіи, обрушивающія всѣ расчеты, открывая доступъ притѣсненія и

злоупотребленіямъ всякаго рода, — даже и такія неурядицы не имѣли бы вреднаго вліянія въ такой мѣрѣ, если бы доходы и расходы государства были объединены въ однѣхъ рукахъ, если бы, подобно живому организму, всѣ ресурсы по однѣмъ и тѣмъ же артеріямъ стекались отъ периферіи къ сердцу, которое само уже питало бы весь организмъ одной и той же кровью изъ общаго источника. Но на самомъ дѣлѣ „финансовая палата“ — это средоточіе государственныхъ средствъ — отличается одинаковой косностью и отсталостью, какъ и всѣ провинціи, направляя все дѣло государственнаго хозяйства такъ, что приходится жить лишь изъ дня пѣ лень, безъ всякой устойчивости. Въмѣсто того, чтобы предписать, напримѣръ, какой-нибудь провинціи въ такой формѣ: „Ваши доходы въ этомъ году простираются до 5,000,000, а расходы до 4,900,000; поэтому вамъ надлежитъ представить 100,000 въ центральную кассу“, — вмѣсто этого палата пишетъ обыкновенно посланія такого рода:

„Изъ доходовъ, получаемыхъ вами отъ поземельнаго налога, который въ нынѣшнемъ году ожидается лишь въ размѣрѣ восьми десятыхъ своей обычной нормы вслѣдствіе урѣзокъ, сдѣланныхъ по случаю постигшихъ провинцію народныхъ бѣдствій, вамъ надлежитъ удѣлить 500,000 для отсылки въ Пекинъ въ счетъ ординарнаго жалованья и 100,000 въ видѣ экстраординарнаго ассигнованія для покрытія суммы недоотпущенной на расходы Маньчжуріи въ 1896 году. Требуемыя отъ васъ

деньги вы должны доставить въ Пекинъ: экстраординарные ассигнованія въ счетъ жалованья чиновникамъ до седьмой, а всю остальную сумму до десятой луны. Такъ какъ вашъ соляной *ликинъ* переданъ въ распоряженіе сэра Роберта Гарта для взносовъ по вѣшнимъ займамъ, то шесть десятыхъ отъ вашего ординарнаго *ликина*, который всегда шли на содержаніе маньчжурскихъ войскъ, должны быть назначены на возмѣщеніе соляного *ликина*, недостающаго по пекинскому счету; вмѣстѣ съ тѣмъ четыре десятыхъ этого *ликина* слѣдуетъ назначить на возстановленіе кредита по счетамъ Фу-цзяньской провинціи, отъ которой съ 1886 года слѣданы отчисленія для провинціи Юньнань за мѣдъ, за вычетомъ вѣсовыхъ и за браковку. Если этихъ отчисленій будетъ недостаточно, то остается еще резервъ въ видѣ 7⁰/₁₀₀ сбереженій отъ отпусковъ въ войска, каковыя остатки, накопившіеся съ 1881 года, могутъ быть временно обращены за надлежащими вычетами на потребности арсенала. Провинція Гуй-чжоу жалуется на то, что причитающаяся отъ васъ ежемѣсячная субсидія въ размѣрѣ 6,000 тѣлей на содержаніе пограничныхъ войскъ до спѣхъ поръ ею не получена, поэтому предложено было позмѣститъ эту сумму Сы-чуанской провинціи. Такъ какъ сэръ Робертъ Гартъ занятъ вопросомъ по улаженію соляного *ликина* между провинціями Сы-чуань и Ху-бэй, которые не собрали этой пошлины въ ожидаемомъ размѣрѣ, то вамъ надлежитъ прика-

зять комиссіонеру по соляному ликину скорѣе отправить новой тянь-цзинской артиллеріи тѣ 200,000 тзлей, которыя въ прежнее время отправлялись ежегодно торпедной коллегіи въ Кантонъ“.

Это китайское посланіе представляет собою прекрасный образчикъ взаимныхъ сношеній и рисуетъ съ достаточной рельефностью безнадёжную путаницу, господствующую въ системѣ государственнаго хозяйства. Каждый вице-король и губернаторъ обязательно оспариваетъ предъявляемыя къ нему требованія, которыя согласовать поэтому тѣмъ труднѣе, что существуютъ, конечно, ассигнованія болѣе важныя и менѣе важныя, а рядомъ съ этимъ какой-нибудь простакъ, время отъ времени, опрокидываетъ вверхъ дномъ всѣ расчёты финансовой палаты. Помимо этого, губернаторъ какой-нибудь провинціи не можетъ, конечно, выказывать особое усердіе ради, напримѣръ, субсидій за мѣль изъ Юнь-наньской провинціи, зная хорошо, какія злоупотребленія связаны съ этимъ предметомъ со стороны завѣлывающаго этой операціей. Съ другой стороны губернаторы очень аккуратно наблюдаютъ за своевременной отсылкой риса въ Пекинъ; эта аккуратность и тщательность обусловливаются такими же соображеніями, какими руководствуются, скажемъ, наши консулы при сношеніяхъ со своимъ министерствомъ: никому нѣтъ охоты ссориться съ тѣмъ, чрезъ руки которыхъ мы получаемъ свой хлѣбъ насущный; въ противномъ случаѣ какой-нибудь мелкій

чиновникъ въ центральномъ управленіи можетъ легко причинить большія непріятности хотя бы и высшимъ властямъ въ провинціи.

Эта нелѣпая система государственнаго хозяйства влечетъ за собою еще много другихъ дикихъ послѣдствій. Одна провинція получаетъ, напримеръ, субсидіи отъ другой провинціи; эта другая, въ свою очередь, получаетъ субсидіи отъ третьей, или принимаетъ на себя счета первой провинціи. Такимъ образомъ при этихъ расчетахъ раньше всего приходится терять на двойную пересылку или, нѣрнѣе, какъ сейчасъ увидимъ, на двойную перевозку этихъ субсидій, а также и на расчеты по курсовому размѣру. Бываетъ даже и такъ, что предлагается одной провинціи выслать субсидію другой провинціи, послѣ того какъ эта послѣдняя посылала субсидію первой провинціи. При этомъ необходимо замѣтить, что подлежащія переводу суммы, которыя могли бы быть переданы изъ одной провинціи въ другую путемъ письменныхъ переводовъ, пересылаются непосредственно въ выдолбленныхъ деревянныхъ обрубкахъ въ сопровожденіи конвоя солдатъ, многихъ повозокъ, особыхъ вооруженныхъ вонновъ и спеціальнаго офицера. Даже и тогда, когда деньги пересылаются переводомъ—что также влечетъ за собою потерю въ 2—3% на двойной и тройной переводъ денегъ—командируется непременно особый чиновникъ пзвѣстить объ этомъ, подобно тому, какъ въ европейскихъ арміяхъ, напримеръ, принято по-

сылать офицера для личнаго представленія реляціи объ одержанной побѣдѣ и т. п.; при этомъ, конечно, имѣется въ виду главная цѣль—дать возможность чиновнику получить подарокъ за пріятное извѣстіе. Довольно забавное зрѣлище представляютъ собою толпы „нули“ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, приносящихъ на себѣ упомянутые выше выдолбленные обрубки, наполненные серебромъ, по дорогѣ изъ провинціи Шань-си въ Шанхай для уплаты процентовъ по европейскимъ займамъ.

Во всей системѣ финансоваго управленія господствуетъ бездушная формальность, которая уживается рядомъ съ безстыдными злоупотребленіями и безсовѣстной тратой времени и денегъ,—разъ только тутъ замѣшаны личные интересы и корыстные виды. Въ то же время высшіе чиновники, наживающіе 30—40 тысячъ тѣлей въ годъ на своихъ должностяхъ, усердно работаютъ надъ вычисленіемъ своихъ бюджетовъ съ точностью до миллионной доли унціи серебра, забывая совершенно, что время, потраченное на это, обходится государству во много разъ дороже, чѣмъ эти мелочныя вычисленія.

Слопомъ, вся безъ исключенія система государственнаго хозяйства Китая представляетъ собою прогнившій въ корнѣ механизмъ, сложный и нелѣпый, въ которомъ все ребячески-наивно и грубо-невѣжественно и который вполне заслуживаетъ быть вышвырнутымъ съ корнемъ безъ остатка. До тѣхъ поръ, пока не будетъ введена одна общая

въ имперіи монетная система, пока отчетность пѣ провинціяхъ не будетъ передана въ руки европейцевъ, пока, наконецъ, не будетъ установлена система вполнѣ опредѣленнаго и достаточнаго содержанія чиновникамъ отъ казны—всѣ реформы въ дѣлѣ государственныхъ финансовъ представляются совершенно безнадежными и ни къ чему не приведутъ.

ОБЩІЙ ПЕРЕЧЕНЬ

государственныхъ доходовъ, получаемыхъ отъ провинцій Собственнаго Итала и трехъ провинцій Маньчжуріи.

Проземельный налогъ (деньгами).	25,967,000
Зерновая подать (натурой, съ переводѣ цѣнности на деньги).	7,540,000
Пошлина съ туземной торговли.	4,230,000
Принимъ и косвенныя подати отъ соляной торговли.	13,050,000
Пошлина отъ иностранной торговли. . . .	22,052,000
Ликвиъ, за исключеніе опиума и соли	12,160,000
Доходъ отъ туземнаго опиума	2,830,000
Различные доходы, налоги и проч.	2,380,000
Аренды за право владѣнія.	690,000
Различные запасы.	110,000
Отъ продажи должностей и титуловъ. . . .	266,000
Субсидіи отъ провинцій.	9,282,000
Налогъ отъ чайной торговли	900,000
Топлива и зерна (цѣнность).	110,000

Всего 101,567,000

Внутренніе займы и приношенія, не включенныя въ приведенные выше итоги 6,334,000

Доходы эти распредѣляются по провинціямъ слѣдующимъ образомъ:

Ань-хой	4,033,000
Чжэ-цзянь	5,786,000
Чжи-ли	6,360,000
Фу-цзянь	6,035,000
Хэ-нань	3,235,000
Ху-нань	2,765,000
Ху-бэй	7,320,000
Гань-су	5,946,000
Цзянь-си	4,800,000
Цзянь-су	21,450,000
Гуаа-си	1,730,000
Гуаа-дунъ	7,525,000
Гуй-чжоу	1,107,000
Шань-си	4,040,000
Шань-дунъ	4,530,000
Шэнь-си	2,380,000
Сы-чуань	6,050,000
Юнь-нань	1,985,000
<hr/>	
Итого	97,077,000
Шэнь-цзинь	3,400,000
Гиринъ	470,000
Хэй-лунъ-цзянь	680,000
<hr/>	
Общій итогъ	101,567,000

ГЛАВА XI.

Соляная монополія.

Существующая въ Китаѣ соляная монополія, а также способъ добыванія соли въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ способствовать до нѣкоторой степени уразумѣнію основныхъ принциповъ, послужившихъ основаніемъ раздѣленія Китая на провинціи, а также и для того, чтобы судить о продолжительности существованія нѣкоторыхъ его учреждений.

Изъ дальнѣйшаго изложенія не трудно замѣтить, что районы, служащіе основаніемъ исчисленія соляной пошлины, имѣющіе хотя бы въ общихъ чертахъ опредѣленные границы, не совпадаютъ, однако, съ политическимъ подраздѣленіемъ имперіи на группы провинцій. Мы видимъ, напримѣръ, долину Кантонскую, обширные районы государствъ древняго Юэха, старинныя государства Ву и Чу, а также и многія другія мѣстности имперіи, снабжаемыя морской солью, которая добывалась и разрабатывалась различными способами въ зависимости

отъ мѣстныхъ условій. Съ другой стороны многія горныя страны въ западной части имперіи, соотвѣтствующія упоминаемымъ въ лѣтописяхъ древнимъ государствамъ Шухъ (Shuh), Тайинъ (Tien) и Цзянь (K'ien), питались солью, добытой изъ колодезь, обработанной посредствомъ выпариванія. Затѣмъ многія страны, населенныя смѣшанными татарско-китайскими племенами, въ отношеніи потребности соли обслуживались этимъ продуктомъ, добываемымъ со дна степныхъ озеръ, а также съ прудовъ нынѣшней провинціи Шань-си. Наконецъ, на сѣверѣ Китая мы встрѣчаемъ распространеніе солончаковыхъ равнинъ, съ которыхъ добыча соли удовлетворяла нужды большей части древняго Китая.

Въ обширнѣйшихъ чертахъ административныя границы упомянутыхъ выше странъ и мѣстностей соотвѣтствуютъ различнымъ періодамъ завоеваній Китая къ распространенію китайскаго вліянія на сопредѣльные государства. Это замѣчаніе станетъ намъ вполне понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на перечень провинцій Китая, помѣщенный на стр. 6—7, и вспомнимъ при этомъ изложенное въ главѣ II-й относительно присоединеній къ территоріи имперіи, сдѣланныхъ императоромъ Ви-Ти.

Кантонская монополия. Обращаясь къ происхожденію древнихъ названій провинцій, мы находимъ, что обширная область, извѣстная теперь подъ названіемъ провинцій Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ, т. е. „Обширный Западъ“ и „Обширный

Востокъ", образуя сѣверную половину древняго государства Южнаго Юэ, представляет собою въ сущности обширную систему дельты рѣки Си-цзяна около Кантона, заключающую въ себѣ всю сѣть рѣкъ и протоковъ, связанныхъ съ главной рѣкой; затѣмъ вся мѣстность, орошаемая системой рѣки Шань-тоу на востокѣ, представляет собою по естественнымъ условіямъ и этнографическому составу часть провинціи Фу-цзянь. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что соль, добываемая во многихъ мѣстахъ на морскомъ побережьѣ—какъ въ настоящее, такъ и въ давно минувшее время, начиная съ IV-го столѣтія по Р. Х.—всегда была сосредоточена въ однихъ рукахъ, подъ однимъ общимъ управленіемъ.

Соотвѣтственно съ прежней организаціей вся административная часть по соляной монополіи въ этомъ краѣ въ настоящее время сосредоточивается въ вѣдѣніи „Соляного Комиссара" перваго класса въ Кантонѣ и его помощника, комиссара второго класса, завѣдывающаго непосредственно соляной частью въ провинціи Гуанъ-си; оба эти комиссара состоятъ при управленіи вице-короля. Въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго комиссара состоитъ обширный штатъ, заключающій въ себѣ семнадцать мандариновъ и 159 слѣдовъ разнаго рода, которыхъ дѣлопроизводство сосредоточивается въ шести конторахъ. Главнымъ центромъ управленія по соляной части служить теперь, какъ и въ прежнее время, городъ Дунъ-гуанъ, расположен-

ный ниже Кантона, при слияніи рѣкъ „Большой“ и „Малой“, омывающихъ восточную и западную стороны Кантона. Исходя изъ финансовыхъ соображеній, мѣстное правительство дѣлало въ послѣдніе годы не мало усилій, чтобы такъ или иначе увеличить насколько возможно доходъ, получаемый отъ добычи соли, который въ настоящее время для Кантонской монополіи можетъ быть принятъ въ 1,000,000 ланъ.

Необходимо замѣтить, что истоки Западной рѣки или Си-цзяна выше Бэ-сэ (Pei-seh) берутъ начало въ городѣ Гуанъ-нанъ-фу, въ провинціи Юнь-нанъ; вслѣдствіе этого послѣдняя провинція издавна получаетъ для себя соль изъ Кантона, а взаменъ соли посылаетъ отъ себя мѣдъ для чеканки монетъ. Впрочемъ, китайскіе источники не даютъ намъ достаточно свѣдѣній, которыя могли бы выяснить, какимъ путемъ производится вся эта мѣновая операція. Одинъ изъ сѣверныхъ притоковъ Западной рѣки беретъ начало въ городѣ Гу-чжоу, въ провинціи Гуй-чжоу, вслѣдствіе чего эта провинція снабжается солью также изъ Кантона, — вмѣсто того, чтобы получать свою соль изъ сосѣдней провинціи Сы-чуань или изъ Хуайской (Hwai) соляной монополіи. Трудно выяснить съ достаточной достовѣрностью — почему три округа на югѣ провинціи Ху-нанъ и три префектуры (фу) на югѣ провинціи Цзянь-си представляютъ собою исключенія въ отношеніи потребленія соли, несмотря на то, что часть системы

такъ называемой „Сѣверной“ рѣки имѣетъ свое начало въ провинціи Ху-нань, а часть системы „Малой“ рѣки — въ провинціи Цзянь-си. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что имѣются какія-нибудь особыя мѣстныя условія, объясняющія причины упомянутыхъ выше уклоненій въ отношеніи снабженія соли нзъ тѣхъ или иныхъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ достоинъ вниманія тотъ фактъ, что указанныя сейчасъ видныя ненормальности насчитываютъ за собою давность по меньшей мѣрѣ въ сто слишкомъ лѣтъ.

Двѣ провинціи Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ, въ той части, гдѣ онѣ орошаются дельтой рѣки, раздѣляются въ отношеніи монопольныхъ правъ, а равно административной организациі добычи и продажи соли, на два отдѣла: отдѣлъ „Большой“ рѣки (къ западу отъ Кантона) и отдѣлъ „Малой“ рѣки (къ востоку отъ Кантона). Затѣмъ къ кантонской монополіи принадлежитъ и городъ Сватоу, который омывается рѣкой, берущей начало въ округѣ (фу) Динъ-чжоу-фу въ провинціи Фу-цзянь; вслѣдствіе чего этотъ обширный округъ на всемъ протяженіи теченія рѣки Сватоу употребляетъ кантонскую соль, которая оказывается болѣе доступной, чѣмъ прибрежная соль, добываемая оноло города Синъ-куа (Hing-hwa). Островъ Хай-нанъ въ отношеніи снабженія его населенія солью слѣдуетъ также включить въ районъ, тяготеющій къ Кантону, который такимъ образомъ пользуется обширными прпрѣзками территоріи отъ другихъ

провинцій, являющихся вслѣдствіе этого въ финансовомъ отношеніи въ силу соляной монополіи естественными соперниками Кантона.

Фу-цзянская монополія является болѣе скромной по размѣрамъ и своему значенію, чѣмъ описанная сейчасъ кантонская система, и подчиняется особому комиссару второго класса, въ вѣдѣніи котораго состоятъ семнадцать подчиненныхъ ему чиновниковъ; всѣ операціи по соляной части, а также комиссаръ и его мандарины состоятъ подъ номинальнымъ контролемъ вице-короля въ Фу-чжоу. По примѣру кантонской монополіи, организація которой должна быть отнесена къ 4-му вѣку нашей эры, добычу и пролажу соли въ Фу-цзянской провинціи можно историческимъ путемъ прослѣдить до начала поступательнаго движенія китайской цивилизаціи, а вмѣстѣ съ нею политическаго вліянія имперіи, водворившагося въ этой странѣ. Что касается количества добываемой соли и получаемого назной дохода отъ этой монополіи, то, какъ видно изъ китайскихъ источниковъ, во время реорганизаціи административной части въ 1157 году доходы эти простирались до 80,000 „шнурковъ“ ¹⁾ въ годъ.

¹⁾ Въ Китаѣ теперь еще во многихъ мѣстахъ ходячей монетой служатъ чохы: это иѣдныя круглыя пластинки очень плохой фабрикаціи, напоминающія собою монеты только потому, что на нихъ вычеканены іероглифы; посредній чохъ имѣетъ четырехугольное отверстіе (благодаря которому уменьшается количество иѣди), дающее возможность наизмывать чохы на шнурки. Такъ какъ иѣдность

Число чиновниковъ, занятыхъ въ каждой провинціи операціей по соляной монополіи, зависитъ какъ отъ размѣровъ самой операціи, такъ и отъ числа посредниковъ, стоящихъ между администраціей и потребностями; вслѣдствіе этого въ Фу-цзянской провинціи соляныхъ чиновниковъ очень много. Послѣ потери Формозы, отошедшей къ Японіи, развитіе соляной монополіи въ этой провинціи должно было, конечно, сдѣлаться болѣе ограниченнымъ и соотвѣтственно съ этимъ должно было вызвать сокращеніе штата соляной администраціи; но можно быть увѣреннымъ, что въ такой консервативной странѣ, какъ Китай, гдѣ все держится рутиной, вся монопольная операція течетъ и теперь по старому руслу въ неприкосновенномъ видѣ. Во время возстанія тайпинговъ соляная монополія въ Фу-цзянской провинціи испытала нѣкоторое оживленіе, благодаря разстройству транспортной части на системахъ рѣкъ Янъ-цзы и Хуай (Hwai), что привлекло къ этой монополіи не мало новыхъ потребителей; обстоятельство это вызвало среди администраціи замѣтный подъемъ энергіи, имѣвшій впрочемъ чисто спорадическій характеръ. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время

чоухъ очень незначительна (отъ 2 до 25 на 1 коп. сер.), то болѣе крупной денежной единицей во многихъ мѣстахъ Китая служатъ „связки“ чоухъ. Приведенные въ текстѣ „шнурки“, во всей вѣроятности, и служатъ такой монетной единицей.

Прилѣч. Псфев.

соляная промышленность этой провинции направляется опять рутиннымъ путемъ, такъ что для общаго свѣдѣнія не представляется ничего, что могло бы имѣть хоть какой-нибудь интересъ.

Общій размѣръ номинальнаго дохода, получаемого отъ фу-цзянской соли, простирается до 500,000 ланъ въ годъ. Въ какомъ, однако, видѣ представляются иѣкоторыя закулисныя стороны соляной операціи въ Китаѣ, можно судить по слѣдующему приѣзду: прибывъ однажды къ истокамъ водной системы, орошающей провинціи Чжэ-цзянь и Фу-цзянь, и направившись затѣмъ внизъ по теченію, по направленію къ Вэнь-чжоу (Wenchow), въ провинцію Чжэ-цзянь, я встрѣтилъ на пути огромный флотъ изъ многочисленныхъ судовъ, нагруженныхъ солью изъ Фу-чжоу; соль эта доставлялась тайкомъ для снабженія жителей, обитающихъ на сѣверной границѣ и внутри Фу-цзянской провинціи. Изъ произведенныхъ мною разспросовъ я узналъ, что по этому направленію производится обширная торговля солью (около 70,000 тоннъ въ годъ), которая потворствуется, конечно, чиновниками Чжэ-цзянской провинціи, завѣдывающими сборомъ ликвида, потому что они получаютъ отъ этой контрабанды довольно солидныхъ выгоды. По опредѣленію французскихъ статистиковъ количество соли, потребленной Индо-Китаемъ въ 1889 г., опредѣляется въ 150,000 тоннъ; слѣдовательно, приведенныя мною цифры не должны быть далеки отъ истины, если принять во вниманіе сравнитель-

ные размѣры площади Индо-Китаия и указаннаго выше района.

Чжэ-цзянская монополія. Слѣдуя затѣмъ далѣе морскому побережью, мы переходимъ въ сосѣднюю провинцію Чжэ-цзянь, которая въ отношеніи административной организаціи соляной монополіи, по примѣру давно минувшаго времени, остается и до сихъ поръ раздѣленной на *Чжэ-восточный* и *Чжэ-западный*. Эта номенклатура возвращаетъ насъ къ тому времени, когда одинъ изъ рукавовъ, которыми рѣка Янгъ-цзы изливается въ океанъ, протекалъ чрезъ городъ Ханъ-чжоу и когда значительная часть новѣйшей провинціи Цзянь-су причислялась къ Чжэ'-йскому краю. Въ 1132 году введена была акцизная система во всей соляной промышленности, существовавшей подъ названіемъ Хуай-чжэ (Hwai-Chéh), при чемъ весь районъ вдоль морского берега былъ распределенъ такъ, что къ первому отдѣлу (*Чжэ-восточный*) было приписано все побережье отъ Шанхая на сѣверѣ и внутри материка до границъ Фу-цзянской провинціи, а внутренняя часть этой провинціи, съ городами Чжэнь-цзянь, Нанкинъ и Ханъ-чжоу, образовала собою западный отдѣлъ обоихъ *Чжэ*, какъ это частью уже объяснено было выше въ главѣ „о населеніи“. Подобно тому, какъ, напримѣръ, въ Англіи старинныя границы епископскихъ территорій не совпадаютъ съ гражданскими границами административнаго устройства, сохраняя свои старинныя названія, такъ и въ Китаѣ сохраняются устарѣлыя

названіи въ отношеніи всего, что связано съ соляной монополіей и традиціонной транспортировкой казенныхъ хлѣбныхъ грузовъ въ Пекинъ; поэтому мы до сихъ поръ встрѣчаемся съ устарѣлыми названіями и подраздѣленіями Цзянь, Нань и двухъ Чжэ, несмотря на то, что первыя два образовали собою четыре, а послѣднее одну провинцію.

Весь указанный сейчасъ районъ въ отношеніи снабженія солью, въ виду его обширности, состоитъ въ пѣдѣніи номиссара перлаго класса подъ высшимъ контролемъ губернатора въ Хакъ-чжоу; въ распоряженіи комиссара числится 39 чиновниковъ, завѣдывающихъ различными складами. Потребляе-
нал въ этомъ районѣ соль большей частью, если не вся цѣликомъ, добывается отъ выпариванія морской воды, поелѣ чего соль различными путями собирается и хранится въ опредѣленныхъ пунктахъ на морскомъ побережьѣ, подобно тому, какъ это организовано и въ приведенныхъ выше соляныхъ монополіяхъ Кантонской и Фу-цзиньской. Во время возстанія тайпинговъ чжэ-цзянская соль получила широкое распространеніе, проникая далеко вверхъ по рѣкѣ Янъ-цзы и далѣе по озеру По-пнъ; такимъ образомъ соляная монополія Чжэ-цзянской провинціи также извлекала существенныя выгоды изъ этого возстанія, которое повлекло за собою разстройство путей сообщенія и прекратило доступъ соли изъ Хуайской монополіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что соль изъ монополіи западнаго Чжэ находила себѣ распротраненіе за сто лѣтъ тому

назадъ въ Хай-чтру въ провинціи Ань-хой. Причину этого явленія, которое, повидимому, насчитываетъ за собою большую давность, не трудно объяснить себѣ, если мы вникнемъ въ прилегающую систему водныхъ сообщеній и вспомнимъ при этомъ, что такимъ же путемъ и чайная торговля перешла въ послѣдніе годы, вслѣдствіе усилившихся требованій ликина, изъ Цзю-цзяна въ Нинъ-бо.

Необходимо замѣтить, что въ систему соляной монополіи упомянутыхъ „Двухъ Чжэ“ входитъ еще отрѣзокъ отъ провинціи Ань-хой, а также небольшой участокъ отъ провинціи Цзянь-си, но эти прирѣзки не обусловливаются какими-нибудь водными сообщеніями. Кромѣ того въ упомянутую монополію включается часть провинціи Цзинъ-су къ югу отъ Великой рѣки, за исключеніемъ обширной префектуры (фу) Нанкина. Затѣмъ два острова Динъ-хай и Чунъ-минъ въ отношеніи снабженія пхъ солью находятся въ особыхъ условіяхъ, которыхъ полагаемъ излишнимъ касаться здѣсь, такъ какъ имѣемъ въ виду лишь общую схему въ главныхъ чертахъ.

Со времени послѣдней японско-китайской войны и обремененія государственныхъ финансовъ вновь заключенными иностранными займами, китайское правительство оказалось вынужденнымъ увеличить нѣсколько цѣну на соль. Это обстоятельство должно, конечно, до нѣкоторой степени усилить неудовольствіе и безпокойство населенія, господствующія за

последнее время въ Китаѣ. Въ нѣкоторыхъ обнародованныхъ мною статьяхъ о соляной промышленности въ Китаѣ я опредѣлилъ пошлину, получаемую отъ Чжэ-цзянекой системы, ниже ея дѣйствительной суммы въ 500,000 ланъ; но, какъ видно изъ официальныхъ документовъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ, эта пошлина доходитъ въ настоящее время до 1,000,000. Это увеличеніе акциза является, конечно, вполне естественнымъ, если принять во вниманіе многочисленный личный составъ завѣдывающій этой монополіей.

Хуайская монополія. Великая рѣчная система, извѣстная подъ названіемъ „Двухъ Хуай“ (Two Hwai), включая въ себѣ сѣверное и южное развѣтвленія рѣки Хуай, пріобрѣтаетъ исключительное значеніе въ дѣлѣ соляной монополіи и вполне заслуживаетъ обратить на себя вниманіе какого-нибудь англійскаго синдиката. Дѣло въ томъ, что при капризномъ теченіи Желтой рѣки, уклонившейся на сѣверъ, Хуай не находитъ себѣ прямого выхода въ море, а чѣмъ болѣе можно изолировать эту рѣку отъ притока свѣжихъ водъ, вообще, тѣмъ лучше для добычи соли; китайскіе же инженеры, орудующіе на рѣкѣ Хуай, вполне искусны въ дѣлѣ регулированія уровней сосѣднихъ водъ, не уступая въ этомъ отношеніи опытности даже голландскихъ инженеровъ, работающих на шлюзахъ Зюдерзее.

Достаточно поверхностнаго взгляда на карту Китая, чтобы убѣдиться, что вся часть провинціи

Цзянь-су, простирающаяся къ сѣверу отъ Великой рѣки (Янъ-цзы) и нѣ востоку отъ Императорскаго канала, представляетъ собою обширную, но печальную равнину, которая въ смыслѣ земледѣльческой культуры цѣнится очень невысоко, потому что покрыта большей частью солончаками и камышами и совершенно не годна для хлѣбопашества. На этой-то равнинѣ сосредоточивается добыча знаменитой хуайской соли. Въ зависимости отъ особенностей этого продукта — ипѣта и качества, а также способовъ его добыванія — Хуайскій районъ раздѣляется на сѣверный и южный; такое подраздѣленіе въ смыслѣ дѣловой промышленности установилось независимо отъ иныхъ причинъ, которыми можно объяснить происхожденіе этого раздѣленія, и обусловливается тѣмъ, что различные контингенты потребителей той или иной соли предпочитаютъ соль изъ сѣверной или южной части упомянутой системы.

Еще со времени лий-чжэней и татаръ существовала уже правильная организація соляной промышленности въ указанномъ районѣ; при Сунской династіи тамъ имѣлись уже таможи и соляныя *стойки* ¹⁾. Затѣмъ послѣ возстанія тайпинговъ вся упомянутая система была совершенно преобразована цѣлымъ рядомъ дѣльных вице-королей, правившихъ въ Нанкинѣ. Главной цѣлью всѣхъ этихъ

¹⁾ Примѣняемъ этотъ терминъ, извѣстный и въ Россіи при существованіи блаженной памяти соляного акциза

преобразований было стремление завоевать снова рынки потребителей хуайской соли, потерянные во время войнъ 1858—1864 годовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду установить путемъ взаимныхъ соглашеній размежеваніе интересовъ съ Сы-чуаньской провинціей, пзъ которой въ обширныхъ размѣрахъ вывозилась колодезная содь.

Необходимо было также принять по вниманіе интересы бѣднаго населенія и установить цѣны на соль, доставляемую изъ различныхъ конкурирующихъ между собою районовъ добычи, такъ, чтобы цѣны эти не были очень высоки, но, въ то же время чтобы это не принесло собою существеннаго ущерба интересамъ казны. Наконецъ, вся предпринятая система реорганизациі хуайской соляной промышленности должна была еще согласоваться съ общей финансовой системой важнѣйшей группы провинцій, расположенныхъ на рѣкѣ Янъ-цзы (Сы-чуань, Ху-нань и Хэ-нань, Цзянь-су и Цзянь-си), обшмающихъ собою по пространству и населенію половину всего Собственнаго Китая: требовалось именно обезпечить ежегодную посылку въ Пекинъ установленныхъ депежныхъ прсеводовъ и въ то же время содержать въ этихъ провинціяхъ собственныя войска, флотъ и арсеналы.

Исходя изъ указаннаго сейчасъ значенія хуайской соляной промышленности, установилось за правило, что губернаторы упомянутыхъ провинцій не имѣютъ вовсе голоса во всемъ, что касается

„высшей политики“ въ дѣлѣ регулированія пошлыны на соль. Вся операція этой промышленности въ административномъ отношеніи подвѣдомственна особому комиссару перваго класса, имѣющему постоянное пребываніе въ Янъ-Чжоу (Jangchow); этотъ комиссаръ состоитъ подъ высшимъ контролемъ вице-короля въ Нанкинѣ, имѣющимъ въ сущности вполнѣ номинальный характеръ, и касается только, такъ сказать, дипломатической части этой промышленной операціи. Нанкинскій вице-король, въ свою очередь, по всѣмъ вопросамъ, касающимся согласованія интересовъ соляной пошлыны различныхъ провинцій, совѣтуется съ У-чанскимъ вице-королемъ; но эти совѣщанія, хотя и существуютъ *de facto*, не обязательны *de jure* для нанкинскаго вице-короля.

Въ каждой провинціи непосредственное завідованіе соляной монополіей возложено на особаго комиссара втораго класса, за исключеніемъ провинціи Ань-хой, не имѣющей вовсе своего комиссара, и провинціи Цзинъ-су, въ которой имѣются два комиссара; кромѣ комиссаровъ имѣются еще 34 чиновника, которые, всѣ прикомандированы къ главному управленію по соляной монополіи. Такимъ образомъ въ каждой провинціи имѣется особый чиновникъ, какъ представитель центральнаго управленія, который исчисляетъ лишь размѣры акциза, но лишенъ всякаго права контроля надъ поступленіемъ дохода; исключеніемъ изъ этого правила служить провинція Ань-хой,

которая очень близка и къ Янъ-чжоу и къ Наннину, вслѣдствіе чего не имѣетъ вовсе упомянутого счетчика.

Было бы слишкомъ утомительно для читателя, если бы мы стали перечислять здѣсь всѣ названія различныхъ районовъ производства соли, особенности многихъ системъ по отѣнкѣ земельныхъ участковъ въ зависимости отъ производительности разныхъ округовъ, какимъ путемъ дѣлаются отводы участковъ для эксплуатаціи, производятся добыча и взвѣшиваніе соли, какъ различается валовой и чистый вѣсъ соли, какимъ порядкомъ соль пускается въ продажу, взимается соляная пошлина, взыскивается соляной ликинъ при перевозкѣ изъ одной провинціи въ другую и многое т. п. Замѣтнимъ лишь слѣдующее: если принять во вниманіе, что купцы, въ рукахъ которыхъ находится соляная монополія, „добровольно“ преподнесли назнѣ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, просто въ видѣ подарка, 8,000,000 ланъ, т. е. по 400,000 въ годъ, независимо отъ ежегодной обязательной откупной суммы въ 5—6 милліоновъ ланъ, вносимыхъ въ казну, то надо полагать, что выгоды, достигающіяся на долю откупщиковъ, вѣроятно, очень значительны. Необходимо еще имѣть въ виду, что въ операціяхъ соляной монополіи въ Кятаѣ многія вліятельныя лица заинтересованы своими капиталами, подобно тому, какъ у насъ въ Европѣ многіе заинтересованы своими сбереженіями въ положеніи государственныхъ процентныхъ

бумагъ; это обстоятельство содѣйствуетъ общему стремленію соляныхъ синдикатовъ сохранять въ тайкѣ дѣйствительные размѣры получаемыхъ барышей. Кромѣ того вице-короли въ Нанкинѣ также не прочь уменьшить доходы откупщиковъ по соляной монополіи, желая такимъ путемъ оградить интересы своихъ провинцій отъ алчныхъ посягательствъ маньчжурскихъ властей. Все это приводитъ къ тому, что финансовой палатѣ въ Пекинѣ по части соляной монополіи извѣстны только стереотипныя цифры, представляемая ежегодно центральному правительству, и ничего болѣе. Трудно, конечно, доказать документально, что синдикаты получаютъ значительно больше того, чѣмъ сколько вносятъ въ казну за право монопольи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію фактъ хорошо извѣстный всѣмъ въ Китаѣ, что вся эта огромная финансовая операція достигла бы значительнаго развитія и послужила бы для казны весьма доходной статьей, если бы находилась въ честныхъ рукахъ.

Монополія хуайской соли имѣетъ обширный кругъ потребителей, обнимая слѣдующіе районы: нѣкоторыя мѣстности провинціи Цзянь-су къ югу отъ рѣки Янъ-цзы, а также весь сѣверъ этой провинціи къ сѣверу отъ Янъ-цзы за исключеніемъ небольшого угла, населеніе котораго питается солью изъ Шань-дунской монополіи; вся провинція Ань-хой, за исключеніемъ одного округа Сучжоу на крайнемъ сѣверѣ этой провинціи, получающаго соль изъ Шань-дуна, и двухъ отрѣзковъ

территоріи, обслуживаемых солью изъ Чжэ-цзянской монополіи; весь юго-востокъ провинціи Хэ-нань въ той части, которая орошается истоками рѣки Хуай; вся провинція Цзянь-си, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, приписанныхъ къ монополіямъ провинцій Гуанъ-си, Гуанъ-дунъ и Чже-цзянь; вся провинція Ху-бэй, за исключеніемъ слѣдующихъ участковъ: а) крайняго юго-западнаго угла провинціи, неимѣющаго водныхъ сообщеній съ рѣкой Янь-цзы, б) нѣкоторыхъ мѣстностей, не лишенныхъ водныхъ сообщеній, но питающихся этой солью въ ограниченномъ размѣрѣ, в) шести префектуръ (фу) къ западу отъ рѣки Хань, въ которыхъ гуайская монополія конкурируетъ по сбыту соли съ сы-чуаньской колодезной солью, открывшей себѣ доступъ туда съ 1870 года, и г) крайняго сѣверо-западнаго угла провинціи, въ которомъ монополярная соль вытѣснена потребленіемъ мѣстной колодезной соли. Далѣе хуайская соль находитъ себѣ доступъ во всей провинціи Ху-нань, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя принадлежать къ кантонской монополіи, и нѣкоторыхъ участковъ на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ съ 1870 года конкурируетъ сы-чуаньская колодезная соль; наконецъ, четыре восточныхъ префектуры провинціи Гуй-чжоу, орошаемыя истоками рѣкъ, протекающихъ чрезъ провинцію Ху-нань, снабжаются солью также изъ хуайской монополіи.

Словомъ, соль упомянутой системы находитъ

себѣ распространіе почти по всей долинѣ рѣки Янъ-цзы вплоть до ея выхода изъ горъ.

Сы-чуаньская монополія. Обширная система сы-чуаньской соляной промышленности получила свою первоначальную организацію въ 1132 году послѣ Р. Х. и представляетъ собою совершенное отличіе отъ приведенной выше промышленности этого продукта въ другихъ провинціяхъ. Сы-чуаньская соль извлекается изъ очень глубокихъ артезианскихъ колодезевъ, изъ которыхъ добывается попутно также и водородный газъ въ неограниченномъ количествѣ; такимъ образомъ изъ тѣхъ же колодезевъ получается даровое топливо, необходимое для добычи соли, которое, кромѣ того, сбывается иногда промышленниками населенію въ длинныхъ трубкахъ, подобно нашему свѣтильному (угольному) газу. Въ эксплуатаціи сы-чуаньской колодезной соли заинтересованы денежные капиталы многихъ вліятельныхъ людей почти въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ хуайской соляной промышленности, поэтому неудивительно, что по примѣру послѣдней во всей операціи соблюдается такая же тайна во всемъ, что касается финансовой стороны дѣла: за исключеніемъ стереотипныхъ официальныхъ данныхъ, представляемыхъ для отчетности правительству, все прочее остается непрозрачнымъ для всѣхъ, кто непосредственно не заинтересованъ въ этой промышленности.

Административная часть сы-чуаньской соляной промышленности сосредоточена въ рукахъ специаль-

наго комиссара второго класса, въ вѣдѣніи котораго состоятъ еще семь чиновниковъ. Высшій контроль, по примѣру Хуайской системы, принадлежитъ также вице-королю; но въ противоположность нанкинскому вице-королю, контроль котораго, какъ упомянуто было выше, имѣетъ совершенно номинальный характеръ, сы-чуаньскій вице-король проявляетъ гораздо болѣе вліяніи на весь ходъ этой промышленности, въ виду того, что ему приходится на почвѣ соляной монополіи вести финансовую борьбу съ вице-королями какъ въ Нанкинѣ, такъ и въ Хань-коу.

Путешествуя много по провинціямъ Сы-чуань, Гуй-чжоу и Ху-бэй, я имѣлъ возможность подробно изучить операцію этой удивительной промышленности. Во многихъ мѣстностяхъ, въ особенности танъ, гдѣ соль имѣетъ видъ твердой каменной соли, продуктъ этотъ является даже въ нидѣ мелкой ходячей монеты, при чемъ продажная цѣнность его варьируется, увеличивается и уменьшается, въ зависимости отъ размѣровъ того накладного расхода, который падаетъ на продуктъ въ данной мѣстности,—смотря по тому, во сколько обошлась доставка соли отъ мѣста добычи. Этотъ накладной расходъ является настолько безошибочнымъ, что заблудившійся въ странѣ путешественникъ могъ бы вполне ориентироваться, спрашивая и сопоставляя въ каждомъ селеніи на своемъ пути мѣстные цѣны на соль.

На эксплуатацію этой промышленности тра-

тится непроизводительно въ огромныхъ размѣрахъ топливо, много терпѣнія и времени, а также масса физическаго труда людей и животныхъ. Все это, конечно, можно было бы сберечь въ значительной степени, если бы китайцы сумѣли воспользоваться помощью иашинъ и нашли бы возможность поставить всю эту операцію на честныхъ началахъ. Номинальный доходъ, получаемый правительствомъ отъ этой промышленности, простирается до 2,000,000 ланъ въ годъ, которые уплачиваются за право добычи соли изъ 5,000 артезіанскихъ колодцевъ, эксплуатируемыхъ изъ общаго числа существующихъ свыше 8,000 этихъ колодцевъ. Выше упомянуто было, что за этой операціей наблюдаютъ только семь чиновниковъ; причина такого ограниченнаго числа должностныхъ лицъ объясняется тѣмъ, что перевозка соли изъ обширныхъ складовъ, производимая чрезъ посредство торговыхъ людей, возможна только по воднымъ путямъ, а этихъ сообщеній имѣется немного, при чемъ они большей частью изолированы, не связаны между собою каналами и поэтому легко доступны контролю. Изъ всей Сы-чуаньской провинціи, а также и изъ провинціи Гуанъ-си, имѣется въ дѣйствительности лишь одинъ выходъ на востокъ.

Райономъ потребленія сы-чуаньской соли служатъ, во-первыхъ, вся провинція Сы-чуань; затѣмъ нѣкоторыя мѣстности въ провинціяхъ Хэ-нань и Ху-бэй, гдѣ эта соль находитъ себѣ доступъ независимо или конкурируя съ хуайской солью, какъ

это упомянуто было выше; вся провинція Гуй-чжоу, за исключеніемъ восточной ея части, снабжаемой солью хуайской системы чрезъ провинцію Хэ-нань, и еще небольшого участка, получающаго соль изъ Кантонской монополіи, какъ это упомянуто было выше; наконецъ, сѣверный участокъ провинціи Юнь-нань, куда соль находить себѣ доступъ чрезъ Ла-о-ва-тань (Lao-wa Tan) по наиболѣе судоходной части рѣки Янь-цзы.

Въ провинціяхъ Юнь-нань, и Гуй-чжоу губернаторамъ принадлежитъ номинальный контроль за соляной промышленностью въ предѣлахъ ихъ провинцій, но фактически въ ихъ распоряженіи не имѣется для этой цѣли необходимыхъ чиновниковъ.

Что касается питанія солью населенія Тибета, то необходимо раньше всего указать на то обстоятельство, что изъ Сы-чуаньской провинціи тянутся ежегодно въ Тибетъ многочисленные караваны носильщиковъ чая, которые направляются обыкновенно чрезъ Да-цзянь-лу (Ta-tsien-lu) и Гуань-сянь (Kwan-Hien); слѣдуетъ допустить, что эти караваны доставляютъ также въ Тибетъ кромѣ чая еще и сы-чуаньскую соль. Впрочемъ въ китайскихъ лѣтописяхъ не находимъ по этому вопросу опредѣленныхъ указаній; упоминается лишь, что въ 1180 году была санкціонирована торговля съ тибетскими племенами. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Тибетомъ на крайнемъ западѣ Сы-чуаньской провинціи извѣстны соляные колодцы съ древнѣйшихъ

временъ; разработка этихъ колодезевъ производилась уже около 570 лѣтъ тому назадъ, но едва ли эта соль находила себѣ сбытъ въ Тибетѣ, потому что вся эта страна почти сплошь покрыта солончаками, которые доставляютъ, вѣроятно, соль въ достаточномъ количествѣ для мѣстнаго потребленія, такъ что китайская соль, повидимому, не должна находить себѣ туда доступа.

Юнь-наньская монополія. О существованіи соляной промышленности въ Юнь-нани мы находимъ указанія въ китайскихъ лѣтописяхъ, относящихся къ давно минувшимъ временамъ—еще за 1000 лѣтъ тому назадъ—когда эта провинція существовала въ видѣ Шаньской имперіи, при чемъ упоминается о находящихся тамъ „черныхъ соляныхъ колодцахъ“; затѣмъ во время господства Хубилай-хана китайскія лѣтописи также упоминаютъ часто о столкновеніяхъ, происходившихъ въ этомъ краѣ „съ варварами около соляныхъ колодезевъ“. Далѣе мы находимъ, что послѣ воцаренія Маньчжурской династіи одному изъ сатраповъ этой династіи Вусань-гую разрѣшено было временно увеличить соляную пошлину для того, чтобы дать ему возможность уплатить жалованье войскамъ, расположеннымъ въ Юнь-нани. Наконецъ, въ наше время мѣстное мусульманское населеніе, какъ извѣстно, извлекало не малую пользу изъ соляной промышленности въ этой провинціи.

Всѣ соляные колодцы Юнь-нани выкуплены отъ ихъ частныхъ владѣльцевъ, а добыча соли опла-

чивается обыкновенной правительственной пошлиной, послѣ чего продуктъ этотъ пользуется свободнымъ распространеніемъ по всей провинціи, за исключеніемъ сѣвернаго участка этой провинціи, приписаннаго къ сы-чуаньской монополіи, и небольшой еще части снабжаемой солью изъ Кантона. Административная часть соляной операціи въ этой провинціи сосредоточена въ рукахъ комиссара второго класса и двѣнадцати подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Общій доходъ, получаемый казной отъ этой операціи, простирается до 500,000 ланъ. Въ пограничной полосѣ, примыкающей къ Бирмѣ и французскимъ владѣніямъ, встрѣчается много соляныхъ колодцевъ, остающихся безъ разработки, потому что окрестное населеніе въ глазахъ китайскихъ чиновниковъ представляется настолько сквернымъ и „варварскимъ“, что колодцы эти не могутъ стать предметомъ промышленности.

Разработка всѣхъ перечисленныхъ выше соляныхъ системъ и организація этой отрасли промышленности въ видѣ доходной статьи правительства относятся собственно къ позднѣйшимъ періодамъ исторіи Китая—по крайней мѣрѣ въ отношеніи ихъ нынѣшней официальной постановки. Намъ остается поэтому коснуться постановки этой промышленности собственно въ древнемъ Китаѣ, при чемъ мы обойдемъ вовсе соляную промышленность въ Маньчжуріи въ виду того, что доходы, собиравшіеся тамъ отъ соляной пошлины, въ теченіе 12 столѣтій во время господства нун-чжэней были

очень незначительны. То же самое можно сказать и про господство тамъ маньчжуровъ въ позднѣйшія времена вплоть до введенія тамъ реформъ по соляной промышленности при вице-королѣ Ико-тангѣ; словомъ, до 1887 года добыча и продажа соли въ Маньчжуріи были свободны отъ всякихъ налоговъ, несмотря на то, что офціальный контроль за этой промышленностью на Ляо-янской солончаковой равнинѣ существовалъ все-таки во время господства нюй-чжэней и монголовъ.

Едва ли есть надобность упоминать также и про Монголію, которая не доставляетъ центральному правительству никакихъ доходовъ ни отъ соли, ни отъ чего-нибудь иного. Въ Монголіи имѣется, однако, соль собственнаго производства, которая добывается на озерѣ Цзи-лань-тай (Chilen-tai), находящемся въ пустынѣ къ западу отъ Алашанскихъ горъ. Соль эта добывается въ количествѣ, покрывающемъ потребность придорожнаго населенія около, такъ называемаго, „Великаго Сѣвернаго пути“ и доставляется по Желтой рѣкѣ до Баугу или Токту, гдѣ выгружается изъ лодокъ и проходитъ далѣе оухимъ путемъ, на востокъ, до Калгана и Сюань-хуа-фу, къ сѣверу отъ Пекина, а по другому направленію — на сѣверо-западъ, до Улусутая. Такъ какъ монгольская соль безъ всякихъ обложеній проникаетъ въ провинцію Гань-су, то мѣстной администраціи приходится принимать мѣры, чтобы предупредить возможность захвата этого рынка въ ущербъ монополіи Шань-

сѣйской провинціи. Выше упомянуто было, въ главѣ III этой книги, что населеніе, обитавшее по соседству съ нынѣшнимъ гор. Лань-чжоу-фу, наживалось отъ торговли солью и желѣзомъ еще за 200 лѣтъ до Р. Х.; по многимъ признакамъ представляется, однако, невѣроятнымъ, чтобы это относилось именно къ жителямъ, обитавшимъ недалеко отъ озера Цзи-лань-тай.

Въ мѣстѣ соединенія границъ провинцій Гань-су и Шэнь-си на югѣ отъ Великой Стѣны расположена мѣстность, извѣстная подъ названіемъ „Пруда пѣгой лошади“ (Hwa-ma Ch'i), гдѣ также добывается соль, носящая названіе этой мѣстности. Соль эта находитъ себѣ сбытъ въ провинціи Гань-су, а также частью въ провинціи Шэнь-си, конкурируя съ монгольской солью. Впрочемъ доходъ, получаемый казной какъ отъ первой, такъ и отъ монгольской соли, крайне ограниченный—настолько, что для административной части этой промышленности не содержится даже отдѣльных чиновниковъ, а всѣ ихъ функціи переданы мѣстнымъ даотаямъ въ Гань-суйской и Шэнь-сѣйской провинціяхъ, подъ контролемъ, конечно, вице-нороля. Встрѣчаются еще на югѣ Гань-суйской провинціи соляные колодцы, которые, повидимому, имѣютъ геологическую связь съ сы-чуаньскими соляными колодцами.

Впрочемъ, всѣ перечисленные сейчасъ системы добычи соли сосредоточены собственно не въ предѣлахъ древняго Китая, а лишь на границахъ

этого района, окруженного со всѣхъ сторонъ соляными колодами и солончаковыми равнинами, на которыхъ добыча соли производится уже давно. Мы видимъ, такимъ образомъ, еще разъ, до какой степени жизнедѣятельность въ Китаѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи—будь то вопросы торговыхъ сношеній, соляной промышленности, особенностей языка или географіи страны—приводить къ тѣсной связи желтой расы съ Желтой рѣкой. Вотъ почему проявляющіеся иногда капризы и неправильности въ теченіи Желтой рѣки называются вполнѣ справедливо „Горемъ Китая“ въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ этого слова.

Наиболѣе древней во всемъ Китаѣ слѣдуетъ признать соляную промышленность въ провинціи Шань-дунъ. Собственно на самомъ полуостровѣ не существуетъ никакой добычи соли, которая доставляется изъ прибрежныхъ районовъ, расположенныхъ сѣвернѣе и южнѣе полуострова, охватывая нынѣшнее устье Желтой рѣки около сферы германскаго вліянія. Благодаря содѣйствію Императорскаго канала, рѣки Вэй, начиная отъ гор. Вэй-хуай-фу, и примыкающей сѣти каналовъ, связывающихъ различные рукава Желтой рѣки, шань-дунская соль пользуется исключительными удобствами сообщеній, одерживая верхъ надъ всякой конкуренціей; само собою разумѣется, что нѣ самой Шань-дунской провинціи нѣтъ ни одного фунта иной соли, кромѣ мѣстной. Въ продажѣ потребителямъ соль эта извѣстна въ двухъ ни-

дахъ „монопольной“ и „транспортируемой по сѣверному и южному направленію“, которая продается частью чрезъ посредство чиновниковъ, частью торговыхъ людей. Первая, „монопольная“, соль потребляется во всей гористой части полуострова вплоть до крайнихъ южныхъ его предѣловъ: „транспортируемая по сѣверному направленію“ находитъ себѣ распространіе собственно въ материковой части провинціи, а направляющаяся на югъ потребляется пѣ примыкающихъ сопредѣльныхъ участкахъ провинцій Хэ-нань, Цзянь-су и Ань-хой.

Административная часть шань-дунской соляной промышленности сосредоточена въ рукахъ особаго комиссара пераго класса и тринадцати подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ подъ общимъ высшимъ контролемъ губернатора. Дѣло въ томъ, что до 1837 года центральное управленіе комиссара сосредоточивалось въ Тянь-цзинѣ, что въ сущности обозначало собою непосредственное подчиненіе всѣхъ соляныхъ операций контролю чжильскаго вице-короля; но послѣдъ затѣмъ контроль этотъ былъ признанъ неудобнымъ вслѣдствіе отдаленности разстоянія, поэтому мѣстный губернаторъ и сдѣланъ былъ непосредственнымъ отвѣтчикомъ за эту промышленность въ его провинціи.

Необходимо замѣтить, что по примѣру упомянутой сейчасъ реформы господствовавшая пѣ Кутаѣ Монгольская династія (1260—1338) также неоднократно прибѣгала къ реорганизаціи соляной

монопольн, нзмѣняя постановку дѣла и исчисленія, существовавшія съ 1181 года, со времени Сунской династїи. Всѣ эти реформы и нзмѣненія вполне понятны, если вспомнить капризные нзмѣненїи въ теченїи Желтой рѣки, съ которыми приходится постоянно согласовать всю организацію соляной промышленности. Со времени послѣдней японско-китайской войны гвѣна на соль въ мелочной продажѣ повысилась въ этой провинціи точно также какъ и повсемѣстно въ Китаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительствомъ предпринимаются различныя мѣры съ цѣлью увеличенія дохода казны отъ этой промышленности. Въ настоящее время Шань-дунская провинція доставляетъ въ годъ соляного акциза около 400,000 ланъ.

Въ главѣ III, гдѣ приведены были данныя о древней торговлѣ Китая, было упомянуто, между прочимъ, про историческій фактъ — какъ одинъ государственный человѣкъ въ древнія времена сумѣлъ воспользоваться даже прелестями женщинъ, чтобы при ихъ помощи, какъ приманкой, обирать золото путешественниковъ. Этотъ государственный человѣкъ, извѣстный по имени Гуань-чжунъ, жилъ (700—645 до Р. X.) именно въ нынѣшней провинціи Шань-дунъ, носившей тогда назпаніе „государства Цн“ (T'si). Въ качествѣ перваго министра этой страны Гуань-чжунъ первый задумалъ установить правительственную монополію въ дѣлѣ соляной и желѣзной промышленности; основаніемъ этой монополїи была при-

мята средняя ежегодная потребность соли каждаго обывателя въ 30 фунтовъ, а въ отношеніи желѣза — неминуемая потребность каждаго въ приобрѣтеніи земледѣльческихъ орудій, топоровъ, котловъ, ножей и т. п. Такинь образомъ жители нынѣшней Шань-дунской провинціи сумѣли обратить добычу соли и желѣза въ доходныя статьи задолго до того времени, когда до этого додумались жители Ордосской пустыни. Богатства, приобрѣтавшіяся маленькииъ государствомъ отъ придуманной системы соляной и желѣзной промышленности, не могли не обратить на себя вниманія сосѣднихъ государствъ, которыя не преминули, конечно, позаимствовать эту соблазнительную финансовую политину. Это-то обстоятельство послужило главнымъ импульсомъ къ открытію соляныхъ колодезѣвъ въ нынѣшней Сы-чуаньской провинціи (въ 330 г. до Р. Х.) и, вѣроятно, содѣйствовало также введенію разработки соли на озерѣ Цзи-лань-тай; добываемая здѣсь соль находила себѣ прекрасный сбытъ среди племенъ Хуннъ-ну въ простиравшихся къ сѣверу степяхъ, а также и въ сосѣднихъ странахъ, которыя въ отношеніи питанія солью тяготѣли къ государству Ци. Къ тому времени, когда въ Китаѣ воцарился такъ называемый „Первый Императоръ“, акцизъ отъ соляной и желѣзной промышленности, получавшійся правительствомъ, выросъ въ двадцать разъ противъ споей первоначальной суммы. Уже съ того времени Шань-дунская соляная монополія имѣетъ

уже свою собственную историю хотя и не самостоятельную, так как представляет собою лишь дополнение к приводимой ниже организации Чань-луйской системы.

Соляная система Чань-лу (Gh'ang-lu), или „Длинный Камыш“, получила свое название от одноименного города Цань-чжоу, носившего это название в древние времена, расположенного на Императорском канале к югу от Тянь-цзиня. Китайские летописи упоминают, что в 1285 г. „Хубилай-хан вторично прибегнул к размежеванию выгод от соляной монополии между Хэ-цзянь (т. е. провинцией Чжи-ли) и Шань-дуном“, которых, как мы это видели выше, в действительности имеют один общий источник и одно общее назначение. В настоящее время для заведывания всей соляной операцией упомянутой системы находится в Тянь-цзинь комиссар первого класса и шестнадцать подведомственных ему чиновников; все они функционируют под высшим наблюдением вице-короля, имеющим, конечно, вполне номинальный характер.

Общая сумма дохода, получаемого казной от этой системы, составляет около 500,000 лань в год. Помимо этой суммы нормального дохода местная администрация и здесь, как и в других местах Китая, смотрит на соляных откупщиков как на дойную корову; в этом отношении чань-луйская система занимает второе место после хуайской, судя по частым требова-

ніямъ „добровольныхъ приношеній“, предъявляемымъ администраціей. Одной изъ подобныхъ операцій, имѣвшихъ цѣлью увеличить доходы отъ соляной монополіи въ послѣдніе годы, является выпускъ особыхъ „обязательствъ вѣрности“, оплачиваемыхъ въ извѣстные сроки и приносящихъ при этомъ ежегодные проценты. Само собою разумѣется, что раньше всѣхъ должны были подписаться на эти обязательства всѣ лояльные чиновники и соляные откупщики; вслѣдъ затѣмъ одной этой подписки для выраженія благонамѣренности оказалось, конечно, недостаточнымъ, и многіе изъ подписчиковъ заявили, что они „просятъ освободить ихъ отъ иолученія процентовъ“ и даже „отказываются отъ полученія капитала“. Императрица - мать, со свойственной ей жеманностью, клялась, что она никогда не даетъ на это согласія, но въ концѣ концовъ все-таки согласилась. Помимо этой операціи цѣна на соль повышена, начиная съ 1895 года, пѣ общемъ на одинъ *сантимъ* на кило, что дало казнѣ увеличеніе дохода отъ соляной монополіи около 100,000 ланъ въ годъ, т. е. вмѣсто 500,000 упомянутая система приноситъ теперь около 600,000 ланъ.

Райономъ потребленія соли съ Чанъ-луйской системы служить, во - первыхъ, вся Чжилійская провинція за исключеніемъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ участковъ, расположенныхъ внутри Великой стѣны, снабжаемыхъ солью съ озера Цэн-лань-тай; кромѣ того существуетъ особое соглашеніе относительно

питанія солью изъ упомянутой монополіи населенія гор. Пекина; затѣмъ этой солью снабжается вся равнинная часть провинціи Хэ-нань, за исключеніемъ южнаго участка, приписаннаго къ хуайской монополіи; на западѣ эта равнинная полоса примыкаетъ къ гористому участку, въ который соль доставляется частью изъ монополіи, принадлежащей провинціи Шань-си, частью изъ провинцій Амь-хой и Цзянь-су; наконецъ, еще небольшой участокъ Хэ-наньской провинціи снабжается солью изъ Шань-дунской монополіи. Такимъ образомъ въ провинцію Хэ-нань проникаетъ соль изъ различныхъ конкурирующихъ между собою соляныхъ монополій; при всемъ томъ эта провинція имѣетъ только второкласснаго комиссара, который долженъ одновременно оберегать интересы провинціи и собирать данныя какъ по вопросамъ соляной промышленности, такъ и въ отношеніи сбора зерновыхъ хлѣбовъ.

Необходимо замѣтить, что населеніе сѣвернаго Китая, находясь попеременно то подъ господствомъ татарскихъ, то китайскихъ владѣтелей, никогда не относилось благосклонно къ соляному налогу, который часто отмѣнялся вовсе и возстановлялся снова равными династіями въ зависимости отъ различныхъ соображеній. Со времени вторичнаго присоединенія сѣвернаго Китая къ имперіи въ седьмомъ вѣкѣ, мы встрѣчаемся, однако, со спеціальнымъ указаніемъ китайскихъ лѣтописей на существованіе правительственныхъ соляныхъ

заводовъ около Тянь-цзиня; столѣтіе спусти мы находимъ уже, что великій финансистъ Китая Лю-янь (Liu Len) сумѣлъ придать соляной монополіи въ рукахъ правительства такое широкое развитіе, что лоходъ казны отъ этой промышленности составляетъ больше половины всѣхъ доходовъ имперіи. Нелишне упомянуть здѣсь, что „длинный камышъ“, растущій около приведенной выше соляной системы Чанъ-лу, придавшій этой системѣ свое названіе, въ устахъ мѣстнаго населенія, является полезнымъ топливомъ для варки соли; по словамъ китайцевъ далѣе теперь этотъ камышъ, послѣ вымочки его въ морской водѣ, подвергается вторичной варкѣ для добычи соли.

Намъ остается теперь разсмотрѣть еще одну изъ древнѣйшихъ соляныхъ системъ Китая, находящуюся въ нынѣшней провинціи Шанъ-си, известную подъ названіемъ Хэ-дунъ или „Востокъ Желтой рѣки“. До открытія Сы-чуаньскихъ соляныхъ колодцевъ обширныя области на крайнемъ западѣ Китая обыкновенно питались солью, добываемой изъ озеръ упомянутой системы, которая оставалась въ рукахъ правительственной монополіи до 506 года до Р. Х., когда господствовавшая на сѣверѣ Китая тунгусская династія открыла для эксплуатаціи соли цѣлый рядъ заводовъ. Въ 924 году царствовавшая въ центральномъ Китаѣ тюрнская династія назначила особаго чиновника для обложенія пошлиной соли добываемой съ прудовъ Ань-и (An-yih) и гор. Цзя-п (Kiai), извѣ-

стиныя въ настоящее время подъ названіемъ озеръ Кіай. Постѣ освобожденія Китая отъ владычества татаръ Сунская династія взяла подъ правительственный контроль добычу соли, получавшейся съ восемнадцати солончаковыхъ равнинъ. Далѣе мы встрѣчаемъ уже официальное указаніе на „красную соль“ въ китайскихъ лѣтописяхъ, относящихся къ 1010 и 1116 годамъ. Въ 1178 году Сунская династія запретила ввозъ шань-сійской соли изъ владѣній нюй-чжэней въ нынѣшнюю провинцію Хо-Нань. Упоминаемый у Марко Поло „хитрый совѣтникъ“ Хубилай-хана, „сарацинъ“ (или уйгуръ), Ахметъ значительно увеличилъ соляной налогъ; при этомъ многіе соляные пруды оставлены были, однако, доступными для общественнаго пользованія. Воцарившаяся въ Китаѣ Маньчжурская династія во многихъ областяхъ объединила въ общую подать соляной и земельный налогъ, такъ что населеніе этихъ мѣстностей получало послѣ того право свободнаго пользованія солью. Въ 1846 году встрѣтилась необходимость единовременнаго значительнаго расхода на приведеніе въ порядокъ соляныхъ заводовъ, вслѣдствіе чего правительство пришло къ заключенію, что благоразумнѣе будетъ отдать заводы въ аренду съ публичнаго торга; результатомъ этого было то, что шань-сійская соль пользуется слабымъ распространеніемъ въ предѣлахъ провинціи, но ею питается населеніе западной части провинціи Хо-нань, къ югу отъ Желтой рѣки, и долины

рѣки Вэй въ провинціи Шэнь-си. Такъ какъ при этомъ районѣ распространеніи шань-сѣйская соль доходить до истоковъ рѣки Хань, то приняты особыя мѣры, чтобы оградить съ этой стороны интересы хуайской соляной монополіи.

Административная часть упомянутой системы сосредоточена въ рукахъ комиссара второго класса, который имѣетъ пребываніе въ гор. Пу-чжоу-фу, далеко отъ гор. Тай-юань, резиденціи своего номинальнаго начальника, губернатора Шань-сѣйской провинціи. Комиссару подвѣдомственны восемь чиновниковъ. Ежегодный доходъ казны отъ этой монополіи простирается до 500,000 ланъ. Вся эта мѣстность очень богата солью, которая встрѣчается въ тридцати, слишкомъ, округахъ этой провинціи.

ГЛАВА XII.

Ли-цзинь (Ликинь) ¹⁾.

Первоначальная идея объ установлении этого налога, занимающего въ настоящее время видное мѣсто въ финансахъ Китая, зародилась еще въ 1849—1851 годахъ и примѣнена была впервые таотамъ Яо (Яо), введшимъ тогда различныя реформы въ административномъ устройствѣ своей провинціи. Сначала этимъ налогомъ облагались только чай и соль, но затѣмъ, въ концѣ 1852 г., мы встрѣчаемъ въ китайскихъ отчетахъ о торговыхъ привилегіяхъ указаніе на взиманіе ли-цзиня съ торговцевъ вообще. Дѣло пѣ томъ, что свирѣпствовавшее тогда „великое возстаніе“ требовало напряженія платежныхъ силъ страны, вслѣдствіе чего этотъ налогъ былъ введенъ въ десяти провинціяхъ, подъ названіемъ *ли-цзиня* („ликинъ или ликинъ“, „лптъ-оу“), что обозначаетъ собою „процентное отношеніе“ или, вѣрнѣе, отношеніе къ тысячи, потому что этотъ налогъ исчисляется

¹⁾ Налогъ этотъ предполагается отмѣнить, при чемъ будетъ повышена пошлина на предметы иностраннаго привоза.

не съ сотенъ, а съ тысячъ, при чемъ подразумѣвается взиманіе не одной, непременно, а двухъ, трехъ и болѣе долей съ тысячи.

Первымъ ввелъ этотъ налогъ губернаторъ Лихуай въ провинціи Шань-дунъ, гдѣ, однако, расходы на взиманіе налога не окупались доходомъ; затѣмъ губернаторъ Ху-линь-и въ Хань-коу ввелъ этотъ налогъ также и въ своей провинціи, чтобы получить средства для уплаты жалованья войскамъ, дѣйствовавшимъ тамъ противъ тайпинговъ. Въ 1854 году мы встрѣчаемся съ отчетомъ генераль-губернатора, правившаго провинціями Цзянь-си и Цзянь-су, въ которомъ указывается на успѣшное взиманіе „тысячнаго налога“ въ мѣстности, орошаемой такъ называемой „Внутренней нижней рѣкой“, къ сѣверу и параллельно съ рѣкой Янь-цзы, между Императорскимъ каналомъ и моремъ. Указывая на успѣшное взиманіе новаго налога, генераль-губернаторъ настаивалъ на необходимости введенія его и въ другихъ провинціяхъ. Черезъ годъ, въ 1855 году, слышны уже жалобы купцовъ на вымогательства ли-цзини, чинимыя на 10—12 пунктахъ, учрежденныхъ ниже Янь-чжоу, на рѣкѣ Янь-цзы. То же самое повторилось и въ провинціи Гань-су, гдѣ новый налогъ вызвалъ столько злоупотребленій со стороны чиновниковъ, что его пришлось сразу отмінить вовсе. Тѣмъ не менѣе общее положеніе о новомъ налогѣ, выработанное въ этомъ году „Совѣтомъ Кабинета“ для всей имперіи, не было отмінено, а поручено было „финансо-

лой палатѣ“ обнародовать новое положеніе п имѣть общее наблюденіе за взиманіемъ этого налога.

Такимъ образомъ ли-цзинъ сдѣлался налогомъ обязательнымъ для всей имперіи.

Лѣтомъ 1856 года отецъ знаменитаго маркиза Цэня, Цзэкъ-го-фаиъ, командовавшій тогда войсками противъ тайпинговъ, безуспѣшно ходатайствовалъ о разрѣшеніи употребить часть ли-цзиня, собираемаго въ Шаихаѣ, на содержаніе войскъ, выставленныхъ противъ мятежниковъ въ провинціи Цзянь-си. Китайцы, однако, предвидѣли, что введеніе налога въ Шаихаѣ встрѣтитъ непреодолимое препятствіе въ виду присутствія тамъ иностранцевъ и что, во всякомъ случаѣ, преимущественное право на эту часть налога принадлежало провинціи Цзянь-су; дѣйствительно: самое простое толкованіе Наикинскаго договора должно было внушить китайцамъ твердую увѣренность въ томъ, что если имъ удалось ввести этотъ налогъ въ Шаихаѣ, то лишь благодаря попустительской политикѣ самихъ европейцевъ.

Въ 1857 году, по предложенію Наикинскаго вице-короля И-ли-аиа, императоръ высказался противъ наложенія ли-цзиня на табакъ, помимо существовавшаго уже налога на этотъ предметъ, въ виду того, что купцы испытывали всевозможныя сгѣсненія на границахъ каждаго округа или провинціи. При этомъ существованіе ли-цзиня, вообще, признается лишь какъ „несчастная необходимость“, изъ чего ясно, что при самомъ введеніи этого

налога китайцы признавали эту мѣру нерациональной и нежелательной, терпимой лишь подъ давленіемъ исключительныхъ обстоятельствъ.

Въ 1856 году губернаторъ провинціи Хэ-нань доноситъ о постепенномъ упроченіи юридической стороны новаго налога, при чемъ онъ былъ предупрежденъ о необходимости не допускать „нѣлишнихъ притѣсненій“ со стороны завѣдывающихъ взиманіемъ ли-цзиня. Въ то же время губернаторъ провинціи Ху-нань свидѣтельствовалъ со своей стороны о желательности пріостановить вовсе дальнѣйшее взиманіе ликина въ его провинціи, какъ „налога вреднаго для развитіи торговыхъ сношеній“. На это ходатайство отъ императора получился отвѣтъ неблагопріятный, хотя и уклончивый, который гласилъ слѣдующее: „не сомнѣваюсь, что вы понимаете все лучше другихъ, такъ какъ вы не глупы“. Нанкинскій вице-король Хэ-хуай, касаясь примѣненія ликина къ иностраннымъ товарамъ, выразилъ опасенія—благоразумно ли поощрять иностранцевъ въ вопросахъ „обложеніи“, освобождая ихъ товары въ Шанхаѣ отъ новаго налога, между тѣмъ какъ этимъ путемъ можетъ проникать и контрабанда. Въ отвѣтъ на это ему было указано со стороны императора, чтобы онъ не хлопоталъ о воображаемыхъ препятствіяхъ, а предоставлялъ своевременно обычныя награды въ видѣ титуловъ за внесеніе въ видѣ ли-цзиня извѣстной суммы, что подтверждаетъ первоначальное понятіе объ этомъ налогѣ, связанное со

словомъ „цзюань“, что означаетъ собою „вольный даръ“.

Къ тому же времени относятся указанія о ли-цзинѣ, который взыскивался лѣ Таку съ джонокъ съ товарами, пропущенными въ рѣку Тянь-цзинь, а также о взиманіи лп-цзиня съ соли въ пользу арміи „Семколинтс-пинъ“ (Сама Колинсона). Въ 1859 году ли-цзинь вводится въ городѣ Чифу, такъ какъ замѣтили, что суда начали входить въ этотъ портъ, избѣгая Тянь-цзинь, желая избавиться отъ платы ли-цзиня; вмѣстѣ съ тѣмъ взиманію ли-цзиня подвергнуть былъ также и опиі, какъ туземный, такъ и индійскій, при транзитномъ провозѣ его внутри страны, при чемъ было опредѣлено взимать ли-цзинь нѣ размѣрѣ 20 ланъ за каждое 30 ланъ обычной ввозной пошлины. Взиманіе лп-цзиня было передано пѣ руки исключительно мѣстныхъ чиновниковъ.

Изъ приведенныхъ указаній, заимствуемыхъ изъ китайскихъ источниковъ, не вполне ясно, кто собственно взималъ тогда ввозную пошлину; надо полагать, что эта пошлина взималась тогда г. Вэдомъ или г. Лейемъ, представлявшими собою въ то время зародыши нынѣ существующей лѣ Китаѣ иностранной таможенной системы. Во всякомъ случаѣ очевидно, что европейцы въ отношеніи налоговъ договоромъ 1858 года сами отдали себя въ руки китайцевъ. Впрочемъ, мы находимъ указаніе, относящееся къ тому же времени о введеніи ли-цзиня на туземный опиумъ, производимый въ

Юнь-нань „гдѣ едва ли существуетъ иностранный опиумъ“.

Въ 1860 году разрѣшенъ былъ сборъ ли-цзиня съ торговыхъ повозокъ и каравановъ, перевозящихъ слитки золота въ Шань-хай-гуань, представляющій собою ворота Маньчжуріи; сборъ этотъ былъ учрежденъ на такихъ же началахъ, какъ и въ Мукденѣ. Вниманіе ли-цзиня въ провинціи Цзянь-си, гдѣ съ успѣхомъ оперировали противъ мятежниковъ войска Лю-кунь-п, было довѣрено тогда Ли-хунь-чжану. Собранный въ Чунь-цинѣ ли-цзинь, въ разнѣрѣ 10,000 ланъ, былъ спѣшно вытребованъ изъ Сы-чуаньской провинціи на содержаніе войскъ. Въ 1861 году со стороны правительства дѣлаются усилія, чтобы въ видахъ удобства сбора ли-цзиня съ проходящихъ торговцевъ поддерживать открытое сообщеніе по дорогамъ въ Чжэ-цзянской провинціи, подвергавшимся нападенію со стороны тайпинговъ. Были также вытребованы запоздавшіе отчеты по сбору ли-цзиня въ провинціи Гуань-си, а также изданы приказы объ употребленіи различныхъ статей по сбору ли-цзиня въ Цзянь-нанѣ.

Выше приведены были данныя, касающіяся учрежденія ли-цзиня, китайскихъ источниковъ, причемъ факты были помѣщены нами въ хронологическомъ порядкѣ съ цѣлью показать наглядно историческій ростъ развитія этого налога, который, какъ мы это видѣли, зародился подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, противъ желанія самого правительства, и былъ введенъ сначала,

какъ гласить официальная Маньчжурская лѣтопись, какъ налогъ—„одинъ съ тысячи, неохотно взимаемый подъ давленіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ съ ограниченаго числа предметовъ роскоши, привозимыхъ транзитомъ“. Мы встрѣчаемся, такимъ образомъ, съ вполне откровенными заявленіями китайскаго правительства о введеніи имъ ли-цзиня въ большей части провинцій. Становится очевиднымъ, что если китайцы рѣшились на крупную мѣру обложеніи новымъ налогомъ также и иностранныхъ товаровъ, то лишь въ виду того, что европейцы сами, шагъ за шагомъ, молча уступили китайцамъ во всемъ, что касалось этого налога. Впрочемъ, европейцы сами отвѣтственны за финансовыя затрудненія, вынудившія китайское правительство къ введенію ли-цзиня.

Начиная съ 1861 года, въ теченіе 40 лѣтъ царствованія двухъ юныхъ императоровъ подъ регентствомъ императрицы-матери, дѣла государственныя шли все хуже и хуже. Намъ всѣмъ извѣстно отчаяніе и ропотъ, вызываемые китайскимъ правительствомъ по всѣхъ торговыхъ портахъ со стороны нашихъ купцовъ и консуловъ, которые не перестаютъ выражать удивленіе по поводу существующаго порядка вещей. Мой почтенный старинный начальникъ, сэръ Брунъ Робертсонъ въ Кантонѣ имѣлъ на этотъ счетъ вполне опредѣленный, хотя, можетъ быть, и ошибочный взглядъ, соответствующий чему и направлялъ свою политику. Необходимо замѣтить, что Робертсонъ пользовался

большимъ вліяніемъ въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, поэтому его взгляды всегда одерживали перевѣсъ надъ всѣми противоположными мнѣніями. При этомъ Робертсонъ обыкновенно говорилъ такъ: „пусть китайскіе мандаринны народъ испорченный, но они во всякомъ случаѣ лишь жертвы господствующей системы; между тѣмъ мы отнимаемъ отъ этихъ несчастныхъ мандариковъ ихъ обычные мѣстные доходы, не оставляя имъ сколько-нибудь соответствующихъ источниковъ содержания“. Исходя изъ этого взгляда, онъ не хотѣлъ предпринимать ничего, что шло въ ущербъ интересамъ мандариновъ; такъ и направлялась англійская торговая политика въ Китаѣ до тѣхъ поръ, пока сэръ Робертсонъ вышелъ въ отставку и умеръ. Онъ часто доказывалъ слѣдующее: такъ какъ иностранныя таможи вносятъ всѣ свои доходы въ пользу центральнаго правительства въ Пекинѣ, которое отчисляетъ очень мало на провинціальныя нужды и въ уплату жалованья мѣстнымъ чиновникамъ, то этимъ послѣднимъ должны быть предоставлены средства, чтобы имѣть возможность смазывать надлежащимъ образомъ административную машину.

Чтобы понять эту теорію, которая дѣйствительно въ отношеніи Китая вполне справедлива въ своей основѣ, необходимо вспомнить то, что было приведено выше въ главѣ о финансахъ этой имперіи. Дѣло въ томъ, что центральное правительство въ Пекинѣ не уступаетъ никому добро-

вольно ни одного цента для какой бы то ни было цѣли изъ тѣхъ суммъ, которыя попадаютъ въ его распоряженіе, за исключеніемъ тѣхъ расходовъ, въ которыхъ прямо или косвенно заинтересовано само центральное правительство. Иностранная таможни являлись, конечно, важной помѣхой въ развитіи операціи туземныхъ сборщиковъ, которые пользовались, однако, всегда большимъ вліяніемъ во дворцѣ. Если мы возьмемъ для примѣра кантонскаго *Хэно* (Норроі, завѣдывающаго всей торговлей, которому пришлось заплатить, можетъ быть, миліонъ долларовъ за полученіе своей должности, то ему необходимо, конечно, раньше всего вернуть затраченный капиталъ, а затѣмъ—изъ какихъ же источниковъ онъ будетъ добывать еще средства, чтобы посылать въ изобиліи золотые часы и массу шоколада своимъ покровителямъ въ императорскіи гаремъ?...

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что возстаніе тайпинговъ повело къ опустошенію страны и къ уменьшенію земельного налога, а если чжп-сяню не оставалось никакихъ остатковъ отъ получаемыхъ доходовъ, то изъ какихъ источниковъ онъ могъ бы добыть средства, чтобы задобрить префекта, а этотъ послѣдній—дао-тая, а дао-тай—казначей и судью п. т. д.—до губернатора, вице-короля и еянуховъ включительно, не говоря уже объ императорѣ и вдовствующей императрицѣ. Я далекъ отъ мысли защищать эту китайскую систему, но мы должны же все-таки руководствоваться человѣ-

ческими слабостями пѣ обвиненіяхъ, возводимыхъ на китайскихъ чиновниковъ: нельзя же въ самомъ дѣлѣ задавать задачи въ родѣ того, чтобы состряпать кирпичъ безъ глины, или, какъ говорятъ китайцы—„какъ же поѣсть, когда нѣтъ риса?“...

Необходимо принять во вниманіе п то, что хотя власти пѣ Пекинѣ съ одной стороны и въ провинціи съ другой—являются между собою какъ бы въ роли взаимныхъ соперниковъ, тѣмъ не менѣе все это вмѣстѣ составляетъ одппъ общій союзъ во всемъ, что касается необходимости предотвратить когда-нибудь обще-государственное затрудненіе. Всѣ мандарины вмѣстѣ являются колесиками одного общаго сложнаго государственнаго механизма, направлясмаго одной общей системой, въ которой „подарки“ стужать двигательной силой; самъ „главарь“ не брезгаетъ тѣмъ, что плыветъ въ руки, не гопоря уже про его жену, мать, евпуховъ и прочихъ домочадцевъ. Наконецъ, во всемъ этомъ участпуетъ и народъ весь, потому что въ основѣ государственнаго устройства Китая кроется чисто республиканскій характеръ правленія, вслѣдствіе чего каждый китаецъ, если только онъ не цырюльникъ и актеръ, можетъ по закону стѣлаться вице-королемъ. Подобно тому, какъ разсуждаютъ адепты американскаго Таммани-Гола¹⁾, каждый китаецъ разсуждаетъ обыкновенно

---

¹⁾ Нелегальное общество, существовавшее много лѣтъ въ Нью-Йоркѣ, созданное энергіей и пройдохствомъ одного жошова, которому пугемъ подкуповъ удавалось руково-

такъ: „Прекрасно, все это намъ давно хорошо пзвѣстно; реформы, конечно, необходимы; но пока что, позвольте намъ получить нашу долю изъ этого порядка вещей“...

Нельзя, однако, сказать, чтобы въ Китаѣ былъ недостатокъ людей, могущихъ подняться выше подобныхъ низменныхъ взглядовъ. Въ 1879 году, когда во всемъ Китаѣ замѣтно было пробужденіе національнаго саносознанія и отмѣнена была продажа должностей и титуловъ въ виду обозначившагося подъема народнаго благосостоянія, правительство задалось также серьезнымъ намѣреніемъ отмѣнить и ли-цзинь; по постигшія страну, вслѣдъ затѣмъ, различныя бѣдствія и осложненія—разливы Желтой рѣки и друг.—вынудили правительство опять прибѣгнуть къ продажѣ титуловъ, а отчасти даже и нѣкоторыхъ должностей. Такъ благія намѣренія кончились ничѣмъ, и ли-цзинь остался въ прежнее видѣ ¹⁾).

Изложивъ въ общихъ чертахъ побудительныя причины введенія ли-цзиня и его примѣненія на дѣлѣ, постараюсь указать теперь подробно, какъ примѣ-

---

дить выборами и держать поэтому въ своихъ рукахъ чуть ли не всю администрацію города. Въ концѣ концовъ заговорило общественное мнѣніе, и въ настоящее время общество это, кажется, перестало существовать.

Примѣч. Пѣрев.

¹⁾ На дняхъ (іюль 1902 г.) китайское правительство снова подняло вопросъ объ отиѣнѣ ликви, увеличивъ соотвѣтствующимъ образомъ ввозныя и вывозныя пошлины (*Times*)

Примѣч. Пѣрев.

няется ли-цзинь въ каждой провинціи и въ чемъ кроются злоупотребленія этимъ налогомъ, который въ видѣ цѣпкой сѣти охватилъ всю торговую жизнедѣятельность имперіи, не пропуская ни одного предмета потребленія, провозимаго внутри страны или вывозимаго за предѣлы государства, сухимъ путемъ или воднымъ сообщеніемъ.

г) *Ань-хой*. Ли-цзиньная таможня находится въ У-ху; въ вѣдѣніи ея состоятъ три отдѣленія, вѣдающія сборомъ ли-цзиня по тремъ главнымъ путямъ къ югу отъ теченія рѣки. Находящіяся въ У-ху туземныя таможни имѣютъ также три отдѣленія, но трудно сказать съ увѣренностью, тождественны ли эти отдѣленія съ приведенными конторами по сбору ли-цзиня. Въ тѣ годы, когда вывозъ риса въ другія провинціи производится въ большихъ разнѣрахъ, общая сумма сбора ли-цзиня въ У-ху достигаетъ 400,000 ланъ въ годъ, считая только съ зерна. Желая избѣжать уплаты ли-цзиня съ чаевъ, провозимыхъ по дорогамъ чрезъ У-ху и Цю-цзянгъ изъ южной части провинціи Ань-хой, купцы направляютъ свой товаръ въ послѣднее время на Нинъ-бо и Ханъ-чжоу.

2) *Чжэ-цзянь*. Главными торговыми путями служатъ рѣки и каналы. На сѣверѣ и на югѣ провинціи купцы стараются обойти какъ-нибудь ли-цзиньныхъ чиновниковъ, что имъ особенно удастся въ Ханъ-чжоу, гдѣ въ обширныхъ разнѣрахъ производится контрабандная торговля краснымъ товаромъ, и въ Вэнь-чжоу, гдѣ съ танимъ же

успѣхомъ производится обширная запрещенная торговля солью. Въ 1884 году императору было донесено, что половина собираемаго въ этой провинціи ли-цзиня расхищается чиновниками.

Въ томъ же году въ Вэнь-чжоу сожжены были всѣ дома иностранцевъ, уцѣлѣлъ лишь только одинъ мой домъ; изъ этого событія не было, однако, создано никакого затрудненія, потому что всѣ потерпѣвшіе при этихъ беспорядкахъ получили денежное удовлетвореніе въ теченіе нѣсколькихъ дней, благодаря подпискѣ, произведенной въ провинціи, давшей необходимую для этой цѣли сумму. Весною 1900 года констатируется, что ли-цзиня служить въ провинціи главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, а общая сумма сбора въ томъ году простиралась до 2,000,000 ланъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣдніе годы слышны постоянныя жалобы на стѣсненіе торговыхъ сношеній, вызываемое дѣйствіями чиновниковъ по сбору ликина и въ виду постоянныхъ отказовъ въ выдачѣ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на транзитный провозъ товаровъ пѣ извѣстныхъ случаяхъ.

3) *Чжи-ли.* До послѣдняго времени можно было предположить, что въ этой провинціи или вовсе не существуетъ сбора ли-цзиня или примѣняется онъ въ ограниченныхъ размѣрахъ; но въ 1898 году обнародованъ былъ officialный отчетъ по сбору ли-цзиня въ этой провинціи, при чемъ сумма сбора въ конторахъ Тянь-цзиньской и Да-минъ-фу по-

казана въ 160,000 ланъ. Весною 1900 года „великій инквизиторъ“ Ганъ-и (Канди) доноситъ въ Пекинъ, что сборы съ туземныхъ таможенъ и по сбору ли-цзиня могутъ быть увеличены на 370,000 ланъ ежегодно, сравнительно съ получавшимися до того времени доходами. Не подлежитъ сомнѣнiю, что взиманiе налоговъ производится также въ Калганѣ п у воротъ Великой стѣны Ду-ши-коу (Tu-shih K'ou). При всемъ томъ мы должны отдать справедливость покойному Ли-хунъ-чжану, который руководствовался мудрой торговой политикой въ своей провинци, подвергаясь въ то же время многимъ нападкамъ.

4) Фу-цзянь. Въ этой провинци достоинъ вниманiя тотъ фактъ, что сборъ ли-цзиня почти убилъ чайную торговлю въ Амоѣ. Даже въ Фу-чжоу на производимые тамъ дешевые чаи падаетъ непосильный сборъ ли-цзиня пъ 35% стоимости товара, считая и вывозную пошлину: каждый тюкъ иностранныхъ товаровъ, вывезенный всего лишь за полмили изъ иностранной колонiи чрезъ мостъ въ городъ, оплачивается уже ли-цзинемъ, которому одинаково подвергаются какъ предметы ввоза, такъ и вывоза. Наиболѣе обременительнымъ ли-цзинь является въ провинцияхъ Фу-цзянь п Гуапъ-дунъ, въ которыхъ находится также наибольшее число иностранныхъ таможенъ.

5) Хэ-нань. Въ этой провинци нѣтъ иностранныхъ портовъ; можетъ быть этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить тотъ фактъ, что въ

Хэ-нанъ ли-цзикъ примѣняется въ ограниченныхъ размѣрахъ и падаетъ главнымъ образомъ на туземный опиумъ. Необходимо замѣтить, что въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ губернаторы свободно располагаютъ мѣстными доходами, строже соблюдаютъ изданныя въ 1858 году особыя предостереженія противъ притѣсненій чинимыхъ купцамъ.

6) *Ху-нань*. До послѣдняго времени въ этой провинціи не слышно было про какія-нибудь осложненія съ иностранными таможенными по сбору ли-цзиня. Налогъ этотъ является здѣсь мало обременительнымъ, потому что провинція пользуется достаточнымъ благосостояніемъ, благодаря тому, что сама производитъ почти все, за исключеніемъ лишь одной соли. Изъ общей суммы сборовъ ли-цзиня одна половина получается съ провозимыхъ соли и опиума, а вторая половина падаетъ на всѣ остальные товары. Въ 1896 году мѣстный губернаторъ воспротивился увеличенію ли-цзиня въ своей провинціи, считая этотъ налогъ и безъ того большимъ тормозомъ для торговыхъ сношеній.

7) *Ху-бэй* въ отношеніи сбора ли-цзиня является одной изъ провинцій Китая, пользующихся наихудшей славой, что объясняется весьма просто тѣмъ, что въ этой провинціи находятся три иностранныя таможни, а сборы въ теченіе многихъ лѣтъ оставались въ цѣпкихъ рукахъ Ли-Хань-чжана. Около двадцати лѣтъ тому назадъ этотъ правитель былъ оффиціально обвиненъ въ присвоеніи суммъ по сбору ли-цзиня; по словамъ кнѣзей еще въ

1860 году уже проявился аппетитъ этого мандарина на казенныя суммы и злоупотребленія по сбору ли-цзиня, при всемъ томъ чайная торговля не особенно страдала отъ этихъ злоупотребленій, потому что въ интересахъ этой провинціи было поддерживать чайную торговлю, чтобы успѣшно конкурировать съ пропускными заставами на цзю-цзянской линіи, покровительствующими лишь провинціи Цзянь-си. Конкуренція была тѣмъ легче, что Ху-бэйская провинція имѣла полную возможность пресѣчь провозъ соли, скопляющейся въ И-чанѣ и Хань-коу, доставляемой изъ Сы-чуаньской провинціи или со стороны моря. Во всякомъ случаѣ Хань-коу занимаетъ въ торговомъ отношеніи такое центральное и выдающееся положеніе, что онъ свободно можетъ выдержать нѣкоторое давленіе.

Вице-король Чжанъ-чжи-дунъ занявъ въ настоящее время административными и иными реформами, при чемъ онъ, между прочимъ, заявляетъ, что ли-цзинъ является для него главнѣйшимъ доходомъ, опредѣляемымъ почти въ 2,000,000 ланъ въ годъ, не считая налога на соль и опиумъ.

В) *Гань-су*. Исторія водворенія ли-цзиня въ этой провинціи очень коротка и отличалась дурной славой еще въ 1854 году, при началѣ своего появленія; даже въ настоящее время ли-цзинъ не проходитъ въ этой провинціи чрезъ руки казначей: сборомъ ли-цзиня тамъ занимается дао-тай въ городѣ Лань-чжоу-фу, точно также какъ въ про-

винцівхъ Нинъ-ся (Гань-су) и Фынъ-бинъ (Шэнь-си) дао-таи завѣдываютъ сборомъ сояного налога. Учрежденіе таможни въ Цзя-юй-гуань (Kia-yüñ Kwan) для торговли съ Россіей было неудачной мѣрой съ санаго начала своего примѣненія, около пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Если кирпичный чай изъ Хань-ноу и провозится этимъ путемъ, какъ мы въ правѣ это допустить, то онъ не оплачивается вовсе пошлиной, въ противоположность чаю привозимому морскимъ путемъ. Мѣру эту мы должны объяснить тѣмъ, что здѣсь кончается Великая стѣнка, вслѣдствіе чего торговля въ этомъ направленіи не считается иностранной, поэтому она свободна отъ пошлины.

9) *Цзянъ-си*. Провикція эта въ отношеніи примѣненія ли-изиня къ иностранной торговлѣ считалась всегда наиболѣе тревожной, по въ послѣднее время транзитная торговля не испытывала на себѣ особыхъ притѣсненій; при всемъ томъ мѣстныя власти отклоняютъ ходатайства о широкомъ толкованіи тарифовъ, благодаря которому Макъ Леви Броуну въ 1878 году удалось ввести выгодную торговлю ослиными шкурами. Туземные купцы со своей стороны устраиваютъ безъ особыхъ препятствій вывозъ исключительно китайскихъ фарфоровыхъ издѣлій; точно также чиновники вынуждены относиться терпимо къ торговлѣ чаемъ въ виду конкуренціи со стороны Хань-коу, Нинъ-бо и Кантона.

Я уже имѣлъ случай указать выше, въ главѣ

о соляной монополии, что мнѣ удалось въ этой провинціи побывать въ одной мѣстности, въ которой на протяженіи нѣсколькихъ миль открывается возможность прямого воднаго сообщенія въ Цзю-цзянь, Гуй-чжоу, Нинъ-бо и Вэнь-чжоу; а затѣмъ, переваливъ небольшой перевалъ на югъ провинціи Цзянь-си, открывается опять водное сообщеніе до Кантона. Послѣ Японско-Китайской войны власти оказались вынужденными подъ давленіемъ обстоятельствъ увеличить на 20% ли-цзинь на спиртъ, табакъ, чай и сахаръ; мѣра эта касается, очевидно, лишь мѣстныхъ потребителей.

10) *Цзянь-су*. Существующія иностранныя таможи въ Шанхаѣ, Чжэнь-цзянь и Нанкинѣ въ послѣднее время невольнo заставляють призадуматься чиновниковъ, вѣдающихъ сборъ ли-цзиня, лотому что развилась транзитная торговля, благодаря которой Чжэнь-цзянь побиваетъ почти всю торговлю въ сѣверной части провинціи Ань-хой. Но состоящія подъ властью вице-короля рѣчныя станціи по сосѣдству съ Юань-гунь-пу причиняють купцамъ много хлопотъ; точно также всѣ посты по сбору ли-цзиня вдоль Велпкаго канала и около Хуай-ань-фу (Hwai-an-Fu) служатъ также важнымъ препятствіемъ для торговли. Главный доходъ по сбору ли-цзиня въ этой провинціи получается отъ группы таможенъ на рѣкѣ Су-ху (Су-чжоу, Шанхай); кромѣ того за одну торговлю зерномъ Нанкинъ даетъ около четверти доходовъ, доставляемыхъ послѣдними двумя пунктами. Вы-

возъ зерновыхъ хлѣбовъ изъ Чжэнь-цзяня находится въ тѣсной связи съ движеніемъ этой торговли въ городѣ Ву-ху.

Какъ вице-король, такъ и оба губернатора въ провинціяхъ Цзянь-си и Цзянь-су считаютъ лицензію главнымъ ресурсомъ для содержанія своихъ войскъ; въ этомъ отношеніи боксерское движеніе послужило имъ хорошимъ стимуломъ противъ тѣхъ, которые высказывались противъ лицензія.

11) *Гуанъ-си* переживала прекрасное время при завѣдываніи таможнями сэра Брука Робертсона; такъ какъ провинція эта большей частью покрыта горами, то все торговое движеніе происходитъ на рѣчныхъ сообщеніяхъ, которыя пряно или косвенно направляются въ Ву-чжоу-фу. Выше было уже упомянуто, въ главѣ о соляной монополіи, что указанный сейчасъ пунктъ, чрезъ который протекаетъ тѣсный выходъ, имѣетъ такое же значеніе для провинціи Цзянь-сп, какъ Куй-фу (K'wei Fu) для Сы-чуаньской провинціи. Оба эти пункта получили свое исключительное значеніе послѣ открытія Ву-чжоу для иностранной торговли. Даже въ 1885—1886 годахъ, сравнительно неблагоприятныхъ, эта важная станція по взиманію лицензія, несмотря на то, что расположена въ бѣдной провинціи, принесла все-таки войскамъ 300,000 ланъ, при чемъ чиновники, конечно, само собою, нажили огромное состояніе.

Въ прежнее время, въ 1856 году, благодаря военнымъ дѣйствіямъ, лицензія взимался въ раз-

мѣръ, превышающемъ вдвое нынѣшній тарифъ, притомъ мандарины не утруждали себя вовсе представлениемъ какихъ-нибудь отчетовъ, присвоивая себѣ около милліона ланъ въ годъ. Послѣ подавленія возстанія тайпинговъ тарифъ ли-цзиня былъ сразу уменьшенъ вдвое, и въ то же время было уничтожено около 12 таможенъ по взиманію ли-цзиня. Внутренній портъ Лунъ-чжоу касается только лишь одной французской торговли, а что касается порядковъ взиманія ли-цзиня, то здѣсь будетъ кстати замѣтить, что принятая французами система транзита отличается таними недостатками, что не даетъ французамъ никакого права осуждать китайскіе порядки. Вся торговля Нанкина, о которой китайскія лѣтописи упоминаютъ еще въ VI-мъ столѣтіи, вѣроятно, въ концѣ концовъ, направится на Пакъ-хой, Ханой или на Ву-чжоу, смотря по тому, какъ будутъ облагаться товары со стороны китайцевъ или французовъ; во всякомъ случаѣ эта торговля будетъ производиться главнымъ образомъ съ Гонъ-конгомъ. Чтобы судить о торговлѣ этой провинціи, достаточно поверхностнаго взгляда на карту Китая, обративъ вниманіе на цѣлую сѣть станцій или пропускныхъ пунктовъ, служащихъ для контроля по сбору ли-цзиня, а именно: Гуй-линь (Kwei-lin) и Пинъ-ло (P'ing-loh) на одной рѣкѣ, Жу-линь (Juch-lin) на рѣкѣ Пакъ-хой, Кипъ-юань (K'ing-yüan) и Линь-чжоу также на одной рѣкѣ, Нань-нинъ, Бэ-сэ и Сы-чэнъ (Szch'eng) на третьей рѣкѣ и, наконецъ, Синь-чжоу и

Ву-чжоу, расположенные вблизи восточной границы провинции.

Главная контора по сбору ли-цзиня, находящаяся въ Кантонѣ, имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи, по словамъ консула Бренана, восемь пропускныхъ пунктовъ, изъ которыхъ старѣйшіе насчитываютъ свыше 30 лѣтъ своего существованія. Въ перечнѣ предметовъ, подлежащихъ обложенію ли-цзинемъ, насчитывается свыше 700 названій. Въ 1884 году китайскія власти въ Кантонѣ установили нѣсколько пропускныхъ заставъ специально для транзитнаго провоза александрійскаго листа; но возникшія въ 1886 году осложненія съ французами вынудили измѣнить тарпфныя ставки на многіе предметы. Такъ какъ новыя обложенія оказались важными препятствіями для разантія торговли, то бывшій тогда въ Кантонѣ вице-король Чжанъ - чжи - дунъ отмѣнилъ новыі порядокъ. Но вскорѣ, въ 1890 г., снова возвратился къ власти прославившійся своими крутыми мѣрами въ отношеніи ли-цзиня Ли-ханъ - чжанъ, вся служебная карьера котораго тѣсно связана съ введеніемъ и сборомъ ли-цзиня; послѣ выхода въ отставку этого мандарина всѣ надѣялись, что онъ уже никогда больше не вернется на службу, поэтому тѣмъ большей неожиданностью было возобновленіе всѣхъ старыхъ строгостей въ отношеніи сбора ли-цзиня, только что отмѣненныхъ Чжанъ-чжи-дуномъ: чрезвычайныя обложенія были не только восстановлены, но увеличены въ своемъ размѣрѣ, вслѣдствіе чего при-

шлось учредить много новыхъ пропускныхъ станцій для оцѣнки и обложенія провозимыхъ транзитомъ хлопчатобунажныхъ издѣлій и керосина.

Мѣры эти возымѣли свое дѣйствіе, и хотя съ тѣхъ поръ приходится еще имѣть дѣло съ многочисленными придирами и притѣсненіями въ соединеніи съ постоянными попытками лицезинныхъ чиновниковъ по установленію особыхъ „тарифовъ“ спеціальнаго назначенія, имѣющихъ цѣлью уравнивать насколько возможно иностранный ввозъ, все же предметы ввоза могутъ пользоваться принадлежащими имъ привилегіями согласно торговымъ трактатамъ, если только эти товары были доставлены въ Кантонъ на иностранныхъ судахъ, а не на туземныхъ джонкахъ; китайскіе купцы, однако, опасаются привозить товары на собственное имя подъ видомъ транзитныхъ грузовъ. Поэтому въ новомъ портѣ, въ Ву-чжао, китайскіе купцы пользуются обыкновенно иностранными именами, чтобы избѣгнуть обложенія своихъ товаровъ лицензиемъ, по примѣру того, какъ это дѣлалось въ древнемъ Чжэнь-изянѣ.

Мнѣ весьма пріятно напомнить здѣсь, что въ 1892 году мнѣ удалось разбить хитроумную комбинацію совмѣстныхъ дѣйствій Ли-хань-чжана и Чжанъ-чжи-дуна, придуманную ими по танъ называемому вопросу о вывозѣ свиней, который не мало волновалъ тогда торговый міръ въ Хой-хоу (Hoihow). Въ 1899 году вслѣдствіе посѣщенія мандарина Ганъ-и для производства слѣдствія, полу-

чились результаты такого рода, что приналежащія къ Кантону семь станцій по сбору ли-цзиня были обязаны представлять затѣмъ каждый годъ на 164,006 ланъ больше сравнительно съ тѣмъ, сколько представлялось ими до того времени.

12) *Гуанъ-дунъ*. Хотя Кантонъ входитъ въ составъ этой провинціи, но тяготеющій къ нему транзитный путь болѣе тѣсно связанъ не съ этой провинціей, а съ провинціей Гуанъ-си и другими сопредѣльными провинціями, о которыхъ частью упомянуто уже было выше. Сватоу принадлежитъ, однако, къ совершенно другой рѣчной системѣ (Хань). Въ прежнее время, предшествовавшее заключенію торговыхъ конвенцій, особая хлопота причиняло възысканіе ли-цзиня съ опиума; но такъ какъ до 1898 года нѣтъ рѣчи о существованіи пропускныхъ пунктовъ для транзитныхъ грузовъ, то китайцы дѣлали попытку подорвать въ норѣ иностранный ввозъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, что въ свою очередь вызвало противодѣйствіе иностранцевъ, стремившихся возстановить принадлежащія имъ торговые права, выговоренныя трактатами, которыя и по настоящее время примѣняются въ широкихъ размѣрахъ.

Въ расположенномъ на крайнемъ юго-западѣ провинціи Гуанъ-дунъ портъ Пакъ-хой учреждены въ настоящее время пропускные пункты для транзитныхъ товаровъ какъ вывозимыхъ, такъ и привозимыхъ; то же самое можно сказать и про островъ Хай-нанъ, на которомъ тоже устроены

такіи пропускныя станціи, принадлежавшій въ политическомъ отношеніи къ провинціи Гуанъ-дунъ и извѣстный столько же на Дальнемъ Востокѣ въ отношеніи торговли свиной всякаго вида, какъ, напримѣръ, Чикаго въ Америкѣ. Въ 1899 г. число пропускныхъ станцій для транзитныхъ грузовъ, привозныхъ и вывозныхъ, увеличилось уже вдвое противъ 1898 года. Во вновь открытомъ портѣ Самъ-шуй, туземные купцы все-таки продолжаютъ опасаться всегда, когда имъ приходится выбирать пропуска для своихъ товаровъ на свое собственное имя.

Покидая сѣверныи провинціи во время послѣдняго боксерскаго даиженія, покойный вице-король Ли-хунъ-чжанъ рѣшился на весьма важную мѣру въ отношеніи ли-цзиня, вступивъ въ соглашеніе съ купечествомъ объ уничтоженіи ли-цзиня во всей провинціи взамѣвъ уплаты пѣ казну одной постоянной суммы въ 4,000,000 долларовъ въ годъ.

Въ настоящее время было бы слишкомъ рано дѣлать какія-нибудь заключенія о послѣдствіяхъ этой мѣры, ко такъ какъ общая сумма ли-цзиня, собираемаго въ Гуанъ-дунской провинціи, никогда до сего времени не показывалась официально болѣе 800,000 ланъ въ годъ, то новая мѣра является интересной въ смыслѣ хотя бы сопоставленія доходовъ казны при прежнемъ порядкѣ и въ настоящее время, а также указанія той суммы, которую нупцы могутъ внести за право полной свободы торговли; кромѣ того эта мѣра указываетъ также

на то, что вполне возможно было бы отменить ли-цзинь во всей империи при условии надлежащих отчислений изъ получаемыхъ налоговъ въ пользу мѣстной администраціи.

13) *Гуй-чжоу*. Ли-цзинь, собираемый въ этой бѣдной и отдаленной провинціи, весьма незначителенъ по своимъ размѣрамъ; тѣмъ не менѣе онъ крайне обременителенъ здѣсь для торговли. Въ провинціи имѣются три или четыре соперничающихъ между собою торговыхъ пути: на Хань-коу чрезъ провинцію Ху-нань и рѣку Юань или чрезъ провинцію Сы-чуань и рѣку Гунъ-тань; на Кантонъ чрезъ Бэ-сэ и Синъ-и (Hing-yih) и на Чунъ-цинъ по рѣкѣ Сунъ-Кань или по рѣкѣ Ци-цзянъ. Благодаря этому обилію соперничающихъ путей чиновникамъ по взиманію ли-цзиня приходится умѣрять свои требованія на пѣхъ трактахъ.

14) *Шанъ-си*. Въ 1856 году въ предметы обложенія включены были также табакъ и спиртъ, а въ настоящее время уже поговариваютъ объ увеличеніи вдвое этого тарифа. Весь остальной ли-цзинь, введеніе котораго можно вполне опредѣленно приурочить къ 1859 году, взимался главнымъ образомъ съ соли и опиума. Не говоря уже про то, что Шанъ-сійская провинція совершенно лишена своего собственнаго порта, сборъ ли-цзиня затрудняется еще почти полнымъ отсутствіемъ проходимыхъ дорогъ, которыя, впрочемъ, едва ли могли бы сами по себѣ создать торговое движеніе

въ этой провинціи; единственное сухопутное сообщеніе, ведущее на востокъ къ Чжэнь-дуну, въ провинціи Чжи-ли, не пользуется особымъ оживленіемъ въ виду первобытнаго состоянія этой дороги, которая во всякомъ случаѣ не можетъ служить интересамъ обширной торговли, несмотря на то, что этимъ же путемъ пользовался еще императоръ Танъ, въ 645 году послѣ Р. Х., при своемъ возвращеніи изъ Кореи въ Си-ань-фу чрезъ Шань-хай-гуань, занятый въ 1900 году во время боксерскаго движенія союзными войсками европейцевъ.

Главнымъ портомъ для провинціи Шань-си служитъ Тянь-цзинь, при чемъ главнымъ путемъ, связывающимъ этотъ портъ съ провинціей, служитъ дорога, пролегающая чрезъ Калганъ, которой пользовался еще аббатъ Гукъ, какъ это упомянуто было выше, въ главѣ о древнихъ портовыхъ путяхъ. Для товаровъ, провозимыхъ чрезъ центральную часть провинціи, нѣтъ иного выбора пути какъ только по единственной магистральной, связывающей сѣверъ и югъ провинціи, проходящей и чрезъ центръ ея и затѣмъ примыкающей къ Великому каналу по рѣкѣ Вэй чрезъ Вэй-хуай-фу. Какъ можно судить изъ многочисленныхъ фактовъ, чиновники по взиманію ли-цзиня не встрѣчаютъ въ Тянь-цзинѣ никакихъ препятствій въ своей дѣятельности.

15) *Шань-дунъ*. Ли-цзинъ въ этой провинціи собирается въ очень незначительныхъ размѣрахъ,

въ виду того, что иностранная таможня въ Чифу свободна отъ сбора ли-цзиня, который касается такимъ образомъ лишь товаровъ транспортируемыхъ на мулахъ по вьючнымъ путямъ. Тянь - цзинь служить фактически портомъ для всей провинціи за исключеніемъ только небольшой ея части, и даже Шанхай является для Шань - дуна болѣе подходящимъ портомъ, чѣмъ Чифу.

Въ настоящее время еще слишкомъ рано говорить о дѣятельности и роли Цзяо-чжоу для торговли этой провинціи. Если нѣмцы предоставятъ намъ въ Цзяо-чжоу хотя бы половину той свободы, которой они сами пользуются у насъ въ Гонг-конгѣ, и если они будутъ обходиться съ китайскими кули безъ излишнихъ притѣсненій, то они, несомнѣнно, достигнутъ этимъ полного содѣйствія съ нашей стороны, а также добраго расположенія китайцевъ. До сего времени, однако, я уже имѣлъ случай указать въ особой статьѣ (въ „Japan Mail“) на паденіе торговли въ Цзяо-чжоу.

16) *Шэнь-си*. До 1894 года сборъ ли-цзиня въ этой провинціи былъ очень незначителенъ, но съ тѣхъ поръ получаемый доходъ выросъ въ значительныхъ размѣрахъ. Въ настоящее время налогъ на чай и сахаръ увеличенъ на 20% для покрытія расходовъ по вѣншнимъ займамъ.

17) *Сы-чуань*. Въ этой провинціи сборъ ли-цзиня даетъ себя сильно чувствовать; сборъ его весьма удобенъ, благодаря преобладанію рѣчныхъ сообщеній; напримѣръ, при сплавахъ внизъ по рѣкѣ

Минь, т. е. по верхнему течению рѣки Янъ-цзы, приходится платить пошлину за тибетскую шерсть разъ шесть на различныхъ заставахъ, пока шерсть будетъ доставлена въ Чунъ-цинъ; поэтому гдѣ только открывается возможность провоза товаровъ сухимъ путемъ, то купцы этимъ неминуемо пользуются: какъ на примѣръ можно указать на Чэнъ-ду (Chéng-tu), господствующій надъ обширной богатой равниной, у воротъ котораго скопляются для вывоза произведенія всякаго рода въ чрезвычайномъ количествѣ. Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій почти совершеннаго отсутствія каналовъ въ этой провинціи, за исключеніемъ равнины Чэнъ-ду, служитъ то, что торговое движеніе направляется въ значительной степени по горнымъ дорогамъ, чтобы избѣжать необходимости уплаты ли-цзиня на заставахъ. При своихъ странствованіяхъ мнѣ неоднократно приходилось встрѣчать на этихъ путяхъ тысячи кули, переносящихъ соль, опиумъ и литое серебро въ различные города провинцій Ху-нань, на Хань-коу и Мянъ-чжоу (Miên-Chou), получая для обратнаго пути хлопчатобумажныя издѣлія и шелкъ; при этомъ мнѣ пришлось не мало болтать съ этими кули во время пути или на ночлегахъ въ грязныхъ китайскихъ гостиницахъ.

Въ самомъ началѣ открытія для внѣшней торговли Чунъ-цина слышны были постоянныя жалобы о всевозможныхъ притѣсненіяхъ, встрѣчаемыхъ на ли-цзинныхъ заставахъ, но въ настоящее

время подобныхъ жалобъ слышно уже гораздо меньше. Самъ я прожилъ въ этомъ районѣ свыше года, и населеніе сдѣлало мнѣ честь за противоборство этимъ притѣсненіямъ, назвавъ меня „колдуномъ“ и „адскимъ господиномъ“.

Нелишнее замѣтить, что въ первый разъ налогъ на чай взимался въ Сы-чуаньской провинціи уже въ 1154 году на знаменитой таможенной заставѣ Гуай-гуань (K'wei Kwan), расположенной у выхода изъ горъ верхняго теченія рѣки Янъ-цзы.

18) Юнь-нань. Хотя мы находимъ въ этой провинціи открытыми для внѣшней торговли порты Сы-мао (Эсмокъ) и Мэнъ-цзы, тѣмъ не менѣе это не отражается замѣтнымъ образомъ на экономической жизни страны; дѣло въ томъ, что въ сосѣдней провинціи Гуй-чжоу пошлина хотя и принимается довольно строго, но взимается въ твердо опредѣленномъ размѣрѣ, а что касается въ отношеніи Юнь-нани, то товары пропускаются совершенно беспошлинно. Провинція связывается съ рѣкою Янъ-цзы двумя главными путями чрезъ Лао-ва-танъ и на Кантонъ чрезъ рѣку Бз-сз. Транзитный провозъ товаровъ чрезъ Тонкинъ, чрезъ французскія владѣнія, является для китайскихъ купцовъ еще большимъ пугаломъ, чѣмъ даже китайскія таможенныя заставы. Впрочемъ въ послѣднее время французы сами убѣдились въ неразумности своей торговой политики, которую можно сравнить съ такимъ образомъ дѣйствій, при которомъ готовы убить курицу,

чтобы добыть приносимыя ею золотыя яйца; благодаря повороту во взглядахъ французскихъ властей, торговое движеніе по Красной рѣкѣ становится все болѣе и болѣе оживленнымъ.

19—21) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вся система обложеній въ Маньчжуріи, соответствующая ли-цзиню въ другихъ провинціяхъ, была совершенно преобразована татарскимъ генераломъ Икотанга (Ikotanga), бывшимъ тамъ вице-королемъ (?); но послѣ прибытія русскихъ въ эту страну, послѣ постройки тамъ желѣзной дороги, все опять измѣнилось и получило иной видъ. До 1891 года мѣстнымъ купцамъ никогда не приходилось брать на-ке-ни-будь паспорта для транзитной торговли, потому что при внутренней торговлѣ размѣры обложеній были очень незначительны; самое даже введеніе реформъ имѣло въ виду не фискальную цѣль—увеличеніе доходовъ,—а пресѣченіе замѣченныхъ злоупотребленій. Вообще, ни въ одной изъ трехъ провинцій Маньчжуріи не слышно жалобъ про-стѣсненіе торговли какими-нибудь обложеніями.

Изложивъ краткій очеркъ примѣненія ли-цзиня и вліяніе этого налога на развитіе торговыхъ сношеній, полагаю умѣстнымъ высказать мой личный взглядъ по этому вопросу. Позволительно думать, что въ каждой провинціи купеческое общество весьма охотно согласилось бы послѣдовать приведенному выше примѣру Кантона и уплачивать ежегодно въ казну опредѣленную сумму отъ одного до десяти милліоновъ ланъ въ зависимости

отъ своихъ собственныхъ достатковъ, лишь бы только избавиться отъ взиманія ли-цзиня, всякихъ заставъ, необходимости давать взятки и уплаты разныхъ налоговъ, оставивъ только одну пошлину, взимаемую иностранными таможенными въ такъ называемыхъ „договорныхъ портахъ“. При такихъ условіяхъ можно было бы согласиться на общее повышеніе пошлины и на предметы иностранной торговли.

Само собою разумѣется, что рука объ руку съ этой реформой, которая должна установить извѣстное постоянство въ финансахъ имперіи и довести ихъ до 100,000,000 ланъ или около этой суммы въ годъ, должна идти и реформа всего гражданского строя администраціи: необходимо будетъ половину этого дохода выдѣлить какъ постоянное, вполне опредѣленное жалованье чиновникамъ за службу, которое могло бы обезпечить имъ безбѣдное существованіе. Затѣмъ потребуется еще много лѣтъ прежде, чѣмъ возможно будетъ передать все это дѣло въ руки китайскихъ чиновниковъ. Необходимо также, вмѣстѣ съ тѣмъ, ввести одинъ общій постоянный курсъ въ отношеніи денежнаго обращенія, чтобы отдѣлаться такимъ образомъ отъ всевозможныхъ мѣнялъ, посредниковъ и факторовъ.

Что касается допущенія китайскихъ служащихъ въ иностранныхъ таможенныхъ, то это вполне возможно, если китайцы будутъ служить въ роли лишь кассировъ и пріемщиковъ денегъ, а евро-

пейцы будутъ вести отчетность и учитывать денежный курсъ—будь онъ въ золотой, серебряной или хотя бы мѣдной валютѣ. Для осуществленія подобной всеобъемлющей реформы требуется человекъ выдающійся—въ родѣ лорда Кремера, который долженъ прптомъ посвятить этому дѣлу добрую часть споей жизни. Къ несчастью, взаимная зависть европейцевъ дѣлаетъ подобную реформу почти неосуществимой, несмотря на то, что такая реформа китайскихъ финансовъ была бы по плечу только Англіи, потому что ни въ одной другой странѣ финансы не поставлены на такихъ прочныхъ началахъ, какъ въ Англіи.

Для осуществленія всей упомянутой реформы только одна Англія могла бы доставить такихъ выдающихся счетчпковъ, какъ упрямые шотландцы, или отличныхъ директоровъ и управляющихъ, какъ льстивые и вкрадчивые ирландцы, или, наконецъ такихъ честныхъ англичанъ, какіе могутъ быть найдены въ Ланнашайрскомъ графствѣ, для общаго наблюденія за честнымъ веденіемъ дѣла.

ГЛАВА XIII.

Вооруженныя силы.

Въ настоящее время, когда мы видимъ весь цивилизованный міръ стоящимъ во всеоружіи противъ Китая, вопросъ о вооруженныхъ силахъ этой страны представляетъ исключительный интересъ. Но дать сколько-нибудь обстоятельный очеркъ всей военной системы и существующихъ въ настоящее время китайскихъ войскъ представляется задачей весьма сложной въ виду крайняго разнообразія этихъ вооруженныхъ силъ.

Раньше всего ядромъ боевыхъ силъ служатъ маньчжурскія войска, имѣющія старинную военную организацію подъ названіемъ „знаменныхъ“. Послѣ завоеванія Китая организація знаменныхъ войскъ была расширена включеніемъ монгольскихъ племенъ, а также многихъ „вѣрныхъ“—или, съ общей точки зрѣнія, предателей—китайцевъ, присоединившихся къ маньчжурамъ.

Покойный сэръ Томасъ Вэдъ, около сорока лѣтъ тому назадъ, потрудился не мало надъ составленіемъ подробнаго очерка системы знаменныхъ

войскъ; но въ настоящее время это описаніе является въ значительной степени устарѣлымъ въ боевомъ отношеніи и не заслуживаетъ особаго вниманія ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, сдѣлается ли Маньчжурская династія когда-нибудь жертвой подобнаго возстанія боксеровъ, какое она пережила недавно, или нѣтъ, все же представляется весьма любопытной эта военная организація, которой удалось около 250 лѣтъ тому назадъ покорить обширнѣйшую имперію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что основныя принципы военной организаціи маньчжуръ были по духу и по формѣ заимствованы изъ боевого устройства ихъ предковъ нюйчжней, которые на сѣверѣ Китая господствовали отъ 1113 до 1234 года. Эти послѣдніе также и въ свою очередь, при созданіи своей военной организаціи, вдохновлялись, по всей вѣроятности, примѣромъ другой родственной расы киданей, состоявшихъ съ нюйчжнеми въ отдаленномъ родствѣ и господствовавшихъ на сѣверномъ Китаѣ отъ 907 до 1112 года на одинаковыхъ пранахъ съ китайскими императорами, царствовавшими на югѣ.

Организація знаменныхъ войскъ послѣ преобразованій, произведенныхъ маньчжурскими императорами и вождями, заключается въ слѣдующемъ:

Все военное населеніе дѣлится на восемь знаменъ четырехъ различныхъ нѣвътовъ, въ томъ

---

¹⁾ Трудъ Путята „Вооруженныя силы Китая“.

числѣ четыре знамени гладкихъ и четыре съ коф-
маши по краямъ; затѣмъ, по примѣру трехъ нидан-
скихъ высшихъ или „привилегированныхъ пала-
токъ“, изъ числа восьми маньчжурскихъ знаменъ
три пользуются высшими правами сравнительно
съ остальными пятью. Считая ассимилированныхъ
монголовъ, а также потомковъ упомянутыхъ выше
„вѣрныхъ“ китайцевъ, имѣется всего двадцать
четыре знамени, подъ которыми насчитывается
отъ 200 до 220 тысячъ человѣкъ. Подобно тому
какъ каждый китаецъ обязанъ быть приписаннымъ
къ какому-нибудь сяню и регистрируется вмѣстѣ
со всею своею собственностью въ снискахъ какого-
нибудь мандарина, который служитъ ему, такъ
сказать, „и папой и мамой“, точно также каждый
знаменный маньчжуръ принадлежитъ обязательно
какому-нибудь округу или, какъ называютъ маньч-
журы, своему *юфу*; эта военная осѣдлость каждого
маньчжура должна быть зарегистрирована въ глав-
ной квартирѣ его полковника, который въ отно-
шеніи подвѣдомственного ему военнаго населенія,
будь тамъ князья, офицеры или простые воины,
играетъ такую же роль наибольшаго патріарха,
какъ чжи-синъ въ отношеніи гражданскаго насе-
ленія своего округа.

Около 150 лѣтъ тому назадъ, когда знаменная
организация была въ полномъ расцвѣтѣ, общее
число полковниковъ или цюлинговъ, какъ ихъ
называютъ маньчжуры, насчитывалось около 670
маньчжурскихъ, 227 монгольскихъ и 264 китай-

скихъ. Каждый изъ такихъ цзолинговъ или начальниковъ нюру насчитывалъ у себя около 300 семействъ, обязанныхъ военной службой; впрочемъ, такова численность нюру лишь на бумагѣ, въ дѣйствительности же въ каждомъ нюру было не болѣе 200 семействъ, обязанныхъ службой. Въ видахъ экономическихъ все мужское население, способное носить оружіе, подраздѣлялось на различныя категоріи кандидатовъ, сверхштатныхъ и другихъ, которые получали въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ жалованье или вовсе не получали никакого жалованья.

Съ этими скромными силами лучниковъ и копейщиковъ маньчжурамъ удалось завоевать всю Китайскую имперію, такъ какъ употребленіе артиллеріи извѣстно лишь въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстныя китайскія войска были съ самаго начала завоеванія вынуждены силой или лаской помогать сравнительно малочисленнымъ маньчжурскимъ войскамъ, которыя въ этомъ случаѣ являлись скорѣе въ видѣ вспомогательныхъ войскъ, а не главныхъ силъ, — подобно тому, какъ главную массу англійскихъ войскъ въ Индіи и Африкѣ составляютъ туземцы, усиливаемые присоединеніемъ собственно англійскихъ войскъ въ такой численности, которая вызывается потребностями минуты, составляя тогда, такъ сказать, остовъ этихъ вооруженныхъ силъ.

Начиная съ самаго начала завоеванія Китая,

большая половина, заключающая въ себѣ притомъ лучшую часть знаменныхъ войскъ, всегда назначалась для службы въ самомъ Пекинѣ или въ его ближайшихъ окрестностяхъ; въ то же время во многихъ жизненныхъ провинціальныхъ центрахъ какъ, напримѣръ, въ Кантонѣ, Фу-чжоу, Ханъ-чжоу и другихъ, имѣется всегда особый гарнизонъ изъ знаменныхъ войскъ и ихъ семействъ, образующій собою въ городѣ особую касту съ привилегированными наслѣдственными правами. Гарнизонъ состоитъ всегда подъ начальствомъ маньчжурскаго генерала, располагается внутри городской стѣны и имѣетъ своимъ назначеніемъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, поддерживать порядокъ среди безпокойныхъ „мань-цзы“ или китайцевъ, а также для храненія ключей отъ городскихъ воротъ.

Содержаніе этихъ привилегированныхъ гарнизоновъ является весьма чувствительнымъ бременемъ для финансовъ страны; весьма естественно поэтому, что расходъ на содержаніе привилегированныхъ солдатъ является сильнымъ испытаніемъ для лояльности большинства китайцевъ, не пользующихся привилегіями знаменныхъ войскъ. О размѣрахъ этихъ расходовъ можно судить по тому, что для одного Пекина въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ дѣлается ежегодно „первоначальное“ отчисленіе въ 7,000,000 ланъ, а затѣмъ слѣдуетъ изъ года въ годъ еще добавочное ассигнованіе по крайней мѣрѣ въ миллионъ ланъ. Деньги эти доставляются, конечно, изъ провинцій, кото-

рымъ приходится еще изыскивать средства, чтобы содержать и собственныя свои знаменныя и китайскіи войска.

Если бы финансы Китая, которые были въ такомъ блестящемъ состояніи сто лѣтъ тому назадъ, не были потрясены цѣлымъ рядомъ мятежей и важныхъ затрудненій внѣшняго характера, если бы знаменныя войска поддерживали при этомъ славу прежней своей простоты и мужества, то имперія не почувствовала бы тягость расхода на содержаніе знаменныхъ войскъ, и населеніе не имѣло бы повода роптать на этотъ расходъ: въ Китаѣ, какъ и всюду, понимаютъ хорошо, что для поддержанія внутренняго порядка, а также для сохраненія престижа во внѣшнихъ сношеніяхъ, расходы неминуемы, подобно тому, какъ и въ Индіи плательщикъ податей охотно несетъ чувствительные расходы на содержаніе своихъ завоевателей англичанъ, платя имъ войскамъ большое содержаніе, находя удовлетвореніе въ охраненіи безопасности личной и имущественной. Къ сожалѣнію, эти лѣнныя знаменныя воины маньчжурскіе, какъ въ Пекинѣ, такъ и въ провинціи, переродились въ инертныхъ, вялыхъ и бесполезныхъ паразитовъ, часто предающихся куренію опиума. Знаменныя войска разучились даже стрѣлять изъ лука, который, можетъ быть, является совершенно бесполезнымъ въ наше время господства магазинныхъ ружей, но могъ бы все-таки поддерживать среди этихъ воиновъ хотя бы нѣкоторую физическую бодрость и развитіе му-

скульной силы. Въ провинціи знаменныя войска являются фактически какъ бы въ плѣну, потому что жителство ихъ строго ограничено городскими стѣнами, притомъ же они со всѣхъ сторонъ окружены враждебно настроеннымъ населеніемъ, говорящимъ чуждымъ для знаменщиковъ языкомъ, безъ знанія котораго они не могутъ купить себѣ какихъ бы то ни было предметовъ первой необходимости.

Не лучшимъ престижемъ пользуется и татарскій генералъ, начальникъ маньчжурскихъ войскъ: хотя въ теоріи онъ считается стоящимъ выше даже вице-короля, но на самомъ дѣлѣ населеніе относится къ нему иронически и называетъ его не иначе какъ „старымъ чортомъ“ или „пьяной шваброй“. Когда я жилъ въ Кантонѣ помошникомъ консула, мой принципалъ всегда былъ самага низкаго мнѣнія объ этомъ генералѣ и часто предлагалъ мнѣ прогулку такими словами: „пойдемъ, навѣстимъ старую дѣпу по пути къ вице-королю“... Мнѣ пришлось знакомиться съ татарскими генералами въ четырехъ или пяти различныхъ пунктахъ, затѣмъ я имѣлъ возможность близко наблюдать знаменныя войска въ Пекинѣ, при чемъ картина получается, конечно, разнообразная въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и характеристики отдѣльныхъ личностей маньчжурскихъ начальниковъ, среди которыхъ встрѣчаются иногда и очень дѣльные люди, точно также какъ попадаютъ и храбрые знаменные солдаты. Но все это лишь исключенія, а въ общемъ картина предста-

вляется именно такой, какъ она изображена выше, по крайней мѣрѣ такъ было до событій послѣднихъ лѣтъ включительно.

Собственно китайская армія или такъ называемыя войска зеленого знамени, имѣютъ спою особую организацію, которая существовала, по крайней мѣрѣ въ теоріи, до знаменитаго возстанія тайпинговъ и войнъ съ европейцами, потребовавшихъ существенныхъ заплатъ на выступившія наружу прорѣхи.

Придерживаясь той же системы изложенія, которая была принята нами выше при очеркѣ административнаго устройства, мы и въ настоящемъ случаѣ, при очеркѣ организаціи вооруженныхъ силъ, коснемся сначала основныхъ сторонъ нхъ устройства, а затѣмъ уже укажемъ отступленія и подробности.

Въ каждой провинціи во главѣ войскъ зеленого знамени имѣется особый генералъ, которому принадлежитъ высшее командованіе войсками провинціи, а небольшая часть изъ нихъ состоитъ въ его непосредственномъ вѣдѣніи. Все управленіе войсками сосредоточивается въ особомъ ямынѣ, который находится иногда въ главномъ городѣ провинціи, иногда же въ какомъ-нибудь *фу* или иной мѣстности, имѣющей почему-либо исключительное значеніе въ стратегическомъ или иномъ отношеніи. По занимаемому рангу начальникъ провинціальныхъ войскъ зеленого знамени считается даже нѣкоторой степенью выше вице-короля, тѣмъ не менѣе

во всѣхъ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ дипломатическаго или гражданскаго характера генераль обязанъ доносить предварительно вице-королю, который является такимъ образомъ фактически его начальникомъ, за исключеніемъ, конечно, такихъ случаевъ, когда начальникъ войскъ пользуется особыми полномочіями или отличается выдающимися чертами характера.

Подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала состоитъ отъ двухъ до шести бригадныхъ генераловъ, каждый изъ нихъ командуетъ бригадой и, также какъ и провинціальный начальникъ, имѣетъ въ непосредственномъ своемъ подчиненіи небольшую часть войскъ отъ этой бригады. Органомъ управленія служитъ бригадный ямынь, который находится обыкновенно въ какомъ-нибудь важномъ городѣ перваго класса, какъ, напримѣръ, резиденція дао-тая, которому и соответствуетъ бригадиръ въ военной организаціи, или же въ иномъ пунктѣ, имѣющемъ почему-либо исключительное значеніе. Всѣ распоряженія бригадные генералы получаютъ какъ отъ начальника „зеленыхъ“ войскъ, такъ и отъ вице-короля, но во взаимныхъ сношеніяхъ тонъ приказаній перваго смягчается тѣмъ, что онъ употребляетъ формулу „сношеній“; въ концѣ концовъ все зависитъ, конечно, отъ характера личныхъ отношеній, которыми и обуславливается форма дѣловыхъ сношеній.

По примѣру этихъ главныхъ подраздѣленій имѣются полковники, маіоры, капитаны, поручики,

сержанты, капралы; всѣ они являются начальниками частей войскъ большей или меньшей численности, расположенныхъ въ городахъ, мѣстечкахъ, базарныхъ пунктахъ. Войсковые начальники обязаны во всемъ содѣйствовать „префектанъ“, чжи-сянямъ, ихъ помощникамъ, а также всѣмъ другимъ мелкимъ гражданскимъ чиновникамъ, до сельскаго старосты включительно. Когда я находился въ Цзю-цзинѣ въ 1871 году, моему „бою“¹⁾ предлагали чинъ полковника и связанную съ этимъ должность, но онъ справедливо разсудилъ, что быть у меня поваромъ больше чести, чѣмъ служить китайскимъ полковникомъ и выгребать своими руками каштаны въ пользу кармана мандариновъ. Всѣ офицеры обязаны—такъ, по крайней мѣрѣ, по закону—непремѣнно ѣздить верхомъ, а не въ паланкинахъ; но въ наши дни вырожденія китайскихъ военныхъ силъ правило это не пользуется особынъ уваженіемъ.

Точно также гражданскіе чиновники по существующимъ законамъ не имѣютъ права служить на мѣстѣ или пблизіи своей родины; военные же офицеры наоборотъ служатъ почти всегда недалеко отъ своей родины, потому что иначе они не могли бы бѣгло объясняться со своими подчиненными. Во время послѣднихъ событій при формированіи полковъ для дѣйствій противъ боксеровъ

¹⁾ *Воу* соответствуетъ на руссконъ языкѣ „мальчикъ“, „малому“, такъ повсемѣстно на Дальнемъ Востокѣ называютъ слугу-китайца.

были приняты особыя мѣры, чтобы отрядъ былъ составленъ исключительно изъ людей уроженцевъ провинціи Ху-нань. Чтобы подчеркнуть это послѣднее обстоятельство, можно указать на тотъ фактъ, что бывший еще такъ недавно мятежникомъ Лао-юнъ-пу (Лю-юнъ-фу) получилъ теперь полное прощеніе и назначенъ въ провинцію Хэ-нань только потому, что онъ владѣетъ хорошо кантонскимъ нарѣчіемъ; затѣмъ генераль Чэнъ изъ Фу-чжоу, который только что выработалъ особый проектъ устройства постоянной арміи въ имперіи, настаиваетъ даже на необходимости комплектованія въ будущемъ каждаго полка обязательно изъ людей одного сян.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, да отчасти и въ настоящее время, всѣ начальники и офицеры войскъ зеленого знамени, начиная отъ генерала и кончая послѣднимъ капраломъ, были одинаково преданы хищническимъ наклонностямъ, несмотря на многочисленныя наказы, которымъ подвергали пиновныхъ, несмотря и на многія реформы, вводившіяся съ цѣлью искорененія зла, заключавшагося въ томъ, что числившіяся подъ ихъ командой войска большей частью не содержались въ дѣйствительности или содержались лишь временно и въ гораздо меньшемъ, противъ положеннаго, числѣ.

Солдаты зеленого знамени, точно также какъ и знаменныхъ войскъ, привыкли нало-по-малу въ теченіе многихъ лѣтъ мира къ тому, что началь-

ники и офицеры берутъ себѣ большую часть отпускаемаго имъ жалованья, представляя собою нѣчто въ видѣ наслѣдственныхъ синекуръ; установилось своего рода молчаливое соглашеніе между начальниками и подчиненными, по которому послѣдніе за одинъ, скажемъ, шиллингъ берутъ на себя обязательство расписаться въ полученіи двухъ шиллинговъ и напялить на себя военную форму, чтобы стать въ строй въ случаѣ, если вице-королю или другому „большому господину ¹⁾“ вздумается сдѣлать смотръ этимъ войскамъ.

Боевыя качества этихъ войскъ таковы, что, когда около пятидесяти лѣтъ тому назадъ вспыхнуло въ Китаѣ большое позстаніе тайпинговъ и народились осложненія внѣшняго характера, то руководители дѣлъ имперіи, въ томъ числѣ и Ли-хунъ-чжанъ и Лю-кунъ-п, должны были прибѣгнуть къ вербовкѣ „*храбрыхъ*“ ²⁾ юновъ для военныхъ дѣйствій; другими словами, тѣхъ „*воиновъ*“, которые существовали въ видѣ постоянного войска и не имѣли никакого желанія идти на войну, пришлось сотовить для гарнизонной и полицейской службы, а на ихъ мѣсто призвать бодрыхъ, здоровыхъ крестьянъ и молодыхъ солдатъ, чтобы вывести

¹⁾ „*Да-жень*“ — обычная форма обращенія въ измѣсканой китайской рѣчи, означающая „большой“, „великій“ господить.

Примѣч. Перев.

²⁾ Такъ называется въ Китаѣ категорія войскъ позднѣйшихъ формированій въ отличіе отъ войскъ знаменитыхъ и зеленого знамени, которыя а ргіогі признаются не храбрыми.

Примѣч. Перев.

ихъ въ бой со врагомъ, предложивъ имъ жалованье въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ то, которое получали трусливые солдаты знаменныхъ войскъ или зеленого знамени.

Храбрость китайскаго солдата, если только онъ поставленъ подъ командой свѣдушихъ вождей и не подверженъ какимъ-нибудь сомнѣніямъ или каверзамъ со стороны своихъ начальниковъ, можетъ быть поставлена не ниже среднихъ качествъ солдата иной любой національности. Само собою разумѣется, что для успѣха военныхъ дѣйствій должны быть приложены заботы къ тому, чтобы солдатъ былъ накормленъ и вооруженъ никакъ не хуже своего противника; что касается всего прочаго—жалованья, обмундированія, медицинской помощи и т. д., то, при необходимости, китайскій солдатъ вполнѣ способенъ отказаться отъ всего этого и охотно переносить подобныя лишенія, сохраняя болѣе или менѣе хорошее настроеніе духа.

Послѣ окончанія войнъ съ европейцами китайское правительство въ шестидесятихъ годахъ дѣлало неоднократныя усилія, хотя и спорадическаго характера, къ надлежащему обученію и снабженію европейскимъ вооруженіемъ нѣкотораго числа знаменныхъ войскъ, расположенныхъ въ Пекинѣ, Каитонѣ и другихъ пунктахъ, гдѣ можно было пользоваться услугами иностранныхъ инструкторовъ, стараясь въ то же время поддерживать и подготовку „храбрыхъ“. Войска же зеленого знамени были признаны настолько испорченными, что

оказались негодными даже какъ матеріалъ для преобразованій; впрочемъ послѣ надлежавшей чистки эта категорія войскъ предназначена была служить резервомъ для „храбрыхъ“.

Строго говоря, едва ли и существуетъ какая-нибудь существенная разница между войсками „храбрыми“ и „зелеными“. Въ этомъ отношеніи вполнѣ остроумно выразился въ своемъ рапортѣ на имя верховнаго комиссара лѣтъ пять тому назадъ одинъ капитанъ зеленыхъ войскъ, уязвленный въ своемъ самолюбіи пренебрежительнымъ отзывомъ верховной палаты насчетъ боевыхъ качествъ войскъ зеленого знамени: „Нѣтъ никакой существенной разницы между солдатомъ „зеленымъ“ и „храбымъ“. Оба они китайцы. Заплатите мои солдатамъ такое же жалованье, какое вы платите „храбымъ“, и мои солдаты будутъ такіе же храбрые а попробуйте вашихъ „храбрыхъ“ морить голодомъ, какъ вы это дѣлаете съ моими солдатами, то они неминуемо обратятся въ такихъ же „зеленыхъ“. Словомъ „зеленые“ ли, „храбрые“ ли, весь вопросъ сводится къ надлежавшей добросовѣстной и своевременной выдачѣ жалованья безъ всякихъ присвоеній, къ сытой пищѣ, хорошему вооруженію и надлежащему обученію“.

Послѣ удачнаго вторичнаго завоеванія Туркестана отъ Якубъ-бека въ 1874 году и провинціи Юнь-нань отъ Сулимана въ 1873 году, показавъ себя до нѣкоторой степени и русскимъ въ Кульдѣжѣ въ 1879 году и французамъ въ Тонкинѣ въ 1885 г.,

китайское или, вѣрнѣе, маньчжурское правительство преисполнилось заносчивости, благодаря отчасти потаканіямъ европейцевъ. Это послѣднее обстоятельство прямо или косвенно завлекло китайцевъ на путь ложной политики. Результатомъ получилось полное пораженіе китайскихъ войскъ въ войнѣ съ японцами: войска зеленого знамени, „знаменныя“ и „храбрыя“ — всѣ одинаково были низвергнуты съ нхъ воображаемой высоты, и самъ Китай былъ раздавленъ подъ тяжестью стыда и тяжелой контрибуціи; лишь послѣ этихъ ударовъ китайское правительство дѣлаетъ, повидимому, серьезныя и дѣйствительныя усилія для надлежащаго упорядоченія своихъ вооруженныхъ силъ.

Событія японско-китайской войны показали китайцамъ воочію, что въ отношеніи боевыхъ качествъ всѣ войска зеленого знамени вполне заслуживаютъ быть уничтоженными сразу однимъ росчеркомъ пера. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось, однако, убѣдиться и въ томъ, что необходимо считаться съ „правами“, принадлежащими хотя бы и солдатамъ; въ противномъ случаѣ „червянъ, какъ говорятъ китайцы, можетъ легко повернуть свою голову въ противоположную сторону“. Необходимо было также подумать и о судьбѣ тѣхъ „храбрыхъ“ офицеровъ, которые за отличія въ воображаемыхъ побѣдныхъ бояхъ были награждены патентами на слѣдующіе чины и теперь ожидали дѣйствительнаго производства. Наконецъ, какъ ничтожны ни были боевыя силы китайскихъ

войскъ зеленого знамени, все же это была сила единственная, необходимая для поддержанія порядка въ городахъ и провинціи, пресѣкать провозъ контрабанды, охранять городскія ворота, сопровождать арестантовъ и чиновниковъ и оберегать проходы, броды и другіе важные пункты на путяхъ сообщенія.

Въ виду сказаннаго правительство пришло къ заключенію о необходимости уменьшить въ каждой провинціи численность войскъ зеленого знамени на одну четвертую ихъ часть или на половину, смотря по степени испорченности этихъ войскъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Встрѣтившіяся при этомъ затрудненія были аналогичны съ дилеммой, выдвинутой въ послѣдніе годы въ Испаніи, которая въ концѣ концовъ приводитъ собственно къ необходимости топтаться на мѣстѣ: „какъ можемъ мы обмануть ожиданія офицеровъ его величества, лишивъ ихъ получаемого содержанія? А если мы будемъ платить имъ жалованье, то какъ можемъ мы лишить ихъ тѣхъ командъ, за начальствованіе надъ которыми они и получаютъ свое жалованье?“

Молодой императоръ, а также и его совѣтники были на вѣрномъ пути, рѣшивъ произвести въ войскахъ належащую чистку, а затѣмъ введеніемъ новыхъ реформъ вырѣшить многіе запутанные вопросы; но противоположное направленіе вдовствующей императрицы быстро и круто покончило со всѣми этими реформаторами, не давъ имъ времени не только осуществить свои затѣи, но и проститься съ жизнью какъ слѣдуетъ. Въ то

же время интриги хищниковъ казеннаго добра, гражданскихъ и военныхъ, конечно, не мало содѣйствовали короткой расправѣ энергичной императрицы. Слабой стороной китайскихъ реформъ, лсѣхъ вообще, является отсутствіе постоянства и надлежащей выдержки; китайцамъ всегда трудно дается довести что-нибудь до конца: какъ только въ чемъ-нибудь достигнуто сбереженіе и открылась возможность произвести новые расходы на созданіе чего-нибудь новаго, какъ требуются опять новыя усилія, въ виду всегда нарождающихся непредвидѣнныхъ расходовъ, чтобы довести новую мѣру до конца; если при этомъ получаются хорошіе результаты, то является желаніе возвратиться къ экономіи, сбереженіямъ и такъ безъ конца.

Такъ дѣла все время витають канъ въ заколдованномъ кругу. Въ арміи является необходимость удовлетворять и неспособныхъ, отъ которыхъ едва лишь успѣли отдѣлаться; получающіеся сбереженія отъ реформъ, конечно, недостаточны для замѣны всѣхъ неудовлетворительныхъ воиновъ хорошими людьми; ближайшимъ послѣдствіемъ являются внезапныя возмущенія войскъ, требующія быстрыхъ прибавокъ. Такимъ образомъ вмѣсто ожидавшихся сбереженій получается необходимость экстраординарныхъ расходовъ, а за невозможностью покрыть расходы прибѣгаютъ либо къ уменьшенію численности войскъ либо къ уменьшенію получаемаго ими содержанія, чтобы не выйти изъ рамокъ намѣченныхъ расходовъ. Это

последнее обстоятельство приводит ко всеобщему неудовольствію людей и офицеровъ, что опять влечетъ за собою новыя злоупотребленія. Опираясь на такія войска, Китай въ концѣ концовъ и потерпѣлъ полный разгромъ.

Нѣкоторымъ вице-королямъ и губернаторамъ удалось добиться отъ императрицы-матери пересмотра закона, касающагося уменьшенія штатовъ знаменныхъ войскъ, которымъ уже было обнародовано надлежащее распоряженіе; при всемъ томъ, желая сохранить эти войска въ непркосновенномъ видѣ въ каждой провинціи или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя подвержены нападенію извнѣ, дѣлаются въ послѣдніе годы дѣйствительныя усилія къ устройству вооруженныхъ силъ на надлежащихъ началахъ.

Послѣдовавшія въ теченіе трехъ-четырехъ послѣднихъ лѣтъ перемѣщенія армій, вызванныя боксерскимъ возстаніемъ и враждебнымъ столкновеніемъ съ европейцами, дѣлаютъ невозможнымъ представить, хотя бы для одной 'Жи-лійской провинціи, представляющей для насъ наибольшій интересъ, подробную характеристику расположенныхъ въ ней войскъ, ихъ вооруженіе и обученіе и имена начальниковъ отрядовъ. Тѣмъ не менѣе полагаемъ все-таки нелишнимъ привести здѣсь данныя, касающіяся вооруженныхъ силъ, которыя расположены были въ этой важнѣйшей провинціи въ маѣ 1900 г. ¹⁾

¹⁾ Интересующіеся военными вопросами въ Англіи, вѣроятно, въ достаточной степени освѣдомлены по этому

1) Реорганизованная Хуайская и Лянская арміи, образующіи въ настоящее время одну объединенную армію Хуай - Лянскую числительностью въ 20,750 человекъ; на содержаніе этой арміи расходуется въ годъ 1,521,267 ланъ. Въ началѣ 1900 года эти войска были расположены въ Таку, на фортахъ Бэй-тана (Peh-tang), въ Шань-хай-гуанѣ и въ различныхъ другихъ стратегическихъ пунктахъ въ районѣ Бао-динъ-фу. Первое столкновение европейцевъ, во время послѣднихъ событій въ Китаѣ, произошло именно съ этими войсками.

2) Войска Дунъ-фу-спня, числительностью въ 1200 человекъ, состоятъ частью изъ уроженцевъ провинціи Гань-су. Вооруженіе разнообразное. Въ 1899 году эти войска произвели безпорядки и враждебныя дѣйствія противъ иностранцевъ подъ Пекиномъ, вслѣдствіе чего эти войска были переведены въ Юнь-нинъ-фу.

3) Отрядъ Юнь-лу, числительностью въ 10,000 человекъ, расположенный въ Пекинѣ въ качествѣ тѣлохранителей, состоитъ частью изъ китайцевъ, частью изъ маньчжуръ.

4) Отрядъ князя Туана, около 10,000 человекъ, носитъ названіе „тигрупподобный“, хотя и не вполне соответствуетъ этому названію. Отрядъ

статьямъ, касающимся вооруженныхъ силъ Китая, которыя и время отъ времени появлялись въ *United Service Magazine*; позволяю себѣ думать, что и на континентѣ военные специалисты пользовались этими свѣдѣніями къ выгодѣ, надѣясь, союзныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Китаѣ.

Примѣч. автора.

этотъ былъ сформированъ вербовкой въ сентябрѣ 1900 года.

5) Отрядъ Юань-ши-канъ состоитъ изъ 19,000 человекъ, обученныхъ германскими инструкторами, и представляетъ собою лучшую боевую силу китайскихъ войскъ. Часть этихъ войскъ переведена въ провинцію Шань-дунъ послѣ назначенія туда губернаторомъ Юань-ши-кая.

6) Отрядъ Нѣ-ши-чэнъ (Niéh Shī-ch'êng) имѣетъ численность въ 13,117 человекъ, не считая семь ротъ, расположенныхъ гарнизонами въ Бэйтанскихъ фортахъ.

7) Отрядъ Сунъ-цина. Помощникомъ этого начальника состоитъ генералъ Ма-юй-гунъ; къ отряду причисляется еще одна рота, расположенная въ Шань-хай-гуанѣ.

8) Въ самомъ Пекпнѣ и ея окрестностяхъ столицы расположенъ отрядъ жандармовъ, численностью въ 10,000 человекъ, распределенныхъ на двадцати трехъ пунктахъ. Общее командованіе принадлежитъ маньчжурскому военному губернатору. Отрядъ пополняется офицерами по обычной китайской системѣ.

9) „Артиллерія“ состоитъ изъ 24 полковъ въ 1,000 человекъ каждый. Въ прежнее время артиллерія состояла подъ командой князя Чуна, отца императора; теперь же начальникомъ ея является князь Цинъ. Въ составъ артиллеріи входитъ реорганизованная дворцовая гвардія, мушкетеры, передовыя части и такъ казываемыя роты *Сю-ци*.

Затѣмъ всѣ прочія войска, которыя могутъ имѣть какое-либо значеніе для европейскаго противника, состоятъ подъ верховнымъ начальствомъ способнаго и проницательнаго вице-короля въ Нанкинѣ, Лю-кунь-и; непосредственное же заведываніе войсками и морскими силами принадлежитъ помощникамъ вице-короля: провинціальному генералу и адмиралу, хозяйничающему на рѣкѣ Янъ-цзы. Въ составъ этихъ войскъ входятъ: пять „знаменъ“, насчитывающихъ всего 1,500 человѣкъ, расположенныхъ гарнизонами на Усунскихъ фортахъ; одиннадцать ротъ прекрасно обученныхъ германскими инструкторами, общей числительностью въ 2,640 человѣкъ, и пять знаменъ комплектуемыхъ изъ провинціи Ху-нань (1,500 человѣкъ), расположенныхъ въ Цзянь-и; три отдѣльные отряда, числительностью въ 1,500, 3,000 и 900 человѣкъ, расположены въ Чжэнь-цзянѣ; въ самомъ Нанкинѣ расположены десять ротъ и три „знамени“ вице-королевскихъ войскъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ боксерскаго движенія кадры всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ отрядовъ были приведены въ военное положеніе. Кромѣ того всѣ эти войска прекрасно вооружены магазинными винтовками новѣйшихъ образцовъ и частью расположены въ укрѣпленныхъ пунтахъ, хорошо построенныхъ на прекрасныхъ избранныхъ мѣстахъ, снабженныхъ лучшими образцами заряжающихся съ казны скорострѣльныхъ орудій ¹⁾. Указанныя сейчасъ двѣ арміи или, вѣрнѣе,

¹⁾ Какъ извѣстно, во время послѣдней японско-китай-

дѣ въ военныя системы Тянь-цзинская и Нанкин-ская, изображенныя въ общихъ чертахъ, и являются главнѣйшими потребителями огромнаго количества оружія всякаго рода, которое въ послѣднее время ввозится въ Китай, какъ объ этомъ было заявлено м. Бродрикомъ въ англійской палатѣ общинъ, конечно, не безъ основаній.

Что же касается вооруженныхъ силъ во остѣхъ остальныхъ провинціяхъ, то онѣ находятся въ настоящее время въ переходномъ состояніи; поэтому приходится довольствоваться померкнутымъ изложеніемъ лишь въ общихъ чертахъ: приводить какія-нибудь свѣдѣнія определеннаго характера было бы неумѣстно, потому что свѣдѣнія эти оказались бы устарѣлыми прежде, чѣмъ книга появится въ печати. Необходимо замѣтить, что маньчжурскій генералъ въ Нанкинѣ и его помощникъ въ Чжэнь-цзянѣ пытались ввести какія-нибудь улучшения, хотя бы въ небольшой части своихъ знаменныхъ войскъ численностью въ 4,000 человекъ; затѣмъ провинціи Ань-хой, Цзянь-су и Цзянь-си располагаютъ довольно сильными войсками японцы во многихъ укрѣпленныхъ пунктахъ (Портъ-Артуръ, Цзинь-чжоу и другихъ) захватили немало прекрасныхъ орудій новѣйшихъ образцовъ, валавшихся нодъ налганаын, когда требовалось ничтожнаго труда, чтобы своевременно поставить орудія на надлежащее мѣсто. Мнѣ самому пришлось убѣдиться въ 1895 году, при осмотрѣ Баятунскаго укрѣпленія на Сунгарн, а также и въ другихъ пунктахъ на кнтейскомъ берегу Амура, насколько китайцы способны въ короткое время привести въ негодность оружіе наилучшихъ образцовъ. *Примеч. Перев.*

отрядами войскъ „храбрыхъ“ и „знаменныхъ“, которыя могутъ служить резервомъ для перечисленныхъ выше отрядовъ передовыхъ войскъ, имѣющихъ своимъ главнымъ назначеніемъ оборону рѣкъ Янъ-цзы и Ванъ-пу.

Возвратимся, однако, къ маньчжурскимъ войскамъ зеленаго знамени, разсѣяннымъ по всей поверхности имперіи. При этомъ изъ подлежащаго очерка полагаемъ исполнѣ возможнымъ исключить вовсе Тибетъ, Туркестанъ, Монголію и Маньчжурію, имѣя въ виду главную цѣль—дать раньше всего краткую характеристику вооруженныхъ силъ восемнадцати провинцій и выяснить, по возможности, основную идею, которой руководствовались завоеватели при выработкѣ нынѣ существующаго распределенія войскъ по территоріи государства. Нѣтъ надобности, конечно, упоминать теперь второй разъ про Чжи-лійскую провинцію, послѣ того какъ памп уже дано было выше перечисленіе девяти отрядовъ, расположенныхъ въ этой провинціи.

Въ Шань-дунѣ нѣтъ воясе особаго маньчжурскаго генерала для командованія знаменными войсками; начальникомъ ихъ является помощникъ генерала, имѣющій резиденцію въ Цинъ-чжоу вблизи германской колоніи, и особаго помощника въ Дэ-чжоу на Императорскомъ каналѣ недалеко отъ границы Чжи-лійской провинціи. Провинціи Шань-си, Хэ-нань и Ань-хой, строго говоря, не имѣютъ вовсе знаменныхъ войскъ. Въ первой изъ этихъ провинцій имѣется, однако, маньчжурскій

генераль, живущій вблизи или въ самой древней тюркской столицѣ, извѣстной у Марко Поло подъ названіемъ Тендюкъ, расположенной съ внѣшней стороны Великой стѣны; помощникъ этого генерала живетъ въ Гуай-хуа (Kwei-hwa) и завѣдуетъ исключительно монгольскими дѣлами.

Выше были уже указаны гарнизоны, расположенные въ Кантонѣ, Фу-чжоу, Хапъ-чжоу съ помощникомъ начальника въ Чжа-пу (Char'u) и Нанкинѣ. Я самъ имѣлъ возможность осмотрѣть всѣ эти гарнизоны и поэтому въ правѣ заявить, что въ смыслѣ боепой годности всѣ эти войска не заслуживаютъ никакого вниманія; ограничиваемся этимъ общимъ замѣчаніемъ, полагая излишнимъ останавливаться на подробностяхъ при настоящемъ краткомъ очеркѣ. Въ Фу-чжоу находится маньчжурскій генераль, которому, между прочимъ, подчиняются иностранныя п туземныя таможи, а иногда ему же подиѣдомственъ также и арсеналь, управляемый французами, такъ что обязанности этого генерала довольно многосложны, что едва ли можно признать соответствующимъ пользѣ дѣла. На маньчжурскаго генерала въ Кантонѣ возложено завѣдываніе иностранными дѣлами.

Въ провинціяхъ Юнь-нань, Гуй-чжоу, Ху-нань, Цзянь-су и Цзянь-си нѣтъ вовсе никакихъ маньчжурскихъ войскъ. Предавшій нѣкогда во власть маньчжуръ все государство китайскій генераль Ву-сань-гуй былъ награжденъ тѣмъ, что его сдѣлали сатрапомъ провинціи Юнь-нань. Маньч-

журскія и другія войска изъ сѣверной части имперіи, которыя прибыли въ Юнь-нань съ упомянутымъ генераломъ, принесли съ собою и нарѣчіе сѣверянъ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что до сихъ поръ въ этой отдаленной провинціи слышится еще чистый говоръ пекинскаго нарѣчія. Послѣ окончательнаго водворенія маньчжурской власти при второмъ императорѣ этой династіи правительство отказалось вовсе отъ системы сатраповъ; на мѣсто послѣднихъ въ Кантонѣ, Фу-чжоу и Юнь-нань-фу были назначены вице-короли, а маньчжурскія войска были отозваны изъ всѣхъ провинцій, расположенныхъ къ югу отъ рѣки Янъ-цзы. Вообще никогда до того времени не господствовала въ Китаѣ такая однородная система во всемъ какъ въ военномъ, такъ и гражданскомъ отношеніяхъ, какъ въ первые годы востановленія Маньчжурской династіи.

Маньчжурскій генералъ, живущій въ Чэнъ-ту-фу (Ch'eng-tu-Fu) (извѣстномъ у Марко Поло подъ названіемъ Синь-динь-фу), занимаетъ исключительно важное положеніе, потому что онъ командуетъ не только знаменными, но и китайскими войсками, часто является въ роли вице-короля или же совмѣстно съ вице-королемъ имѣетъ общій контроль надъ иностранными дѣлами, включая сношенія съ Тибетомъ и аборигенами страны. Боевая способность этого генерала равна нулю.

Маньчжурскій генералъ въ провинціи Ху-бэй, живущій въ Цзинъ-чжоу (бывшемъ древней сто-

лицей около 2000 лѣтъ тому назадъ въ провинціи Чу — нынѣшней Хэ-нань), имѣетъ также важное значеніе, потому что является хозяиномъ въ такой мѣстности, которая въ стратегическомъ отношеніи играла выдающуюся роль во время сатрапскихъ войнъ; какъ видно изъ поверхностнаго взгляда на карту Китая, указанный пунктъ господствуетъ надъ выходомъ изъ гористыхъ мѣстъ западнаго Китая въ открытую равнину. Въ случаѣ иноземнаго нашествія боевыя силы этого генерала получаютъ назначеніе специально подготовленнаго резерва, который долженъ быть расположенъ въ Ши-шоу (Shih-shou), вблизи соединенія озера Дунъ-тинъ съ рѣкой Янъ-цзы.

Въ провинціи Шэнь-си есть также маньчжурскій генералъ, живущій въ Си-ань-фу, непмѣющийся, повидимому, никакого значенія, потому что о немъ упоминаютъ всегда наравнѣ съ его прочими людьми. Въ провинціи Гань-су маньчжурскій генералъ пользуется не малымъ вліяніемъ на всѣ дѣла, касающіяся Куку-нора.

Выше было упомянуто, что въ каждой провинціи имѣется свой генералъ, командующій расположенными въ ней войсками. Необходимо замѣтить, что въ провинціяхъ Шань-си, Шань-дунъ и Хэ-нань нѣтъ вовсе генераловъ и единоличнымъ начальникомъ является губернаторъ, который, не зная надъ собою и власти вице-короля, пользуется всѣми правами провинціального генерала въ отношеніи бригадировъ.

Провинціи Цзянь-си, Цзянь-су и Ань-хой также не имѣютъ генераловъ, но общій начальникъ этихъ провинцій, вице-король въ Нанкинѣ, со времени возстанія тайпинговъ имѣетъ при себѣ двухъ военныхъ помощниковъ въ лицѣ одного генерала для сухопутныхъ войскъ и одного добавочнаго генерала или адмирала, называемаго генераломъ „водныхъ войскъ“ для всей рѣки Янъ-цзы. Этотъ послѣдній всевластный генералъ касается не только провинцій Цзянь-си, Цзянь-су, но также и тѣхъ частей провинцій Ху-нань и Хэ-нань, которыя омываются рѣкою Янъ-цзы и далѣе вверхъ до И-чжоу-фу (Joh-chou Fu).

Прочія прибрежныя провинціи на югъ имѣютъ также своего „водяного“ генерала или адмирала, а также и сухопутнаго генерала. Впрочемъ, строгаго разграниченія между генералами и адмиралами не существуетъ, напримѣръ, „адмиралъ“ Динъ, начальникъ нынѣшней сѣверо-океанской эскадры, былъ раньше генераломъ въ Чжи-лійской провинціи, въ которой нѣтъ вовсе регулярной „рѣчной“ пѣхоты; поэтому всѣ эти вопросы въ отношеніи Китая имѣютъ чисто академическій характеръ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что современныя требованія заставляютъ, наконецъ, китайское правительство измѣнить пути своего развитія и вполне возможно, что чрезъ десять лѣтъ Китай подъ давленіемъ крайней необходимости преобразится, можетъ быть, съ такой же быстротой, какъ это случилось съ Японіей лѣтъ 20 тому назадъ. Но

тѣ войска, которыми Китай располагать пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, представляли собою не что иное какъ общій сбродъ людей, снабженныхъ мѣшечками риса, массой пестрыхъ флаговъ, зонтиками, вѣерами и, какъ лишней второстепенной обузой, заржавленными орудіями, пиками, тяжелыми мечами, случайно иногда и порядочными, хотя и устарѣлыми, ружьями и картечницами. Если только позволяло время и въ войскахъ имѣлись деньги, то нанимали кули, которые носили на себѣ мѣшки съ припасами и оружіе, а солдаты оставляли себѣ зонтики, вѣера, трубки для опиума и флаги; при необходимости солдаты, конечно, носили все сами.

Въ войскахъ никогда не имѣлось никакой организованной медицинской помощи, никакихъ даже перевязочныхъ средствъ, и если только воинъ не убѣжалъ съ поля битвы до начала перестрѣлки, то раненому, ему оставалось умереть или отлежаться въ ближайшемъ рву, забытымъ всѣми. Назначенное ему за службу жалованье являлось всегда крайне сомнительнымъ вознагражденіемъ, на которое, впрочемъ, китайскій солдатъ мало и надѣялся, разсчитывая главнымъ образомъ вознаграждать себя грабежомъ населенія, которое онъ былъ призванъ защищать. Будучи свободнымъ отъ похода, располагаясь на мѣстѣ въ караулѣ или на отдыхѣ, солдатъ предавался картежной игрѣ и погонѣ за ленинами. Никакой дисциплины въ войскахъ не существовало вовсе, а если солдатъ когда-нибудь позволилъ себѣ оскорбить офицера,

то ему очень просто рубили голову. Вообще же офицеры ко всему прочему относились очень легко, лишь бы только их подчиненные не были особенно любопытны въ отношеніи отчетовъ и были готовы, въ случаѣ появленіи врага, прикрыть собою бѣгство начальника.

Несмотря на всю эту грустную картину вооруженныхъ силъ Китая, эти войска подъ командой усердныхъ и способныхъ начальниковъ, какъ Цзо-цзунъ-танъ, завоевателя Кашгарин и Фыпъ-цзы-цай, и Лао-вэнь-бу (оба — бывшіе мятежники), „побѣдителей“ французовъ и другихъ дѣльных генераловъ, несмотря на затруднительныя обстоятельства, проявили все-таки отличныя боевыя качества; даже офицеры старой школы показали не мало стратегическихъ и тактическихъ способностей. Въ смыслѣ всякихъ изворотовъ и военныхъ хитростей китайцы всегда очень искусны; точно также они по природѣ своей отличные воины, какъ и славутъ хорошими поварами и ловкими купцами. Но до сего времени китайцы никогда не имѣли успѣха въ войнѣ; офицеры же всегда, въ общей массѣ, были круглые невѣжды, являясь по своей подготовкѣ простыми рядовыми, разыгрывающими лишь роль офицеровъ и „джентльменовъ“, способными въ лучшемъ случаѣ проявить лишь физическую силу или простую храбрость. Подвергаясь при этомъ нѣкоторому презрѣнію со стороны надменныхъ гражданскихъ чиновниковъ, офицеры никогда и сами не относились къ себѣ

съ лостаточнымъ уваженіемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда появились европейцы, поразившіе ихъ новыми понятіями и новыми взглядами, погнавшіе китайскія войска при первомъ столкновеніи какъ стадо барановъ. Съ другой стороны представляется вполне естественнымъ пренебрежительное отношеніе населенія къ офицерамъ, невѣжество которыхъ было сначала просто забавно, пока оно не приносило съ собою замѣтныхъ результатовъ, по стало внушать понятное чувство презрѣнія, когда это невѣжество стало приводить къ пораженіямъ, не оставляя и надежды когда-нибудь отомстить за себя.

Весьма забавной и поучительной является поэтому картина послѣдней японско-китайской войны въ 1894—1895 годахъ, когда китайцы показали себя таними жалкими трусами передъ смѣлыми маленькими японцами: „псему причиною лишь невѣжество, одно невѣжество, сэръ“, говорили мнѣ китайцы ¹⁾.

---

¹⁾ А мнѣ высказывали китайскіе мандарины изъ Сань-синѣ и Бодунэ, что японцамъ помогаютъ „черные люди (!), которые въ несмѣтномъ числѣ высаживаются на южномъ побережьи Китая“... Вообще отнюдь нельзя сказать, что это „невѣжество“ является въ Китаѣ достояніемъ лишь офицеровъ: мнѣ приходилось убѣждаться, что многіе высокопоставленные мандарины, стоящіе высоко по іерархической лѣстницѣ, стояли во всѣхъ отношеніяхъ не выше невѣжественныхъ офицеровъ, напротивъ: одинъ помощникъ фулутуна увѣрялъ меня, что есть гдѣ-то государство, гдѣ люди съ собачьими головами, — „правда, очень маленькое государство, о которомъ въ книгахъ не упоминаютъ“, утѣ-

Путешествуя часто по многимъ провинціямъ Китая, я всюду наводилъ вѣрныхъ и преданныхъ проводниковъ, готовыхъ постоять за меня въ минуту опасности. Я бы не противился поэтому выступить противъ европейскихъ войскъ во главѣ китайскаго отряда, лишь бы онъ былъ надлежащимъ образомъ вооруженъ и снабженъ всѣмъ подъ моимъ собственнымъ наблюденіемъ. Китайцамъ, правда, недостаетъ воинственныхъ наклонностей въ томъ смыслѣ, что они не любятъ сходить для удара потѣхи ради, но въ то же время китайцы не боятся смерти и питаютъ всегда чувство благодарности и симпатіи къ храбрымъ и безкорыстнымъ своимъ вождямъ, въ родѣ, напримѣръ, Гордона.

Все вышеизложенное заставляетъ меня ратовать за бѣдныхъ китайцевъ и утверждать, что они заключаютъ въ себѣ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться хорошими солдатами.

шалъ меня бюрократъ, олицетворявшій собою хозяина въ провинціи равной, пожалуй, по пространству всей Греціи. Многие другіе чиновники, привѣтствуя меня какъ officialнаго представителя сосѣдняго государства, спрашивали меня, изъ какой страны я пріѣхалъ (рѣчь идетъ о моей поездкѣ начальникомъ экспедиціи по Сунгари въ 1895 году), изъ Англіи ли, Франціи ли? А про сосѣднюю Россію эти чиновники, повидимому, и не слышали никогда..

Примѣч. Перев.

ГЛАВА XIV.

Характеристическія черты маньчжуръ и китайцевъ.

Въ настоящее время, когда взоры всего міра, благодаря событіямъ послѣднихъ лѣтъ, обращены въ сторону Китая, представляется особенная необходимость удѣлить достаточное вниманіе вопросу о характеристическихъ чертахъ маньчжуръ и китайцевъ.

Хотя этому предмету посвящены были труды многочисленныхъ авторовъ, тѣмъ не менѣе никому изъ нихъ не удалось осилить этотъ вопросъ съ такой обстоятельностью, какъ это достигнуто было Артуромъ Смитомъ въ его книгѣ „характеристика китайцевъ“. Для подобной задачи требуется совершенно исключительное дарованіе: многимъ изъ насъ этотъ предметъ одинаково доступенъ наблюденію, но не многіе обладаютъ въ достаточной мѣрѣ необходимой наблюдательностью и умѣньемъ уловить тонкіе оттѣнки характера и все это изложить ясно и толково въ такой мѣрѣ, какъ это

удалось упомянутому сейчас неподражаемому автору. Самъ вспоминаю съ горделивынъ чувствомъ весьма лестный для меня фактъ, что когда появились первые листы, тогда анонимнаго, труда и. Смита, то многіе обращались ко мнѣ съ вопросомъ,—не я ли авторъ этой характеристики кн-тайцевъ; такъ высоко цѣню этотъ трудъ, что считаю для себя весьма лестнымъ одно предположеніе, что я могъ быть авторомъ этой цѣнной работы.

При всемъ томъ я долженъ сознаться, что изъ труда м. Смита мнѣ извѣстны только первые анонимные листы, на которыхъ не было даже и подписи автора ¹⁾. Поэтому приводимыя ниже сужденія о характерѣ маньчжуръ и китайцевъ выражаютъ собою не хоаячія мнѣнія европейцевъ, вообще, а представляютъ собою мой личный взглядъ по этому вопросу, вынесенный изъ продолжительной жизни, проведенной среди китайцевъ почти во всѣхъ частяхъ Китая

Маньчжуры значительно отличаются отъ кн-тайцевъ въ отношеніи своихъ характеристическихъ чертъ; но я могу говорить лишь о тѣхъ маньчжурахъ, которыхъ я самъ встрѣчалъ въ Пенинѣ, Кантонѣ, Фу-чжоу, Нанкинѣ, Ханъ-чжоу и Чжэнь-цзянѣ; въ самой же Маньчжуріи мнѣ побывать не

---

¹⁾ Все это виѣстѣ представляетъ собою прекрасный образчикъ англійскаго джентльменства, надо полагать, очень тонкаго свойства

пришлось. Почти вездѣ въ указанныхъ сейчасъ пунктахъ маньчжуры встрѣчаются въ видѣ знаменныхъ войскъ, за исключеніемъ лишь Пекина, гдѣ маньчжуры и китайцы до такой степени перемѣшаны между собою и похожи другъ на друга, что лишь опытный глазъ можетъ по внѣшнему виду отличить маньчжура отъ китайца ¹⁾. Вообще же повсемѣстно въ Китаѣ маньчжуры, какъ сказано, разсѣяны въ видѣ воинскихъ конандъ; это привилегированная каста солдатъ, живущихъ вмѣстѣ со своими семьями въ особыхъ казармахъ-квартирахъ среди населенія, говорящаго совершенно инымъ языкомъ, за исключеніемъ лишь Нанкина и Чжэнь-цзяна. Жизнь маньчжуръ въ этихъ городахъ является до нѣкоторой степени отчужденной отъ прочаго населенія и носить на себѣ всегда отпечатокъ надменности, обусловливаемой окружающей обстановкой, — подобно тому, какъ это бываетъ съ прусскими гарнизонами, расположенными въ Шлезвигѣ, или съ русскими гарнизонами, квартирующими въ Польшѣ (?), которые, будучи вполне дисциплинированными и корректными, невольно напускаютъ на себя надменный видъ побѣдителей.

Преобладающей чертой характера этихъ мань-

---

¹⁾ Это односторонне справедливо и относительно самой Маньчжурии, въ которой китайцы сумѣли претворить въ себя аборигеновъ страны въ такой мѣрѣ, что трудно, при поверхностномъ взглядѣ, отличить маньчжура отъ китайца.

Примѣч. Парра.

чжуръ, является смѣшеніе лѣни и гордости; но тамъ, гдѣ они приходятъ въ соприкосновеніе съ европейцами, какъ ученики въ отношеніи учителей, какъ, напримѣръ, въ училищахъ, на учебномъ плацу, въ мастерскихъ и проч., маньчжуры вездѣ оказываются болѣе скромными и болѣе интеллигентными, чѣмъ китайцы. Большинство маньчжурскихъ мандариновъ изъ тѣхъ, которые мнѣ приходилось встрѣчать въ провинціи (всѣ они были большей частью изъ Пекина), отличалось всегда веселымъ нравомъ, беззаботностью, нѣкоторымъ легкомысліемъ, умѣніемъ притворяться къ обстоятельствамъ; но въ то же время среди маньчжуръ сказывается недостатокъ разсудительности и дальновидности, сравнительно съ китайцами, которымъ уступаютъ также въ отношеніи дѣловитости и умѣнія отнестись къ порученному дѣлу съ достаточной сосредоточенностью, предварительной подготовкой и освѣдомленностью.

Живущіе въ Пекинѣ маньчжурскіе князья отличаются всегда напыщенной важностью, напуская на себя въ то же время сердитый, злобный тонъ въ обращеніи съ другими. Все это совершенно понятно въ лицѣ потомковъ первыхъ мужественныхъ императоровъ Маньчжурской династии: они сознаютъ и чувствуютъ, что являются *de jure* наследниками того ореола и почета, которыми были окружены эти императоры, тогда какъ *de facto* пользуются лишь жалкими остатками нѣхъ престола.

Какъ всё, вообще, сѣверяне маньчжуръ проявляютъ большую склонность къ пьянству; и въ этомъ отношеніи они также отличаются отъ китайцевъ, хотя должны быть поставлены въ смыслѣ воздержанности выше простыхъ монголовъ. Весьма часто, даже при официальном визитѣ, мапчжурскій мандаринъ считаетъ возможнымъ принять у себя или явиться къ другимъ, будучи под хмелькомъ, выказывая себя въ такихъ случаяхъ всегда хвастливымъ и спесивымъ.

Что касается мужества и храбрости, то трудно сказать, насколько въ этомъ отношеніи маньчжуръ отличаются отъ китайцевъ: если допустить, что для того, чтобы рѣшиться на самоубійство предпочтительно предъ длительнымъ страданіемъ, требуется много храбрости, то можно, пожалуй, и китайцевъ, и маньчжуръ признать одинаково храбрыми; если, съ другой стороны, признать за трусость бѣгство съ поля сраженія, хотя бы изъ-подъ начальства лицъ, къ которымъ не питаешь ни уваженія, ни довѣрія, то слѣдуетъ одинаково признать трусливыми какъ китайцевъ, такъ и маньчжуръ. Но по моему глубокому убѣжденію храбрость представляется качествомъ смѣшаннымъ, зависящимъ въ значительной степени отъ характера господствующихъ въ данной средѣ взглядовъ и идей, отъ окружающихъ вѣшнихъ обстоятельствъ, случайно сложившейся обстановки и т. п.

Выше приведена была въ общихъ чертахъ поверхностная характеристика, касающаяся лишь

тѣхъ маньчжуръ, которые живутъ въ Маньчжуріи, такъ какъ объ этой послѣдней я ничего не могу сказать. Мы видѣли, что черты характера маньчжуръ и нитайцевъ до нѣкоторой степени сходны между собою. Меня, однако, могутъ упрекнуть, что при такомъ поверхностномъ взглядѣ можно допустить, пожалуй, что такимъ же образомъ и пекинскій китаецъ мало чѣмъ отличается отъ сѣвернаго китайца, сѣверянинъ отъ жителя центральныхъ провинцій, этотъ послѣдній отъ южанина и т. д., а затѣмъ не трудно было бы указать и на нѣкоторыя общія черты, которыя мы подобнымъ же образомъ можемъ отыскать одинаково и среди различныхъ національностей Европы, такъ что въ концѣ концовъ получится расплывчатая характеристика безъ всякихъ опредѣленныхъ чертъ. Конечно, весь вопросъ въ этомъ отношеніи сводится, такъ сказать, къ тонкости анализа характера, но съ другой стороны, если вдаваться въ мелочи, пришлось бы останавливаться на характеристикѣ книтайцевъ, живущихъ даже въ двухъ рядомъ расположенныхъ селеніяхъ, потому что въ Китаѣ часто одно селеніе не похоже на другое по характеру своихъ обитателей. Вотъ почему полагаемъ болѣе соотвѣтствующимъ избрать золотую середину, игнорируя вовсе мелкіе оттѣнки характера, для того, чтобы представить въ болѣе рельефномъ видѣ тѣ выдающіяся черты книтайцевъ, которыми они, главнымъ образомъ, отличаются отъ насъ, европейцевъ.

Раньше всего необходимо указать на то, что, въ общей массѣ, китайцы отнюдь не задаютъ себѣ труда отличить однихъ европейцевъ отъ другихъ: они не отличаютъ еврея отъ христіанина, не принимая во вниманіе разницу во внѣшнемъ видѣ или особенности употребляемой пищи; точно также имъ нѣтъ дѣла до живости темперамента представителя латинской расы или тяжеловѣсности тевтона, до подвижности русскаго или внѣшняго лоска американца и т. п. Китайцы всѣхъ, вообще, европейцевъ сваливаютъ въ одну общую кучу „янъ-гуй-цза“—„заморскихъ чертей“ или „варваровъ“, которые пришли съ запада, носятъ туго обтянутое платье вмѣсто широкой свободной *курмы*, вмѣсто косы носятъ густые косматые волосы, имѣютъ длинные носы и глубоко сидящіе глаза, ѣдятъ говядину, баранину и другую грубую пищу вмѣсто риса и кусочка свинины или рыбы,—вслѣдствіе чего отличаются, между прочимъ, специфическимъ запахомъ,—присвоиваютъ себѣ кичливое, сварливое отхошеніе къ другимъ народностямъ, а въ то же время украдкой поглядываютъ на женщинъ, хотя бы и туземныхъ, проявляютъ наклонность къ пьянству, готовы постоянно прибѣгнуть къ насильственнымъ дѣйствіямъ при первомъ недоразумѣніи и т. п.

Точно также и въ отношеніи самихъ себя китайцы не отдають себѣ яснаго отчета въ различныхъ подробностяхъ и оттѣнкахъ характера, присущихъ жителямъ различныхъ провинцій: кан-

тоицеъ, напримѣръ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ будетъ воскуривать свой еиміамъ у дверей своего дома, каждодневно, въ 7 часовъ вечера, тогда какъ пекинецъ довольствуется возиошеніемъ простого благословеніи предъ гробомъ своей бабушки. Можно было бы указать множество примѣровъ подобнаго различіи взглядовъ, остающихся во всей неприкосновенности въ силу разъ установившихся преданій и вслѣдствіе отсутствія всякаго проблеска критическаго къ нимъ отношенія: китайцамъ иѣтъ дѣла, что отличающій ихъ важнѣйшій виѣшній признакъ—иошеніе косы былъ введенъ лишь 250 лѣтъ тому назадъ маньчжурами, и многое т. п.

Но съ другой стороны и европейцамъ Китай со всѣмъ его населеніемъ представляется часто не въ надлежащемъ его видѣ: европейцы видятъ передъ собою только страну значительно превосходящую Европу, съ населеніемъ въ 400 милліоновъ человекъ, населеніиую отличимъ отъ европейцевъ однообразнымъ народомъ, о которомъ они судятъ только по его виѣшнимъ признакамъ: всѣ носятъ косы, желтолицы, женщины съ маленькими ножками, рѣдко показывающіяся за дверьми своего дома; полуголые ребятишки толпятся на улицахъ, не упуская случая выкликать оскорбительныя ругательства по адресу европейцевъ; отмѣчается страанный, съ точки зрѣнія европейца, обычай китайцевъ сидѣть на корточкахъ на полу вмѣсто того, чтобы пользоваться стульями, упо-

требленіе *кхайзъ* ¹⁾ при ѣдѣ вѣсто ножей и вилокъ, привычка постоянно почесывать свое тѣло, дурной запахъ изо рта и обиліе нечистыхъ настькомыхъ на тѣлѣ,—указывается на склонность китайцевъ ко лжи всегда, во всякое время, нужна ли имъ или не нужна эта ложь, указывается на нечистоплотность китайцевъ и безразличное ихъ отношеніе къ чистотѣ окружающаго воздуха; европейцамъ кажется страннымъ и костюмъ китайскій—широкія шаровары, мѣшковатая *курма* и бумажная обувь, — удивляетъ умѣнье китайцевъ извлекать торговыя выгоды изъ всего, ихъ наклонность къ воровству ²⁾, куренію опиума и т. п.

Все это въ глазахъ европейцевъ изображаетъ характеръ китайцевъ въ совершенно своеобразномъ и не всегда вѣрномъ видѣ. Посмотримъ, насколько этотъ воображаемый характеръ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

1) *Наклонность ко лжи.* Китайца, вообще говоря, всѣ считаютъ лгуномъ; такъ оно, пожалуй, есть и на самомъ дѣлѣ. Но послѣ тѣснаго знакомства съ китайцами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ

---

¹⁾ *Кхайзы* деревянныя палочки, которыми китайцы пользуются при ѣдѣ вѣсто ножей и вилокъ.

Примѣч. Перев.

²⁾ Мы лично приходилось и жить среди китайцевъ и приходитъ съ ними, вообще, въ близкое соприкосновеніе, и долженъ сказать, что склонность китайцевъ къ воровству встрѣчается, во всякомъ случаѣ, не чаще, чѣмъ и среди европейскихъ народовъ.

Примѣч. Перев.

я влично всегда легко извлекалъ правду изъ того, что мнѣ приходилось заимствовать изъ китайскихъ источниковъ, будь это при сношеніяхъ съ простымъ торговцемъ или съ мандариномъ. Мало того, я всегда относился съ полнымъ довѣріемъ къ моимъ слугамъ-китайцамъ, несмотря на то, что и они всегда не прочь были солгать при случаѣ. Все это въ порядкѣ вещей, европейцы и сами не прочь признать въ различныхъ областяхъ своей жизнедѣятельности: иной лжетъ въ своей семейной жизни, другой—въ обществѣ, въ своемъ клубѣ, третій—въ разсказахъ и т. д. Вся разница въ побудительныхъ причинахъ и мотивахъ лжи: китайцы прибѣгаютъ ко лжи для достиженія какихъ-нибудь денежныхъ выгодъ, чтобы отвратить отъ себя какія-нибудь затрудненія, скрыть какую-нибудь небрежность, вышутить иностранца, непріятеля и т. п.; европейцы съ такимъ же успѣхомъ пользуются ложью, когда имъ нужно поддержать условныя понятія о чести и добродѣтели, сохранить какія-нибудь добрыя отношенія и т. п. Правда, уклоняясь въ такихъ случаяхъ отъ истины, европейцы всегда держатся чувства мѣры: они инстинктивно привираютъ столько, сколько требуется для каждаго даннаго случая; поэтому эта ложь не такъ чувствуется другими, тѣмъ болѣе, что она одинаково присуща всѣмъ; иное дѣло когда рѣчь идетъ о злополучныхъ китайцахъ: ихъ ложь поражаетъ насъ своей безцѣльностью на нашъ взглядъ, поэтому европейцы считаютъ китайцевъ преимуще-

ственно падшими ко лжи; но китайцы такии же образомъ считаютъ и европейцевъ не чуждыми этой слабости. Итакъ, вся эта репутація кнйайцевъ, признаваемыхъ поголовно лгунами, сводится собственно къ тому, что они съ большей безцеремонностью и иеньшимъ умъньемъ обходятся съ правдой по сравненію съ европейцами. Зато кнйайцы, съ другой стороны, не такъ лицемерны, какъ европейцы.

2) *Наклонность къ воровству.* Въ Китаѣ въ большомъ ходу особая система въ отношеніи мелкихъ расплатъ, заключающаяся въ томъ, что пишешь карандашомъ на лоскуткѣ бумаги ту мелкую сумму, которая подлежитъ вылачѣ; по этимъ запискамъ производится уплата разъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ является возможность не имѣть вовсе никакихъ карманныхъ денегъ и не вводить въ искушеніе карманныхъ воровъ, такъ что о возможности встрѣтить среди кнйайцевъ карманныхъ воровъ ничего не могу сказать.

Живя въ Китаѣ, я лично запералъ лишь тѣ помѣщенія, въ которыхъ хранились деньги и цѣнные бумаги; въ особенности я никогда не запералъ отъ прислуги вино и сигары. И при всемъ томъ долженъ признать, что за исключеніемъ единственнаго случая, когда во время ночлега въ гостинницѣ воръ ухитрился вытащить изъ-подъ меня (!) цѣнное мѣховое пальто, во все время моей продолжительной жизни въ Китаѣ я не только никогда не подвергался грабежу, но даже у меня

никогда ничего не украли. Правда, много разъ, повидимому, воры угрожали мнѣ насильственнымъ грабежомъ, но я каждый разъ спасался какой-нибудь хитростью, пуская въ воровъ подсвѣчникъ или выстрѣлъ изъ стараго пистолета; притомъ же эти воры всегда были, вѣроятно, изъ числа представленныхъ ко мнѣ китайскихъ полицейскихъ или караульчиковъ.

Тотъ фактъ, что при жизни въ Китаѣ я лично не замѣчалъ около себя воровства, тѣмъ болѣе достоинъ вниманія, что я обыкновенно держалъ при себѣ не менѣе 10 — 12 человекъ китайской прислуги. Конечно, случались иногда мелкія пропажи, но я никогда не придавалъ имъ преувеличеннаго значенія. Извѣстная предосторожность необходима, конечно, одинаково въ Китаѣ, какъ и вездѣ: если положить соблазнительныя вещи въ мѣстахъ вполне доступныхъ вору, то этимъ не трудно ввести въ искушеніе людей не только въ Китаѣ, но и хотя бы въ Норвегіи, гдѣ честность, какъ извѣстно, граничитъ съ наивностью. Лично я не мало владѣлъ подобными соблазнительными для воровъ вещами, но держалъ эти драгоценности всегда съ вѣдома прислуги въ надлежашемъ мѣстѣ, и никогда ничего не пропадало. Невольно вспоминаю бывшій со мною случай: когда я хотѣлъ запереть на ключъ электрическій ящикъ съ элементами, то мой слуга-китаецъ предупредилъ меня, говоря, что воры должны сами видѣть, что это предметъ не стоящій воровства, а если запрете,

то подумаютъ, что таиъ внутри серебро или драгоценности, и тогда унесутъ ящикъ совсѣмъ или сломаютъ.

3) *Китайская чистота и опрятность.* Европейцы имѣютъ обыкновеніе считать китайцевъ грязными и нечистоплотными. Это я со своей стороны совершенно отрицаю, или—полагаю болѣе умѣстнымъ указать на относительный характеръ этой нечистоплотности китайцевъ.

Въ теплой полость Китая не замѣчается вовсе среди населенія особой неопрятности въ одеждѣ и во всемъ обиходѣ домашней жизни, сравнительно съ тѣми же классами населенія въ другихъ странахъ, хотя бы и въ Англіи. Въ холодныхъ провинціяхъ, гдѣ топливо дорого и имѣется въ недостаточномъ количествѣ, жители спасаются обыкновенно отъ холода зимою тѣмъ, что надѣваются на себя много различнаго платья, одно на другое, и рѣдко иѣняютъ его. Въ Монголіи я самъ вынужденъ былъ усвоить отчасти этотъ мѣстный обычай: безсмысленно носилъ на себѣ много различнаго платья и цѣлыми мѣсяцами не мылся, исключая лишь рукъ; если при этомъ я не былъ атакованъ массой неприятныхъ насѣкомыхъ, которыя неминуемо заводятся въ платьѣ, то это просто счастливый для меня, исключительный случай; всѣ же окружавшіе меня, какъ европейцы, такъ и китайцы, по мѣстному выраженію, просто „обросли“ этими насѣкомыми. Тѣмъ не менѣе было, однако, слишкомъ холодно, чтобы разстаться на долгое время со своимъ теп-

лымъ платьемъ; поэтому, вмѣсто того, чтобы рѣшиться на обмываніе тѣла, многіе изъ моихъ спутниковъ предпочитали, подобно обезьянамъ, заниматься охотой на этихъ насѣкомыхъ.

Въ южномъ Китаѣ рабочіе люди обыкновенно протираютъ свое тѣло мокрой тряпкой, не снимая при этомъ исподняго платья; то же самое мы нерѣдко замѣчаемъ среди рабочихъ классовъ и во многихъ европейскихъ государствахъ. Въ то же время нерѣдко встрѣчаются китайскіе рабочіе и въ южномъ Китаѣ—и мужчины и женщины, имѣющіе обыкновеніе мыть тѣло какъ слѣдуетъ каждый день. Помимо мытья необходимо указать на тотъ фактъ, что пищевые продукты у китайцевъ не отличаются такой остротой и интенсивностью вкусовыхъ качествъ, какъ пища европейцевъ ¹⁾, поэтому если и считать ихъ „грязными“, то они во всякомъ случаѣ вовсе не такъ грязны и нечистоплотны, какъ это принято думать, по крайней мѣрѣ они ничуть не грязнѣе самихъ европейцевъ.

Нечистоплотность китайцевъ является скорѣй условной, чѣмъ она такова на самомъ дѣлѣ; напримеръ, мои слуги-китайцы могли иногда при случаѣ вытирать тарелку рукавомъ или полою своей грязной курмы, собственнымъ ртомъ продувать

¹⁾ Трудно въ этомъ вопросѣ согласиться съ авторомъ: достаточно указать на черемшу (полевой чеснокъ), которую китайцы очень любятъ и которая придаетъ китайцамъ острый специфическій запахъ, дающій себя знать на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

горлышно чайника, изъ котораго тутъ же подають чай, или глотнуть оттуда чай прежде, чѣмъ налить мнѣ, вытереть носъ свой рунавомъ или полой шелковой куриы, помыть лицо и руни и вмѣсто полотенца воспользоваться полой куриы, штанами или нижниимъ бѣльемъ, проводить безконечные часы въ погонѣ за ползучими насѣкомыми въ своемъ платьѣ (это, вообще, любимое времяпрепровожденіе китайца) и т. п.

При всемъ томъ трудно сказать, что грязь и нечистоплотность присущи китайскимъ бѣднякамъ болѣе, чѣмъ бѣднымъ классамъ населенія въ какой бы то ни было другой странѣ въ мірѣ. Принятая на Дальнемъ Востокѣ поговорка, что „японцы предпочитаютъ мыть тѣло, а китайцы свое платье“ ¹⁾, вполне вѣрно выражаетъ собою условность понятія о чистотѣ и опрятности у различныхъ народовъ; напримѣръ, вездѣ и всюду въ западныхъ государствахъ Европы соблюдается такая изысканная чистота въ отношеніи столонаго бѣлья, которой не встрѣтить въ Англіи; но съ другой стороны въ этой послѣдней обращается исключительно

---

¹⁾ Считаю необходимымъ отмѣтить одну особенность, присущую китайцамъ (и японцамъ, между прочимъ) и упущенную авторомъ: это заботливость въ отношеніи прически; какъ бы грязно и бѣдно ни была одѣта китайка (я японка), прическа у нея всегда прилизана и въ порядкѣ даже во время полевыхъ работъ мнѣ приходилось видѣть китайконъ одѣтыхъ въ грязныхъ отрепьяхъ, но прическа была всегда въ безукоризненномъ порядкѣ.

ное вниманіе на чистоту оконныхъ занавѣсей. Точно также, едва ли во всемъ мірѣ найдется еще страна, въ которой рабочіе классы одѣвались бы такъ грязно, какъ въ Англіи, но въ то же время въ домашней обстановкѣ этихъ грязныхъ рабочихъ видны такая изысканная чистота и опрятность, какъ нигдѣ.

4) *Неблагодарность китайцевъ*. Говорятъ про китайцевъ, что они народъ неблагодарный. Это совершенно невѣрно: мнѣ приходилось убѣждаться неоднократно въ чрезвычайной вѣрности и привязчивости китайскихъ „боевъ“, если обходиться съ ними сносно и удѣлить имъ хотя бы нѣкоторую долю вниманія и симпатіи; и эта вѣрность китайской прислуги къ своему хозяину проявляется безразлично — будь этотъ хозяинъ иностранецъ или китаецъ.

Ничто не производитъ на китайца такое глубокое впечатлѣніе, какъ безпристрастное и справедливое къ нему отношеніе. Китаецъ весьма доволенъ, если ему удастся получить хотя бы причитающееся ему жалованье безъ придуманныхъ вычетовъ разнаго рода, если ему не приходится подвергнуться какимъ-нибудь исключительнымъ законамъ, вызваннымъ возстаніемъ и проч. Когда китайцы приходятъ въ соприкосновеніе съ англичанами, то ихъ раньше всего поражаетъ холодный расчетъ и математическая точность англичанъ въ ихъ дѣловыхъ сношеніяхъ. Но если при этомъ, въ добавокъ къ холодной справедливости и безпри-

страстному отношенію, китайцы встрѣчаютъ еще хотя бы нѣкоторую долю сердечности и внимательности, то ихъ благодарности нѣтъ конца: достаточно оказать китайцу, напримѣръ, даровую медицинскую помощь, подарить гробъ его матери и пр., чтобы этими знаками вниманія вызвать съ его стороны чувства глубокой благодарности. Миѣ неоднократно приходилось видѣть плутоватыхъ и продувныхъ китайцевъ, которые плакали какъ дѣти, разставаясь со своимъ хозяиномъ, и чѣмъ болѣе безчувственнымъ онъ казался, тѣмъ болѣе они плакали (!).

Даже чиновники китайскіе, пользующіеся наихудшей репутаціей, проявляютъ нерѣдко безочинную благодарность къ своимъ друзьямъ. Миѣ пришлось однажды быть причиной отставки одного посредственного мандарина, занимавшаго, однако, очень высокое положеніе,—вызванной его лихоимствомъ и взяточничествомъ; чувствуя нѣкоторое соболѣзнованіе цъ этому маидарину, я нослалъ ему въ подарокъ великолѣпный, но бесполезный для него серебряный столовый приборъ, уложенный въ ящикъ, который я самъ никогда не открывалъ, такъ какъ онъ все время былъ со мною въ дорогѣ. Получивъ ящикъ, мандаринъ, повидимому, тоже не открылъ его, предполагая, вѣроятно, что тутъ скрывается какая-нибудь злая шутка съ моей стороны; нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ возвращенія этого мандарина къ себѣ на родину я получилъ отъ него въ высшей степени трогательное

письмо, въ которомъ не было никакихъ намековъ на какіе бы то ни было вопросы общественнаго характера; при письмѣ приложены были картины, писанныя масляными красками, очевидно имъ самимъ исполненныя съ большимъ трудомъ и прилежаніемъ...

Въ другой разъ я однажды обратился съ просьбой къ высокопоставленному мандарину, чтобы онъ написалъ ному слѣдуетъ про одно дѣло, въ которомъ мы оба — этотъ мандаринъ вмѣстѣ со мною — оказались обманутыми. На это мандаринъ возразилъ мнѣ такъ: „не могу этого сдѣлать: хотя этотъ господинъ поступилъ очень скверно, но онъ въ то время считался моимъ другомъ, точно также какъ въ настоящее время я считаю васъ моимъ другомъ, и я не могу писать что-нибудь противъ него, какъ и не позволю сообщить ему что-нибудь о выраженномъ вами сейчасъ желаніи“.

Словомъ, по многимъ фактамъ я долженъ признать, что какъ въ отношеніи благодарности, такъ и чувства порядочности, китайцы остаются вполне вѣрными своимъ друзьямъ. Не могу припомнить ни одного случая, при которомъ я имѣлъ бы право упрекнуть китайца въ отношеніи себя въ неблагодарности, къ сожалѣнію не могу сказать того же самаго въ отношеніи моихъ собственныхъ товарищей и соотечественниковъ.

5) *Възлживость* китайскую принято почему-то ташке вышучивать. Между тѣмъ въ сношеніяхъ съ другими китайцы обыкновенно не такъ изви-

ваются въ деликатностяхъ, какъ японцы прежней закваски, хотя своей церемонностью значительно превосходятъ французовъ. Но необходимо имѣть въ виду, что, вообще говоря, лишь очень немногимъ людямъ вполне свойственно прирожденное чувство деликатности въ ея совершенно безыскусственной формѣ; для большинства же людей условная, формальная, такъ сказать, вѣжливость необходима въ такой же мѣрѣ, какъ, наиримѣръ, необходимы были Божественныя заповѣди, чтобы внушить людямъ чувство и познаніе правовыхъ отношеній и законность своихъ поступковъ какъ въ отношеніи самого себя, такъ и къ другимъ; безъ этихъ заветовъ права и справедливости, многіе, можетъ быть, блуждали бы въ поискахъ руководящихъ критеріумовъ для распознаванія добра и зла.

Исходя изъ этого положенія, можемъ сказать, что пусть вѣжливость и церемонность китайцевъ безсодержательны и пусты, но онѣ вполне достигаютъ иѣли: такъ какъ законы вѣжливости установлены незыблемо, то они крѣпко держатъ людей всегда въ извѣстныхъ предѣлахъ приличій, освобождая ихъ въ то же время отъ необходимости задумываться надъ тѣмъ, что прилично и что неприлично.

Да и, въ сущности, церемонныя улыбки китайцевъ не болѣе пусты и не менѣе искренни, чѣмъ „кошачья ласкательность“, которая такъ въ ходу у европейцевъ. Зато въ Китаѣ совершенно неизвѣстны жесткая чопорность и холодность отношеній, присущія англичанамъ.

Необходимо еще указать на привлекательную черту характера китайцевъ, которые никогда не стыдятся своихъ родственниковъ или друзей, стоящихъ почему-нибудь на низшихъ ступеняхъ общественного положенія; мы видимъ въ Китаѣ совершенно естественное отношеніе между всѣми классами населенія, которое для англичанина является даже совершенно непонятнымъ.

Въ своемъ отношеніи къ другимъ китайцы совершенно чужды надутой важности и самомнѣнія англичанъ. Таковы эти отношенія въ дѣйствительности; но что касается разговорнаго языка, то китайцы на словахъ часто предаются грубой кичливой рѣчи, не стѣсняясь прилагательныхъ выраженій, не уступая въ этомъ отношеніи низшимъ слоямъ англичанъ.

Изъ приведенной выше характеристики китайской вѣжливости не трудно прійти къ такому заключенію, что китайцы, можетъ быть, не столько симпатичны и уступаютъ европейцамъ въ мягкости души и сердца, но въ то же время несомнѣнно превосходятъ ихъ въ отношеніи вѣжливости характера и живости темперамента.

б) *Жестокость* составляетъ, повидимому, характерную черту китайцевъ. Такое заключеніе приходится дѣлать раньше всего изъ того факта, что китайцы обходятся довольно жестоко со всѣми домашними животными, иногда даже безъ всякой надобности; если кто-нибудь выказываетъ хотя бы элементарные признаки состраданія къ животнымъ,

то объ этомъ говорятъ и кричатъ безъ конца; напротивъ, какія жестокости ни творилъ бы, на-примѣръ, ребенокъ надъ животными, китайцу въ голову не придетъ остановить его.

Проповѣдь буддизма, несомнѣнно, внесла смягченіе въ видимомъ жестокосердіи китайцевъ. Появились даже различныя общества „предотвращенія убійства“ животныхъ, оказанія имъ покровительства и проч. Нѣкоторыя народности среди населенія Китая, въ особенности монголы, проявляютъ весьма много заботливости въ отношеніи животныхъ и подъ влияніемъ заветовъ Будды остерегаются убить малѣйшее животное или наско-мое ¹⁾. Но всѣ эти движенія сердца тонуть въ общемъ морѣ жестокостей и безчувственности, присущихъ китайцамъ.

Одной изъ причинъ отсутствія у китайцевъ сколько-нибудь нѣжныхъ чувствъ, движеній сердца, должно признать крайне слабо развитую потребность къ комфорту, притонъ настолько, что лишенія и неудобства даже въ отношеніи самого себя

---

¹⁾ Правовѣрный послѣдователь Будды долженъ избѣгать даже быстрыхъ движеній рукой по воздуху изъ опасенія убить какъ-нибудь невидимыхъ простымъ глазами инфузорій и бактерій, носящихся въ воздухѣ. Вообще, обереганіе животныхъ возводится буддистами въ религиозный культъ, который, впрочемъ, глубоко виѣдрился и въ жизни китайцевъ: изъ трѣхъ китайскихъ слугъ, жившихъ у меня въ разное время, всѣ они оказались „вегетаріанцами“, вѣрнѣе сказать—питались однимъ рисомъ, отказываясь отъ мяса, „убойны“ въ какомъ бы то ни было видѣ.

уже до нѣкоторой степени граничатъ съ жестокостью. Если мы сплошь и рядомъ видимъ обыкновенныхъ китайцевъ, живущихъ у водосточной трубы или въ свиномъ хлѣвѣ, какъ, впрочемъ, мы и самому приходилось жить во время путешествій въ китайскихъ гостиницахъ,—если они питаются грубой пищей, спятъ на грязномъ сыромъ полу и владѣютъ имуществомъ, не превышающимъ въ сложности какихъ-нибудь пять шиллинговъ, то—въ какомъ же видѣ должна послѣ того предстать жизнь, напримѣръ, арестантовъ въ тюрьмѣ, чтобы обстановку этой жизни можно было признать жестокой и преступной?

Необходимо, однако, признать, что помимо всего китайцы равнодушно глазѣютъ на чужое горе, которое ихъ мало трогаетъ. Гдѣ еще во всемъ мірѣ можно встрѣтить, напримѣръ, зрѣлища такого рода, что многочисленная толпа зѣвакъ потѣшается видомъ преступниковъ, подвѣшенныхъ за шею такъ, что они касаются пола лишь кончиками большихъ пальцевъ на ногахъ, умирая въ такомъ видѣ отъ голода, предоставленные всевозможнымъ невзгодамъ, подъ палящими лучами солнца, проливнымъ дождемъ и т. п.? А между тѣмъ, сцены подобнаго рода можно видѣть ежедневно въ Шанхаѣ. Гдѣ еще можно встрѣтить такую страну въ мірѣ, за исключеніемъ развѣ лишь одной Бухары ¹⁾, гдѣ у арестантовъ нерѣдко

¹⁾ Авторъ, очевидно, судить о Бухарѣ по описаніямъ Вачобери, относящимся къ тридцатымъ годамъ минувшаго

заводятся даже черви въ ранахъ, образующихся отъ тренія кандаловъ? Словомъ, псевозможныя картины жестокаго и безчувственного отношенія къ другимъ составляютъ въ Китаѣ обычное явленіе; нерѣдко встрѣтитъ нищихъ, умирающихъ отъ голода на глазахъ у всѣхъ; иногда люди тонутъ въ присутствіи многочисленныхъ зрителей, которые съ преступнымъ равнодушіемъ будутъ смотрѣть на это зрѣлище ¹⁾; часто практикуются особыя медлительныя казни; мы знаемъ хорошо, съ какой жестокостью китайцы обходятся съ европейцами, если эти послѣдніе попадаютъ въ руки толпы во время народныхъ возстаній; наконецъ, постоянно шатающаяся толпа прокаженныхъ, брошенныхъ безъ помощи на дорогахъ, тиранство тюремщиковъ,—всѣ эти и многія другія явленія подобнаго рода несомнѣнно указываютъ на то,

.....
 столѣтія Въ настоящее время, подъ благотворнымъ вліяніемъ господства Россіи, всѣ ужасы о бывшихъ жестокостяхъ въ Бухарѣ отошли въ область преданій Я самъ посѣтилъ тюрьмы въ Ст. Бухарѣ, Керкахъ, Ширабадѣ и другихъ мѣстахъ и цѣлѣ не видѣлъ арестантовъ, посаженныхъ на цѣль, какъ я это видѣлъ въ Сань-синѣ (Маньчжурія), гдѣ притомъ еще арестантомъ была женщина, сидѣвшая на цѣли въ клеткѣ,—буквально какъ дикій звѣрь

Примѣч. Перев.

¹⁾ Мнѣ самому пришлось однажды быть очевидцемъ подобнаго факта: въ присутствіи многочисленной толпы зѣвакъ, столпившихъ на берегу рѣки Сунгари, началъ тонуть китаецъ, и всѣ смотрѣли на это совершенно равнодушно, китаецъ несомнѣнно утонулъ бы, если бы на помощь не бросился одинъ изъ бывшихъ со мною казаковъ.

Примѣч. Перев.

что китайцы стоятъ на очень низкой ступени въ развитіи понятій сердечности и человѣчности.

7) *Честъ и порядочность* въ вопросахъ меркантильнаго свойства стоятъ въ Китаѣ очень высоко: въ противоположность многимъ другимъ странамъ вѣрность долговымъ обязательствамъ соблюдается китайцами неукоснительно, и это фактъ настолько общепризнанный, что не требуетъ въ настоящемъ елучаѣ съ моей стороны никакихъ подтвержденій. Здѣсь умѣстно указать на слѣдующее явленіе, представляющеея довольно страннымъ на первый взглядъ: въ то время, когда въ самой странѣ кредитъ правительства палъ такъ низко, что пасть еще ниже уже нѣтъ возможности, мы, однако, видимъ, что въ отношеніи внѣшнихъ займовъ, вѣроятно подъ опасеніемъ политическихъ осложненій, китайское правительство проявляетъ особую аккуратность и пользуется кредитомъ ничуть не хуже многихъ другихъ государствъ. Весьма курьезно, и въ то же время трогательно, видѣть съ какимъ чрезвычайнымъ прилежаніемъ собираются по мелочамъ взносы по иностраннымъ займамъ, и затѣмъ какъ безкончныя вереницы многочисленныхъ „кули“, согбенныхъ тяжестью нагруженныхъ на нихъ серебряныхъ и золотыхъ слитковъ, бороздятъ дорогу изъ Шань-си въ Шанхай, гдѣ собранныя по мелочамъ серебро и золото переходятъ чрезъ руки таможеннаго дао-тая въ глубокіе карманы пресыщенныхъ европейскихъ финансистовъ.

Всѣ иностранцы, которые когда-либо елужили

въ Китаѣ, знаютъ, съ какой шепетильностью китайское правительство старается своевременно выплачивать причитающееся жалованье. Это, такъ сказать, своего рода пунктъ національнаго самолюбія китайцевъ, что, конечно, не исключаетъ стремленіе со стороны чиновниковъ выдавить изъ опорожненной до дна кассы что-нибудь въ свою пользу при помощи ли курсовой разницы или инымъ путемъ, лишь бы не упустить при всякомъ случаѣ свои собственные интересы.

В) *Нравственность*, понимая ее въ смыслѣ семейнаго начала, не процвѣтаетъ въ Китаѣ. Раньше всего необходимо признать китайцевъ народомъ чувственнымъ, при чемъ чувственность эта весьма близко граничить у нихъ съ предѣлами непристойности. Въ этомъ отношеніи китайцы значительно отличаются отъ японцевъ, которые тоже проявляютъ не мало страстности темперамента, но у нихъ эта черта рѣдко выступаетъ слишкомъ выпукло.

Нѣкоторой уздой для проявленія присущей китайцамъ разнузданности низменныхъ инстинктовъ служить широко распространенный обычай раннихъ браковъ. Но при этомъ необходимо принять во вниманіе то обстоятельство, что свыше 90% населенія слишкомъ бѣдны для того, чтобы могли позволить себѣ прелести семейкой жизни, и вынуждены поэтому довольствоваться минутной снисходительностью одинокихъ женщинъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и среди зажиточныхъ

классовъ; здѣсь растлѣвающее вліяніе вносятъ мандарины, которые въ силу закона не могутъ оставаться на службѣ въ своей провинціи; покидая родину, мандаринъ не беретъ съ собою жену, отчасти изъ опасеній разныхъ приключеній въ дорогѣ, отчасти же оставляетъ ее дома для того, чтобы наблюдать за хозяйствомъ и сторожить могилы предковъ. Такимъ образомъ на мѣстѣ службы мандаринъ обреченъ на жизнь холостяка и, конечно, обзаводится наложницами. Волѣ богатые мандарины идутъ дальше, выходя уже изъ всякихъ предѣловъ необходимости. Вслѣдъ за мандаринами, въ виду нѣкоторой аналогіи въ условіяхъ жизни, развратничаютъ и купцы, которые также вынуждены часто уѣзжать изъ дома, но торговымъ дѣламъ: пока они живутъ дома, ихъ семейная добродѣтель удерживается пѣ приличныхъ предѣлахъ подъ близкимъ присмотромъ жены, но, когда уѣзжаютъ изъ дома, то, также какъ и мандарины, обзаводятся наложницами ¹⁾).

---

¹⁾ Строго говоря, это не шюли ¹⁾ наложницы въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается европейцами: въ глазахъ китайцевъ это тоже *жены*, но мѣющія, такъ сказать, мѣстное, временное значеніе, оставляя первенствующее значеніе той женѣ, которая оставлена на родинѣ; напримеръ: пріѣхавъ въ какой-нибудь городъ, китаецъ обзаводится „женой“, уѣзжая изъ этого города, онъ „жену“ оставляетъ на мѣстѣ, но все время считаетъ, что у него въ томъ городѣ есть семья; такъ что, пріѣхавъ хотя бы чрезъ много лѣтъ въ тотъ городъ, китаецъ не обзаводится уже новой женой, если первая состоитъ налицо считая себя связаннымъ первыми увлеченіемъ. Эти, во всякомъ

Словомъ, во всѣхъ классахъ населенія въ Китаѣ нравственныя начала, въ смыслѣ отношеній между полами, развиты весьма слабо; трудно найти хотя бы одного китайца или маньчжура, у которыхъ чувство порядочности оказалось бы въ такой мѣрѣ, какъ у европейца, готоваго бѣжать отъ открытаго разврата или даже отъ какой-нибудь рискованной исторіи. Это одинаково справедливо въ отношеніи обоихъ половъ въ Китаѣ. Мы не увидимъ тамъ унизительнаго, или во всякомъ случаѣ неловкаго, положенія двухъ слишкомъ миллионновъ старыхъ дѣвъ, которыхъ насчитываютъ въ Англіи; въ Китаѣ по этой пропорціи можно было бы предположить такихъ двадцать миллионновъ отшибленныхъ отъ жизни женщинъ; но тамъ не существуетъ ни мужчины, ни женщины, для которыхъ ихъ собственная природа оставалась бы для нихъ же закрытой книгой.

Указать въ затронутомъ вопросѣ характеристику китайской женщины еще болѣе трудно, чѣмъ въ отношеніи мужчины. Можно, однако, сказать безошибочно, что всѣ онѣ, вообще, большей частью склонны къ легкомысленному образу жизни; къ такому заключенію приходишь раньше всего,

---

случаѣ, эфемерныя, конечно, узы сказываются до пѣкоторой степени и въ матеріальномъ отношеніи: богатые китайскіе купцы считаютъ себя обязанными поддерживать свои семейства, посѣянные въ разныхъ городахъ, гдѣ имъ приходится бывать по торговымъ дѣламъ.

Примѣч. Перев.

читая китайскую литературу и наблюдая повседневныя явленія уличной жизни; это сказывается также въ недовѣрчивости мужчинъ, въ существованіи многихъ жестокихъ законовъ, въ основѣ которыхъ признается одно безспорное положеніе: „каждая женщина (китайская, прибавимъ отъ себя) въ душѣ развратна“, вслѣдствіе чего мужья обязательно должны со своей стороны ограждать своихъ женъ отъ искушеній всѣми мѣрами предосторожности.

Въ отношеніи различныхъ провинцій развращенность китайцевъ проявляется неодинаково: кантонцы, напримѣръ, развращены не менѣе другихъ, но порицаютъ „французскія двусмысленности“ и остроты въ легкомъ жанрѣ. Провинція Фу-цзянь пользуется славой наибольшей распушенности, вкоренившейся тамъ, вѣроятно, съ древнѣйшихъ временъ, благодаря частому посѣщенію этой провинціи, заморскими купцами; съ теченіемъ времени повсемѣстный развратъ въ этой провинціи, вѣроятно, расширился и упрочивался вслѣдствіе привившагося въ широкихъ размѣрахъ преступнаго обычая дѣтубійства и обнаруживающагося поэтому недостатка женщинъ (?!) въ этой провинціи.

Сѣверяне или, вѣрнѣе сказать, праздные классы населенія въ Пекинѣ, предающіеся пьянству, открыто проявляютъ исключительную склонность и въ отношеніи разврата и безпутствъ всякаго рода. Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь сказывается нѣкоторое вліяніе владычества татаръ, которые

отъ Бухары до Кореи, на всемъ материкѣ Азіи, одинаково обнаруживаютъ наклонность къ развратной жизни.

При такомъ легкомысленномъ отношеніи къ семейнымъ добродѣтелямъ, въ Китаѣ весьма снисходительно пропускаютъ иногда мимо ушей танія оскорбленія, которыя въ Европѣ сочли бы за кровную обиду. Эта снисходительность приводитъ къ тому, что относительно китайцевъ установилось ошибочное мнѣніе, будто всѣ они поголовно имѣютъ склонность къ порочной жизни, а на самомъ дѣлѣ все это въ большинствѣ случаевъ проходитъ вмѣстѣ съ молодыми годами; а что продѣлываетъ въ своемъ гаремѣ какой-нибудь старый развратникъ, то вѣдь это не оскорбляетъ общественной нравственности.

Словомъ, если мы пожелаемъ судить о нравственности китайцевъ, какъ націи, то мы должны признать, что китайцы въ сущности едва ли много ниже стоятъ въ этомъ отношеніи по сравненію съ европейцами; хотя, конечно, нравственные начала не одинаково развиты повсемѣстно въ Китаѣ: въ нѣкоторыхъ провинціяхъ населеніе относится строже, въ иныхъ слабѣе къ требованіямъ семейной этики.

9) *Отношеніе къ дѣтямъ.* Японію справедливо считаютъ раемъ для дѣтей. Китай является въ противоположномъ видѣ, танъ какъ почти повсемѣстно китайцы относятся къ дѣтямъ нехорошо. Среди богатыхъ классовъ населенія отцы и матери

проявляютъ, конечно, кой-какія нѣжности къ своимъ дѣтвамъ обоого пола, стараются одѣвать ихъ получше; многіе родители, принадлежащіе къ стариннымъ знатымъ фамиліямъ, заботливо относятся и нѣ дѣлу воспитанія своихъ дѣтей, конечно, съ точки зрѣнія туземныхъ понятій и взглядовъ на этотъ предметъ. Но въ массѣ населенія отцы совершенно игнорируютъ своихъ дочерей, на которыхъ смотрятъ какъ на неизбѣжную обузу въ виду необходимости оберегать этотъ женскій департаментъ отъ всякихъ посягательствъ, точно какое-нибудь цѣнное имущество. Къ сыновьямъ относятся болѣе снисходительно, такъ какъ на нихъ смотрятъ какъ на спасительное звено въ родословной линіи, связывающее родителя съ будущимъ потомствомъ.

Въ Китаѣ совершенно неизвѣстна та свобода, которой дѣти пользуются въ Америкѣ; китайцамъ кажется чудовищнымъ легкомысліемъ допустить дѣтей сидѣть за однимъ столомъ съ отцомъ, когда онъ обѣдаетъ, курить или ведетъ бесѣду съ кѣмъ-нибудь; о существованіи какого-нибудь объѣмна мѣтній между отцомъ и сыномъ не можетъ быть и рѣчи. Такая фамильярность допускается лишь въ единственномъ случаѣ и то лишь подъ давленіемъ обстоятельствъ: это когда занятый дѣлами купецъ, въ видахъ ли экономіи или другихъ удобствъ, вынужденъ наскоро обѣдать за общимъ столомъ съ приказчинами, сыновьями и другими родственниками, выгребая свой рисъ изъ одной

общей для нѣхъ миски; но и въ такомъ случаѣ сыновья въ присутствіи отца не могутъ садиться, а позволить себѣ выловить изъ общей миски какой-нибудь лучшій кусокъ мяса считалось бы оскорбленіемъ родительскаго достоинства.

Женщина, а тѣмъ менѣе дѣвушка, никогда не можетъ участвовать въ какихъ-нибудь празднествахъ ни подъ какимъ видомъ, какъ это допускается у европейцевъ. Всего лишь разъ или два мнѣ пришлось вилѣть въ полѣ китайскаго рабочаго, дѣлившаго свою убогую снѣдь вмѣстѣ со своей женой, принесшей ему пищу, завернутую въ грязную тряпицу; затѣмъ въ другой разъ я однажды случайно увидѣлъ въ пустынѣ юношу-китайца, болтавшаго съ китайкой дѣвушкой, растянувшись на коронѣ. Оба эти факта, какъ они ни ничтожны сами по себѣ, настолько, однако, исключительны въ китайской жизни, что я отмѣтилъ ихъ у себя для памяти.

Матери, вообще, отличаются въ Китаѣ особой сварливостью; если даже иной разъ она и желаетъ быть нѣжной съ дѣтьми, то это дается ей не легко, вслѣдствіе недостаточной уравновѣшенности темперамента: то слишкомъ нѣжна, то ругаетъ и бьетъ за малѣйшую провинность. Крикъ ребенка весьма часто вызываетъ ожесточеніе матери, крикъ и ругань, которые точно „опьяняютъ и возбуждаютъ ее на жестокости“. Отецъ рѣдко бьетъ очень сильно своихъ дѣтей, предпочитая сохранить весь пылъ жестокости для наказанія своей жены.

По мѣрѣ того какъ мальчинъ подрастаетъ, мать обязана обходиться съ нимъ особенно бережно; отецъ никогда не потерпитъ, чтобы мать могла ударить мальчика безъ его разрѣшенія. Что же касается дѣвушекъ, то ихъ бьютъ всегда и во всякое время, начиная съ пеленокъ и кончая выходомъ дѣвушки замужъ, когда ее ждетъ еще худшая доля—тиранство свекрови. Вообще говоря, въ Китаѣ довольно рѣдкое явленіе, чтобы родители проявляли любовь къ своимъ дѣтямъ, безразлично мальчикамъ или дѣвочкамъ, хотя добрые нѣжные родители встрѣчаются, конечно, и въ Поднебесной имперіи; я же говорю здѣсь только о величинахъ среднихъ и о массѣ населенія по тѣмъ фактамъ, которые мнѣ самому приходилось наблюдать.

Лучшей характеристикой отношеній нѣ дѣтямъ со стороны отца или матери служить формула обращенія, принятая въ разговорной рѣчи при изыщномъ 'слогѣ: вмѣсто того, чтобы сказать „вашъ отецъ“ или „ваша мать“ говорятъ „вашъ благородный, суровый отецъ“ или „ваша благородная, нѣжная мать“. Дѣтямъ и въ Китаѣ, конечно, предоставляется свобода поиграть и побѣгать; но этой свободы тамъ не лишены и домашнія животныя. Въ общемъ, обращеніе съ дѣтьми суровое, вызывающее и взаимно со стороны дѣтей къ родителямъ не любовь и уваженіе, а лишь чувство страха.

10) *Умѣренность и воздержаніе въ отношеніи*

личныхъ потребностей принадлежать безусловно къ числу добродѣтелей китайцевъ, которые далеко превосходятъ въ этомъ отношеніи европейцевъ. Пьянство представляетъ собою такое рѣдкое явленіе, что даже не считается порокомъ, а лишь проявленіемъ добраго праздничнаго настроенія, подобно тому какъ у европейцевъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, считается вполнѣ дозволеннымъ поцѣловать публично свою жену или родственницу; впрочемъ, съ точки зрѣнія китайцевъ грѣшатъ передъ нравственностью не только подобные поцѣлуи, но даже и прогулка рядомъ съ женщиной.

Помимо того, что пьянство, вообще, распространено довольно слабо, оно еще строго порицается китайской философіей, но—не въ виду зловредности этого порока, а съ точки зрѣнія общественнаго здоровья или политической экономіи: потому что, во-первыхъ, вызываетъ среди потребителей массу болѣзней и, во-вторыхъ, поглощаетъ много зерновыхъ хлѣбовъ, которые могутъ быть употреблены въ пищу; исходя изъ этого положенія закономъ иногда прямо воспрещается выкуриваніе вина въ случаѣ неурожая. Въ сѣверныхъ провинціяхъ имперіи, въ особенности въ Маньчжуріи, употребленіе спиртныхъ напитковъ считается до нѣкоторой степени необходимою, поэтому среди зажиточныхъ классовъ встрѣчается не мало субъектовъ съ красными носами, обнаруживающими извѣстныя наклонности къ вину. Иногда встрѣчаются буйные пьяницы преимущественно среди

солдатъ, которые злоупотребляютъ напитками, чтобы приобрести побольше задора и храбрости, подобно тому, какъ эти войны считаютъ полезнымъ съѣсть сердце и печенку, добытыя отъ казеннаго преступника, что по мнѣнію солдатъ обезпечиваетъ имъ мужество и неустрашимость. Но все это ничтожныя частныя отклоненія, подтверждающія общее правило, что въ массѣ населенія пьянство представляетъ собою рѣдное явленіе ¹⁾).

Въ отношеніи пищи китайцы проявляютъ еще большую утѣренность: по крайней мѣрѣ 95% населенія довольствуются весьма ограниченными потребностями, и если кошелекъ позволяетъ иногда китайцу побаловать себя чѣмъ-нибудь въ приѣѣ, то онъ обыкновенно не идетъ дальше покупки себѣ лишней порціи риса. Нѣкоторая наклонность къ излишеству въ этомъ отношеніи замѣчается только среди мандариновъ и купцовъ; они-то и поглощаютъ въ огромномъ количествѣ распространенные въ Кптаѣ дорогіе гастрономическіе продукты: морскія улитки, ласточкины гнѣзда, трепангу, корень жэнь-шенъ ²⁾), нѣкоторыя части

¹⁾ Замѣчательно, что, говоря объ излишествахъ, при-
сущихъ китайцамъ, авторъ ни однимъ словомъ не упоми-
наетъ объ употребленіи опиума, отравляющаго почти
²⁾ населенія Китая *Примѣч. Перев.*

²⁾ Это блюдо никакъ нельзя отнести къ области га-
строномии, такъ какъ употребляется мандаринами и бога-
тыми китайцами какъ жизненный эликсиръ для возвраще-
нія молодости *Примѣч. Перев.*

копекъ, оленьи рога¹⁾ и множество другихъ, отвратительныхъ съ точки зрѣнія европейца, вещей, покупающіяся, однако, въ Китаѣ за большія деньги.

Китайцы, помимо всего, проявляютъ въ отношеніи пищи не мало невѣжества; многіе мандарины обращались, напримѣръ, ко имѣ съ вопросами— что имъ слѣдуетъ употреблять въ пищу предпочтительно, чтобы увеличить свои умственные способности или приумножить свою семью.

11) *Трудолюбіе* представляетъ собою, несомнѣнно, господствующую добродѣтель китайцевъ, которая имъ присуща вѣкъ безъ исключенія, какъ стоящимъ высоко по своему еоціальному положенію, такъ и до послѣднихъ подмокъ населенія. Но характерной чертой этого трудолюбія служить то, что главнымъ его импульсомъ служить непремѣнно личная выгода — работа лишь для самого себя. Тотъ самый мандаринъ, который такъ лѣнивъ и безпеченъ при исполненіи своихъ обязанностей, проявляетъ упорное трудолюбіе, когда рѣчь идетъ о его личныхъ матеріальныхъ выгодахъ; каждый китаецъ ремесленникъ очень

---

¹⁾ Извѣстны у пограничныхъ русскихъ жителей подъ названіемъ *пантновъ*; рога эти снимаются съ особыми предосторожностями, когда корни еще налиты кровью. Рога вывариваются особымъ способомъ, и изъ жидкости приготавливается нѣчто въ родѣ жидкаго эликсира. Такъ что это блюдо относится къ лекарственнымъ снадобьямъ, а не къ гастрономическимъ блюдамъ.

трудолюбивъ во всякомъ своемъ личномъ дѣлѣ или предпріятіи, хотя въ то же время безпеченъ въ отношеніи траты времени. За исключеніемъ курильщиковъ опиума всѣ, вообще, китайцы привыкли вставать вмѣстѣ съ восходомъ солнца или даже еще раньше; до распространенія керосина въ домашнемъ обиходѣ китайца, т. е. до послѣднихъ лѣтъ, не существовало вовсе искусственнаго освѣщенія, поэтому волей-неволей приходилось оставаться въ постели 6—8 часовъ, въ зависимости отъ времени года; если бы въ Китаѣ зимніе дни были такіе же короткіе, какъ и въ Европѣ, то въ Китаѣ укоренились бы, вѣроятно, тѣ же наклонности къ лѣни и сонливости, которыя вслѣдствіе продолжительныхъ ночей встрѣчаемъ среди русскихъ (?); но въ Китаѣ продолжительность дней и ночей почти одинакова, въ особенности въ южныхъ провинціяхъ. При такихъ условіяхъ вставать въ 4—6 час. утра или даже раньше не представляетъ собою особаго подвига. Всѣ китайскія гостиницы бываютъ поэтому уже въ полномъ движеніи еще до восхода солнца.

Китаецъ ровню работаетъ въ теченіе всего дня, съ утра до вечера, но никогда не проявляетъ лихорадочной поспѣшности; временами онъ приостанавливаетъ работу, чтобы отдохнуть, покушать и всегда, во всякое время, готовъ поболтать о чемъ-нибудь. Въ своемъ трудѣ китаецъ обыкновенно не довольствуется строго опредѣленною конкретною цѣлью: ему нужно извлечь для себя

возможно больше, и въ этомъ его трудолюбіе не знаетъ границъ; если предложить, напримѣръ, китайцу тысячу фунтовъ за тотъ же трудъ, который ему приносилъ только сто, то онъ не удовольствуется очевидной прибылью, а будетъ сугубо стараться, чтобы получить еще какимъ-нибудь образомъ и тѣ сто фунтовъ, которые получалъ раньше. Какое высокое положеніе ни занималъ бы китаецъ, онъ всегда будетъ стремиться раньше всего извлечь для себя личныя выгоды, добыть деньги хотя бы путемъ контрабанды или иными недозволенными средствами, не исключая и поджога, если этимъ путемъ можно получить страховую премію.

Жадность китайца къ деньгамъ сказывается на каждомъ шагѣ; сколько ни дать китайцу „на чай“, онъ непремѣнно будетъ просить, „нельзя ли прибавить“; получивъ долларъ или мѣдныя монеты, онъ будетъ ихъ взвѣшивать, перебирать руками, прислушиваться къ звону; если мандаринъ платитъ свой долгъ, то надо быть на чеку въ отношеніи количества или качества получаемой монеты.

Словомъ, все трудолюбіе, весь умъ, всѣ помыслы китайца направлены къ тому, чтобы извлечь для себя денежныя выгоды изъ всего, что только возможно. Въ торговыхъ дѣлахъ китайцы всѣ поголовно проявляютъ исключительныя способности.

12) Помимо коммерческихъ способностей, китайцы и во всемъ прочемъ, какъ говорится, „мастера на всѣ руки“. За небольшимъ исключеніемъ

каждый китаецъ всегда можетъ безъ посторонней помощи купить и приготовить себѣ пищу, выстирать свое бѣлье, починить свое платье или даже, когда нужно, сшить заново; онъ умѣетъ отгадывать погоду, узнавать время безъ часовъ, обрабатывать землю, опредѣлить сѣверъ и югъ, направлять и вести судно, осѣдлать лошадь; когда требуется обстоятельствами, китаецъ умѣетъ обратиться въ рыболова, охотиться за дичью, звѣремъ, чѣмъ угодно; при этомъ китаецъ проявляетъ неутомимость и выносливость, можетъ пройти пѣшкомъ или проѣхать верхомъ сколько угодно и при этомъ, если потребуется, недоспать и недоесть сколько угодно; при благопріятномъ случаѣ китаецъ умѣетъ даже пріобрѣсти и благосклонность женщины какой бы то ни было національности.

Изъ того, что китайцу не дается или на что онъ неспособенъ, можно указать на слѣдующее: китаецъ никакъ не можетъ побриться или остричься безъ посторонней помощи, лечить свои болѣзни ¹⁾, предохранить свое тѣло отъ насѣкомыхъ, биться

---

¹⁾ Все это такія отрицательныя качества, которыя одинаково присущи и другимъ націонаностямъ: китайцы, какъ извѣстно, бреютъ всю голову, оставляя лишь кружокъ на макушкѣ головы, гдѣ начинается коса; При такомъ бритьѣ мудрено обойтись безъ посторонней помощи. Точно также и въ отношеніи медицинской помощи: докторъ-европеецъ безпомощенъ не только при собственномъ заболѣваніи, но и при болѣзни близкаго человѣка отказывается нерѣдко лечить самъ и прибѣгаетъ къ помощи своихъ коллегъ.

на кулачки; китайцу никогда не дается умѣнье управлять пароходомъ; онъ неспособенъ также заставить себя поддерживать дисциплину въ сухопутной или морской службѣ, не можетъ честно поступать въ вопросахъ денежнаго характера (?), быть точнымъ и анкуратнымъ въ порученномъ ему дѣлѣ; рассказывая какую-нибудь исторію, китаецъ не можетъ удержаться, чтобы не вставить вымышленныя прикрасы; въ минуты внезапной опасности онъ неспособенъ возвыситься надъ будничнымъ настроеніемъ, проявить какую-нибудь выдающуюся силу характера. Замѣтимъ кстати, что китаецъ не выноситъ господства женщины ¹⁾ надъ собою. Изъ пищи европейцевъ китайцы не выносятъ сыръ въ какомъ бы то ни было видѣ.

Вообще, весьма сложный вопросъ о характеристикѣ китайцевъ не даетъ, конечно, возможности разобрать его съ достаточной обстоятельностью на протяжении нѣсколькихъ страницъ. Отмѣченныя выше черты характера китайцевъ изложены по тому впечатлѣнію, которое осталось у автора послѣ его жизни среди китайцевъ въ теченіе четверти вѣка.

¹⁾ Странно, что китайцы такъ покорно выносятъ узурпаторскую власть вымышленной императрицы-матери, да еще въ такое трудное время, при такихъ потрясавшихъ национализмъ внутреннихъ и внешнихъ.

ГЛАВА XV.

Религія и народныя возстанія.

Люди обыкновенно способны до крайности смѣшивать всевозможные взгляды и понятія, когда идетъ рѣчь объ опредѣленіи религій народа. Эта неопредѣленность понятій и шаткость идей въ такомъ важномъ вопросѣ, касающемся человѣческой жизнедѣятельности, открываетъ доступъ безконечнымъ сужденіямъ и толкованіямъ, которыя въ концѣ концовъ окутываютъ вопросы религіи тѣмъ безпроснѣтнымъ туманомъ, въ которомъ народы въ поискахъ за истиной и блуждаютъ каждый по своему.

Въ чемъ, наприимѣръ, сказываются пліяніе и требованія религіи, съ чисто формальной точки зрѣнія, хотя бы у насъ, въ Великобританіи? Раньше всего, какъ извѣстно, религія требуетъ отъ насъ, чтобы мы ходили въ церковь и не работали по воскресеньямъ; затѣмъ мы должны молиться, быть благочестивыми, воздержными, милосердными, заниматься благотворительными дѣлами, думать о

загробной жизни, восхвалять Бога и т. п. Если оставить въ сторонѣ воскресный отдыхъ,—который въ Китаѣ не можетъ имѣть мѣста—и требованія о восхваленіи Бога, что непонятно для китайскаго склада ума,—то мы увидимъ, что съ формальной стороны религія въ Китаѣ и Великобританіи, строго говоря, совершенно тождественны; потому и тождественно понятіе о „добронѣ“, „благочестивомъ“ человѣкѣ, который въ Китаѣ, какъ и въ Англіи, оцѣнивается съ одинаковой точки зрѣнія. „Добрый“ китаецъ такъ же усердно ходитъ въ свой храмъ, отдавая себѣ такъ же мало отчета, какъ и англичанинъ,—почему собственно онъ ходитъ въ храмъ; когда есть о чемъ просить, китаецъ обращается къ Богу съ молитвами, изливаетъ или разсыпаетъ тутъ же свои жертвоприношенія, возжпгаетъ курительныя свѣчи и не забываетъ изо дня въ день отдавать по всемъ отчетъ и поклониться праху своихъ предковъ.

Въ дѣлахъ мпосердія, имѣющихъ общественный характеръ, а въ особенности въ вопросахъ цѣломудрія, китайцы стоятъ много ниже европейцевъ, но превосходятъ ихъ въ отношеніи умѣренности и воздержанности въ пищѣ и питьѣ. Что касается загробной жизни, то китаецъ относится къ этому вопросу совершенно равнодушно.

Итакъ, если судить о религіи китайцевъ съ точки зрѣнія основныхъ чертъ, свойственныхъ не придуманной, а естественной религіи, присущей всѣмъ народамъ, то китайцы мало чѣмъ отли-

чаются отъ европейцевъ. Что же касается собственно „вѣры“, „догматовъ“, „обрядовъ“, то въ этомъ отношеніи между религіей китайцевъ и европейцевъ кроется, конечно, огромная разница, которая весьма мало сглаживается даже послѣ принятія христіанства; китайскій умъ воспринимаетъ весьма туго всѣ науживанія миссіонеронъ по этимъ вопросамъ: обладая лснымъ умомъ, китаецъ относится скептически ко всякимъ увѣреніямъ о какихъ бы то ни было, хотя бы и доказанныхъ, истинахъ, если только онѣ не вполне очевидны. Миссіонеры, однако, этого знать не хотятъ. У насъ, въ Англіи, даже послѣдняя кухарка, поступая на мѣсто, считаетъ себя въ правѣ возвѣстить, что она „придерживается взглядовъ своей церкви“, а мы забываемъ, что у большинства китайцевъ имѣется также свое собственное міровоззрѣніе, особые взгляды, которые съ нашей точки зрѣнія, можетъ быть, и не такъ правотѣрны, но зато они не менѣе разумны въ глазахъ китайцевъ.

Если бы всѣ эти вопросы не выходили изъ области взглядовъ и мнѣній, то никогда бы, конечно, не было „миссіонерскихъ неурядицъ“. Въ томъ-то и несчастье, что мы вносимъ въ Китай проповѣдь агрессивную, воинствующую, ибо церковь наша видитъ долгъ свой въ томъ, чтобы непремѣнно пересоздать не только мнѣнія и взгляды, но и поведеніе новообращенныхъ, готовая для этой цѣли пустить въ ходъ вполне дѣйствительныя мѣры.

Мы должны признать, что средній по своему развитію китаецъ, хотя и является отсталымъ въ отношеніи наукъ, стоитъ, однако, выше средняго европейца по своимъ интеллектуальнымъ способностямъ и въ особенности превосходитъ невоспитаннаго и необразованнаго (?) протестантскаго миссіонера изъ низшихъ классовъ, готоваго на все лишь въ силу своего „призыва Христа“. Это и служить, конечно, источникомъ всѣхъ миссіонерскихъ замѣшательствъ въ Китаѣ.

Первоначальное зарожденіе религіозныхъ вѣрованій въ Китаѣ обусловливается тѣми же явленіями, накіл мы встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. Видя передъ собою восходъ солнца, испытывая на себѣ ниспосылаемые этимъ свѣтиломъ теплоту и свѣтъ, первобытный человѣкъ невольно поддавался величію этого явленія, боготворилъ солнце превыше всего, а затѣмъ—въ меньшей степени—луну и прочія свѣтила. Точно также вѣтеръ и дождь являлись часто въ видѣ добрыхъ или злыхъ стихій, помогая или противоудѣствуя человѣку въ его начинаніяхъ. Такимъ образомъ получилось подраздѣленіе силъ природы на добрыя и злыя, и зародилось естественное стремленіе обращаться съ молитвой и пожеланіями нъ силамъ природы, чтобы умилостивить ихъ. При наступленіи смерти первобытный человѣкъ нинакъ не могъ объяснить себѣ сушность, природу животворящаго начала, видя передъ собою незадолго передъ тѣмъ живого, дѣятельнаго человѣка, остающагося непри-

косновеннымъ въ своемъ тѣлѣ, но простертаго въ видѣ бездыханнаго трупa послѣ наступившей смерти; отсюда туманныя понятія о существованіи души, духа, божественной искры и т. д.

Такъ постепенно расширялся кругъ вѣрованій первобытнаго человѣка, захватывая собою всѣ силы и явленія природы, а также и жизнедѣятельность самого человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ: пожеланія для дѣтей, благодарность къ родителямъ, клятва, данная человѣку на его предсмертномъ одрѣ, проносящійся въ темнотѣ таинственный шумъ, засуха, наводненіе, землетрясеніе; словомъ— всевозможныя явленія природы, какъ и неотразимыя обстоятельства окружающей жизни, боготворились въ той или иной формѣ, образуя собою сложный туманный обликъ религіозныхъ вѣрованій въ ихъ первобытномъ видѣ.

Съ теченіемъ времени эта первобытная религія смѣнилась конфуціанствомъ. Конфуцій возымѣлъ благую мысль скромно заявить, что онъ ничего не понимаетъ въ вопросахъ души или таинственныхъ силахъ природы; поэтому онъ отклонялъ отъ себя всякіе споры и умозрѣнія, касающіеся этихъ отвлеченныхъ понятій, обративъ все вниманіе на окружающую конкретную жизнь. Дѣло въ томъ, что во времени Конфуція въ жизни китайцевъ приобрѣли все большее значеніе церемоніи, внѣшнія формы, наклонность къ умозрительнымъ сужденіямъ и спорамъ отвлеченнаго характера, вызванная ученіями многихъ философовъ и мысли-

телей. Конфуцій не признавалъ отвлеченныхъ мыслителей, считан въ отношеніи практической повседневной жизни всякія умозрѣнія въ области чистаго мышленія безцѣльными въ лучшемъ случаѣ или обманомъ—въ худшемъ.

Исходя изъ этого положенія, Конфуцій задался мыслью направить обычаи и предразсудки народа къ согласованію съ окружающей жизнью: онъ поучалъ „дѣтей Китая“ — какъ слѣдуетъ жить, чтобы быть людьми порядочными, честными, приличными и пріятными въ обращеніи съ другими, какъ слѣдуетъ получить отъ другихъ или дать что-нибудь другимъ, не насилуя чужую волю, какъ слѣдуетъ относиться къ людямъ въ зависимости отъ занимаемаго ими различнаго положенія, какъ держать жену въ надлежащемъ страхѣ и т. д.

Несмотря на многочисленные упреки, направленные противъ Конфуція, котораго позднѣйшіе критики обвиняли въ фатовствѣ и чванливости, проповѣдь его среди китайцевъ распространилась весьма быстро, притомъ она привилась такъ прочно, что сохранилась и понынѣ въ Китаѣ. Конфуцій, строго говоря, не является вовсе проповѣдникомъ новой религіи, но какъ моралистъ, какъ наставникъ въ дѣлахъ житейской морали, онъ долженъ быть поставленъ выше Магомета, хотя уступаетъ во многомъ Сакіимунн (Буддѣ).

Въ исторіи человѣчества отмѣчается, какъ извѣстно, великій переворотъ въ умахъ людей, признаки котораго проявляются за два столѣтія

до нашей эры. Время это совпадаетъ съ обширными завоеваніями паревіи и широко распространившимся пышиимъ расцвѣтомъ греко-римской цивилизаціи. Весьма возможно, что отдаленныя волны этихъ событій коснулись и береговъ Китая. Во всякомъ случаѣ, замѣчаемая въ то время революція въ умахъ людей не миновала и Китая, охвативъ всѣ страны Стараго Свѣта, отъ Рима до Кореи.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого мірового движенія для Китая было то, что китайцы тогда впервые узнали про Индію, буддизмъ, про паревіи. Немного спустя буддизмъ быстро проникъ въ Китай и крѣпко завладѣлъ умами населенія, подобно тому, какъ около того же времени въ Греціи и Римѣ распространилось и упрочилось ученіе Христа.

Исторія распростраенія и водворенія буддизма на Дальнемъ Востокѣ очень длинна, хотя и достаточно проста: подобно тому, какъ у насъ христіанство вскорѣ послѣ своего появленія быстро обросло всякими придаточными поученіями и правилами, такъ и буддизмъ въ Китаѣ былъ скоро изуродованъ стараніями позднѣйшихъ проповѣдниковъ, которые являлись жалкими представителями основателя и провозвѣстника буддійскаго ученія. Неудивительно поэтому, что бездарные проповѣдники роили свое ученіе въ глазахъ населенія, вслѣдствіе чего буддизмъ претерпѣвалъ въ Китаѣ при различныхъ династіяхъ всевозмож-

ныя положенія; другими словами, здѣсь повторилось то же самое, что переживало яристіанство въ Европѣ въ первые вѣка своего существованія.

При всемъ томъ буддизмъ быстро и глубоко врѣзался въ умы китайцевъ, благодаря демократической тенденціи своихъ основныхъ тезисовъ. Ученіе Будды выступило врагомъ господства однихъ классовъ надъ другими, врагомъ роскоши, жестокости, жадности, проповѣдуя милосердіе ко всѣмъ живущимъ на землѣ, пропагандируя простоту и экономію въ жизни и отводя женщинамъ одинаковое положеніе съ мужчинами. Ученіе Будды имѣло весьма благотворное вліяніе на его послѣдователей обоого пола и въ особенности на женщинъ, потому что, слѣдуя завѣтамъ Конфуція, женщины оставались всегда безъ образованія, въ сторонѣ отъ лучшихъ благъ жизни, коснѣя въ невѣжествѣ первобытнаго міровоззрѣнія; между тѣмъ ученіе Будды открыло и женщинамъ выходъ на общую съ мужчинами арену жизни.

При всемъ томъ ученіе Будды въ настоящее время совершенно дискредитировано въ Китаѣ среди людей интеллигентныхъ, такъ что главными знатоками и послѣдователями этой религіи остаются собственно священники—ламы, хотя ученіе Сакіямуні въ его чистомъ и неискусственномъ видѣ и теперь еще не вывелось все-таки въ Китаѣ. Священники буддійскіе владѣютъ земельными надѣлами, пользуются независимымъ положеніемъ, обыкно-

венно много путешествуютъ, нерѣдко отличаются большой начитанностью, на досугѣ любятъ заниматься каллиграфическимъ искусствомъ, увлекаются древностями; ученые люди въ Китаѣ относятся къ нимъ часто съ уваженіемъ, состоя съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ.

Какъ буддійскіе священники, такъ и ихъ храмы, пользуются популярностью преимущественно среди женщинъ¹⁾; вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ провинціяхъ среди приверженной нъ ученію Будды прекрасной половины рода человѣческаго замѣчается въ извѣстной степени нравственная распущенность, что можно объяснить невысокимъ уровнемъ образованія населенія и вытекающей изъ этого обстоятельства слабостью священниковъ, злоупотребляющихъ своимъ положеніемъ. Здѣсь мы видимъ полную аналогію въ отношеніи, напримѣръ, католическихъ священниковъ, которые въ Бразиліи, Венгріи, на Филиппинскихъ островахъ болѣе податливы, менѣе строги нъ своимъ обязанностямъ, чѣмъ въ Англіи, Германіи, Франціи и т. п.

Когда кто-нибудь умираетъ въ Китаѣ, то даже и среди высшихъ классовъ населенія, индифферентныхъ въ дѣлахъ религіи, родственники, и въ осо-

¹⁾ Въ противоположность китайскимъ буддистамъ необходимо указать, что среди нашихъ буддистовъ бурятъ-ламантовъ, обитающихъ въ Забайкальѣ, молитвенные дома или *дацаны* (монастыри) совершенно недоступны женщинамъ.

бенности женщины, считают обязательно необходимымъ призвать священниковъ, исполняя тогда всѣ положенные обряды, процессіи и т. п.; подобно тому, какъ мы это видимъ и среди кевѣрующихъ, но корректныхъ французовъ, считающихъ необходимымъ послать въ послѣднюю минугу за священникомъ, такъ и китайскій мандаринъ считаетъ для себя обязательнымъ пригласить бонзу, когда стряется какое-нибудь несчастье. Вен разница будетъ только во внѣшнихъ обрядахъ, нѣ которыхъ китайцы готовы иногда принять участіе даже въ отношеніи чужихъ религій; такъ, въ Сингапурѣ имѣется римско-католическая церковь, въ которой образъ Пресвятой Дѣвы пользуется широкой популярностью среди китайцевъ-язычниковъ; по словамъ состоявшихъ при этой церкви португальскихъ священниковъ китайцы установили даже ежегодный храмовой праздникъ въ честь этого образа.

Словомъ, по многимъ даннымъ можно признать безспорнымъ тотъ фактъ, что китайцы относятся съ большою терпимостью ко всякимъ чужимъ религіямъ и никогда не рѣшались на преслѣдованіе новыхъ ученій, если только послѣдователи этихъ ученій не оскорбляютъ общественную нравственность, народные обычаи, не посягаютъ на свободу другихъ и не противодействуютъ администраціи страны. Слѣдуя этимъ мудрымъ правиламъ, мусульмане въ сѣверномъ Китаѣ старались всегда держаться въ сторонѣ отъ всякаго вмѣшательства во

внутреннія дѣла страны и пользовались поэтому постояннымъ миромъ, за исключеніемъ южныхъ провинцій, Юнь-нань и Гань-су, гдѣ мусульмане держались вызывающаго образа дѣйствій, послѣдствіемъ чего были жестокія кровопролитныя войны, вина которыхъ падаетъ, конечно, на обѣ стороны.

Въ такомъ положеніи былъ религіозный вопросъ въ Китаѣ, когда тамъ впервые появляется христіанская проповѣдь. Выраженіе *первое* здѣсь нужно понимать въ особомъ смыслѣ: дѣло въ томъ, что между седьмымъ и тринадцатымъ вѣками по Р. Х. въ Китаѣ постоянно существовали несторіанцы, евреи и разныя другія „западные“ секты, которыя то были терпимы, то подвергались преслѣдованіямъ; китайцы, однако, не имѣли яснаго представленія объ этихъ религіяхъ въ отдѣльности, и по понятіямъ массы населенія всѣ эти послѣдователи считались сектантами, принадлежащими къ буддизму или къ магометанству.

Въ самомъ началѣ появленія христіанства какъ населеніе, такъ и администрація страны отнеслись къ новой проповѣди совершенно равнодушно; но нѣкоторые католическіе проповѣдники выступили противъ укоренившагося вѣками въ Китаѣ культа почитанія предковъ, несмотря на то, что этотъ обычай мало чѣмъ отличается отъ существующаго, между прочимъ, и во Франціи, и въ Италіи обычая ежегоднаго паломничества на могилы предковъ. Это поведеніе католическихъ проповѣдниковъ постыло

первыя сѣчена зародившагося враждебнаго отношенія къ христіанамъ.

Вкорѣ возникли споры и несогласія въ средѣ самихъ іезуитовъ, между францисканцами и доминиканцами, что, въ свою очередь, привело папу въ столкновеніе съ маньчжурскимъ правительствомъ. Послѣдствіемъ обострившихся отношеній были жестокія преслѣдованія, которымъ христіане подвергались въ теченіе двухъ столѣтій, такъ что во все это время послѣдователи христіанства должны были скрывать свою принадлежность къ этой религіи.

Важнымъ толчкомъ къ распространенію христіанства въ Китаѣ послужилъ Нанкинскій договоръ 1842 года, и въ особенности Тяньцзиньскій договоръ 1858 года. Въ настоящее время насчитывается въ Китаѣ около 500,000 номинальных христіанъ, т. е. по одному на каждую тысячу душъ населенія. Необходимо, однако, замѣтить, что просвѣтитъ души этихъ 500,000 китайцевъ Христовымъ ученіемъ обходится религіознымъ миссіямъ около 500,000 фунтовъ стерл. въ годъ...

Было бы крайне ошибочно думать, что въ массѣ китайскаго населенія таится враждебное чувство къ иноземнымъ религіямъ, какимъ бы то ни было; напротивъ, китайцы относятся съ глубокимъ уваженіемъ ко всякой чуждой религіи. Мы уже замѣтили выше, что буддизмъ въ своемъ чистомъ, неизвращенномъ видѣ имѣлъ весьма благотворное вліяніе на китайцевъ; такимъ же обра-

зомъ благотворно пліяли на кнтайцевъ и многіе христіанскіе миссіонеры, выступавшіе въ роли врачей или учителей или созидателей благотвори-тельныхъ учрежденій; но эти хорошіе результаты достигались благодаря мягкому нравственному воздѣйствію, а не путемъ внѣдренія догматиче-ской стороны религіи.

Важнѣйшими причинами враждебнаго отноше-нія населенія, главнымъ образомъ сельскаго, къ миссіонерамъ служить стремленіе этихъ послѣд-нихъ подорвать народныя вѣрованія и укоренив-шіеся обычаи, которые, весьма естественно, всегда дороги простому человѣку. Для примѣра можно указать на слѣдующіе неудачные приемы христіан-скихъ миссіонеровъ, вызывающіе обыкновенно крайнее неудовольствіе китайскаго населенія.

1) Какъ римско-католическіе, такъ и протестант-скіе миссіонеры одинаково ополчаются противъ су-ществующаго въ Китаѣ обычая уродованія ногъ у женщинъ¹⁾. Эту пропаганду противъ зловреднаго обычая нельзя, конечно, не признать вполне бла-горазумной, тѣмъ болѣе, что и сами китайцы раздѣляютъ этотъ взглядъ миссіонеровъ; необхо-димо, однако, имѣть въ виду, что истина не всегда является одинаково очевидной для всѣхъ и настоя-чивое преслѣдованіе этого обычая вселяетъ рознь и враждебное отношеніе между китайскими жен-щинами консервативнаго образа мысли и тѣми,

¹⁾ Указомъ императрицы въ апрѣлѣ настоящаго года пред-лагается прекратить пагубную привычку уродованія ногъ.

которыя склонны отказаться отъ уродованія своихъ ногъ, а очевидной для всѣхъ причиной этой вражды являются миссіонеры.

2) Точно также всѣ миссіонеры, какъ католики, такъ и протестанты совершенно справедливо преслѣдуютъ употребленіе опиума. Проповѣдь эта не можетъ вызвать со стороны китайцевъ никакой вражды и не сопряжена, конечно, ни съ какимъ рискомъ, но въ то же время китайцы не могутъ совершенно преклониться предъ этой проповѣдью, видя, какъ соотечественники тѣхъ же проповѣдниковъ продолжаютъ упорно привозить и торговать этимъ осуждаемымъ зловреднымъ зельемъ.

3) За исключеніемъ католическихъ миссіонеровъ всѣ прочіе возстаютъ противъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Эта пропаганда является до нѣкоторой степени неумѣстной, потому что сами эти миссіонеры приходятъ изъ странъ, гдѣ злоупотребленіе спиртными напитками является распространеннымъ порокомъ; но въ Китаѣ, гдѣ среди населенія господствуетъ вообще умеренность во всемъ, такая проповѣдь миссіонеровъ является совершенно излишней.

4) Постоянная борьба миссіонеровъ противъ встрѣчающагося въ Китаѣ рабства и распространенаго тамъ обычая наложничества вызываетъ наиболѣе серьезныя столкновенія и вражду со стороны туземнаго населенія. Но и въ этой проповѣди миссіонеры, въ сущности, не вѣрно понижаютъ самый смыслъ своей проповѣди. Дѣло въ

томъ, что рабство въ Китаѣ никогда, ни въ какое время, не проявлялось въ такихъ жестокихъ формахъ, какъ мы это встрѣчали въ прежнее время въ Европѣ, а затѣмъ позже въ Аравіи: въ Китаѣ рабство сказывается, въ извѣстной степени, лишь въ установившихся обычаяхъ социальныхъ перегородкахъ и никоимъ образомъ не подразумеваетъ подъ собою полного закрѣпощенія или продажи однихъ людей другими; между тѣмъ миссіонеры ничего знать не хотятъ и готовы осуждать китайцевъ за такіе грѣхъ, которые были свойственны ихъ собственнымъ предкамъ.

5) Ополчаясь противъ наложничества, миссіонеры такимъ же образомъ впадаютъ въ ошибочное толкованіе этого слова, придавая ему такой смыслъ, который понятенъ въ Европѣ, но который совершенно неумѣстенъ въ Китаѣ. Не говоря ужъ про то, что полигамія была узаконена какъ среди евреевъ—прародителей нашей религіи, такъ и среди римлянъ—прародителей нашей гражданственности, многоженство и по настоящее время является общимъ правиломъ на всемъ материкѣ Азіи за небольшими исключеніями; и притомъ же обычаи не скрываетъ въ себѣ такъ много порочнаго, какъ это представляется на нашъ взглядъ, поэтому европейскіе миссіонеры совершенно не въ правѣ навязывать свои взгляды и понятія по этому вопросу только потому, что полигамія въ Европѣ является въ видѣ порока.

6) Наконецъ, необходимо еще указать на су-

шествующіе въ Китаѣ среди сельскаго населенія обычаи празднованія въ деревняхъ своихъ храмовыхъ праздниковъ, заклинанія демоновъ, поклоненіе дощечкамъ съ нарисованными на нихъ именами покойныхъ императоровъ, поклоненіе могиламъ Конфуція, особые моельщики о ниспосланіи дожди и т. п. Всѣ эти обычаи навлекаютъ на себя иногда гоненіе со стороны европейскихъ миссіонеровъ, необладающихъ достаточной терпимостью и широкимъ взглядомъ на вопросы религіи; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого столкновения являются безпорядки и волненія, жертвами которыхъ дѣлаются тѣ же миссіонеры.

Существуетъ еще много такихъ пунктовъ столкновения между китайцами и миссіонерами: всѣ, напримѣръ, китайцы обязаны всегда принимать участіе въ подпискѣ на сооруженіе какого-нибудь храма или устройство „свѣтлаго“, по мнѣнію миссіонеровъ, праздника; стоитъ лишь какому-нибудь новообращенному китайцу или монастырскому служителю принять участіе въ подобной подпискѣ, какъ неизбежно поднимается протестъ со стороны прямолинейныхъ миссіонеровъ, которые, строго говоря, могли бы и сами принять участіе въ подпискѣ, имѣющей характеръ мѣстной благотворительности и одобренной мѣстными властями. Во всякомъ случаѣ они не имѣютъ права вѣдшиваться нъ такіе вопросы, которые касаются занныхъ отношеній мѣстныхъ властей и туземцевъ, хотя бы эти послѣдніе были и христіане. Мнѣ-

сіонеры забываютъ, что подобныя подписки, сохраняющія въ Китаѣ еще принудительный характеръ, существовали въ такой же формѣ и въ Европѣ, и это одно уже должно было бы заставить миссіонеровъ воздержаться отъ беспощаднаго осужденія подобныхъ подписокъ.

Хотя китайцы, вообще, какъ это было замѣчено выше, довольно равнодушны въ дѣлахъ религіи, они все-таки не чужды многихъ религіозныхъ вѣрованій, которыя никогда не имѣютъ такого мрачнаго, суроваго характера, какъ у англо-голландцевъ или у другихъ „протестантекихъ“ народовъ. Раньше всего китайцы глубоко почитаютъ идею о безсмертіи души, усвоенную ими частью отъ первобытныхъ вѣрованій, частью отъ буддійскаго тезиса переселенія души; благодаря этому основному религіозному чувству, у китайцевъ укоренился обычай весьма заботливаго отношенія къ умершихъ родственникамъ, узаконены существованіе многихъ погребальныхъ церемоній, стремленіе приносить какія бы то ни было жертвы на похороны умершихъ родственниковъ, поклоненіе душамъ умершихъ предковъ; въ умахъ китайцевъ виѣдрилось жадное желаніе имѣть сына, строгое чувство семейнаго и родственнаго единства, почитаніе старшихъ младшими и т. п.

Необходимо замѣтить, что по складу своего ума китайцы не любятъ хитроумныхъ религіозныхъ ученій, но при всемъ томъ проявляютъ всегда вполне интеллектуальный и достаточно

либеральный взглядъ на вопросы религіи. Это видно уже изъ того, что наиболѣе воинствующая на землѣ и вызывающая религія — мусульманство, научившаяся въ настоящее время мирно уживаться во многихъ странахъ, вызывала, однако, въ Китаѣ немало кровопролитныхъ столкновеній; несмотря на это, мусульманинъ по китайскому закону можетъ достигнуть, и на самомъ дѣлѣ иногда достигаетъ, положенія вице-короля. Христіане, конечно, встрѣтили бы еще болѣе терпимое отношеніе къ себѣ, если бы миссіонеры умѣли проявить побольше гуманности, дѣлали бы нѣкоторыя уступки въ вопросахъ религіи, избѣгая всячески обвиненій и упрековъ по адресу другихъ иновѣрцевъ, только потому, что ихъ совѣсть не позволяетъ имъ раздѣлять наши взгляды въ вопросахъ истины.

Итакъ, мы видѣли, что, проявляя безусловную терпимость къ другимъ религіямъ, китайцы, въ противоположность распространенному мнѣнію, сами по себѣ все-таки народъ религіозный; ни образованные классы, ни простолюдины никогда неспособны были бы выступить гонителями чужой религіи; примѣромъ служитъ то, что русскіе православные миссіонеры никогда, ни разу, не подвергались никакимъ преслѣдованіямъ, и если таковыя были часто направлены противъ католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ, то это нужно приписать только неразумному усердію миссіонеровъ въ дѣлѣ проповѣди. Мы приходимъ такимъ образомъ къ одному изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни

Китай—къ причинамъ возникновенія различныхъ возстаній и зарожденія тайныхъ обществъ, которыя всегда признавались принадлежащими къ религиознымъ сектамъ.

Въ началѣ 1308 года, вслѣдъ затѣмъ, когда въ Китаѣ посвященъ былъ въ первые архіепископы Иванъ Монтекорвино подъ названіемъ Ханъ-балык-скаго (или Пекинскаго) архіепископа, начинается уже преслѣдованіе всѣхъ, вообще, иновѣрцевъ; согласно китайскимъ лѣтописямъ тогда былъ изданъ законъ, по которому христіанскіе священники, буддійскіе бонзы и тибетскіе монахи „обязаны на будущее время платить подати, какъ и всѣ прочіе подданные“; вмѣстѣ съ тѣмъ приняты особыя мѣры, чтобы положить предѣлъ „различнымъ претензіямъ буддійскихъ священниковъ“.

О существованіи въ понятіяхъ законодателя тѣсной связи между возстаніями и религіями можно судить по слѣдующему закону того времени: „запрещается на будущее время князьямъ и священникамъ тибетскимъ, участвующимъ въ кортежѣ императора, тѣснить народъ на дорогѣ; запрещается существованіе секты „Бѣлой Лиліи“; принадлежашія этой сектѣ зданія должны быть разрушены, а послѣдователей этой секты обратить въ обыкновенныхъ людей“. Затѣмъ далѣе, въ 1322 году, подтверждается новымъ закономъ существованіе буддійской секты „Бѣлой Лиліи“. Тѣмъ не менѣе, въ 1349 году, въ сѣверной части нынѣшней провинціи Ань-хой, вспыхнуло возстаніе подъ

названіємъ „красный тюрбанъ“, которое задумано было и поддерживалось тайнымъ обществомъ „Бѣлой Лилии“. Главнымъ лозунгомъ этого возстанія было объявленіе пришествія будто бы на землѣ *Метрайя*, почитаемаго у буддистовъ какъ своего рода Мессія, въ чемъ ясно сказывается связь между религіозными движеніями и возстаніями.

Вскорѣ послѣ того одному буддійскому священнику удалось низвергнуть съ престола монгольскую династію и водворить на ея мѣсто Минскую династію. Этотъ важный переворотъ въ жизни Китая зародился такимъ образомъ также во время религіознаго движенія.

Въ 1622 году вспыхиваетъ новое возстаніе, подъ эгидой все того же общества „Бѣлой Лилии“. Замѣчательно, что это возстаніе зародилось въ той самой мѣстности, гдѣ въ 1900 году появилось постѣднее возстаніе „боксеровъ“. Упрочившіесн тогда въ Китаѣ іезуиты были, можетъ быть, непричастны къ этому возстанію, но въ глазахъ китайцевъ они считались одинаково принадлежащими къ иновѣрнымъ проповѣдникамъ, вслѣдствіе чего противъ іезуитовъ начинаются жестокія гоненія со стороны китайскаго правительства.

Тѣмъ временемъ главному предводителю „Бѣлой Лилии“ удалось одержать перевѣсъ надъ правительственными войсками, послѣ чего онъ занялъ и разграбилъ Пекинъ и положилъ конецъ царствованію Минской династіи. Престолъ заняла царствующая понынѣ Маньчжурская династія, при-

званная на помощь предшествовавшими послѣдними правителями Минскаго дома.

Въ теченіе двухъ первыхъ вѣкопъ царствованія новой династіи Китай наслаждался сравнительно внутреннимъ миромъ, и въ странѣ не замѣчается никакихъ серьезныхъ народныхъ возстаній; но если когда-нибудь бывали незначительныя движенія, то первый толчокъ этихъ движеній имѣлъ всегда религіозный характеръ.

Въ 1778 году въ южной части провинціи Шань-си появилось народное возстаніе, заставившее правительство снова обратить вниманіе на общество „Бѣлой Лилии“, которое, повидимому, считалось тогда сектой мусульманскаго толка; это видно изъ слѣдующихъ словъ императора: говоря о распространенной тогда среди правотѣрныхъ мусульманской схизмѣ, императоръ выразился такъ: „основы этой схизмы по своимъ принципамъ напоминаютъ распространенную среди бонзовъ секту Бѣлой Лилии“. Къ этому времени мятежи и возстанія широко распространяются по всей имперіи, которая переживала весьма трудный періодъ своего существованія; тѣмъ болѣе, что тогда же, въ 1795 году, престарѣлый императоръ Цянь-лунъ, посѣвъ продолжительнаго счастливаго царствованія въ теченіе шестидесяти лѣтъ, сложилъ съ себя правленіе, уступивъ престолъ своему старшему сыну. При этомъ послѣднемъ предводитель „Бѣлой Лилии“ взятъ былъ въ плѣнъ и казненъ.

Въ 1813 году вспыхиваетъ новое возстаніе

„боксеровъ“ въ той же мѣстности, о которой упомянуто было выше, именно, въ южной части провинціи Шань-дунъ, которая является, повидимому, постояннымъ очагомъ этихъ возстаній. Это возстаніе носило также религіозный характеръ, при чемъ многимъ сектантамъ „боксеровъ“ удалось даже получить доступъ ко двору императора; жизнь этого послѣдняго очутилась въ опасности и была спасена лишь благодаря храбрости его второго сына, занявшаго впоследствии престолъ подъ именемъ императора Дао-гуана. Несомнѣнная связь между сектой „боксеровъ“ и обществомъ „Бѣлой Лилии“ подтверждается дѣйствовавшимъ противъ этой секты генераломъ Най-чэномъ. (Nayench'-êng), хотя официально секта эта извѣстна была тогда подъ названіемъ Тянь-ли или религія „Небеснаго закона“. Секта эта по всѣмъ признакамъ имѣетъ если не прямое, то косвенное отношеніе къ христіанству или, по меньшей мѣрѣ, къ идеямъ христіанства.

Въ 1850 году выступаетъ съ полной очевидностью связь между проповѣдью христіанства въ Китаѣ и возникновеніемъ различныхъ мятежей и народныхъ движеній. Зная мятежа было поднято тогда въ южной части провинціи Гуанъ-си китайцемъ, новообращеннымъ христіаниномъ, по имени Хунъ - сю - цюань; секту свою онъ назвалъ „Шань-ди-хуай“ или „Обществомъ Бога“, и въ теченіе десяти лѣтъ онъ правилъ въ Нанкинѣ подъ титуломъ „Царя Небеснаго“, доказывая свое кров-

мое родство съ Иисусомъ Христомъ. Почти половина всей Китайской имперіи была опустошена этимъ возстаніемъ, и лишь въ 1864 году отцу знаменитаго маркиза Цзэна удалось снова завоевать Нанкинъ и выгнать оттуда предводителя возстанія.

Что касается происхожденія послѣднiго боксерскаго движенія въ 1900 году, то нѣтъ надобности вдаваться здѣсь въ изслѣдованіе причинъ этого движенія съ точки зрѣнія ихъ религіозной подкладки. Ограничимся указаніемъ лишь нѣкоторыхъ безспорныхъ положеній, выясняющихъ собственно практической смыслъ этого движенія. Раньше всего „боксеры“ несомнѣнно вдохновлены были основными догматами старинной „Бѣлой Лилии“ въ томъ отношеніи, что они выступили со стороны буддизма съ протестомъ противъ воинствующей проповѣди христіанства. Эта воинственность христіанства въ глазахъ китайцевъ проявилась весьма наглядно въ захватахъ христіанами китайской территоріи во многихъ мѣстахъ имперіи, притомъ же очевидны были для китайцевъ признаки всеобщаго союза между всѣми европейскими миссіонерами и ихъ солидарность съ дѣятелями, преслѣдующими чисто политическіи цѣли.

Протестъ людей невѣжественныхъ вылился, конечно, въ грубой насильственной формѣ. Но при всемъ томъ позволительно утверждать, что во всѣхъ этихъ событіяхъ сами христіане далеко не придерживались тѣхъ принциповъ, которые они

проповѣдывали въ своемъ вѣроученіи; они должны поэтому сами нести отвѣтственность и порпчаніе за всѣ катастрофы этихъ лѣтъ.

Въ области изученія литературы Китая послѣднія событія привели, между прочимъ, къ уничтоженію академіи Хань-линь и русской козлегіи въ Бэй-гуанѣ (Pei-Kwan). Впрочемъ, русскіе уже вознаградили себя тѣмъ, что въ видѣ возмездія вывезли въ Европу обширную коллекцію манускриптовъ изъ мукденскаго дворца. Эта коллекція заключаетъ въ себѣ копіи сочиненій греческихъ и римскихъ классиковъ, которыя принесены были въ Китай древними европейскими миссіонерами или монгольскими завоевателями послѣ покоренія Венгрии ¹⁾.

---

¹⁾ Это одна изъ многихъ выдумокъ, циркулировавшихъ въ газетахъ. Пока же, время отъ времени, обнаруживаются подобныя „возмездія“ со стороны англичанъ, а не со стороны русскихъ.

Примѣч. Перев.

ГЛАВА XVI.

Нѣсколько словъ о китайскомъ календарѣ.

Для уразумѣнія китайской хронологіи является необходимость ближе ознакомиться съ особенностями китайскаго календаря. Но я долженъ признаться съ перваго же шага, что мнѣ совершенно неизвѣстны собственно научные принципы, положенные въ основу китайскаго лѣтосчисленія. Постараюсь подѣлиться лишь съ тѣми выводами по этому вопросу, къ которымъ я пришелъ послѣ близкаго ознакомленія съ китайской исторіей въ подлинникѣ и нѣкоторыми специальными главами китайскихъ лѣтописей, касающимися астрологіи и порядка лѣтосчисленія.

Основой китайскаго календаря служатъ лунные періоды, равные, приблизительно, $29\frac{1}{2}$ солнечнымъ днямъ. Эти лунные періоды отличаются одинаковостью положенія луны въ отношеніи солнца и прочихъ небесныхъ свѣтилъ и обозначаютъ собою лунные мѣсяцы. Наиболѣе древнее слово, которымъ

обозначался годъ, является синонимомъ понятія „теченіе“, „продолженіе“ и т. п.; позднѣе со словомъ годъ стали отождествлять извѣстный звѣздный періодъ, затѣмъ—время уборки урожая, приношеніе извѣстныхъ жертвъ и т. п.

Началомъ дня, сутокъ, въ древнемъ Китаѣ считалось сначала время утренней зари, затѣмъ пѣніе иѣтуховъ и, наконецъ, время полуночи, на къ это принято въ Китаѣ и теперь. Собственно понятіе о періодѣ промежутка времени, обнимающаго собою продолжительность дня, приурочивается также къ основной идеѣ о лунномъ мѣсяцѣ, такъ что даже по настоящее время, на примѣръ въ Фу-чжоу, населеніе называетъ мѣсяцъ, мѣсячный періодъ—„мѣсячнымъ днемъ“.

Въ книгѣ, трактующей о церковныхъ обрядахъ, говорится, что „солнце совершаетъ свой полный оборотъ въ теченіе 12 лунныхъ мѣсяцевъ и при исходѣ двѣнадцатаго луннаго періода становится въ одинаковое положеніе въ отношеніи заѣздъ и луны“. Но уже въ очень древнія времена было открыто, что это соотвѣтствуетъ лишь грубому исчисленію, а для того, чтобы солнце и луна заняли въ отношеніи небесныхъ свѣтилъ совершенно тождественное положеніе, необходимо по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ прибавлять къ году одинъ лунный мѣсяцъ.

Наблюдая при помощи оси или стержня различную длину тѣни и замѣчая наибольшую длину въ полдень зимою, китайцы опредѣлили, танимъ

образомъ, время „зимняго возвращенія солнца“, т. е. время зимняго „солнцестоянія“, какъ оно называется у насъ. Время отъ одного „солнце-возвращенія“ до другого дѣлится на двадцать четыре „звеньевъ жизни“. Каждое изъ этихъ звеньевъ называется поочередно „центральный“, что бываетъ тогда, когда „солнце вступаетъ подъ извѣстнымъ зодіакомъ“; если же одинъ изъ мѣсяцевъ не имѣетъ центральнаго звена, что случается тогда, когда моментъ нахожденія солнца подъ этимъ зодіакомъ совпадаетъ съ концомъ одного и началомъ другого луннаго мѣсяца, то вводится одинъ високосный лунный мѣсяцъ, при чемъ примыкающее къ нему предшествующее звено прибавляется къ центральному, а послѣдующее присоединяется къ первому, непосредственно слѣдующему мѣсяцу.

Такимъ образомъ начало каждаго новаго года въ Китаѣ приурочивается къ началу луннаго мѣсяца, который въ свою очередь связанъ съ временемъ солнцестоянія; поэтому начало года обыкновенно передвигается, образуя, впрочемъ, небольшую разницу — не больше нѣсколькихъ дней, подобно тому, какъ это повторяется въ календаряхъ русскомъ, юліанскомъ и грегорианскомъ.

Династія Цинь (Ts'in), царствовавшая съ 255 по 206 годъ, начинала обыкновенно каждый новый годъ съ начала новаго луннаго мѣсяца; получающіеся при этомъ остатки постепенно накапливались до тѣхъ поръ, пока, обыкновенно по истеченіи 12 лунныхъ мѣсяцевъ, получался еще

одинъ добавочный лунный мѣспцъ, тринадцатый, который, однако, добавлялся всегда не послѣ двѣнадцатаго, а послѣ шестого мѣсяца, оставляя неизмѣненнымъ число мѣсяцевъ въ году ; такъ что добавочный мѣсяцъ назывался также *шестымъ bis*,— подобно тому, какъ если бы мы въ високосномъ году считали послѣ 28 февраля не 29-е, а 28 *bis*.

Установленное Цинской династіей лѣтосчисленіе съ теченіемъ времени подверглось новымъ измѣненіямъ, такъ что по примѣру многихъ другихъ народовъ и китайцы постоянно сбивались и путали свое лѣтосчисленіе добавками, въ виду того, что каждая новая династія считала необходимымъ вводить свои измѣненія, желая своей системой исчисленія времени дать населенію опредѣленные указанія относительно посѣпощъ и уборки урожая. А такъ какъ въ историческихъ документахъ не сохранялись указанія относительно системы лѣтосчисленія, то позднѣйшія поколѣнія не могли руководствоваться опытомъ предковъ.

Конфуцій самъ никогда не затрогивалъ вопроса ни о календарѣ, ни о будущей жизни, о которыхъ, по его словамъ, онъ не имѣлъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, въ упомянутой выше „книгѣ о церковныхъ обрядахъ“ мы находимъ указаніе, что *шестой* мѣсяцъ при династіи Чжоу соотвѣтствовалъ при династіи Ся *четвертому* мѣсяцу. Вотъ и все, что находимъ въ китайскихъ источникахъ по вопросу о взаимоотношеніи лѣтосчисленій въ разныя эпохи. Между тѣмъ, по отзыву

извѣстнаго синолога, покойнаго Александра Вилли (Alex. Wylie), китайцы тогда уже, задолго до нашей эры, знали планиметрію, стереометрію, тригонометрію, теорію уравненій, и по всѣмъ этимъ предметамъ имѣли научные трактаты.

Съ теченіемъ времени китайскіе астрономы уклонились нѣсколько отъ первоначальной глѣ — установить соотношеніе между лѣтосчисленіемъ и полевыми работами, и стали доказывать, что на землѣ каждый человѣкъ имѣетъ свою соотвѣтствующую звѣзду на небѣ, которая и вліяетъ на все, что съ нимъ совершается. Исходя изъ этой теоріи, вмѣнялось въ обязанность придворному хроникеру отмѣчать въ лѣтописяхъ регулярно обо всемъ, что совершалось при дворѣ подъ той или иной звѣздой. Отсюда, конечно, одинъ шагъ до науки предсказыванія событій, которыя должны случиться въ будущемъ.

Благодаря своей заманчивости, эта наука упрочивалась при дворѣ китайскихъ императоровъ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что астрологія, или наука 'отгадыванія будущаго, считалась въ числѣ положительныхъ наукъ, приравненная къ медицинѣ, которая, кстати сказать, и по настоящее время является собственно наукой отгадыванія болѣзней, исключая развѣ лишь одну хирургию, имѣющую въ своемъ основаніи данныя болѣе или менѣе положительнаго свойства.

Установленная китайскимъ календаремъ связь между исчисленіемъ времени и отгадываніемъ бу-

душаго по теченію небесныхъ свѣтилъ привела къ усложненію календаря различными придаточными свѣдѣніями, такъ какъ до настоящаго времени китайцы справляются въ календарѣ, руководствуясь указаніями звѣздъ, для опредѣленія дня какихъ-нибудь торжественныхъ случаевъ и празднествъ.

Въ прежнее время императоры приурочивали къ началу своего царствованія извѣстный мѣсяцъ, измѣняя въ зависимости отъ этого событія начало года; кромѣ того въ исторіи царствованія полумионическихъ императоровъ встрѣчаемся съ чрезвычайной продолжительностью этихъ царствованій, что даетъ основаніе думать, что китайцы вели тогда начало года не только отъ зимняго, но также и отъ лѣтняго солнцестоянія. Можетъ быть подобной путаницей въ исчисленіи времени можно отчасти объяснить продолжительность легендарныхъ возрастовъ Маусанла и друсихъ.

Извѣстный въ исторіи Китая Сы-ма-нянь (Sz-ma Tsien) и его отецъ оба состояли хроникерами при лворѣ; послѣдній изъ нихъ принадлежалъ къ числу флософовъ-отрицателей и задумалъ написать послѣдовательную исторію своего времени. Съ тѣхъ поръ обязанности придворнаго хроникера значительно расширяются: изъ простаго повѣствователя событій въ узкихъ предѣлахъ придворной жизни онъ обращается въ историка и лѣтописца для всей имперіи.

Кромѣ этой заслуги Сы-ма ему принадлежитъ

еще реформа китайскаго календаря: во вниманіе къ большимъ свѣдѣніямъ этого ученаго въ области астрономіи и астрологіи императоръ поручилъ ему упорядочить календарь, что имъ и было исполнено при сотрудничествѣ цѣлой комиссіи ученыхъ. Реформа эта имѣла результатомъ усовершенствованіе орудій, а также и самой системы наблюденій. Что же касается собственно системы лѣтосчисленія, то и въ этомъ отношеніи получились выдающіеся результаты: чтобы очистить календарь отъ накопившихся ошибокъ и предупредить возможность появленія ихъ въ будущемъ, было прибавлено къ текущему тогда 104 году до Р. Х. три лунныхъ мѣсяца; затѣмъ принято было на будущее время началомъ каждаго года считать не первый день послѣ солнцестоянія, какъ это упомянуто было выше, а лишь съ того времени, когда солнце нъ своей эклиптикѣ находится на разстояніи 6° ниже зимняго солнцестоянія. Одинъ изъ китайскихъ ученыхъ выразился объ этой реформѣ такъ: „теперь только мы узнаемъ впервые съ достаточной ясностью, какой именно день долженъ служить началомъ новаго года“.

Для насъ, европейцевъ, эта реформа китайскаго календаря весьма важна, такъ какъ даетъ возможность установить хронологическій порядокъ событий въ исторіи Китая въ отношеніи къ принятому у насъ лѣтосчисленію.

По преобразованному календарю день дѣлится на 81 часть; лунный мѣсяць состоитъ изъ $29\frac{41}{81}$

дней; тотъ день, къ которому присоединяется дробь, называется „мужскимъ“ днемъ, а тотъ, отъ котораго отнимается — „женскимъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ Китаѣ съ тѣхъ поръ вводится обычай приурочивать къ каждому году или, познѣе, каждой царствующей династіи особый титулъ — „старинная слава“, „великіе подвиги“ и т. п.; царствующая нынѣ Маньчжурская династія носитъ согласно этому обычаю названіе „славное постоянство“ ¹⁾).

Введенный въ Китаѣ реформированный календарь подвергался въ послѣдствіи нѣкоторымъ измѣненіямъ и поправкамъ. Такъ, въ 9-мъ году послѣ Р. Х., во время непродолжительнаго царствованія одной узурпаторской династіи, въ періодъ между династіями восточной и западной Хань, былъ узурпированъ также и одинъ мѣсяцъ изъ времени царствованія предшествовавшей династіи; трудно, однако, сказать, чтобы этотъ присвоенный мѣсяцъ оказалъ какое-нибудь вліяніе на правильность исчисленія хронологическаго порядка позднѣйшихъ событій.

Во время царствованія вост. Ханьской династіи (25—220 послѣ Р. Х.) одинъ изъ императоровъ въ 84 году призналъ желательнымъ сдѣлать кой-

---

¹⁾ Сколько извѣстно, переклѣпка династій сказывается въ названіи имперій такъ, что каждой династіи присвоивается *низшее* названіе — „Дай“ („Великій“); напримѣръ: Дай-Цинь-го (гдѣ Цинь — названіе царствующей династіи), Дай-Монь-го, Дай-Юань-го — названіе имперій при прежнихъ династіяхъ.

Примѣч. Перев.

какія измѣненія въ календарѣ; эти измѣненія коснулись главнымъ образомъ изображенія планетной системы.

Къ этому же времени, какъ видно изъ китайскихъ лѣтописей, относится открытіе лунныхъ затменій, хотя указанія объ этомъ имѣются довольно туманныя и трудно сказать, были ли тогда лишь указаны лунныя затменія или было вычислено время ихъ появленія. Открытіе это было сдѣлано нѣкимъ Лю-Хуномъ, который открылъ также въ упомянутомъ выше преобразованномъ календарѣ ошибку въ исчисленіи продолжительности года, равную $\frac{38}{10000}$ части дня, такъ что по истеченіи 1460 дней получается уже цѣлый день, на который календарный годъ будетъ меньше истиннаго года.

По словамъ одного изъ китайскихъ писателей того времени астрономическая наука въ Китаѣ до Конфуція характеризуется такимъ же образомъ, какъ и при Птоломееѣ, т. е. „земная поверхность плоска какъ шахматная доска, а небо имѣетъ круглую форму въ видѣ балдахина“.

Насколько измѣненія въ календарѣ носили иногда совершенно произвольный характеръ, можно судить по тому, что въ 237 году одинъ изъ императоровъ узурпаторской династіи Вэй, безъ всякихъ основательныхъ причинъ, перенесъ на лѣто одинъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ; и такъ продолжалось три года, пока въ 240 году онъ возвратился къ прежнему счисленію.

Во время первой Сунской династии, царствовавшей въ нынѣшнемъ Нанкинѣ, когда татары царствовали въ сѣверномъ Китаѣ, одному астроному удалось изобразить планетную систему на глобусѣ, изготовленномъ изъ стали (?). Этотъ самый астрономъ предложилъ въ 445 году новый календарь, въ основаніе котораго продолжительность года была принята равной 365,2425 днямъ, т. е. новый годъ былъ сокращенъ противъ прежняго на 0,0011 часть дня.

Около полувѣка спустя, во время царствованія той же династии Сунъ, иѣкій Цзю-Чунъ-чжи опять обнаружилъ ошибку въ исчисленіи года, вытекающую изъ неправильнаго наблюденія движенія солнца въ отношеніи полярной звѣзды, которая, по мнѣнію этого наблюдателя, перемѣщала свое мѣстоположеніе на одинъ градусъ въ сторону отъ предполагаемаго ея нахожденія.

Въ 452 году господствовавшіе въ сѣверномъ Китаѣ татары-Тоба вводятъ новый календарь, въ появленіи котораго участвовали, вѣроятно, индускіе боизы, привозившіе съ собою изъ Индіи астрономическіе инструменты и имѣвшіе тогда, вообще, большое вліяніе на сѣверный Китай.

Спустя еще полувѣка иѣкій Чжанъ-Цзы-синъ сдѣлалъ новое открытіе, — что „во взаимномъ теченіи солнца и луны замѣчается направленіе внутреннее и внѣшнее; пять планетъ небесныхъ имѣютъ движеніе какъ поступательное, такъ и

отступательное, скорое и замедленное, а временами совсѣмъ останавливаются" и т. д.

Не прошло и тридцати лѣтъ послѣ упомяну-
таго сейчасъ Чжанъ-Цзы-синя, какъ появился но-
вый астрономъ Лю-Чо (Liu Ch'oh), который и
въ теченіи солнца нашелъ движеніе поступатель-
ное и обратное, что послужило ему основаніемъ
къ составленію новаго календаря. Это событіе
имѣло мѣсто во время царствованія Суйской ди-
настїи (581—618). Китайскія лѣтописи того вре-
мени упоминаютъ объ искусственныхъ горизон-
тахъ, а объ уровнѣ астрономической науки въ
Китаѣ въ то время можно судить по слѣдующимъ
замѣчаніямъ астрономовъ, приводимымъ въ анна-
лахъ: возражая противъ планетной системы Пто-
ломея, одинъ астрономъ говорить: „если небесный
сводъ имѣетъ дѣйствительно круглую форму, то
онъ долженъ проходить также и ниже поверхности
морей“. Другой астрономъ замѣчаетъ: „кометы
заимствуютъ свой свѣтъ отъ солнца, потому что
онѣ восходятъ утромъ на западѣ, а вечеромъ на
востокѣ“ и т. д.

Послѣ возсоединенія разрозненныхъ частей
имперїи при знаменитой Таиской династїи начи-
наются оживленные сношенія Китая съ Турке-
станомъ и Западомъ вообще. Попутно съ этими
сношеніями шелъ, конечно, и оживленный обмѣнъ
идей и свѣдѣній, который не прошелъ безслѣдно
и въ области астрономїи. Были собраны старин-
ные глобусы и изображенія небесныхъ сферъ;

все это было сопоставлено и сравнено между собою, послѣ чего принята была одна постоянная вновь выработанная система. Для изображенія этой системы былъ вылить пзъ мѣди особый инструментъ, который назывался „вращеніе небеснаго свода“, служившій также для объясненія птоломеевской „теоріи о земномъ шарѣ“.

Лѣтописи того времени даютъ несомнѣнныя доказательства вліянія индуссовъ на устройство китайскаго календаря. Вліяніе западной Азіи на китайское лѣтосчисленіе сказалось въ устройствѣ особаго календаря, извѣстнаго подъ названіемъ „Цзю-Чжи“ (или—„девять звеньевъ“). Впрочемъ, этотъ календарь не былъ введенъ въ общее пользование, такъ какъ найденъ былъ слишкомъ туманнымъ.

Въ 665 году по Р. Х. жилъ въ Китаѣ знаменитый астрономъ Ли-Чунъ-фынъ, который придумалъ особый приборъ, состоявшій изъ трехъ концентрическихъ круговъ, на которыхъ изображалось взаимное положеніе четырехъ странъ свѣта, а также и теченіе солнца, луны и звѣздъ. Этотъ самый астрономъ написалъ также комментарий къ старинному руководству объ измѣреніяхъ разныхъ величинъ. Этотъ же ревностный ученый старался доказать ошибочность исчисленій принятыхъ въ Китаѣ цикловъ и предложилъ для этой цѣли новую систему исчисленія, которая давала возможность избѣжать трудность наблюденія новолунія въ послѣдній день каждаго луннаго цикла.

Во время царствованія извѣстной императрицы Ву передовыми людьми имперіи во всѣхъ отношеніяхъ были жрецы религіи, которые отличались и какъ ученые, артисты, и какъ генералы, и даже какъ любовники императрицы. При помощи этихъ бонзъ императрица задумала въ 687 году, подобно многимъ предшествовавшимъ китайскимъ императорамъ, въ угоду своей прихоти ввести измѣненія и въ календарь. Эти нововведенія продержались, однако, лишь до 700 года, когда признано было пѣлесообразнымъ вернуться къ прежнимъ исчисленіямъ.

Послѣ смерти императрицы Ву знаменитый бонза И-синъ (Yih-hing) ввелъ новый календарь, извѣстный подъ названіемъ Да-янь, и сдѣлалъ рядъ исчисленій, относящихся къ опредѣленію продолжительности дня въ различное время луннаго мѣсяца, а также лунныя затмѣнія и проч. Особенности новаго календаря изложены, однако, такъ туманно, что не поддаются переводу съ китайскаго языка. Можно допустить, что упомянутая сейчасъ система Да-янь представляетъ собою видоизмѣненную систему индійскихъ бонзъ, извѣстную подъ названіемъ *Лутакка*. Это заимствованіе легко объясняется тѣмъ, что изъ Китая часто посылались бонзы въ Сіямпу для наблюденій за теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, гдѣ они и могли близко ознакомиться съ системой индуссовъ.

Въ 725 году былъ сооруженъ въ Китаѣ особый приборъ, состоявшій изъ гидравлическаго ко-

леса, вращающагося въ сторону противоположную вращенію небесной сферы; половина этого колеса была погружена подъ землей, а вторая половина оставалась на поверхности земли; къ этой второй половинѣ колеса были прикрѣплены два деревянныхъ человѣка, которые при вращеніи колеса ударяли въ колоколъ чрезъ каждые два часа и били въ барабанъ каждую четверть часа. Съ наружной стороны были прикрѣплены еще два другихъ колеса, которыя изображали собою луну и солнце; вращеніе этихъ колесъ было рассчитано такъ, что соотвѣтствовало собою вращенію этихъ свѣтилъ.

Въ 744 году вводится новое лѣтосчисленіе, въ основу котораго принято было не время урожая или посѣва, а извѣстные періоды времени; но это нововведеніе не продержалось долго.

Въ 761 году мы встрѣчаемся съ попыткой отодвинуть начало года опять къ зимнему еолнце-стоянію, но эта попытка кончилась ничѣмъ.

Около 860 года нѣкій Сюй-Ань открылъ три ошибки въ предполагавшейся продолжительности солнечныхъ затменій. Свое открытіе и предлагаемыя поправки Сюй-Ань изложилъ въ особомъ предложенномъ имъ календарѣ, который касался собственно указаній въ солнечныхъ затменіяхъ начала и конца соприкосновенія, момента полнаго затменія и нѣсколькихъ промежуточныхъ фазисовъ, о которыхъ обыкновенно упоминаютъ китайскіе астрономы. Прошло около 130 лѣтъ послѣ

этого открытія, какъ другой нитайскій астрономъ, Яо-Шунь-фу, открылъ впервые, что при полномъ солнечномъ и лунномъ затменіяхъ неизбежна нѣкоторая погрѣшность въ опредѣленіи начала и конца затменій, объясняемая свѣтовыми эффектами.

Во время царствованія въ Китаѣ такъ называемыхъ „Пяти династій“ въ дѣлѣ лѣтосчисленія держались системы, введенной Танской династіей

Въ 956 году упоминается въ китайскихъ лѣтописяхъ, что явились изъ Индіи бонзы съ „глупыми сказками“ о предстоящихъ затменіяхъ.

Когда великая династія Сунъ, послѣ продолжительнаго господства анархіи, вновь объединила Китайскую имперію, въ 960 году послѣдній мѣсяцъ года былъ перенесенъ на другой, что слѣдуетъ объяснить желаніемъ, чтобы начать новый годъ одновременно съ новымъ солнцестояніемъ. Этотъ новый календарь былъ введенъ въ 963 году, а въ 962 году было придумано новое изображеніе планетной системы.

Въ то время когда Сунская династія царствовала въ Собственномъ Китаѣ, на сѣверѣ, какъ извѣстно, господствовали кидане, которые въ отношеніи календаря и свѣдѣній по астрономіи вообще являются полными невѣждами. Къ такому заключенію слѣдуетъ прийти по увѣренію китайскихъ историковъ, по словамъ которыхъ— „лишь въ отчетахъ киданей мы не находимъ никакихъ указаній, касающихся астрологіи“. Такъ увѣряютъ китайскіе историки; но я со своей стороны нахожу,

что кидане успѣли однажды во время набѣга на китайскій городъ Кай-фынь-фу въ 947 году унести оттуда всѣ астрономическіе инструменты, при чемъ они кашли тамъ преобразованный китайскій календарь, введенный полу-тюркекимъ императоромъ въ 939 году. Въ концѣ кониовъ кидане приняли старый календарь Цэу-Чунъ-чжи, введенный въ Китаѣ въ 462 году, при чемъ мѣстные хроникеры старались, какъ всегда, приурочить новый календарь къ началу правленія своихъ государей. То же самое, какъ увидимъ въ послѣдствіи, повторилось и при господствѣ нью-чжэней и монголовъ, которые тоже нѣкоторое время пользовались календаремъ Цэу, нѣсколько видоизмѣненнымъ.

Мы еще не упомянули до сихъ поръ объ особенностяхъ лѣтосчисленія при Сунской династіи, которую, однако, слѣдуетъ считать выдающейся въ отношеніи процвѣтанія астрономіи и наукъ вообще. Въ 976 году, во время царствованія этой династіи, приказано было всюду въ имперіи разыскивать знающихъ астрономовъ. Результатомъ совѣщаній этихъ ученыхъ было появленіе новаго глобуса, о которомъ было упомянуто выше. Въ 983 году вводится новый календарь.

Въ теченіе послѣдующаго столѣтія китайскіе историки упоминаютъ постоянно о вновь придуманныхъ часахъ, астрономическихъ инструментахъ, новыхъ измѣненіяхъ въ календарѣ и т. п. Нѣкій Су-Сунъ написалъ тогда обо всѣхъ этихъ изобрѣтеніяхъ особую книгу, которая существуетъ по

сіе время. Можно, однако, допустить, что въ эту книгу включены многія изобрѣтенія, которыя извѣстны были задолго до того времени, хотя по увѣренію покойнаго Александра Вилли книга эта является „наиболѣе стариннымъ сочиненіемъ, въ которомъ трактуется о системѣ изображенія на глобусѣ небесной сферы“ („Хуанъ-тянь“). По словамъ монгольскихъ историковъ изобрѣтатель улучшенной системы изображенія небесной сферы былъ послѣднимъ человѣкомъ, который хорошо понималъ эту систему.

Монголы, какъ извѣстно, начали свою карьеру тѣмъ, что поглотили уйгуровъ и мусульманскіе народы Туркестана, Афганистана и Персіи. Будучи сами по себѣ невѣжественными въ дѣлѣ наукъ, монголы, однако, были чужды самоиѣнія и кичливости китайцевъ, вслѣдствіе чего они усердно собирали отовсюду талантливыхъ и свѣдущихъ людей по всѣмъ отраслямъ знанія. Весьма естественно поэтому, что монголы внесли много свѣта и въ дѣло календаря.

Въ 1126 году нюй-чжэни овладѣли тѣмъ же китайскимъ гороломъ, которымъ кидане завладѣли за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ, и доставили въ Пекинъ захваченные тогда астрономическіе инструменты, сильно пострадавшіе отъ грубаго обращенія. Кромѣ того эти инструменты были изготовлены въ 1050 году для астрономическихъ наблюденій на югѣ и поэтому оказались непригодными для меридіана Пекина. Когда же впослѣдствіи нюй-чжэни

бѣжали передъ монголами и скрылись въ столицу, которую они когда-то ограбили, то изъ всѣхъ астрономическихъ инструментовъ уцѣлѣло всего лишь двое водныхъ часовъ, которые они могли захватить съ собою, да и тѣ были уже совершенно разрушены при завоеваніи монголами въ 1234 году послѣдняго убѣжища Кай-фынь-фу.

Выше упомянуто было, что пвели въ лѣтосчисленіе систему 462 года, нѣсколько видоизмѣненную нѣкимъ Чжао-чжи-вэй. Этой же системой воспользовались и монголы, также видоизмѣненной талантливымъ министромъ Чингизъ-хапа и Огдай-хана, знаменитымъ государственнымъ человекомъ и писателемъ киданей Ё-лу-гу-цай.

Въ 1267 году, когда Хубилай-ханъ упрочился на китайскомъ престолѣ, однимъ персомъ, по имени Джамаръ-уддинъ, доставлено было изъ Западной Азіи нѣкоторое количество астрономическихъ инструментовъ. Этимъ же персомъ предложенъ былъ новый календарь подъ названіемъ „Вань-нянь“ (т. е. „миріады лѣтъ“), который, однако, не вошелъ въ общее употребленіе. Около того же времени жилъ при монгольскомъ дворѣ „фуллинъ“ (т. е. сиріецъ или франкъ), по имени Айзи или Исая, который также считался придворнымъ астрономомъ.

Въ 1283 году одинъ изъ жрецовъ, прибывшій изъ Западной Азіи, предлагалъ принять свои выводы изъ ряда астрономическихъ наблюденій, но эти выводы были опровергнуты уйгуромъ Архунъ-

Сары, ученикомъ знаменитаго тибетскаго мудреца Барсца.

Все изложенное несомнѣнно указываетъ на то, что при дворѣ монголовъ было, вообще, очень сильно влияние индусовъ, сирѣчь, историковъ и арабовъ. Для выясненія разныхъ вопросовъ, какъ въ области математики, такъ и въ области религіи, монголы держали при дворѣ особая общества ученыхъ, допускали между ними научныя диспуты на разныхъ предметахъ или выясненія истины.

Въ 1280 году астрономическая коммиссія при дворѣ Хубилай-хана доложила императору о результатахъ своихъ работы. Въ этомъ докладѣ выражено было слѣдующее: „На послѣднія 1356 лѣтъ было 70 календарей и 13 новыхъ системъ лѣтосчисления, не считая измѣненій въ календарѣ за послѣдніе 174 года. Въ виду чего мы теперь порѣшили, насчитывая пробѣ время за время, что время между зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніемъ должно быть на $\frac{1}{2}^\circ$ градусъ меньше, чѣмъ по календарю Да-минъ (представляющій собою не что иное какъ преобразованный календарь 462 года, о которомъ было упомянуто выше). Согласно этому календарю годъ равняется 305 днямъ, 24 сотымъ и 25 десятитысячнымъ дошамъ дня; этотъ послѣдній остатокъ является необходимою поправкой при желаніи согласовать годъ съ фазами луны“.

Кромѣ того эта коммиссія ученыхъ нашла, что къ упомянутому выше календарю Да-минъ должно прибавить одну треть дня при желаніи согласовать

солнечную орбиту съ лунными циклами. Упомянутая сейчасъ комиссія астрономовъ дала еще рядъ другихъ указаній, которыя изъ китайскаго текста трудно понять, вслѣдствіе крайней туманности изложенія: тамъ говорится о „правомъ и лѣвомъ“ поскожденіи, азимутныхъ дистанціяхъ и т. п. Ясно одно, что каждый градусъ опредѣлено было дѣлится на тридцать равныхъ частей, а восходъ и заходъ солнца принято было считать по Пекину, а не по Кай-фыну, наибольшая и наименьшая продолжительность дни и ночи принята была въ 68 п 32 „четверти“ или сотыя доли дня.

Во время Хубилай-хана было еще три выдающихся китайскихъ математика, изъ которыхъ одинъ, извѣстный по имени Го-Шу-Цзэнъ, является наиболѣе знаменитымъ изъ всѣхъ когда-нибудь жившихъ въ Китаѣ, онъ же былъ строителемъ и Великаго канала. Къ этому же времени принадлежитъ опредѣленіе, что „луна уходитъ впередъ на 12 градусовъ въ каждые 24 часа и догоняетъ солнце въ теченіе 29,53 дня“.

Позднѣйшіе историки Минской династіи, излагавшіе въ 1742 году событія, относящіеся къ 1368—1644 годамъ, замѣчаютъ съ самодовольнымъ вполнѣ, что „ни въ одной наукѣ мы не ушли такъ впередъ, какъ въ астрономіи“. Въ дѣлѣ исправленія календаря эти историки насчитываютъ всего лишь 62 измѣненія отъ древнѣйшихъ временъ до царствованія Хубилай-хана; „его календаря“—какъ говорятъ историки— „мы держались свыше 270 лѣтъ,

согласуя его постоянно съ мусульманскимъ календаремъ, до тѣхъ поръ, пока мы обнаружили, что затменія по этому календарю вычислены невѣрно“.

По мнѣнію этихъ историковъ наиболѣе знаменитыми въ исторіи Китая календарями слѣдуетъ признать три, а именно: одинъ—составленный нѣкинмъ евнухомъ въ 104 году до Р. Х.; второй—составленный однимъ жрецомъ въ 728 по Р. Х. и, наконецъ, третій—обнародованный при Хубилайханѣ въ 1281 году. Насколько можно догадаться, этотъ послѣдній календарь историки называютъ „Шу-ши“, т. е. „опредѣлитель времени“, а тотъ же календарь, принятый тогда въ Нанкинѣ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, историки называютъ „Да-тунъ“, т. е. „универсальный“.

Когда столица Китая была окончательно перенесена въ Пекинъ, въ 1420 году, замѣчаются нѣкоторыя замѣшательства въ устройствѣ календаря. Незадолго передъ тѣмъ въ 1382 году введенъ былъ въ Пекинѣ мугульманскій календарь, который, однако, продержался недолго. По словачъ китайскихъ лѣтописей этотъ календарь былъ переведенъ на китайскій языкъ при помощи одного улема, по имени Маша-Ике, и „составленъ Магометомъ изъ города Медины въ началѣ 599 года, т. е. въ началѣ его господства“. Эта ошибка китайцевъ въ опредѣленіи года „гнждры“ была уже разъяснена Габріелемъ Диверіа, указавшимъ на то, что тогда магометанскій лунный годъ не совпадалъ, даже при-

близительно, ни съ китайскимъ, ни съ христіанскимъ голомъ.

По китайскому календарю звѣздный годъ состоитъ изъ 12 мѣсяцевъ, заключающихъ въ себѣ 365 дней съ однимъ добавочнымъ днемъ чрезъ каждые $4\frac{1}{2}$ года или добавочнымъ мѣсяцемъ изъ 31 дня чрезъ каждыя 128 лѣтъ. Въ то же время календаремъ опредѣляется лунный годъ изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, заключающихъ въ себѣ 354 дня. Лунные мѣсяцы считаются въ 29 или 30 дней и, кромѣ того, еще прибавляется 11 добавочныхъ дней въ теченіе 30 лѣтъ. Совпаденіе солпечнаго и луннаго года въ концѣ двѣнадцатаго луннаго мѣсяца бываетъ разъ въ теченіе 1941 года.

Относительно этого календаря, заимствованнаго китайцами отъ мусульманъ, китайскіе историки замѣчаютъ, что этотъ календарь построенъ на такихъ же началахъ, какъ и „девять зоеньепъ“ Танской династїи или какъ календарь, составленный Джамаръ-удлиномъ, и заключается въ слѣдующемъ: Основой календаря служить „арабскій“ 599 годъ; небесная сфера совершаетъ въ теченіе сутокъ полный оборотъ въ 360 градусонъ, каждый градусъ дѣлится на 60 минутъ, а минута на 60 секундъ; суточный оборотъ солнца дѣлится на 1440 минутъ, соединяемыхъ въ 96 „четвертей“ или 24 часа; годъ начинается въ полдень весенняго равноденствїя подъ созвѣдіемъ Овна, каждые семь дней составляютъ недѣлю; число дней въ каждомъ мѣсяцѣ считается такъ: 31, 31, 31, 31, 32, 31, 29, 29, 30,

зо, зо, зо. Солнечныя затменія вычисляются по этому календарю до или послѣ полдня даннаго дня.

Трудно сказать, насколько историки Минской династїи въ своемъ повѣствованіи объ устройствѣ календаря высказывали свои собственныя сужденія, или повторяли только мнѣнія Ричи, Пантоджа, де Урсиса, Лонгобарди, Шааля, Теренца и др., или мнѣніи китайскихъ астрономовъ Ци и Ли. По словамъ историковъ прежніе астрономы вели свои наблюденія и вычисленія только при помощи „триангуляціи“ или инструмента „гоу-гу“, т. е. „длинной и короткой сторонъ прямоугольнаго треугольника“.

Монголы по ихъ словамъ дѣлали свои астрономическія вычисленія путемъ арифметическимъ или, по выраженію лѣтописцевъ, „вычисляли небеса чисто“, т. е. надо понимать—„алгебраически“. Но все это догадки, потому что труды Шу-цзика не сохранились; сохранились только труды его современника, астронома Ли-Цяня, въ которыхъ, между прочимъ, упоминается про „пользованіе телескопомъ, дугами, плоскостями и т. п.“.

Введенный въ Китаѣ упомянутый сейчасъ мусульманскій календарь должно считать выше календаря „девять звеньевъ“ или „миріады лѣтъ“; но недостатки его обнаружили очень рано и заключались раньше всего въ томъ, что изложенъ онъ былъ страннымъ языкомъ, а всѣ вычисленія были приурочены къ „плоской поверхности земли“. „Кромѣ

того", замѣчаютъ историки, „въ мусульманскомъ календарѣ оказались ошибочными затмѣнія за 1527 годъ, которыя оправдались лишь въ 1583 году; затѣмъ въ теченіе 1700 лѣтъ зимнее солнцестояніе разошлось съ вычисленіями календаря на три дня, благодаря тому, что монголы, повидимому, невѣрно цитировали анналы Ханьской династіи“.

Обнаруживъ всѣ эти ошибки, китайскій астрономъ Ци (Zi) вычислилъ еще одно затмѣніе и тѣмъ обезпечилъ себѣ должность главнаго астронома. По его словамъ всѣ ошибки объясняются смѣной династій и перемѣщеніемъ столицы изъ одного города въ другой.

Въ 1292 году Шу-цзинъ въ Пекинѣ доказалъ, что упомянутыя ошибки происходятъ изъ погрѣшности, допущенной въ опредѣленіи продолжительности дня, равной 0,24,25; по вычисленіямъ же астронома Ци эта погрѣшность равняется 0,24,21.

Послѣ смерти астронома Ци возникли между остальными астрономами большія несогласія и безконечные споры, для прекращенія которыхъ императоромъ былъ изданъ особый законъ, новелѣвающій въ лѣтосчисленіи принять европейскую систему. Китайцы опредѣлили эту систему такъ: „она тождественна съ мусульманской, но болѣе точна“.

До того времени вычисленія астрономовъ Минской династіи были основаны на несовершенной монгольской системѣ, безъ пользованія „быстрыми вычисленіями“ (подразумѣваются, надо полагать, „логариѳмы“).

Въ 1384 году было найдено, что тропическій годъ оказался короче истиннаго, который считался въ $365\frac{1}{4}$ дней, на 675 секундъ, т. е. состоялъ по древней десятичной системѣ изъ 365 дней, 24 четвертей и 25 десятитысячныхъ, если прибавить соотвѣствующую „звѣздную поправку“ или ежегодную прецессию въ одну „четверть“ и 50 десятитысячныхъ, то получимъ для полнаго оборота земли 365,2575 дня. Самый длинный день въ Пекинѣ имѣлъ $15\frac{1}{4}$ часовъ и $12\frac{3}{4}$ минуты (т. е. 61 „четверть“ 84 десятитыс.), а самый короткий день равнялся $9\frac{1}{4}$ час. $2\frac{3}{4}$ минуты (т. е. 38 „четвертей“ 16 десятитыс.).

Когда нынѣ царствующая Маньчжурская династія появилась въ Пекинѣ, находились въ Си-ань-фу итальянецъ Ро и нѣмецъ Шааль, которые новыми правителями были вызваны въ Пекинъ, въ астрономическую палату. Относительно дѣятельности этихъ астрономовъ Александръ Вилли замѣчаетъ нѣсколько рѣзко, что „вмѣстѣ съ новыми формулами и исправленными таблицами они воспользовались своимъ положеніемъ, чтобы навязать китайцамъ устарѣлую систему Птолемея“.

Послѣ смерти Ро въ 1645 году, президентомъ палаты былъ назначенъ Шааль, который настолько завладѣлъ довѣріемъ молодого императора Шунь-чжи, что все безъ исключенія дѣлалось по его указаніямъ. Мусульмане не могли простить европейцу его вліянія и во время регентства въ 1664 году возвели на несчастнаго Шааля жестокія обвиненія,

послѣ которыхъ добились назначенія на мѣсто Шааля одного изъ своихъ единовѣрцевъ. Когда воцарился юный императоръ Канъ-си, послѣ смерти Шааля, онъ вполне оцѣнилъ превосходство европейской системы; вслѣдствіе чего онъ исправленіе календаря поручилъ голландцу патеру Вербисту, назначивъ его президентомъ астрономической палаты.

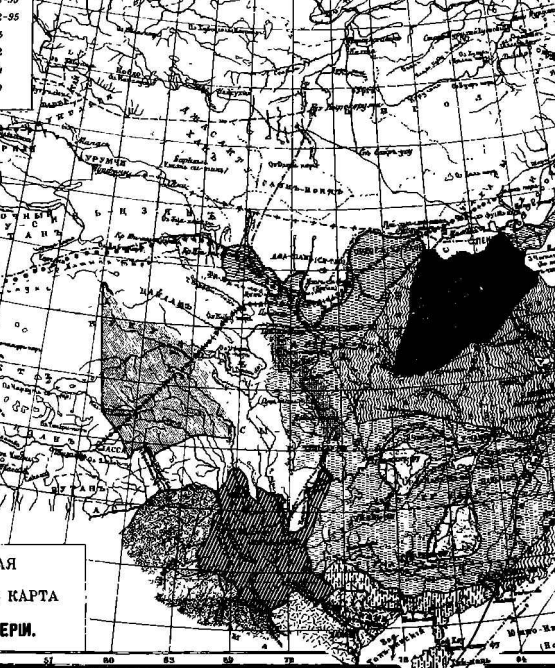
Возникшіе впослѣдствіи догматическіе споры между императоромъ Канъ-си и римскими папами по вопросамъ о поклопеніи предкамъ и значеніи слова „Богъ“ не помѣшали ревностному отношенію китайскаго императора къ европейской наукѣ: въ 1712 году онъ разрѣшилъ обнародовать астрономическій трактатъ, содержащій въ себѣ всѣ позднѣйшія открытія въ области астрономіи.

Интересующимся подробностями китайскаго календаря предлагаемъ обратиться къ обстоятельнымъ трудамъ по этой части Александра Вилли, Фритше ¹⁾ и др

¹⁾ Бывшій начальникъ русской метеорологической обсерваторіи въ Пекинѣ.

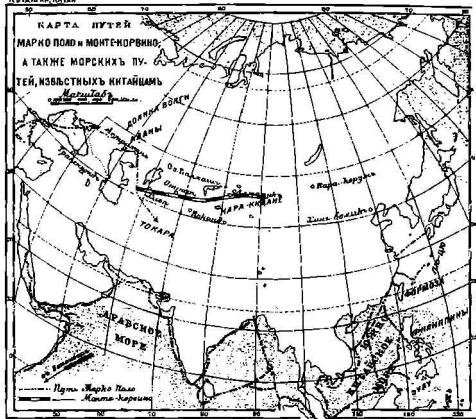

КАРТА
ЕРИ.

 Пространство присоеди-
ненное династией Хань

 Туземные племена на по-
ложину слияния с китайцами

КЪ СЯШУ КИ, КИТАЙ

[illegible]

Булталардан 5-ші № 4 Мамандық СҒБ

